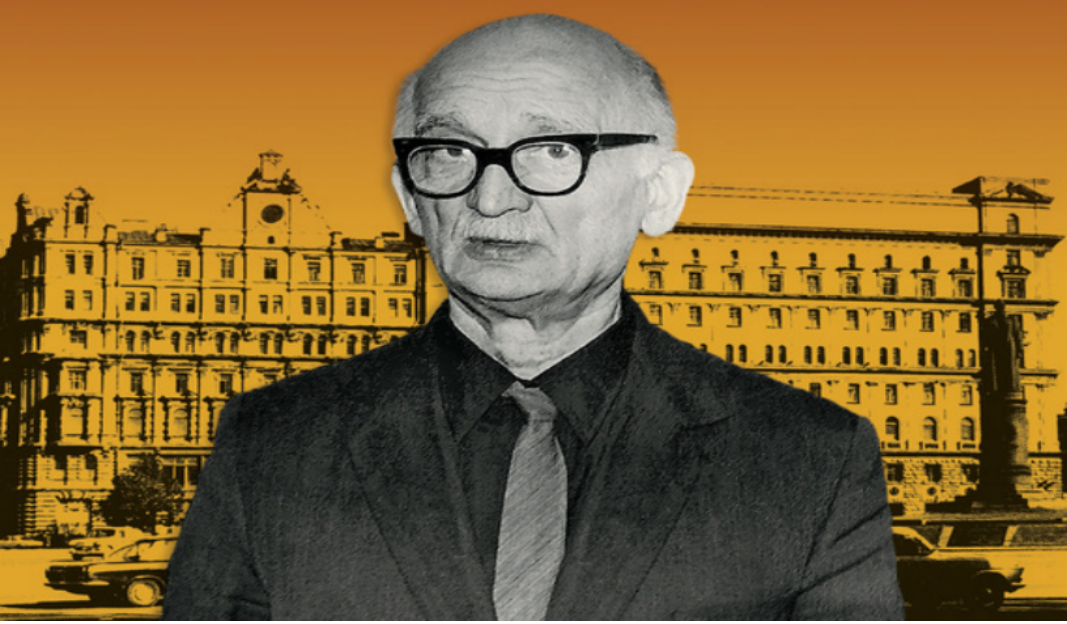
100 ВЕЛИКИХ РАЗВЕДЧИКОВ РОССИИ



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Предлагаемая книга – сборник очерков о судьбах сотрудников внешней разведки России. Здесь приводятся их краткие биографии, описываются наиболее яркие эпизоды их оперативной деятельности.

Историю разведывательной службы нашего государства писали тысячи «бойцов невидимого фронта», многих из которых можно назвать выдающимися, или даже великими. В рамках данной серии мы представляем только 100 имен. Естественно, этот выбор можно назвать условным и субъективным. Тем не менее при отборе героев повествования мы постарались учесть сложившееся о них устойчивое мнение как о людях, получивших широкое признание и добившихся конкретных успехов на разведывательном поприще.

Многие из героев книги всю жизнь посвятили разведке, у других внимания заслуживает какой-то один, но очень яркий эпизод их работы. О разведывательной деятельности одних хранятся целые тома в архивах. Замечательные биографии других приходилось собирать из весьма отрывочных сведений, да и то основанных лишь на воспоминаниях сослуживцев. Но в нашем понимании всех их вполне можно отнести к личностям исторического масштаба.

- В. С. Антонов
  -
  - Вместо предисловия
  - Разведка Российской империи накануне Отечественной войны 1812 года
    -
    - Князь Михаил Богданович Барклай де Толли
    - Алексей Воейков
    - Граф Арсений Закревский
    - Граф Павел Граббе
    - Роберт Ренни
    - Барон Тейль ван Сераскеркен
    - Петр Чуйкевич
    - Виктор Прендель
    - Светлейший князь Александр Чернышов
  - Невидимый фронт Первой мировой войны
    -
    - Артур Рафалович
    - Петр Рачковский

- Николай Батюшин
- В борьбе за новую Россию
  -
  - Секретный сотрудник ВЧК Алексей Филиппов
  - Штабс-капитан Алексей Луцкий
  - Яков Давтян (Давыдов)
  - Руководитель разведки Меер Трилиссер
  - Разведчик Павел Дьяконов
  - Артур Артузов
  - Андрей Федоров
  - Сергей Третьяков
  - Николай Крошко – «король кремлевских шпионов»
  - «Да Винчи» советской разведки Борис Базаров
  - Сергей Шпигельглаз
  - Доктор Линицкий
  - Трагедия разведчика Глинского
  - Дмитрий Быстролетов
  - Резидент Георгий Косенко
  - Василий Яковлев
  - Арнольд Дейч
  - Сергей Пузицкий
  - Охотник за шифрами Василий Пудин
  - Чекист Григорий Сыроежкин
  - Василий Рощин
  - Разведчик-нелегал Федор Парпаров
  - Евгений Мицкевич
  - Петр Зубов
  - Секретная миссия Петра Гудимовича
  - Гайк Овакимян
  - Дмитрий Федичкин
- В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.
  -
  - Реаниматор внешней разведки Павел Фитин
  - Павел Судоплатов
  - Николай Кузнецов
  - Дело всей жизни Кима Филби
  - Дональд Маклин
  - Член «Кембриджской пятерки» сэр Энтони Блант
  - «Красный бунтарь» Гай Берджес
  - «Звездный час» Джона Кернкросса
  - Михаил Аллахвердов
  - Дважды Герой Кирилл Орловский
  - Андрей Отрощенко

- Георгий Мордвинов
- Павел Журавлев
- Виктор Лягин
- Иван Кудря
- Иван Чичаев
- Исхак Ахмеров
- Одессит Семен Семенов
- Елисей Синицын
- Иван Агаянц
- Командир ОМСБОН Вячеслав Гриднев
- Александр Коротков
- Александр Рабцевич – командир отряда «Храбрецы»
- Анатолий Горский
- Николай Прокопюк
- Резидент Константин Кукин
- Станислав Ваупшасов
- Василий Зарубин
- Владимир Молодцов
- Леонид Квасников и атомная бомба
- Дмитрий Медведев
- Владимир Барковский
- Яков Серебрянский
- Генерал особого назначения Наум Эйтингон

○ В окопах «холодной войны»

-
- Вильям Фишер (Рудольф Иванович Абель)
- Кто вы, Рудольф Абель?
- Николай Лысенков
- Герой России Александр Феклисов
- Начальник разведки Сергей Савченко
- Арсений Тишков
- Александр Панюшкин
- Вадим Кучин
- Разведчик и ученый Иосиф Григулевич
- Александр Сахаровский
- Герой Советского Союза Геворк Вартанян
- Конон Молодый, он же – Гордон Лонсдейл
- Виртуоз вербовки Борис Соломатин
- Михаил Орлов, он же Гленн Майкл Соутер
- Джордж Блейк
- Николай Горшков
- Атомный разведчик Анатолий Яцков
- Резидент в Израиле Владимир Вертипорох

        - Командир нелегалов Юрий Дроздов
        - Вадим Кирпиченко
        - Леонид Шебаршин
        - Герой Российской Федерации Алексей Козлов
        - Моррис Коэн
        - Воин-интернационалист Александр Голубев
    - «Женский фактор» в разведке
        -
        - Зоя Воскресенская-Рыбкина
        - Полковник Африка
        - Леонтина Коэн
        - Елена Чебурашкина

В. С. Антонов
Сто великих разведчиков России

100-летию ВЧК – КГБ – ФСБ,
а также чекистам-разведчикам
и контрразведчикам
ПОСВЯЩАЕТСЯ

Вместо предисловия

20 декабря 1920 года председатель Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК) Феликс Эдмундович Дзержинский подписал исторический приказ № 169 о создании Иностранного отдела ВЧК.

Эту дату принято считать днем рождения советской внешней разведки, преемницей которой в наши дни является Служба внешней разведки Российской Федерации.

За прошедшие годы на счету сотрудников внешней разведки было много славных дел. Но об успехах разведки говорить не принято, это о ее неудачах трубят всюду. И это понятно: разведка – специфический вид человеческой деятельности, который может осуществляться только в условиях абсолютной секретности вокруг ее повседневной работы.

Однако проходят годы, открываются архивы секретных служб, общественность узнает различные факты из истории внешней разведки, появляется возможность рассказать о людях, внесших выдающийся вклад в обеспечение безопасности нашей Отчизны.

Историю разведывательной службы нашего государства писали тысячи ее сотрудников, многих из которых можно назвать выдающимися и даже великими. Но в рамках данной серии мы представляем только сто персоналий. Естественно, этот выбор можно назвать условным и субъективным. Да и не реально охватить в одной книге деятельность всех или даже только лучших разведчиков. Тем не менее при отборе героев повествования мы постарались учесть сложившееся о них в Службе устойчивое мнение, как о людях, получивших широкое признание и добившихся конкретных успехов на разведывательном поприще.

…Имена разведчиков. За каждым из них – судьба, порой трагическая, эпизод, а то и целая страница в истории разведки. О таких виртуозах, магистрах разведки, как Быстролетов, Дейч, супруги Коэн, Зарубин, Фишер, Молодый, можно писать романы, делать фильмы – они проникали в самые сокровенные тайны противника, добывая важную информацию, порой с немалым риском для жизни.

Приведенные в этой книге сведения – лишь малая толика пути наиболее ярких, талантливых разведчиков, чьи имена занесены на Мемориальную доску и Доску почета Службы внешней разведки России или отмечены в ее многотомном официальном издании – «Очерках истории российской внешней разведки».

Многие из героев книги всю жизнь посвятили разведке, у других внимания заслуживает какой-то один, но очень яркий эпизод их работы, третьи попали в книгу, так как стали известны общественности лишь вследствие предательства, но проявили себя в сложных условиях с самой лучшей стороны. Часть имен читатель узнает впервые, другие ему могут быть знакомы по другим книгам, публикациям или кинофильмам. Но обойти их было бы несправедливо.

По-разному сложились их судьбы. Одни достигли высоких постов, что само по себе явилось признанием их особой роли в деятельности секретной службы, другие разделили трагическую участь тех, кого не миновал большой террор, кто погиб в ежовско-бериевских застенках. О разведывательной деятельности одних – целые тома в архиве, замечательные биографии других приходилось собирать из весьма отрывочных сведений, да и то основанных лишь на воспоминаниях сослуживцев. Но в нашем понимании, всех их вполне можно отнести к личностям исторического масштаба.

Предлагаемая книга – сборник небольших очерков о судьбах выдающихся разведчиков России. Здесь приводятся их краткие биографии, описываются наиболее яркие эпизоды оперативной деятельности. Мы надеемся, что такая информация заинтересует исследователей, журналистов и просто читателей, небезразличных к истории отечественных спецслужб и к их сотрудникам – людям особой профессии.

В книге использованы материалы из архива Службы внешней разведки России, сведения, опубликованные в российских и зарубежных изданиях. Часть очерков написана на основе встреч и бесед автора с некоторыми из героев этой книги или с их коллегами по работе, друзьями, родными и близкими.

Разведка Российской империи накануне Отечественной войны 1812 года

В настоящее время, когда речь заходит об отечественной, российской внешней разведке, то фигурирует в основном XX век. Между тем ее исторические корни гораздо глубже, относятся к началу XIX века и имеют чисто военную направленность. К сожалению, функционирование разведки накануне и в ходе войны 1812 года относится к малоизученным темам российской военной истории.

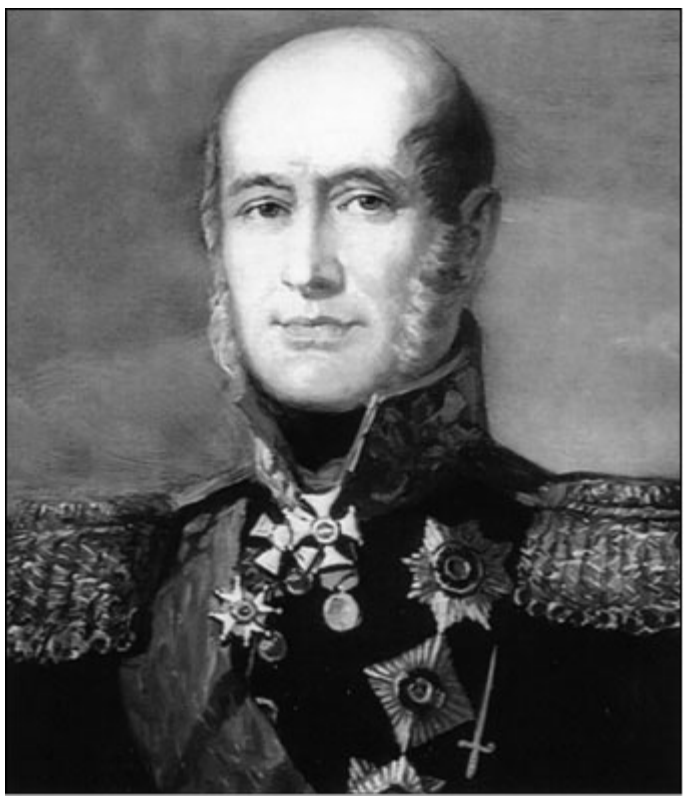
Впервые централизованная структура управления русской разведкой была создана за два года до вторжения наполеоновских войск в Россию. Произошло это в 1810 году по инициативе бывшего в то время военным министром генерала от инфантерии Михаила Богдановича Барклая де Толли и с одобрения императора Александра I. Летом 1810 года генерал в докладе Александру I выдвинул программу организации разведки за границей и получил разрешение «направить к русским посольствам военных агентов».

Перед «военными агентами» в качестве основной ставилась задача ведения агентурной, разведывательной работы. Иными словами в круг их обязанностей входили: вербовка агентуры, сбор разведывательной информации за рубежом, ее анализ и выработка рекомендаций для российского руководства. Чтобы не путать с созданной после октябрьских событий 1917 года внешней разведкой органов государственной безопасности, мы будем называть разведку, действовавшую накануне Отечественной войны 1812 года, – военной.

Князь Михаил Богданович Барклай де Толли

Созданный 28 августа 1810 года военным министром Барклаем де Толли в предвидении войны с Наполеоном первый специальный разведывательный орган России именовался «Экспедицией секретных дел при Министерстве военно-сухопутных сил». Экспедиция подчинялась непосредственно только военному министру. Результаты ее деятельности не включались в ежегодный министерский отчет, а круг обязанностей сотрудников определялся особо установленными правилами.

29 сентября 1810 года «Экспедиция секретных дел при Министерстве военно-сухопутных сил» была реорганизована в «Особенную канцелярию при военном министре».



Михаил Богданович Барклай де Толли

Аппарат сотрудников «Особенной канцелярии» был очень небольшим: помимо семи закордонных агентов в ней служили

директор, подчинявшийся лично министру, три экспедитора и один переводчик.

Вся канцелярия работала в условиях строжайшей секретности и подчинялась только Барклаю де Толли. Об ее деятельности не было известно практически никому из современников. Поэтому в мемуарах об эпохе 1812 года она не упоминается, как и практически не упоминается деятельность ее руководителей и сотрудников за рубежом.

Свою деятельность российская военная разведка вела сразу по нескольким направлениям: стратегическая разведка (сбор секретной политический и военной информации за границей); тактическая разведка (сбор сведений о войсках противника на территории сопредельных государств, что было очень важно накануне войны); контрразведка (выявление и нейтрализация агентуры спецслужб Франции и ее союзников); войсковая разведка. Таким образом впервые добыча секретной военно-политической информации за рубежом была поставлена на регулярную, профессиональную основу. Следует подчеркнуть, что все сведения, полученные по линии военной разведки накануне 1812 года, были очень внимательно рассмотрены императором Александром I и позволили ему принять необходимые меры по подготовке к предстоящей войне.

Создавая первый специальный централизованный разведывательный орган, Барклай де Толли прекрасно понимал, что ему нужны в первую очередь постоянные представители – «зарубежные военные агенты» – в российских посольствах ряда европейских стран. Именно они должны были добывать такую необходимую в предвоенное время разведывательную информацию «о числе войск, об устройстве, вооружении и духе их, о состоянии крепостей и запасов, способностях и достоинствах лучших генералов, а также о благосостоянии, характере и духе народа, о местоположениях и произведениях земли, о внутренних источниках держав или средствах к продолжению войны и о разных выводах, предоставляемых к оборонительным и наступательным действиям» (из доклада Барклая де Толли Александру I. – *Авт.*). Эти «военные агенты» должны были находиться при дипломатических миссиях под видом гражданских чиновников и служащих Министерства иностранных дел. В посольства и миссии, где главами состояли «послы военных генеральских чинов», были направлены для разведывательной работы офицеры в официальном качестве адъютантов таких послов-генералов. Кандидатуры на эти должности подбирались весьма тщательно. Как правило, это были представители богатых дворянских семей, получившие

прекрасное домашнее воспитание, офицеры, участвовавшие в военных кампаниях. Они не только имели боевой опыт и владели иностранными языками, но и знали реалии жизни в Европе.

Министр с особой тщательностью подбирал «военных агентов», которые должны были выехать в столицы ряда европейских государств для работы в российских посольствах, возглавляемых послами-генералами, в качестве их адъютантов. Отобранные им кандидаты для ведения разведки за рубежом имели военное образование, являлись энергичными людьми, владели иностранными языками и в большинстве своем хорошо знали местные условия и национальные особенности населения тех стран, где им предстояло работать.

Для каждого из направляемых за границу в качестве адъютантов офицеров разрабатывалась персональная инструкция, сформулированная в русле общих требований разведывательной деятельности.

В дальнейшем, обогатившись опытом дипломатической и разведывательной деятельности и возвратившись на Родину, эти офицеры успешно продвигались по службе, делали карьеру. Все они дослужились до генеральских чинов (за исключением молодого Григория Орлова, в 21 год в звании поручика активно работавшего в Берлине, а в 22 года лишившегося ноги в сражении при Бородино, награжденного орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом и уволенного в отставку «за ранами» в 1818 году в звании полковника. – *Авт.*), были удостоены высших орденов Российской империи. Многие офицеры, служившие в «корпусе военных дипломатов», со временем заняли посты губернаторов, министров, руководителей военных штабов, командующих округами и флотами, стали видными военачальниками.

Алексей Воейков

Первым руководителем «Экспедиции секретных дел при Министерстве военно-сухопутных сил», а с сентября 1810 года – «Особенной канцелярии» был доверенный сотрудник военного министра флигель-адъютант полковник Алексей Васильевич Воейков.

Он родился 9 декабря 1778 года в селе Рассказово под Тамбовом в дворянской семье. Отец – отставной капитан артиллерии.

Алексей Васильевич Воейков

В 1793 году Алексей был записан в гвардию и начал обучение в Московском университетском пансионе, который с отличием окончил в мае 1796 года.

С 1797 года состоял на действительной военной службе в чине прапорщика Ярославского мушкетерского полка. Затем служил в пехоте на адъютантских должностях. Участвовал в Швейцарском походе русской армии (1799 год), где был

ординарцем у А. В. Суворова. Затем являлся адъютантом у ряда русских генералов.

Во время Русско-турецкой войны 1806–1812 годов служил в 1806 году в чине капитана в Днепровской армии, занявшей Молдавию.

В Русско-шведскую войну 1808–1809 годов состоял адъютантом при генерале Барклае де Толли. По его поручению вел переговоры со шведами. В 1809 году был отмечен Барклаем де Толли «за проявленную храбрость в боях со шведами и высокие навыки штабной работы». Именно возвышением Барклая де Толли и его личной благосклонностью к своему адъютанту были обусловлены служебный рост Воейкова и его перевод в Военное министерство в звании плац-майора. 1 января 1810 года Воейков получил чин полковника, а через несколько месяцев был назначен флигель-адъютантом императора Александра I.

В августе 1810 года, сумев проявить именно те качества, которые особенно ценил в нем военный министр, флигель-адъютант полковник Воейков был назначен руководителем военной разведки России – Экспедиции секретных дел. Следует отметить, что именно с этих позиций А. В. Воейков активно способствовал назначению в 1811 году Михаила Кутузова главнокомандующим Дунайской армии.

В марте 1811 года в дополнение к занимаемым постам Воейков был назначен редактором комиссии по составлению воинских уставов и Уложения. Работая в комиссии, он сблизился с будущим видным российским государственным деятелем, генерал-губернатором Сибири и членом Государственного совета Михаилом Сперанским, являвшимся в то время директором одного из департаментов Министерства внутренних дел. Однако в марте 1812 года Сперанский попал в опалу и по указанию императора был отправлен в ссылку в Пермь. А Воейков, из-за близости к Сперанскому, был переведен из министерства и в марте 1812 года назначен командиром 3-й егерской бригады 27-й пехотной дивизии.

В должности командира бригады Воейков принимал активное участие в Отечественной войне 1812 года. Сражался под Красным, Смоленском, Шевардином. В Бородинском сражении его бригада находилась в составе передового отряда. За отличие в этом сражении Воейков был произведен в генерал-майоры.

В ходе Заграничного похода 1813–1814 годов генерал-майор Воейков был ранен в правую руку навылет в бою при Кайзерсвальде. За храбрость был награжден золотой шпагой с бриллиантами.

17 июня 1815 года Алексей Васильевич вышел в «отставку с

мундиром» и поселился с семьей в тамбовском имении Ольшанка. Скончался 22 июня 1825 года в своем родовом селе Рассказово под Тамбовом. Похоронен в Трегуляевском Предтеченском монастыре.

За период военной службы А. В. Воейков был награжден четырьмя российскими и несколькими иностранными орденами, а также двумя золотыми шпагами.

Следует также отметить, что Алексей Воейков был хорошо известен как поэт и переводчик. Во время учебы и несколько позже он занимался переводами прозы немецких авторов, которые были опубликованы в столичных журналах. Его собственные поэтические и литературные произведения (оды, стихотворения, статьи) публиковались в российских журналах и сборниках. Алексей Воейков состоял в переписке с Г. Р. Державиным и поэтами – членами его литературного общества.

Граф Арсений Закревский

21 марта 1812 года Алексея Васильевича Воейкова на посту директора «Особенной канцелярии при военном министре» сменил полковник Арсений Андреевич Закревский. Новый руководитель русской военной разведки и контрразведки прошел хорошую боевую школу в последних войнах России с Францией, Швецией и Турцией и зарекомендовал себя как отличный штабной офицер.

Арсений Закревский родился 13 сентября 1783 года в селе Берниково Зубцовского уезда Тверской губернии. Из дворянского рода польского происхождения. Сын мелкопоместного дворянина Тверской губернии, поручика в отставке.

Граф Арсений Андреевич Закревский

Много позже герой Отечественной войны 1812 года, военный писатель и поэт Денис Давыдов в письме к Арсению Закревскому подчеркивал: «Ты не из того класса, который в колыбели валяется на розовых листах и в зрелые годы не сходит с атласного дивана, а из наших братьев, перешедших на диван (и то кожаный, и по

милости царя и верной службы) с пука соломы». Вся жизнь, военная служба и деятельность Закревского являлась подтверждением слов Давыдова.

В 1802 году Закревский с отличием окончил Гродненский (Шкловский) кадетский корпус и был определен прапорщиком в Архангелогородский мушкетерский полк. Отличился в сражении при Аустерлице (ноябрь 1805 года): во время боя спас командира полка генерал-майора Н. М. Каменского от плена, предложив ему свою лошадь вместо убитой. За проявленную храбрость удостоился ордена Св. Анны 3-й степени.

В 1806 году Закревский был произведен в полковые адъютанты. С успехом действовал в сражении у Прейсиш-Эйлау. В апреле 1807 года стал бригадным адъютантом. Во время русско-шведской войны принимал участие в сражениях у озера Куортане и при Оровайсе.

В декабре 1808 года Закревский был назначен начальником канцелярии главнокомандующего русской армией в Финляндии и удостоился ордена Св. Владимира 4-й степени с бантом. За участие в сражениях в Вестерботнии, при Зееларе и у гавани Ратан получил золотую шпагу «За храбрость».

После назначения генерала Каменского главнокомандующим русской армией в Молдавии в марте 1810 года Закревский стал начальником его походной канцелярии. Отличился при взятии Шумлы (июнь 1810 года) и штурме Рущука (июль 1810 года), а также в сражении при Батине. Был дважды контужен. Награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. В представлении к награждению указывалось: «Главнокомантующим генералом графом Каменским был употреблен яко исправный офицер, и все делаемые поручения исполнял всегда с благоразумием и усердием, особенно ж при разбитии неприятельских войск при Батине. Во время штурма послан был в самые опасные места и хотя получил две контузии, но не переставал отправлять своей должности».

В декабре 1811 года после аудиенции у Александра I Закревский был назначен адъютантом к военному министру М. Б. Барклаю де Толли с зачислением в лейб-гвардии Преображенский полк подполковником.

В начале 1812 года Закревский производится в полковники и 21 марта назначается директором «Особенной канцелярии».

Во время боевых действий 1812 года все чиновники «Особенной канцелярии», помимо своих непосредственных обязанностей, выполняли самые разные поручения военного руководства. На этот период «Особенная канцелярия» превратилась, по существу, в часть собственной канцелярии Главнокомандующего 1-й Западной армии Барклая де Толли. До

оставления Москвы Закревский возглавлял сотрудников «Особенной канцелярии» в полевых условиях. Лично отличился в сражениях под Витебском и Смоленском а также в Бородинском сражении. Его храбрость и исполнительность постоянно отмечались Барклаем де Толли.

Позже в составе Главной квартиры императора Закревский участвовал в Заграничном походе русской армии 1813–1814 годов, в частности, в сражениях под Лейпцигом, Дрезденом и Кульмом. Отличился при взятии Парижа. С 1815 года состоял при Александре I, являясь одним из его ближайших генерал-адъютантов. В декабре 1815 года назначен дежурным генералом Главного штаба, ведал делами Инспекторского департамента (личным составом армии).

В 1818 году при непосредственном участии Александра I Арсений Андреевич женился на одной из богатейших невест того времени графине Аграфене Федоровне Толстой.

В дальнейшем генерал от инфантерии Закревский командовал отдельным Финляндским корпусом, был финляндским генерал-губернатором, министром внутренних дел Российской империи. В августе 1830 года возведен в графское Великого княжества Финляндского достоинство.

С 1848 по 1859 год Закревский являлся генерал-губернатором Москвы, членом Государственного совета.

Арсений Андреевич Закревский являлся кавалером всех высших российских военных орденов, до ордена Св. апостола Андрея Первозванного включительно.

В апреле 1859 года Закревский вышел в отставку. В 1861 году уехал во Флоренцию, где провел остаток своих дней в семье дочери.

Скончался 11 января 1865 года. Похоронен в имении Голочето в Монтемурло (Италия).

Граф Павел Граббе

В список «военных агентов» Барклая де Толли одним из первых попал артиллерийский поручик Павел Граббе. В сентябре 1810 года он прибыл в Мюнхен, где состоял в скромном звании «канцелярского служителя» при русской миссии «с ношением употребительного мундира».

По утверждению упоминавшегося выше историка российской военной разведки Михаила Алексеева, Павла Граббе «можно рассматривать как первого военного разведчика, действовавшего под официальным прикрытием гражданской должности в российском посольстве за рубежом».

Внук шведского дворянина, еще в XVIII веке перешедшего на российскую службу, граф Павел Христофорович Граббе родился 2 декабря 1789 года в имении Кексгольм (ныне – Приозерск), что на Ладожском озере.

Граф Павел Христофорович Граббе

Отец Павла, отставной подпоручик Сибирского гренадерского полка, служил «на гражданском месте» в чине титулярного

советника.

Четырех лет от роду Павел был увезен в Санкт-Петербург, в дом своего отчима инженер-генерала Степана Мигулина.

В 1794 году Граббе был определен в Сухопутный шляхетский кадетский корпус, размещенный в Санкт-Петербурге, который успешно окончил в сентябре 1805 года. На службу направлен подпоручиком артиллерии во 2-й артиллерийский полк. Однако полк к тому времени вместе с другими подразделениями русской армиии уже отправился в поход в Моравию. Нагнав полк в Варшаве, Граббе совершил с ним трудный переход по Венгрии.

Несмотря на довольно юный возраст, в декабре 1806 года Граббе впервые участвовал в сражении при Голымине. В январе 1807 года – в сражении при Прейсиш-Эйлау. За храбрость, проявленную в этих сражениях, был награжден Золотым крестом «За победу при Прейсиш-Эйлау» и орденом Св. Анны 3-й степени на шпагу. В 1808 году, командуя ротой Владимирского полка, Граббе принимал активное участие практически во всех боевых действиях русской армии в этой кампании.

После заключения Тильзитского мира Граббе продолжил службу в составе 27-й артиллерийской бригады русской армии, расположенной в Польше на границе с Австрией. Был произведен в поручики. Находясь в Кракове, состоял адъютантом генерала Ермолова.

В сентябре 1810 года Павел Граббе был командирован Барклаем де Толли на разведывательную работу в Мюнхен (Баварское королевство).

Согласно некоторым документам, сохранившимся до наших дней, командировка Граббе за границу являлась весьма успешной. В частности, ему удалось завязать тесные контакты с видными немецкими учеными того времени от которых поступала интересная информация. С одним из них – бароном Шеллингом – отношения сохранил и в дальнейшем.

В описании Граббе современниками на тот период отмечалось, что он был «высокого роста, стройный, самой нарядной наружности, от природы наделенный пышным красноречием, в обществе смелый до дерзости… Дар красноречия у Граббе был развит до высшей степени. Прекрасное его лицо оживлялось, синие глаза блестели, благозвучный голос принимал прекрасную интонацию, а слушатель просто очаровывался».

В начале 1812 года Граббе был вызван в Санкт-Петербург, где получил предписание отправляться в Вильно, где тогда располагалась главная квартира военного министра Барклая де Толли, адъютантом которого он был назначен.

Незадолго до начала военных действий с французами

Барклай де Толли направил Граббе в качестве парламентера во французскую армию. При этом перед ним были поставлены конкретные разведывательные задачи. Граббе блестяще справился с поручением. По просьбе военного министра о результатах своих наблюдений он доложил лично Александру I.

В период Отечественной войны 1812 года Павел Граббе являлся адъютантом при командующем 1-й Западной армией М. Б. Барклае де Толли с зачислением в лейб-гвардии Конную артиллерию. Принимал непосредственное участие в боевых действиях.

Так, 6 августа 1812 года, когда положение подразделений русской армии оказалось весьма критическим, благодаря беспорядочному отступлению и напору французских войск, Граббе сумел восстановить порядок на одном из участков фронта, собрал вокруг себя большое количество солдат и двинулся с ними навстречу неприятельской колонне. Встав на ее пути, он сумел прикрыть отступление русских войск. Действия Граббе были отмечены орденом Св. Георгия 4-й степени.

В дальнейшем участвовал практически во всех значительных сражениях Отечественной войны: при Витебске, Смоленске, Бородино, Татутино, Малоярославце, Вязьме, Красном.

В ходе бегства Наполеона и его войска Граббе был откомандирован в партизанский отряд Вальмодена с которым совершал нападения на отступающие разрозненные части французской армии. В дальнейшем являлся участником Заграничного похода русской армии во Францию в 1813–1814 годах. В этот же период получил чин капитана.

По возвращении на родину в 1815 году Граббе был произведен в полковники и назначен командиром Лубенского гусарского полка, расквартированного в Ярославле. К этому времени относится его знакомство с будущими декабристами. Полковник принимал участие в ряде их совещаний. Однако выступал против силовых действий, и в заговоре 14 декабря 1825 года участвовать отказался. Тем не менее Граббе был арестован по делу декабристов, четыре месяца провел в тюрьме, но осужден не был, а отправлен в отставку.

В 1827 году, с началом Турецкой кампании, Граббе был восстановлен в армии и принимал участие во всех значительных сражениях, командуя авангардом и кавалерией русских войск. За мужество и умелое командование войсками в 1829 году он был произведен в генерал-майоры.

Генерал от инфантерии К. Ф. Толь так писал о генерале Граббе в 1831 году: «Весьма образованный генерал, благоразумен в действиях своих, блистательной храбрости, холоден в действии

против неприятеля и потому весьма распорядителен среди самой большой опасности. Знает употребление всех родов войск и повсюду подает пример собой».

В дальнейшем граф Граббе сделал блестящую карьеру. В 1855 году ему было присвоено звание генерала от кавалерии. В 1862–1866 годах он являлся наказным атаманом Войска Донского. Именно при управлении Граббе Областью войска Донского служба казаков была сокращена с 25 до 15 лет. С 1866 по 1875 год он состоял членом Государственного совета Российской империи.

Павел Граббе являлся кавалером тринадцати высших российских военных орденов, четырех иностранных орденов, а также двух золотых шпаг с алмазами «За храбрость».

Скончался Павел Христофорович Граббе 15 июля 1875 года в своем имении в селе Болотница Прилукского уезда Полтавской губернии (позже – Черниговская область, Талалаевский район, село Грабщина).

Роберт Ренни

В сентябре 1810 года в Берлин к российскому послу генерал-лейтенанту Христофору Андреевичу Ливену в качестве адъютанта был направлен подполковник Роберт Егорович Ренни.

Потомок дворян шотландского происхождения, перебравшихся в Россию, Роберт (Роман) Ренни родился 12 апреля 1768 года в Риге в семье крупного оптового торговца.

Роберт Егорович Ренни

Окончил рижский лицей. На военной службе с 1794 года. В звании поручика в составе Елецкого пехотного полка в ходе польской кампании 1794 года воевал с конфедератами в Курляндии. За храбрость получил звание капитана. Затем занимался топографической съемкой территории Литвы и вопросами установления границы между Россией и Пруссией на участке от Полангена до Юрбурга.

В чине майора Ренни участвовал в голландской экспедиции 1799 года в составе русского корпуса, назначенного действовать вместе с англичанами.

В период Русско-французской войны 1805–1807 годов Ренни,

произведенный в подполковники, в составе корпуса генерала графа Толстого находился в Пруссии. Участвовал практически во всех основных сражениях. Особо отличился в битве при Прейсиш-Эйлау: во время прорыва неприятельской кавалерии в центр позиций корпуса он организовал перегруппировку подразделений и контратакой ликвидировал прорыв. Его действия были отмечены орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом.

После заключения Тильзитского мира Ренни занимался нанесением на карту и обозначением на местности границ между Россией и Великим Герцогством Варшавским. Позже руководил составлением подробной карты Белостокской области, отошедшей к России по Тильзитскому договору. В декабре 1808 года карта была доложена лично императору Александру I, который, в свою очередь, наградил Ренни чином полковника.

Журналист Александр Обухов в газете «Секретные материалы» (июнь 2012 года) подчеркивал: «В те времена картография очень тесно соприкасалась с разведкой. Умение читать, запоминать, а тем более составлять карты было одним из главных навыков разведчика… Все это, в конечном итоге, и сыграло свою роль при привлечении Роберта Ренни к военной разведывательной службе, созданной накануне Отечественной войны 1812 года. Ведь подготовку к войне с Россией Наполеон начал сразу же после заключения Тильзитского мира».

В сентябре 1810 года Роберт Ренни был командирован на разведывательную работу в Берлин. При этом особо учитывалось, что он характеризовался непосредственным начальством как «отлично образованный и относящийся к числу наиболее храбрых, распорядительных и точных высших штабных чинов».

В период нахождения в Берлине Ренни принимал активное участие в сборе топографических карт и документов военного характера. Вел постоянную и весьма успешную работу по организации и активизации антифранцузских сил в Пруссии. За ценные разведывательные сведения, регулярно направлявшиеся из Берлина руководству в Центр, полковник Ренни был награжден орденом Св. Анны 2-й степени.

В конце 1811 года Роберт Ренни возвратился в Россию (в Берлине его сменил, упоминавшийся выше, поручик Григорий Орлов) и подал прошение об отставке по состоянию здоровья. Однако государь, «убежденный в его достоинствах, не пожелал лишиться столь полезного для службы офицера» и отставку не принял.

В период Отечественной войны 1812 года Роберт Ренни являлся генерал-квартирмейстером 3-й Западной армии. В 1813 году ему было присвоено звание генерал-майора.

В 1816 году Роберт Ренни вышел в отставку. Его ратная служба была отмечена семью русскими военными орденами, четырьмя иностранными орденами, а также золотой шпагой с алмазами «За храбрость».

Российский военный историк Александр Михайловский-Данилевский, являвшийся участником Отечественной войны 1812 года и лично знавший Роберта Ренни, в одной из своих работ писал:

«Получив в молодости весьма хорошее образование, Ренни знал основательно языки русский, немецкий, французский и английский. Он был среднего роста, нрава вспыльчивого, но доброго, веселого и откровенного, любил общество, особенно бывших своих сослуживцев, и находил большое удовольствие в воспоминаниях о своей походной жизни».

Скончался генерал-майор Роберт Егорович Ренни 26 сентября 1832 года.

Барон Тейль ван Сераскеркен

В числе первых к работе в российской агентурной военной разведке был привлечен полковник Федор Васильевич Тейль ван Сераскеркен.

Голландец по происхождению барон Тейль ван Сераскеркен родился в 1772 году в старинной, но обедневшей дворянской семье.

Барон Федор Васильевич Тейль ван Сераскеркен

Служил в голландской армии. В 1803 году из капитанов голландской службы был принят тем же чином в русскую армию. Зачислен в Свиту Его Императорского Величества по квартирмейстерской части.

В 1805 году принимал участие в экспедиции на остров Корфу. За заслуги, проявленные в экспедиции, был произведен в майоры. В 1807 году воевал с французами в Пруссии в казачьем отряде генерала Платова. Во время войны со шведами занимал различные штабные должности, в сражении при Идельсальми был ранен. За отличия произведен в подполковники (1808 год) и в полковники (1809 год).

В 1810 году Тейль ван Сераскеркен был командирован на разведывательную работу в Вену в качестве адъютанта при российском посланнике генерал-лейтенанте Павле Андреевиче Шувалове с конкретным заданием: организовать разведывательную работу и добывать необходимые сведения о передвижении и численности наполеоновских войск и их вооружении.

Разведчик сумел наладить получение важной стратегической информации о французской армии. На регулярной основе он направлял в Центр ценные сведения военного характера. В своих донесениях командованию Тейль ван Сераскеркен, в частности, настойчиво рекомендовал «в случае нападения Франции на Россию вести длительную и упорную войну, отступать, избегать генерального сражения, действовать отрядами легкой конницы в тылу противника, стараться затянуть военные действия до зимы».

В период Отечественной войны Тейль ван Сераскеркен являлся квартирмейстером 3-й Западной армии. Позже принимал непосредственное участие в войне шестой коалиции. В мае 1813 года «в награду заслуг, оказанных в разных сражениях», произведен в генерал-майоры.

С мая 1814 года генерал-майор Тейль ван Сераскеркен служил России на дипломатическом поприще: работал в русских дипломатических миссиях при Неаполитанском дворе и при Ватикане, а также являлся посланником в Вашингтоне и в Рио-де-Жанейро.

Скончался Федор Васильевич 27 июня 1826 года в Утрехте, Нидерланды.

Петр Чуйкевич

В этой небольшой главе хотелось бы также рассказать о сотруднике центрального аппарата разведки, военном писателе подполковнике квартирмейстерской части Петре Андреевиче Чуйкевиче.

Петр Чуйкевич родился в 1783 году. Происходил из дворян Полтавской губернии. После окончания Сухопутного шляхетского кадетского корпуса в 1804 году служил командиром взвода Кронштадтского гарнизонного полка, а также состоял в Свите Его Императорского Величества по квартирмейстерской части. Участник военных кампаний против французов (1807 год) и турок (1807—1809-е годы).

Петр Андреевич Чуйкевич

Являясь одним из образованнейших офицеров русской армии, Чуйкевич в 1810 году занял пост сотрудника-аналитика центрального аппарата «Экспедиции секретных дел». Однако фактически он исполнял обязанности заместителя директора военной разведки и контрразведки. По долгу службы Чуйкевич

занимался обобщением и анализом всей поступающей разведывательной информации. Кроме того в его обязанности входило направление агентуры за границу, подготовка аналитических записок, рассылка маршрутов для передвижения воинским частям на западной границе, составление списков лиц, подозреваемых в шпионаже. С целью инструктажа зарубежной агентуры выезжал в спецкомандировки в ряд европейских стран.

В начале января 1812 года Чуйкевич составил «дислокационную карту» наполеоновских сил, которая постоянно обновлялась за счет сведений, поступавших от военных разведчиков. По этой карте военный министр и император Александр I следили за передвижениями французских корпусов.

Здесь следует также отметить, что «военные агенты» Барклая де Толли назвали и точную цифру воинского контингента первого эшелона, с которым Наполеон намеревался перейти границу, – 450 тысяч человек.

В апреле 1812 года Чуйкевич сформулировал в письменном виде итоговые рекомендации для ведения войны против Наполеона: предложил отступать вглубь страны и затягивать военные действия из-за численного превосходства армии противника.

Упоминавшийся выше журналист Александр Обухов по этому поводу, в частности, писал: «Еще до начала военных действий Чуйкевич подал Барклаю де Толли записку, выводы которой базировались на донесениях все тех же “военных агентов”. В записке говорилось: “Уклонение от генеральных сражений, партизанская война летучими отрядами, особенно в тылу операционной неприятельской линии, недопускание до фуражировки и решительность в продолжении войны: для французов утомительные и союзников их неприемлемые”.

Вот так информация агентов русской военной разведки легла в основу тактики и стратегии ведения войны, которой сначала придерживался Барклай де Толли, а затем и Кутузов».

И неудивительно, что Наполеон, главной целью которого, по данным «военных агентов», являлся разгром русских армий превосходящими силами в самом начале кампании, перейдя границу, не встретил никаких русских воинских частей на всем протяжении от Немана до Двины. Данное обстоятельство привело его в подлинное смятение.

В апреле – июне 1812 года Петр Чуйкевич находился в командировке в Пруссии с военно-дипломатической миссией, которую активно использовал в разведывательных целях. Полученные им сведения относительно намерений французского военного руководства подтвердили справедливость сделанных

ранее разведкой рекомендаций по поводу ведения военных действий против Наполеона.

С началом военных действий Петр Чуйкевич принял участие в рейде первого партизанского отряда под командованием Фердинанда Винценгероде. В июле 1812 года назначен обер-квартирмейстером в корпус Матвея Платова. Командуя казачьими частями, Чуйкевич участвовал в арьергардных боях. За Бородино был награжден орденом Св. Владимира 3-й степени. За боевые отличия в августе 1812 года по представлениям Платова и Барклая де Толли получил чин полковника.

С января 1813 по декабрь 1815 года Петр Андреевич Чуйкевич являлся директором «Особенной канцелярии». Затем вышел в отставку по состоянию здоровья.

В 1821 году был вновь призван на службу и по 1829 год находился «по особенному поручению» на разведывательной работе в Лайбахе (Любляне). В 1823 году произведен в генерал-майоры.

В 1829–1831 годах являлся начальником штаба Отдельного Оренбургского корпуса.

Скончался 17 августа 1831 года в Оренбургской губернии.

Петр Чуйкевич являлся переводчиком с французского языка, писателем, автором многих военно-исторических трудов, одним из первых историков Отечественной войны 1812 года.

Виктор Прендель

Помимо указанных выше офицеров активно действовали за рубежом накануне Отечественной войны и ряд других военных разведчиков.

Так, «военным агентом» в Саксонии (Дрезден), где российское посольство возглавлял генерал-лейтенант Василий Васильевич Ханыков, стал 46-летний тиролец, самый старший из отправленных за границу с разведывательными целями офицер, майор Харьковского драгунского полка Виктор Антонович Прендель, происходивший из австрийских дворян.

Виктор Прендель, происходивший из тирольских дворян, родился в 1766 году в Силурне (Тироль). Образование получил в коллегиуме братства Св. Бенедикта. Проявил выдающиеся способности в изучении иностранных языков. В дальнейшем основательно знал латинский, французский, немецкий, итальянский, венгерский, русский, польский и английский языки. Позже сдал университетский экзамен в Турине.

Виктор Антонович Прендель

В шестнадцать лет Прендель приехал в Венецию, где стал служить в коммерческом доме крупного банкира. Некоторое время спустя был отправлен путешествовать по Европе с сыном банкира.

Разъезжая в течение нескольких лет по континентальной Европе и по Англии, Прендель приобрел навыки быстро сближаться с людьми, хорошо изучил быт и нравы разных народов, завел многочисленные знакомства и дружеские связи в различных слоях общества, которые впоследствии активно использовал на разведывательной работе.

Вернувшись в Венецию, Прендель отказался от коммерческой деятельности и поступил волонтером в тирольские стрелки. Под знаменами Австрии он прослужил 17 лет, получив чин офицера.

В одну из кампаний на Рейне, командуя австрийским разъездом, Прендель натолкнулся на значительное по численности подразделение французов, был тяжело ранен в голову и взят в плен. Содержался в тюрьме в Париже, а затем – в Лионе.

«За активную вооруженную борьбу против Французской революции» Прендель был приговорен Конвентом к гильотинированию, но ему удалось бежать из тюрьмы.

В 1799 году сражался под руководством А. В. Суворова, командовал казачьим летучим отрядом. Последнее окончательно определило его дальнейшую судьбу.

В октябре 1804 года Прендель перешел на русскую военную службу и был принят в Черниговский драгунский полк штабс-капитаном.

В 1805 году назначен для особых поручений к М. И. Голенищеву-Кутузову. Принимал участие в ряде сражений, отмечен несколькими боевыми орденами. Неоднократно выполнял военно-дипломатические и секретные поручения русского командования. Активно использовался для выполнения секретных заданий М. И. Кутузовым, рядом других генералов, а также самим российским императором.

В 1810 году назначен адъютантом посла «генеральского звания» в Дрезден (Саксония). В письме к русскому посланнику в Саксонии Барклай де Толли дал Виктору Антоновичу следующую характеристику: «Я рекомендую… майора Пренделя как надежного, опытного и усердного чиновника. На которого положиться можно. Он от многих наших генералов употреблен был с похвалой».

В 1811–1812 годах Виктор Прендель совершил ряд поездок по

странам Европы для сбора сведений о переброске французских войск к русским границам. Направлял в Центр важную военно-стратегическую информацию.

В период Отечественной войны командовал отрядом партизан. Участник Заграничного похода 1813–1814 годов.

В мае 1815 года был назначен военным комендантом Лейпцига. Позже состоял для особых поручений при главнокомандующем 1-й армией (Киев) графе Остен-Сакене.

В 1831 году Прендель был произведен в генерал-майоры и направлен на разведывательную работу в Галицию, где «с большим успехом исполнял возложенное на него поручение».

В июле 1835 года вышел в отставку.

Скончался Виктор Антонович 29 октября 1852 года в Киеве.

Светлейший князь Александр Чернышов

Как мы видим, первые «военные дипломаты» получили прекрасное воспитание и образование, знали иностранные языки, до Отечественной войны 1812 года являлись активными участниками различных военных кампаний. Все они были отнесены к «числу храбрых, распорядительных и точных высших штабных чинов».

И все-таки наиболее удачливым и активным российским разведчиком рассматриваемого нами предвоенного периода можно считать полковника Александра Ивановича Чернышева.

С 1809 по 1812 год он выполнял важные дипломатические поручения во Франции и Швеции, состоял «адъютантом Александра I при Наполеоне» (личным представителем российского императора в военной ставке Наполеона во время боевых действий французской армии против Австрии и Пруссии). С 1810 года Чернышев постоянно находился при дворе французского императора. Именно от него из Парижа поступали в Центр наиболее важные и ценные сведения.

Светлейший князь Александр Чернышев родился 30 декабря 1785 года в Москве в семье сенатора, генерал-поручика, правителя костромского наместничества, являвшегося представителем старинного дворянского рода, известного с конца XV века. По существовавшему тогда обычаю Александр с рождения был записан на военную службу вахмистром в лейб-гвардии Конный полк. Получил домашнее образование под руководством аббата Перрена. С 1801 года – камер-паж, затем произведен в корнеты Кавалергардского полка. В июне 1804 года назначен адъютантом к командиру полка генерал-адъютанту Ф. П. Уварову. В ноябре 1806 года произведен в штабс-ротмистры. За храбрость, проявленную в ряде сражений, удостоен золотой шпаги с надписью: «За храбрость», ордена Св. Георгия 4-й степени и креста Св. Владимира 4-й степени с бантом. В феврале 1808 года боевой офицер Александр Чернышев был направлен в Париж.

Светлейший князь Александр Иванович Чернышев

Имя Чернышева в то время часто появлялось в разделах светской хроники и местных сплетен парижских газет. Рослый красавец с непокорной вьющейся шевелюрой, прекрасный рассказчик и острослов, он неизменно становился душою любого общества, особенно того, где были прекрасные дамы. В великосветских салонах неизменно бытовало представление о посланце российского царя как о жуире и удачливом покорителе женских сердец.

Но это была лишь театральная маска. Репутация легкомысленного повесы служила прекрасной ширмой для ловкого и умного царского посланца, которому всегда удавалось получать важную информацию о политических и военных планах Наполеона накануне франко-русского военного конфликта 1812 года.

Прибыв на разведывательную работу в Париж, Чернышев быстро вошел в доверие к императору Франции, установил добрые отношения со многими приближенными Наполеона. За короткий срок русскому полковнику удалось приобрести информаторов в правительственной и военной сферах французской столицы, наладить и расширить сеть ценной

агентуры и надежных доверительных связей.

Так, сотрудник военного министерства агент «Мишель», входивший в небольшую группу французских чиновников, составлявших раз в две недели лично Наполеону в единственном экземпляре секретную сводку относительно численности и дислокации французских войск, на постоянной основе передавал Чернышеву копию этого документа, которая, в свою очередь, срочно отправлялась в Петербург. Случалось, что копия донесения ложилась на стол русского «военного агента» раньше, чем оригинал попадал к императору Наполеону. И таких примеров можно привести много.

Российский император высоко ценил своего представителя во Франции и передаваемую им информацию. Однажды на полях одного из донесений Чернышева он даже написал: «Зачем не имею я побольше министров, подобных этому молодому человеку». Полковнику Чернышеву шел в то время только двадцать шестой год.

В период Отечественной войны Александр Чернышев являлся командиром партизанского отряда. Опыт разведывательной работы в Париже и профессиональное разведывательное чутье очень пригодились ему в организации партизанского движения в районах, оккупированных наполеоновскими войсками. В ноябре 1812 года «за успешные действия по возлагаемым на него поручениям и благоразумное исполнение отважной экспедиции» Чернышев был произведен в генерал-майоры и пожалован в генерал-адъютанты. С 1827 года – генерал от кавалерии. В 1832–1852 годах являлся военным министром. С 1848 по 1856 год занимал пост председателя Государственного совета.

Невидимый фронт Первой мировой войны

Разведка – это необходимое звено государственного механизма, решающее целый ряд важнейших задач. Ни одно более или менее крупное, а тем более – великое государство не способно и не может обойтись без нее.

Особенно важна разведка накануне и в периоды мировых катаклизмов, одним из которых являлась Первая мировая война 1914–1918 годов. В конечном счете в войну было вовлечено 38 государств, в которых проживало 1,5 миллиарда человек, что составляло на то время 87 процентов населения земного шара.

Подготовка к Первой мировой войне шла заблаговременно и, естественно, не проходила мимо внимания российских разведчиков, действовавших за границей.

В то же время, отсутствие в начале XX века в России единого центра, объединявшего различные виды разведки, вызывало большую озабоченность у военного руководства страны. Его беспокоило также, что сбором информации бессистемно занимались военные, дипломатические, промышленные, финансовые, торговые и другие ведомства.

В этой связи в канун Первой мировой войны в российской военной разведке были проведены существенные преобразования. Из состава Главного штаба – высшего органа военного управления России – было выделено Главное управление (ГУ) Генерального штаба (ГШ), в котором было сосредоточено руководство военной разведкой.

Несмотря на то что разведкой за рубежом по-прежнему в той или иной степени продолжали заниматься министерства иностранных дел, финансов, промышленности, именно разведка Генерального штаба являлась центральной, наиболее профессионально подготовленной структурой в системе внешних спецслужб Российской империи до октября 1917 года.

Приоритетная задача, которая была поставлена в канун неизбежной войны перед военной разведкой, заключалась в создании в странах будущего противника эффективной агентурной сети, способной получать необходимую информацию по ключевым проблемам. И такой агентурный аппарат был создан как в Германии и Австро-Венгрии, так и на Востоке (Китай, Корея, Монголия). Вместе с тем приобретение источников осуществлялось главным образом путем работы с доброжелателями, предлагавшими свои услуги. Штабы военных

округов располагали своими источниками.

Первая мировая война внесла в работу российской военной разведки необходимые коррективы. В действующую армию была переведена значительная часть офицеров ее центрального аппарата, что способствовало активизации оперативной агентурной разведки штабами фронтов (приграничных военных округов) и отдельных армий.

Однако война выявила и существенные недостатки в разведывательной работе. Даже к концу войны так и не удалось создать какого-либо центра, объединяющего различные виды разведки. Ни в одном из генеральных штабов стран Антанты даже к окончанию войны не было четко сформулировано само понятие «стратегическая разведка», не был определен комплекс военных, политических и экономических проблем, подлежащих изучению.

По-прежнему сбором информации за рубежом в той или иной степени занимались российские министерства финансов, торговли и промышленности. Они, как правило, имели свою собственную сеть информаторов, но она была узко нацелена на сбор сведений только финансового, коммерческого или экономического характера преимущественно через открытую и закрытую специальную литературу.

Необходимая реорганизация российской разведки затянулась до лета 1917 года, когда было принято окончательное решение передать всю заграничную сеть источников в ведение отдела генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба. Эта работа была завершена лишь к августу 1917 года.

Первая мировая война завершилась в условиях неслыханных политических и социальных потрясений, приведших к двум революциям в России, к волнениям и революционным событиям в Германии и Венгрии, к изменению политической карты мира.

Размах и сложность этих явлений, а также кризисных событий в России, охвативших практически все слои общества, не могут не приниматься во внимание при оценке действий русской разведки в этот сложный переломный период. Тем не менее они не способны заслонить главного вывода – в годы Первой мировой войны русская разведка в основном справилась с решением стоявших перед нею задач. Сформировавшись в ходе войны к концу лета 1917 года в действенный инструмент государственного механизма, она, однако, не успела в полной мере реализовать свои возможности. Наступала новая эпоха, происходила смена строя, институтов государства, такие изменения, которые потребовали и принципиально новых разведывательных и контрразведывательных механизмов, отвечающих современным условиям.

Артур Рафалович

В конце XIX – начале XX века в практике международных связей России было распространено своеобразное явление: активные попытки самостоятельного «выхода» за границу отдельных министерств и ведомств в виде постоянных представителей или представительств, главная цель которых состояла в том, чтобы вести собственную разведку.

Так, продолжительное время представителем российского Министерства финансов в Париже официально являлся действительный статский советник Артур Рафалович – крупный делец, банковский воротила и одновременно… негласный «агент влияния».

Артур Рафалович родился 23 июня 1853 года в Одессе в еврейской купеческой семье. С раннего детства проживал постоянно за границей. Занимался, главным образом, изучением финансовых вопросов, связанных с Россией.

Артур Германович Рафалович

В парижских газетах регулярно публиковал обзоры мирового финансового рынка. Издавал ежегодник «Финансовая биржа». Своими статьями, написанными на французском языке, активно содействовал распространению за границей благоприятного представления не только о российских финансах, но и о торгово-промышленной деятельности страны.

Российский военный агент во Франции того периода граф Алексей Игнатьев в своей книге «Пятьдесят лет в строю», в частности, отмечал: «Кто же в Париже не знал Артура Рафаловича – этого авторитетного русского финансиста, доктора наук французского университета, русского финансового агента».

С помощью зарубежной агентуры и прямого подкупа французской прессы, депутатов парламента и государственных чиновников он способствовал принятию правительством Франции крупных политических и экономических решений в пользу России.

В документах внешней разведки, касающихся того периода, в частности, подчеркивается: «Рафалович приобрел множество платных агентов из числа иностранных журналистов, аккредитованных в Париже, которые использовались им в качестве “литературных толкачей” в пользу предоставления бесперебойных займов России, а также для снятия у французов подозрений относительно безопасности их капиталов». Иными словами, имея «своих людей» практически во всех крупнейших печатных изданиях Франции и среди иностранных журналистов, он активно использовал их для организации публикаций в поддержку выделения России крупных кредитов на максимально выгодных для нее условиях.

В «Очерках истории российской внешней разведки» по этому поводу отмечается: «Доброе расположение французской прессы к российскому представителю Министерства финансов обходилось Рафаловичу в кругленькую сумму – в 200 тысяч золотых франков ежемесячно. Россия же получала на этом миллионы. Известно, например, что свыше четверти всех французских внешних кредитов приходилось тогда на Россию».

Обширные связи Рафаловича во французской печати и среди иностранных журналистов позволяли ему иногда вторгаться и в чисто политические дела. Так, министр иностранных дел России граф В. Н. Ламздорф в своих дневниках, опубликованных в наше время, приводит дословный текст телеграммы Рафаловича в его ведомство, в которой коммерческий агент Министерства финансов выступает с контрпропагандистскими предложениями политического характера: «Французское национальное агентство

распространило мнимую депешу из Рима, тревожную по содержанию и касающуюся позиции России в восточном вопросе (речь шла о возможных совместных акциях Англии, Франции и России в поддержку Турции. – *Авт.*) Не было бы полезным для успокоения публики сделать заявление относительно ориентации нашей политики?»

Можно без преувеличения сказать, что Артур Рафалович, бесспорно, представлял собой заметную фигуру в политической жизни страны пребывания, совмещая в одном лице и бизнесмена, и финансиста, и разведчика.

Артур Рафалович имел ряд царских наград, в том числе один из высших русских орденов – Белого Орла. Он являлся членом-корреспондентом Французской академии наук и кавалером ордена Почетного легиона.

Скончался Артур Германович в Париже 23 декабря 1921 года.

Петр Рачковский

Петр Иванович Рачковский в 1885–1902 годах руководил во Франции и Швейцарии заграничной агентурной сетью царского Департамента полиции, официально числясь советником российского посольства в Париже.

По мнению французской контрразведки, Рачковский был «самым влиятельным профессиональным разведчиком во Франции за всю историю царской России».

Он родился в 1851 году в Дубоссарах в семье потомственного дворянина, почтмейстера Дубоссарского уезда Херсонской губернии. Получил домашнее образование. В 1867 году в возрасте 16 лет поступил на службу в Киевскую губернскую почтовую контору. Через год был переведен на работу в пограничную почтовую контору в Одессе. Затем работал в канцеляриях одесского градоначальника и ряда губернаторов.

Советник российского посольства в Париже Петр Иванович Рачковский

В 1881 году Рачковский поступил на службу в Министерство внутренних дел и был откомандирован в распоряжение отдельного корпуса жандармерии. Весной 1884 года направлен в Париж для заведования заграничной агентурой Департамента полиции.

В «Очерках истории российской внешней разведки» по данному поводу отмечается: «У Рачковского была многочисленная и хорошо организованная “команда” агентов, которые выполняли в основном роль платных помощников царской охранки. В материалах российского посольства в Париже за тот период, хранящихся сегодня в институте “Войны и мира” в Пало-Альто, Калифорния, рассказывается, например, что только за русским террористом Борисом Савинковым вело наблюдение во Франции около 100 платных агентов. Этому вполне можно поверить, если просмотреть десятки тайных фотоснимков, сделанных разными лицами, о пребывании и конспиративных встречах на французской территории этого опаснейшего врага царского самодержавия. Даже слежка за В. И. Лениным была значительно менее интенсивной».

Анализируя работу с агентурой, Петр Рачковский в докладной записке на имя директора Департамента полиции Петра Дурново, в частности, подчеркивал: «Для успешной борьбы с русскими революционерами, прежде всего, возникает вопрос о приобретении способных и убежденных внутренних агентов. Как ни трудно отыскать их, но невозможностью исполнить такую задачу в состоянии отговариваться лишь те руководители политической агентуры, которые ограничиваются одним формальным исполнением своих обязанностей, или косвенно сознающиеся в полной неспособности вести доверенное им дело…

У нас почти никто не склонен видеть в агенте лицо, исполняющее скромный долг перед родиной вопреки, например, французам, немцам или англичанам, которые в качестве частных лиц помогают полиции в раскрытии преступлений и публично гордятся каждым представившимся случаем, который дает им возможность исполнить эту патриотическую обязанность.

Таким образом, при беседах с новыми внутренними агентами необходимо больше всего убеждать их, что они отнюдь не презренные шпионы, а лишь сознательные сторонники правительства, которые борются с беспочвенными проходимцами, посягающими на спокойствие, честь и национальное достоинство России».

Одновременно следует подчеркнуть, что, располагая устойчивыми дружескими отношениями со многими

французскими государственными деятелями и обширными связями в высших французских кругах, Рачковский получал важную информацию политического характера.

Петр Рачковский быстро добился видного положения в высшем парижском обществе. Его светская жизнь была весьма разнообразна. Утром его можно было видеть на парижской фондовой бирже, днем он встречался в ресторанах с редакторами ведущих парижских газет и журналов, вечером давал роскошные приемы на собственной вилле в Сен-Клу. Он был близко знаком со многими видными сотрудниками французской контрразведки, министрами, лидерами политических партий.

Следует подчеркнуть, что Рачковский активно работал не только по линии своего департамента. Он был опытным разведчиком и оказывал своей стране неоценимые услуги в плане укрепления русско-французских отношений. Французы доверяли Рачковскому и нередко пользовались его услугами. Так, именно ему, а не французскому послу в России маркизу де Монтебелло, была доверена организация визита министра иностранных дел Франции Теофиля Делькассэ в Петербург.

Аналогичная ситуация возникла и с тогдашним президентом Франции Лубэ. Когда последнему пришлось ехать в Лион, где, как предполагалось, на него будет совершено нападение, президент Франции доверил охрану своей личности Рачковскому и его агентуре, «полностью полагаясь на полицейский талант и организаторские способности» русского представителя.

Агентура Рачковского активно действовала не только во Франции, но и в Великобритании, Германии, Италии и Швейцарии. Так, в Швейцарии, центре российской политической эмиграции, агентура Рачковского имела на своем содержании трех женевских полицейских, которые черпали секретную информацию для разведчика прямо из полицейских досье и строго следили за правильностью изложения разведывательных данных, добываемых для правительства Швейцарии и передаваемых России.

Одна из французских газет писала в период пребывания Рачковского в Париже об этой незаурядной личности: «Если вы встретите его в обществе, вы никогда ничего не заподозрите, поскольку ничего в его внешности не выдает его зловещей миссии. Полный, неугомонный, с не сходящей с лица улыбкой… он выглядит добродушным веселым парнем – душой общества… Но на самом деле он самый искусный из агентов, работавших во всех десяти столицах Европы».

Отметим, что Рачковский был человеком больших организаторских и творческих дарований. Возвратившись

в Россию в 1903 году и будучи назначенным вице-директором Департамента полиции, он создал и возглавил при Министерстве внутренних дел специальный секретный отдел для получения доступа к архивам и шифрам иностранных посольств и миссий, аккредитованных при царском дворе. В частности, он лично разработал и возглавил операцию по добыванию английских дипломатических шифров, используя для этого содействие начальника канцелярии посольства Великобритании в Санкт-Петербурге.

В 1906 году Петр Рачковский вышел в отставку. Скончался 1 ноября 1910 года в поместье Режица Витебской губернии.

Николай Батюшин

Важным источником российской военной разведки начала XX века являлся один из руководителей австро-венгерской военной разведки того периода полковник Альфред Редль, от которого на протяжении десяти лет поступала исключительно ценная военная и политическая информация.

В начале 1900-х годов тогда еще капитан Альфред Редль, являвшийся перспективным сотрудником австро-венгерского Генерального штаба, был командирован в Россию для изучения русского языка и обстановки в этой «недружественной Австро-Венгерской монархии» стране. Некоторое время он провел на стажировке в военном училище в Казани, где завел обширные связи среди местных офицеров и гражданских лиц.

Российские коллеги Редля, внимательно наблюдавшие за разведчиком, провели его тщательное изучение и собрали обширный материал, касающийся его сильных и слабых сторон, увлечений, особенностей характера.

После возвращения Редля в Вену, подробная характеристика на него была направлена руководителю российской военной разведки в Варшаве полковнику Батюшину (именно с территории Варшавского военного округа осуществлялась в то время организация разведывательной работы по Австро-Венгрии). Батюшину было рекомендовано «продолжить изучение капитана Редля с целью возможного привлечения его к сотрудничеству».

Николай Степанович Батюшин родился 10 марта 1974 года в Астраханской губернии в мещанской семье. В 1890 году с отличием окончил Астраханское реальное училище и, успешно сдав экзамены по «математическим предметам», был зачислен рядовым юнкером в одно из старейших военных учебных заведений России – Михайловское артиллерийское училище в Санкт-Петербурге. В 1893 году окончил училище по первому разряду и направлен подпоручиком в 4-ю Конно-артиллерийскую батарею Виленского военного округа. В 1895 году произведен в поручики.

Николай Степанович Батюшин

В 1899 году Батюшин окончил Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду. За отличную учебу был произведен в штабс-капитаны. После успешного завершения учебы в академии он был откомандирован по старому месту службы в свою часть (в Виленский военный округ), но со специальной пометкой в офицерском аттестате: «для ближайшего ознакомления со службой Генерального штаба в масштабах округа». Иными словами, молодой офицер был допущен до самых важных военных тайн округа. А уже в сентябре 1901 года приказом по Генеральному штабу Николай Батюшин был «причислен к Генеральному штабу с назначением на службу в Варшавский военный округ». Этим приказом 27-летний штабс-капитан получил направление на освоение новой для себя военной специальности – разведки. Вскоре он был произведен в капитаны.

Батюшин являлся участником Русско-японской войны. С октября 1904 года в звании подполковника он занимал должность помощника старшего адъютанта управления генерал-

квартирмейстера 2-й Маньчжурской армии.

В мае 1905 года Батюшин возвратился в штаб Варшавского военного округа и был назначен руководителем подразделения разведки и контрразведки. В этой должности он проработал до начала Первой мировой войны. В декабре 1908 года был произведен в полковники.

Позже в своей книге «Тайная военная разведка и борьба с ней» генерал-майор Батюшин напишет: «Особенную пользу принесло мне почти десятилетнее пребывание в должности начальника разведывательного отделения нашего главного военного округа – Варшавского, на долю которого приходилось две трети границы с Германией и Австро-Венгрией».

Во время Первой мировой войны Батюшин являлся начальником разведывательного отделения штаба Северо-Западного фронта. С декабря 1915 года – генерал-майор.

В связи с присвоением Н. С. Батюшину воинского звания генерал-майора хотелось бы обратить внимание читателя на следующий интересный момент. Видные российские историки отечественных спецслужб И. И. Васильев и А. А. Зданович в одной из своих работ подчеркивали: «В русской армии со времен Петра I генералы обязательно обозначались по роду войск: от инфантерии, от кавалерии, от артиллерии. В XX столетии, открывшем эпоху тотального шпионажа, который окончательно оформился в годы Первой мировой войны, впору было бы ввести генеральское звание от разведки и контрразведки или, по-нынешнему, генерала от спецслужб.

Полновесное генеральское звание за заслуги в освоении нового вида оружия, годного и для мирного, и для военного времени, в российской армии первыми получили два кадровых военных – Николай Августович Монкевиц и его тезка Николай Степанович Батюшин (а мы добавим – оба военные разведчики и контрразведчики. – *Авт.*)».

История повторяется. 10 ноября 2015 года руководителю Министерства внутренних дел Российской Федерации Владимиру Александровичу Колокольцеву Президентом России было присвоено специальное звание генерала полиции. Это звание соответствует воинскому званию генерала армии. Ранее руководитель министерства имел звание генерал-полковника полиции.

Но вернемся к Николаю Степановичу Батюшину.

Указанные выше историки отечественных спецслужб следующим образом характеризовали генерал-майора: «Он отличался исключительной работоспособностью, инициативой, системностью оперативного мышления, имел богатый кругозор

специалиста, что позволяло ему принимать нешаблонные решения».

Николай Степанович Батюшин являлся кавалером шести российских орденов и трех боевых медалей.

В начале 1917 года Батюшин возглавил комиссию по борьбе со шпионажем при штабе Северного фронта. С конца 1918 года участвовал в Белом движении. После эвакуации из Крыма проживал в Белграде. Преподавал в белградском отделении Высших военных научных курсов генерала Н. Н. Головина. Во время Второй мировой войны выехал в Бельгию.

Скончался Николай Степанович 9 февраля 1957 года в доме для престарелых в небольшом бельгийском городке Брен-ле Конт и был похоронен на местном кладбище.

По инициативе руководства ФСБ России 20 октября 2004 года останки прославленного разведчика и контрразведчика генерал-майора Николая Степановича Батюшина, доставленные из Бельгии, были торжественно перезахоронены на Николо-Архангельском кладбище в Москве.

Следует подчеркнуть, что полковник Батюшин весьма успешно выполнил данное ему руководством поручение по Альфреду Редлю. Он направил в Вену одного из своих лучших специалистов по вербовке агентуры, снабдив его самыми подробными сведениями о личности и особенностях характера Альфреда Редля. Последний довольно легко согласился на тайное сотрудничество с российской разведкой. В беседе с вербовщиком он подчеркнул, что готов помогать России из личных симпатий к россиянам, среди которых «у него осталось в Казани много прекрасных и душевных друзей».

«К тому же, – пояснил Редль, – мне очень не хотелось бы, чтобы между нашими странами разгорелся огонь войны. Уж очень много жизней может поглотить это страшное пожарище».

Справедливости ради следует сказать, что и сумма денег в австрийской валюте, переданная Альфреду Редлю при первой встрече, не могла не произвести весьма сильного впечатления на молодого генштабиста.

Руководя работой с Редлем, полковник Батюшин ни на минуту не забывал о необходимости укрепления его служебного положения в Генштабе. И результаты не замедлили сказаться на служебной карьере разведчика. Уже через несколько лет, получив внеочередное звание полковника, Альфред Редль становится вторым человеком в аппарате австро-венгерской военной разведки и контрразведки.

По оценкам многих западных специалистов, полковник Редль являлся «самым важным агентом иностранной державы из всех

шпионов, действовавших в Европе накануне Первой мировой войны».

Известный специалист в области тайных операций в годы Первой мировой войны англичанин Эдвин Вудхол свидетельствовал:

«Полковник Редль выдал России огромное количество копий документов, кодов, фотографий, планов, секретных приказов по армии, мобилизационных мероприятий, докладов о состоянии железных и шоссейных дорог, описаний образцов военного оборудования… Среди наиболее ценных для России материалов были австро-венгерские мобилизационные планы против России и Сербии. Они содержали полный комплекс всех возможных операций… Большое значение имело также сокрытие А. Редлем от своего Генерального штаба секретных сведений, которые поступали в Вену от австро-венгерских тайных агентов непосредственно из России».

В борьбе за новую Россию

Ни одно более или менее крупное, а тем более – великое государство не способно и не может обойтись без разведки. Это доказала история. Это доказывает и современность. Ведь основной задачей внешней разведки является добывание для высшего руководства своей страны достоверной, во многом упреждающей информации по тем вопросам, которые могли бы нанести ущерб ее интересам.

Октябрьская революция 1917 года положила начало появлению на огромной территории земного шара нового независимого государства – Советской России. Первая мировая война, крах монархии в России, неспособность Временного правительства удержать ситуацию под контролем, переход власти в руки Советов привели к тому, что в стране в результате революционного процесса распались или были разрушены старые социально-политические структуры.

Феликс Эдмундович Дзержинский

С первых своих шагов советская власть была вынуждена отражать удары внешних и внутренних врагов, отстаивать

независимость и территориальную целостность нового, по существу, государства, выводить его из изоляции. Для защиты национальных интересов наряду с другими государственными органами создавались и новые спецслужбы, в том числе внешняя разведка. В соответствии с Декретом Совета народных комиссаров 20 декабря 1917 года была образована Всероссийская чрезвычайная комиссия при Совете народных комиссаров по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК). Возглавил ее Ф. Э. Дзержинский.

Чекистам сразу же пришлось столкнуться со сложной ситуацией, угрожавшей существованию советской власти: ведущие мировые державы – Англия, Франция, Италия, Япония и США – организовали заговор против Советской России, предусмотрев, в частности, арест советского правительства и убийство В. И. Ленина. «Заговор послов» был успешно ликвидирован чекистами благодаря энергичным мерам, предпринятым Дзержинским. Затем последовали вооруженная интервенция, которую страны Антанты предприняли против своей бывшей союзницы, Гражданская война. Советская Россия сумела выстоять в этих сложных условиях, разгромить интервентов и изгнать их из страны, ослабить внутреннюю контрреволюцию.

Зарождение советской внешней разведки относится к 1918 году, когда органы ВЧК в ходе Гражданской войны и интервенции вели острую и напряженную борьбу с многочисленными врагами Советского государства. На базе армейских чрезвычайных комиссий и органов военного контроля был создан Особый отдел ВЧК. В его задачу входили борьба против контрреволюции и шпионажа в армии и на флоте, против контрреволюционных организаций, а также организация агентурной работы за границей и в оккупированных иностранными державами или занятых белогвардейцами областях молодой республики. Безусловно, эта борьба носила в основном силовой характер. Однако в ходе ее применялись и методы разведывательной деятельности (агентурное проникновение во враждебные организации, добывание информации об их планах и кадровом составе, разложение контрреволюционных структур изнутри). В 1918 году Председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский издал приказ, регламентирующий деятельность закордонных агентов ВЧК и их взаимодействие с российскими дипломатическими представительствами за рубежом.

В ту пору Советская Россия имела дипломатические отношения с Турцией, а в связи с подписанием в 1920 году договоров о нормализации отношений со странами-лимитрофами

(Эстония, Латвия, Литва и Финляндия) в столицах этих государств также открылись дипломатические представительства РСФСР. В них с разрешения ЦК РКП(б) создавались резидентуры внешней разведки. В их задачу входило агентурное проникновение в контрреволюционные белогвардейские организации и формирования.

Таким образом, советская внешняя разведка, созданная в недрах Особого отдела ВЧК, не имела до декабря 1920 года самостоятельного статуса и действовала внутри структур армейской контрразведки.

В то же время в Москве понимали, что решить вопросы, связанные с ведением закордонной разведки в стане противника, только путем засылки агентуры за линию фронта, было нельзя. Поэтому осенью 1920 года, проанализировав причины поражения Красной Армии в войне с панской Польшей, Политбюро ЦК РКП(б) пришло к выводу о необходимости для страны иметь надежную разведку. Было принято решение о создании самостоятельной разведывательной службы внутри органов ВЧК. Исходя из этого решения партии, 20 декабря 1920 года Ф. Э. Дзержинский подписал приказ № 169 «О создании Иностранного отдела (ИНО) ВЧК».

Этот приказ явился административно-правовым актом, оформившим создание советской внешней разведки, преемницей которой в наши дни является Служба внешней разведки Российской Федерации.

Временно исполняющим обязанности начальника Иностранного отдела ВЧК был назначен Яков Христофорович Давтян, профессиональный революционер и дипломат, ответственный сотрудник Наркомата иностранных дел. В целях конспирации он руководил разведкой под фамилией Давыдов.

Создавая внешнюю разведку молодого Советского государства, Дзержинский, разумеется, не мог опираться только на дореволюционные кадры, поскольку речь шла о политической разведке органов госбезопасности. Однако уже с середины 1920-х годов «дореволюционные специалисты», особенно знатоки восточных языков, мастера перлюстрации и изготовления документов прикрытия, стали все шире привлекаться к работе закордонной разведки ВЧК.

Следует особо подчеркнуть, что Октябрьская революция 1917 года развела офицеров и генералов старой русской армии по разные стороны баррикад. Часть из них приняли советскую власть и перешли на ее сторону. Они помогли новой власти заново сформировать армию и флот, придать их действиям эффективный характер и одержать первые победы. Были такие патриоты и

среди царских профессиональных разведчиков и контрразведчиков. Оказавшись волею судьбы за пределами родины, они стали сотрудничать с внешней разведкой молодого Советского государства. Поставив на службу новой власти свои специфические знания и незаурядные способности, работая не за страх, а за совесть, помогая разоблачать заговоры, раскрывать замыслы тех, кто вынашивал планы новой интервенции, оккупации российских земель, они внесли значительный вклад в обеспечение безопасности республики Советов. Опыт работы старых кадров государственного аппарата, русской армии, контрразведки и разведки был бесценен для нового режима.

Секретный сотрудник ВЧК Алексей Филиппов

Октябрьская революция 1917 года в России принесла финскому народу независимость. В декабре 1917 года Совет народных комиссаров признал Финляндию, входившую в состав Российской империи, в качестве самостоятельного государства. 4 января 1918 года это постановление СНК было утверждено ВЦИКом РСФСР. Однако внутриполитическое положение в Финляндии оставалось крайне сложным и неустойчивым. Социал-демократы и финские красногвардейцы, отстаивавшие независимость страны, стояли на позициях строгого нейтралитета, укрепления дружественных отношений с молодой республикой Советов. Им противостояли буржуазные партии, ориентировавшиеся в своих политических расчетах на Германию и Швецию. В противовес финским красногвардейцам они создали белую гвардию (шюцкор). К концу января 1918 года классовая борьба в Финляндии обострилась до предела. В стране началась гражданская война.

В этой обстановке советскому правительству были необходимы достоверные сведения о наиболее важных политических и военных событиях, происходивших в Финляндии, о возможной военной коалиции финской буржуазии с Германией и Швецией, направленной против России, и о возможном использовании немецкими военными финской территории для удара по Петрограду. Иными словами, встал вопрос о получении разведывательных данных о внутриполитическом положении в Финляндии и ее роли в германских военных планах.

Серьезным фактором, напрямую затрагивавшим безопасность Советского государства, являлось и то, что в портах Финляндии продолжали базироваться корабли Балтийского флота, а в Гельсингфорсе находился высший выборный орган флота – Центробалт (Центральный комитет Балтийского флота). Не менее остро стояла проблема и с гарнизоном российских сухопутных войск в Финляндии, численность которого к тому времени составляла примерно 20 тысяч человек.

Большевистское руководство поставило перед собой трудную задачу: с наступлением весны 1918 года вывести из Финляндии, по возможности без потерь, российские армию и флот. Решить ее мог лишь человек, который до революции часто посещал Финляндию и хорошо ее знал, имел там широкие связи в правительственных кругах и среди лидеров оппозиции. Таким

человеком оказался Алексей Фролович Филиппов, являвшийся секретным сотрудником при Президиуме ВЧК.

Алексей Филиппов родился в 1870 году в Могилеве в семье технического служащего женской гимназии. После окончания юридического факультета Московского университета избрал для себя литературно-издательское поприще: основал в Саранске газету «Русское слово», затем стал владельцем московского журнала «Русское обозрение». В 1912 году Филиппов переехал в Санкт-Петербург, стал издавать газету «Деньги» и обосновал собственный банкирский дом. Издательская и банковская деятельность позволили ему приобрести обширные связи среди крупных промышленников, финансистов и политиков.

Алексей Фролович Филиппов

По своим политическим взглядам Филиппов был человеком прогрессивных убеждений. Оставаясь беспартийным, он поддержал Октябрьскую революцию и сразу же встал на сторону большевиков.

Алексей Фролович был знаком с Луначарским, который, в свою очередь, представил его Дзержинскому. Именно со знакомства с Дзержинским началось сотрудничество Филиппова с ВЧК. Постепенно их служебные контакты переросли в крепкую

дружбу.

Но вернемся к событиям в Финляндии. Учитывая, что Филиппов до революции много раз бывал в этой стране и имел там довольно широкий круг знакомых, Дзержинский предложил Алексею Фроловичу выехать в Финляндию под видом корреспондента одной из российских газет. Перед Филипповым были поставлены задачи чисто разведывательного характера: сбор информации о внутриполитическом положении в стране и о планах финской буржуазии и белой гвардии (шюцкора). На разведчика возлагалась также задача по «изучению настроений матросских и солдатских масс, вооруженной борьбы в Финляндии и судеб русского флота».

В литературе по истории советской внешней разведки отмечается, что это был первый вывод сотрудника ВЧК за кордон с разведывательными целями, положивший начало данному методу чекистской работы за границей. Этот факт нашел подтверждение и в архивных материалах Службы внешней разведки России.

В январе – марте 1918 года Филиппов неоднократно выезжал в Финляндию. Он проявил немало находчивости, энергии и настойчивости для выполнения разведывательного задания. Его подробные и обстоятельные донесения всегда отличались присущей опытному журналисту наблюдательностью, политической остротой и глубоким анализом. Так, в конце января 1918 года Филиппов сообщил о предстоящем захвате немцами Аландских островов. Вскоре эти сведения подтвердились. Одновременно разведчик информировал Центр: «Германские войска планируют приступить к захвату Балтийского флота, базирующегося в финских портах. Без этого даже взятие Петрограда не даст им желанной победы. Поэтому необходимо убедить каждого из команд кораблей, находящихся в этой стране, в важности общего выступления, так как немцы боятся только флота».

Филиппов подробно изучал обстановку на флоте и в армейских гарнизонах. В одном из своих донесений он отмечал: «Положение здесь отчаянное. Команды ждут весны, чтобы уйти домой. Матросы требуют доплат, началось брожение, появляются анархисты, которые продают на месте имущество казны». Еще более тревожное положение сложилось в армейских частях. В сообщении от 23 февраля 1918 года Филиппов проинформировал ВЧК о готовящемся нападении группы финских белогвардейцев в Гельсингфорсе и в районе Выборга на российские динамитные и пороховые погреба. Он также предлагал «до ухода флота в Кронштадт развернуть вербовку на судах надежных матросов, в

том числе из эстонцев и финнов». Разведчик настаивал на немедленной организации должного взаимодействия армии и флота, которое к тому времени фактически отсутствовало. По этому вопросу он много беседовал с председателем Центробалта Дыбенко. Филиппову удалось также убедить командующего Балтийским флотом адмирала Развозова поддержать большевиков.

Сохранившиеся материалы позволяют сделать вывод о том, что результатами своей разведывательной работы Филиппов полностью оправдал надежды Дзержинского. Несмотря на то, что обстановка в Финляндии менялась с калейдоскопической быстротой, Алексею Фроловичу удавалось выделить самое главное, самое актуальное и своевременно информировать о происходящих событиях Центр. Его донесения отличались четкостью и лаконичностью. В них всегда содержались конкретные предложения о мерах, которые, по мнению Филиппова, следовало предпринять, чтобы повлиять на обстановку в стране и направить ее развитие в нужное для России русло. Именно Филиппову принадлежала идея об отводе отряда российских кораблей в Кронштадт буксирами.

Алексей Фролович пользовался большим доверием у Дзержинского. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что Председатель ВЧК поручил ему изучить в Гельсингфорсе и Ревеле работу существовавших там до революции отделений контрразведки царской армии и высказать свои соображения по поводу возможного их использования в интересах ВЧК.

Безусловно, деятельность Филиппова, как одного из первых разведчиков советского периода, существенно отличалась от работы будущих профессионалов отечественных спецслужб, так как строилась преимущественно на энтузиазме, жизненном опыте и творческой импровизации исполнителя.

Его деятельности был присущ особый динамизм, непосредственное участие в срочной реализации конкретных решений руководства Чрезвычайной комиссии и собственных предложений.

В целом разведывательная работа Филиппова в Финляндии в определенной степени помогла советскому правительству при проведении важных мероприятий по Балтийскому флоту, прежде всего по перебазированию кораблей из Гельсингфорса и Ревеля в Кронштадт, получившему название Ледовый переход. В итоге операции с 17 февраля по 2 мая 1918 года в Кронштадт в сопровождении ледоколов и буксиров было перебазировано 236 кораблей, в том числе 6 линкоров, 5 крейсеров, 59 эсминцев и миноносцев, 12 подлодок, которые послужили основой боевой

мощи Балтийского флота Советской республики и сыграли большую роль в обороне Петрограда и действиях на других театрах Гражданской войны.

Информация Филиппова способствовала наведению относительного порядка в гарнизонах российских войск в Финляндии, а также недопущению вовлечения в кровавую мясорубку войны десятков тысяч разобщенных и небоеспособных солдат и матросов, содействовала возвращению этих людей на родину. А это, как говорят в разведке, – главный и конкретный результат.

В марте 1918 года Филиппов возвратился в Петроград, а затем переехал в Москву и был зачислен официальным сотрудником в штаты ВЧК. Сначала он работал в отделе по борьбе со спекуляцией и преступлениями по должности, а затем был прикомандирован к Президиуму ВЧК для выполнения личных поручений Дзержинского.

Свои обязанности сотрудника при Президиуме ВЧК Филиппов выполнял добросовестно, с присущей ему энергией. Позже он занимал руководящую должность в Секретном отделе. Одновременно был председателем Исполнительного комитета по делам духовенства России.

Скончался Алексей Фролович Филиппов в Ленинграде в середине 1950-х годов.

Штабс-капитан Алексей Луцкий

В городе Уссурийске Приморского края на памятнике-мемориале – установленном на постамент паровозе – сделана надпись: «В топке этого паровоза в мае 1920 года белогвардейцами и японскими интервентами были сожжены пламенные революционеры – борцы за власть Советов на Дальнем Востоке: Сергей Лазо, Всеволод Сибирцев и Алексей Луцкий». Имена первых двух патриотов – членов Военного совета Приморья, руководивших борьбой против японских милитаристов, думается, хорошо известны читателю. Об Алексее Николаевиче Луцком в наших средствах массовой информации рассказывалось крайне мало, на то были свои причины: люди его профессии зачастую долгое время остаются в безвестности.

Алексей Луцкий родился 22 февраля 1883 года в городе Козлове Тамбовской губернии в семье городского нотариуса, происходившего из офицерской семьи. Прадед Алексея, А. Н. Луцкий, был сослан в Сибирь за участие в восстании декабристов. Отец умер, когда Алексею не исполнилось еще и года. На руках матери осталось несколько малолетних детей. Алексея, когда ему исполнилось восемь лет, определили в Рязанское духовное училище. Затем он учился в духовной семинарии. Однако девятнадцатилетний юноша отказался от перспективы стать священнослужителем, решил посвятить себя военной службе и надел военный мундир с погонами вольноопределяющегося. В дальнейшем вся его жизнь была связана с армией.

Алексей Николаевич Луцкий – подпоручик Несвижского гренадерского генерал-фельдмаршала князя Барклая де Толли полка

Окончив в 1904 году Тифлисское военное пехотное училище, Луцкий получил офицерский чин подпоручика с назначением в 4-й Несвижский гренадерский генерал-фельдмаршала князя Барклая де Толли полк в Москве. Вскоре он был направлен в действующую армию в Маньчжурию, где участвовал в Мукденской операции, командуя одной из рот 1-го Восточно-

Сибирского полка. В начале декабря 1905 года его переводят в 13-й Восточно-Сибирский полк, расквартированный в то время в Харбине.

В 1906 году Луцкий возвратился в Москву, в свой гренадерский полк. Осенью того же года в Козлове вступил в брак с Еленой Яковлевной Шишкиной, которая стала верной подругой и помощником в его бурной и недолгой жизни.

В октябре 1908 года Луцкий по собственной просьбе переводится командиром роты в 13-й стрелковый Восточно-Сибиркий полк, в котором уже ранее служил. К тому времени полк был передислоцирован из Харбина под Читу, на станцию Песчанка.

Молодой способный боевой офицер, хорошо знавший военное дело, был вскоре переведен в штаб дивизии, в Читу. Свободный от строевой службы, он усиленно занимался вопросами тактики и стратегии войны с Японией, изучал опыт минувших военных операций и сражений, задумывался над причинами поражения русской армии. Большое внимание он уделял проблемам разведки, в которой, по его мнению, японская армия во многом превосходила русскую. Интерес Луцкого к этим вопросам, видимо, был замечен командованием. В 1912 году его откомандировали на военный факультет восточных языков при Восточном институте во Владивостоке. Луцкий становится слушателем японского отделения, изучает японский, китайский и корейский языки. Весной 1913 года командируется на два года в Японию для совершенствования языковых знаний и получения практических навыков по разведке. Помимо языковой практики Луцкий активно изучал страну, ее историю, политические ориентиры правительства. У него появились устойчивые связи в военных и политических кругах Японии, а также среди аккредитованных в Токио сотрудников иностранных посольств. Осенью 1914 года, в связи с началом Первой мировой войны, Луцкий был отозван из Японии и переведен для прохождения дальнейшей службы как специалист-разведчик в штаб Иркутского военного округа.

Штабс-капитан Луцкий был одним из немногих офицеров штаба, кто приветствовал свержение царизма. Революционные солдаты и офицеры избрали его членом, а затем председателем Совета военных депутатов Иркутского военного округа. В апреле 1917 года его назначают помощником начальника контрразведки штаба округа, а через месяц направляют в Петроград на курсы военных разведчиков. Пребывание в Петрограде имело большое значение для развития политических взглядов Луцкого.

В августе 1917 года Луцкий был командирован в Харбин, где

возглавил отделение разведки и контрразведки. Он сразу же установил тесный контакт с местным Советом и близко сошелся с харбинскими большевиками.

Весь длительный и бурный период борьбы за становление советской власти в Сибири и на Дальнем Востоке Луцкий занимался активной разведывательной работой. А она проходила в особо сложных условиях. Он вскрыл в Харбине контрреволюционный заговор бывшего управляющего русской администрацией, а затем – комиссара Временного правительства на КВЖД генерала Хорвата, готовившего разгон местных Советов и захват железной дороги, и проинформировал об этом советское правительство в Петрограде. Луцкому удалось также получить через агентуру и сообщить в Центр ценные сведения о продвижении к Харбину японских войск.

После подавления революционного движения на КВЖД интервентами и белогвардейцами и разгрома харбинского Совета практически вся Северная Маньчжурия превратилась в базу иностранной военной интервенции на Дальнем Востоке. Луцкий перешел на нелегальное положение. Изменив свою внешность с помощью грима, с документами на чужое имя он встречался с агентурой, оставшейся в Маньчжурии, инструктировал ее, договаривался о связи. Рискуя жизнью, Луцкий продолжал вести разведку в районе Харбина и передавал информацию в Петроград.

В начале 1918 года, преодолев многие опасности, Луцкий прибыл в Иркутск. В то время в городе велась активная работа по укреплению советской власти в Сибири и созданию в регионе революционных вооруженных сил. Луцкий был назначен заместителем командующего войсками округа и одновременно начальником штаба. Параллельно с решением военных вопросов Луцкий возглавлял разведывательную работу против японцев и банд Семенова. Через внедренную в их среду агентуру он добывал важные разведывательные сведения. Опыт работы в Харбине и знание обстановки, сложившейся в Маньчжурии, способствовали качественному выполнению возложенных на него разведывательных и контрразведывательных задач. Так, Луцкий принимал непосредственное участие в ликвидации разветвленной японской агентурной группы, которой руководил консул Японии в Иркутске Сугино, а также в аресте высокопоставленного сотрудника японской разведки Муруски. Активная и успешная деятельность Луцкого по борьбе с иностранными разведками и их агентурой получила высокую оценку Центра. В частности, в телеграмме, направленной ему, указывалось: «Ваша энергичная деятельность и принятые меры против иностранцев всецело

находят одобрение и решительную поддержку центрального правительства».

В связи с мятежом белочехов в июле 1918 года все советские организации были эвакуированы из Иркутска в Забайкалье. В декабре того же года прокурор иркутского окружного суда разослал во все органы колчаковской контрразведки списки активных большевиков, подлежавших немедленному аресту. В них значился и штабс-капитан Луцкий. Он вновь перешел на нелегальное положение. Работал кассиром на железной дороге и собирал разведывательные сведения относительно передвижения войск противника.

В конце 1918 года Луцкий был арестован в Благовещенске, а затем по требованию генерала Хорвата, ставшего к тому времени уполномоченным колчаковского правительства по Дальнему Востоку, доставлен в Харбин, где до февраля 1920 года находился в местной тюрьме. Однако к тому времени военное и политическое положение в Сибири и на Дальнем Востоке коренным образом изменилось. Под ударами Красной Армии, партизанских соединений и всенародного движения против иностранной военной интервенции и контрреволюции была свергнута диктатура адмирала Колчака и его ставленников. Правительства иностранных держав вынуждены были начать эвакуацию своих войск. Эти события изменили обстановку и в Харбине.

31 января 1920 года партизанские отряды вошли во Владивосток. Рабочие Харбина устроили демонстрацию и потребовали освобождения политзаключенных. Мощное выступление трудящихся города в поддержку узников харбинской тюрьмы вынудило белогвардейское командование освободить Луцкого из-под стражи в числе других заключенных. По приказу военного министра эсера Краковецкого он был отправлен во Владивосток.

В дальнейшем судьба Луцкого была связана с Дальним Востоком. В феврале 1920 года он назначается членом Военного совета Приморья и начальником разведывательной и контрразведывательной служб штаба партизанской армии. Луцкий работает в тесном контакте с Сергеем Лазо, являвшимся одним из руководителей Военного совета, занимается реорганизацией партизанских отрядов в регулярные части революционной армии, добывает исключительно важные секретные документы главнокомандующего японскими оккупационными войсками на Дальнем Востоке. Вся эта напряженная работа проводилась в исключительно сложных условиях наличия войск иностранных интервентов в данном

регионе. В частности, японские войска остались в Приморье и Владивостоке и вели себя так, словно находились в оккупированной стране. Военные объекты города, железнодорожные станции Уссурийской дороги и Сучанской ветки были заняты японскими гарнизонами и караулами. Очевидно было, что японцы готовятся к серьезным действиям по оккупации всего края. На ноту с требованием о выводе японских войск из Приморья правительство Японии 30 марта 1920 года ответило, что эвакуация войск с русской территории откладывается на неопределенное время. На основании имевшихся разведданных Луцкий 1 апреля сообщил Реввоенсовету 5-й армии: «Отношения с японцами натянутые. Наша позиция твердая, спокойная. Оценка тактики японцев: более всего вероятно, что они будут создавать инциденты, давить на нас вплоть до полной оккупации ряда населенных пунктов. Но возможно мы стоим накануне открытого выступления». Анализ обстановки оказался правильным. Интервенты выступили.

В ночь с 4 на 5 апреля 1920 года японские солдаты внезапно окружили все правительственные учреждения Владивостока и, ворвавшись в здание Военного совета, арестовали находившихся там его руководителей Сергея Лазо, Всеволода Сибирцева и Алексея Луцкого.

Больше месяца их допрашивали и пытали в застенках японской военной контрразведки. Не сломив волю мужественных патриотов, японские интервенты и белоказаки атамана Бочкарева вывезли их в конце мая из Владивостока и сожгли в паровозной топке на станции Муравьев-Амурская.

Алексей Николаевич Луцкий был казнен врагами прежде всего за свою разведывательную деятельность. Вся его недолгая жизнь – это подвиг одного из первых русских советских разведчиков.

Яков Давтян (Давыдов)

Первый руководитель советской внешней разведки Яков Христофорович Давтян родился 10 октября 1888 года в селе Верхние Акулисы Нахичеванского края в семье крестьянина, занимавшегося садоводством. После смерти отца брат матери, служивший в Тифлисе, взял мальчика в свой дом на воспитание. Яков поступил в лучшую в городе 1-ю Тифлисскую гимназию. В 1905 году от вступил в партию большевиков. Вел работу в ученических и рабочих кружках, находился под негласным надзором полиции.

Яков Христофорович Давтян

В 1907 году Давтян окончил гимназию и поступил в Петербургский университет. Одновременно принимал активное участие в деятельности Петербургской организации РСДРП (б): работал в ее военной организации. В конце того же года был арестован полицией «за революционную деятельность». В мае 1908 года был выпущен из тюрьмы под залог и эмигрировал из России в Бельгию, где продолжил учебу в Политехническом

университете и получил инженерное образование. Являлся членом Бельгийской социалистической партии и сотрудничал с ее печатными изданиями.

В период оккупации Бельгии Германией был арестован «за ведение антигерманской агитации» и провел восемь месяцев в одиночной камере тюрьмы города Аахен. Затем был переведен в лагерь для интернированных, находившийся на территории Германии. В августе 1918 года Давтян был освобожден немцами из лагеря и вернулся в Россию. В сентябре того же года он становится заместителем председателя Московского губсовнархоза и активно сотрудничает с газетой «Правда».

В феврале 1919 года партия направляет Давтяна в составе миссии российского Красного Креста во Францию для решения вопроса о возвращении на родину солдат и офицеров 40-тысячного Русского экспедиционного корпуса.

Возвратившись в Москву, Давтян обратился в ЦК партии с просьбой предоставить ему работу с учетом приобретенного зарубежного опыта. Он назначается на должность первого секретаря советского полпредства в Ревеле (Таллин). Затем из Ревеля его переводят в Лондон секретарем делегации Л. Б. Каменева. С октября 1920 года Яков Христофорович работает в центральном аппарате НКИД, являясь заведующим отделом Прибалтийских стран и Польши и одновременно членом коллегии наркомата.

12 ноября 1920 года по ходатайству Ф. Э. Дзержинского Оргбюро ЦК РКП(б) принимает решение «откомандировать Давтяна Я. Х. в распоряжение ВКЧ», где, как предполагалось, он должен был возглавить создаваемый Иностранный отдел (внешнюю разведку).

Дело это было новое и связанное с многочисленными трудностями. Не хватало грамотных сотрудников, владевших секретами чекистского мастерства, навыками ведения разведработы за рубежом и свободно говоривших на иностранных языках. Скудным был и бюджет внешней разведки, а задачи перед ней стояли большие. К тому же первому организатору ИНО ВЧК в ту пору было всего 32 года. Поскольку Яков Христофорович числился сразу за двумя ведомствами, было решено, что в целях конспирации в ИНО ВЧК он будет работать под фамилией Давыдов.

20 декабря 1920 года подписанным Дзержинским приказом № 169 «О создании Иностранного отдела (ИНО) ВЧК» Давтян был назначен исполняющим обязанности начальника ИНО ВЧК. Он активно включился в процесс разработки Положения об Иностранном отделе ВЧК, определения его структуры и штатного

состава. Но если в НКИД, где Давтян одновременно продолжал работать, он был официально утвержденным начальником отдела и членом коллегии, то его статус в ИНО в качестве исполняющего обязанности начальника был менее определенным. Однако с официальным назначением Давтяна на столь ответственный пост Дзержинский не торопился, желая, очевидно, более детально изучить его личные и деловые качества.

Подобное положение, видимо, не устраивало Давтяна. Через месяц официальной работы в качестве исполняющего обязанности руководителя внешней разведки он подает рапорт с просьбой перевести его на дипломатическую работу за рубежом и возвращается в НКИД.

Преемником Давтяна на посту начальника ИНО ВЧК 20 января 1921 года стал Рубен Павлович Катанян, являвшийся до этого заведующим агитационно-пропагандистским отделом ЦК РКП(б). Однако на посту начальника внешней разведки он проработал недолго и уже 10 апреля по собственному желанию перешел на прокурорскую работу.

10 апреля 1921 года Иностранный отдел ВЧК вновь возглавил, но теперь уже в должности официального начальника, Яков Давтян (Давыдов). Но и на этот раз он недолго руководил внешней разведкой. Уже в августе 1921 года Давтян переводится на дипломатическую работу и назначается полпредом РСФСР в Литве. Пробыв в Ковно до сентября того же года, он становится временным поверенным в делах РСФСР в Китае в ранге советника. При этом Давтян, как было оговорено ранее, одновременно утверждается главным резидентом ИНО ВЧК в Китае, где в ту пору работало около десятка разведывательных коллективов.

Яков Христофорович энергично взялся за дело. Через полгода он докладывает в Центр: «Работа здесь весьма интересная, захватывающая, но очень трудная, чрезвычайно ответственная. Отдаленность от Москвы, плохая связь, взаимное непонимание еще больше осложняют нашу работу… Я никогда (даже в ИНО) так много не работал, как здесь».

Давтяну действительно удалось активизировать работу разведки в этой стране, особенно по белой эмиграции. В частности, мукденская резидентура через свою агентуру в японских спецслужбах добыла уникальный архив белогвардейской контрразведки, касающийся всего Дальнего Востока. Исключительно высоких результатов добилась резидентура ИНО ОГПУ в Харбине. Ее сотрудниками было получено свыше двадцати японских шифров.

В годы Великой Отечественной войны из Китая в Центр

поступала весьма важная политическая информация по Японии. А основы этой блестящей работы советской внешней разведки в данном регионе были заложены в ту пору, когда главным резидентом Иностранного отдела в Китае был Яков Давтян.

В начале 1925 года Давтян возвращается в Москву и в мае назначается советником полпредства СССР во Франции, которое в то время возглавлял известный революционер и активный сторонник Троцкого Христиан Раковский. В Париже Давтян принимает участие в работе различных международных конференций, неоднократно замещает полпреда, которому в Москве не очень доверяли из-за его близости к Троцкому, и по-прежнему оказывает помощь резидентуре ИНО ОГПУ.

Осенью 1927 года Давтян занимает пост полномочного представителя СССР в Персии (Иране). В 1932 году он становится полпредом СССР в Греции, а в апреле 1934 года – полпредом СССР в Польше. На VII съезде Советов СССР в 1935 году избирается членом ЦИКа СССР.

Однако близкое знакомство в период работы во Франции с одним из видных троцкистов Раковским не прошло для Давтяна даром.

21 ноября 1937 года Яков Христофорович был арестован в Москве по обвинению в принадлежности к «антисоветской террористической организации». Вскоре он был осужден Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания и 28 июля 1938 года расстрелян.

25 апреля 1957 года Я. Х. Давтян был полностью реабилитирован Военной коллегией Верховного суда СССР в связи с отсутствием состава преступления.

Имя Якова Христофоровича Давтяна (Давыдова), как одного из непосредственных организаторов внешней разведки нашей страны, занесено на Мемориальную доску Службы внешней разведки Российской Федерации.

Руководитель разведки Меер Трилиссер

В марте 1922 года пост руководителя Иностранного отдела ГПУ занял начальник ее закордонной части Михаил (Меер) Абрамович Трилиссер. В этой должности он успешно проработал до конца октября 1929 года, что в те времена было своего рода рекордом, и оставил яркий след в истории внешней разведки органов госбезопасности.

Меер Трилиссер родился 1 апреля 1883 года в Астрахани в семье мелкого ремесленника. В 10 лет его отдали в городское реальное училище, дававшее среднее образование и основы коммерческой деятельности. После его окончания 17-летний юноша в поисках лучшей доли уехал на заработки в Одессу.

Меер Абрамович Трилиссер

В 1901 году Меер вступил в члены Южной революционной группы социал-демократов. В том же году был арестован за революционную деятельность и выслан под гласный надзор полиции по месту рождения – в Астрахань, где участвовал в

организации подпольной типографии, руководил рабочими кружками.

Во время революции 1905 года Трилиссер находился в Казани, где вел революционную пропаганду среди военнослужащих Казанского гарнизона. Затем по указанию ЦК партии большевиков он был направлен в Петербург и избран членом Петербургского комитета РСДРП. Одновременно работал в военном комитете ЦК РСДРП, где руководил финляндской военной организацией партии. Являлся одним из организаторов Первой конференции военных и боевых организаций РСДРП в Таммерфорсе (Тампере), состоявшейся в ноябре 1906 года. Руководил восстанием военных моряков в Свеаборге.

В 1907 году Трилиссер был арестован царской полицией, помещен в Шлиссельбургскую крепость и около двух лет находился под следствием. В 1910 году приговорен к восьми годам каторжных работ. В ноябре 1914 года освобожден из заключения и отправлен на вечное поселение в Сибирь.

После Февральской революции 1917 года Трилиссер был амнистирован и переехал в Иркутск, где возглавил местную военную организацию комитета большевиков. В октябре 1917 года на 1-м Общесибирском съезде Советов Трилиссер избирается членом ВЦИКа Центросибири и одновременно становится членом губкома РСДРП(б). С победой Октябрьской революции принимает активное участие в установлении советской власти в Сибири.

С образованием в 1921 году Дальневосточной республики (ДВР) Трилиссер назначается комиссаром по Амурской области, избирается членом Дальневосточного бюро РКП(б) и входит в руководящий состав Государственной политической охраны (ГПО) ДВР, выполнявшей функции контрразведки этой буферной республики. В рамках ГПО он создает первую на советском Дальнем Востоке специальную шифровальную службу для связи с Москвой и начинает формировать разведывательный агентурный аппарат.

После изгнания интервентов с советского Дальнего Востока Трилиссер избирается секретарем Амурского обкома партии. В марте 1921 года в качестве делегата от коммунистов Забайкалья он участвует в работе X съезда РКП(б).

В последние дни работы съезда Трилиссеру предложили занять должность заведующего Дальневосточным отделом Исполкома Коминтерна. Однако проработал он на этой должности всего несколько месяцев. Уже в августе 1921 года с Трилиссером встретился Дзержинский и предложил ему перейти на работу в ВЧК, в Иностранный отдел. Трилиссер был

назначен начальником закордонной части Иностранного отдела ВЧК.

Когда Трилиссер пришел в отдел, весь его состав размещался в одной большой общей комнате. Ему предстояло организовать разведывательную работу в странах Восточной и Западной Европы. В декабре 1921 года Трилиссер становится вторым лицом в Иностранном отделе – заместителем его начальника С. Г. Могилевского.

6 февраля 1922 года декретом ВЦИК РСФСР упраздняется ВЧК. На ее базе создается Государственное политическое управление (ГПУ) при НКВД РСФСР. А 13 марта Трилиссер назначается начальником Иностранного отдела ГПУ, сменив на этом посту Могилевского, возглавившего чекистов Закавказья.

С приходом Трилиссера к руководству внешней разведки начался, по сути дела, новый профессиональный период ее деятельности. Разведка стала работать в полную силу: сказывался опыт агентурной работы ее нового руководителя.

С 10 апреля по 19 мая 1922 года в Генуе состоялась международная конференция по экономическим и финансовым вопросам. В ходе конференции 16 апреля в пригороде Генуи – Рапалло представители советского правительства подписали с Германией договор об установлении дипломатических и экономических отношений.

Открытие дипломатического представительства Советской России в Берлине создало необходимые условия для организации в Германии нашей «легальной» резидентуры. Берлинская резидентура ГПУ стала важнейшей резидентурой в Европе. Через Берлин Иностранный отдел ГПУ – ОГПУ во главе с Трилиссером осуществлял руководство разведывательной работой не только в Германии, но и во Франции, Англии и на Балканах.

С целью качественного улучшения деятельности центрального аппарата разведки в новых условиях Трилиссер пригласил на работу в ИНО большую группу своих соратников по работе в военной организации партии, а также по работе на Дальнем Востоке в период Гражданской войны. Штаты внешней разведки были значительно расширены. В закордонной части ИНО стало шесть географических отделов. Работникам зарубежных резидентур ИНО была предоставлена большая свобода в вербовке агентуры. Формируя штаты ИНО, Трилиссер обращал особое внимание на профессиональную подготовку сотрудников, знание ими иностранных языков, умение работать с агентурой. Под его руководством были образованы резидентуры ИНО в Берлине, Лондоне, Париже, Вене, Риме. На Востоке – в Токио, Пекине, Харбине, Сеуле – были созданы нелегальные

резидентуры. В короткое время была образована солидная агентурная сеть в кругах белоэмигрантов и в важных правительственных учреждениях ряда стран. Внешняя разведка госбезопасности приступила к добыванию научно-технической информации, необходимой для нужд обороны и народного хозяйства страны.

Будучи начальником ИНО, Трилиссер продолжал возглавлять и его закордонную часть. Он принимал непосредственное участие в оперативной деятельности отдела. Умелое руководство Трилиссером внешней разведкой принесло свои плоды. 26 марта 1926 года он становится членом коллегии – заместителем председателя ОГПУ, а с февраля 1928 года – одновременно и уполномоченным ОГПУ при Совете народных комиссаров СССР.

Это был пик разведывательной карьеры Трилиссера. Под его руководством внешняя разведка органов государственной безопасности добилась впечатляющих успехов. В частности, в 1927 году сотрудникам сеульской и харбинской резидентур практически одновременно удалось получить так называемый «меморандум Танаки» – сверхсекретное письмо премьер-министра Японии императору Хирохито, в котором были сформулированы основные направления внешней политики возглавляемого Танакой кабинета министров. Ценной агентурой располагали резидентуры ОГПУ в Берлине и Вене, на связи у которых были видные работники МИДа и МВД этих стран. Источники важной информации имелись в Финляндии. Больших успехов в разработке вооруженной белогвардейской эмиграции добились резидентуры во Франции, Болгарии, Чехословакии, Турции и Китае. Много ценной агентуры было приобретено и в других странах.

В декабре 1927 года Меер Абрамович Трилиссер был награжден орденом Красного Знамени.

В октябре 1929 года решением Политбюро ЦК ВКП(б) начальник Иностранного отдела ОГПУ Трилиссер был освобожден от занимаемой должности. Причиной послужило его открытое выступление против назначения на должность первого заместителя председателя ОГПУ Генриха Ягоды. Некоторое время опытный организатор разведки находился не у дел. Наконец, в феврале 1930 года он был назначен заместителем наркома Рабоче-крестьянской инспекции.

В 1935 году Трилиссер был избран членом Президиума и кандидатом в члены Секретариата Исполкома Коммунистического Интернационала. Курировал работу по линии компартий Латвии, Литвы, Финляндии, Эстонии и Польши. Одновременно отвечал за деятельность спецслужб ИККИ и их

взаимодействие с органами НКВД.

23 ноября 1938 года Меер Абрамович Трилиссер был арестован НКВД и обвинен «в принадлежности к антисоветской группе, существовавшей в ОГПУ СССР». 1 февраля 1940 года Военная коллегия Верховного суда СССР признала его виновным по всем пунктам предъявленного обвинения и приговорила к высшей мере наказания. На следующий день опытный революционер-подпольщик, разведчик и государственный деятель был расстрелян. Реабилитирован посмертно в 1956 году.

Разведчик Павел Дьяконов

Мартовским вечером 1924 года в вестибюль советского полпредства на улице Гренель в Париже вошел среднего роста худощавый господин, одетый в плащ и дорогой темный костюм-тройку. Обратившись к дежурному дипломату, он попросил о немедленной встрече с советским полпредом:

– Речь идет о военном заговоре против республики Совдепов. Я – один из непосредственных участников этого заговора. Меня зовут Павел Дьяконов.

Слово «заговор» подействовало, и гостя сразу же провели в отдельный кабинет, где с ним встретился резидент ИНО ОГПУ. Он попросил Павла Павловича изложить на бумаге ставшие известными ему сведения. Через некоторое время сообщение Дьяконова с соответствующими комментариями резидента было доставлено дипкурьером в Москву.

В материале Дьяконова содержалась исключительно важная информация о программе тотального террора за пределами СССР против советских граждан и учреждений, которую намеревались осуществить боевики Русского общевоинского союза (РОВС).

Имя генерал-майора Дьяконова, бывшего российского военного атташе в Великобритании, было хорошо известно руководству внешней разведки. Поэтому в Москве к его информации отнеслись исключительно внимательно. На следующий день на стол начальника Иностранного отдела легли материалы на Дьяконова, которыми располагал Центр. В представленной ему справке, в частности, отмечалось:

«Павел Павлович Дьяконов родился 4 февраля 1878 года в Москве в семье военнослужащего. С 17 лет он связал свою жизнь с армией. После завершения в 1895 году учебы в Московской практической академии коммерческих наук он поступил вольноопределяющимся в 5-й гренадерский Киевский полк, став кадровым военным. С отличием окончил Казанское пехотное юнкерское училище, а в 1905 году – Николаевскую академию Генерального штаба. Принимал участие в Русско-японской войне.

Павел Павлович Дьяконов

До конца 1913 года Дьяконов работал на различных должностях в Главном управлении Генерального штаба. В июле 1914 года был назначен помощником военного атташе в Лондоне. При этом было учтено безупречное знание им английского, немецкого и французского языков. С началом Первой мировой войны Дьяконов подал рапорт с просьбой о переводе его в действующую армию, и в сентябре 1914 года был направлен на фронт.

В январе 1916 года полковник Дьяконов был назначен командиром 2-го Особого полка Русского экспедиционного корпуса, отправленного во Францию. Принимал активное участие в сражениях против немцев. Его боевые заслуги были отмечены семью высшими русскими и пятью иностранными орденами. За боевые заслуги в сражении на Марне он получил отличие офицера Почетного легиона, был награжден офицерским крестом Почетного легиона и двумя французскими военными крестами, что давало ему право на получение французского гражданства.

В начале 1917 года Дьяконов был переведен на работу в Генеральный штаб. По представлению начальника Генерального штаба за боевые отличия был произведен Николаем II в генерал-майоры. В сентябре того же года откомандирован в Лондон для

исполнения обязанностей военного атташе в Великобритании, где оставался до 1 мая 1920 года. После закрытия аппарата русской военной миссии в Великобритании в мае 1920 года переехал на постоянное жительство во Францию.

В белогвардейском движении на территории России не участвовал. Ни он, ни члены его семьи никогда не высказывали враждебных намерений против новой власти в России…»

Последние строчки начальник ИНО подчеркнул жирной чертой, а в левом углу документа написал: «Провести с генералом Дьяконовым доверительную беседу и выяснить его дальнейшие намерения».

Резидент ИНО ОГПУ провел в Париже очередную встречу с генералом. Во время беседы Дьяконов передал разведчику план общей работы РОВС. «Террор, исключительно за границей, против советских чиновников, а также тех, кто ведет работу по развалу эмиграции, – говорилось в документе, – является приоритетным направлением деятельности организации». В Париже, Варшаве, Софии, Праге, Берлине и ряде других столиц европейских стран рекомендовалось готовить «тройки», «пятерки» и индивидуальных боевиков РОВС для убийства советских дипломатов.

Чистота помыслов генерала Дьяконова не вызывала сомнений у резидентуры. Русский патриот отдавал себе отчет в том, что реализация планов РОВС по организации нового крестового похода против большевиков, за которыми пошло абсолютное большинство русского народа, приведет к новым потокам крови на его родине. Поэтому такие планы контрреволюции не вызывали поддержки у генерала.

Так царский профессиональный разведчик Павел Дьяконов стал активно сотрудничать на патриотической основе с советской внешней разведкой. В письме на имя руководства разведки, он писал: «Настоящим я заявляю, что, будучи в прошлом человеком, враждебно настроенным по отношению к Советской власти, в настоящее время я решительно изменил свое отношение к ней.

Желая доказать свою преданность советскому правительству, я добровольно и сознательно беру на себя обязательство своевременно его информировать о деятельности правых (антисоветских) партий и контрреволюционных групп…»

Советский разведчик Дьяконов успешно выполнял задания Центра по разложению Русского общевоинского союза, осуществлявшего подготовку и заброску на территорию СССР террористических групп. От него также поступала важная информация о деятельности кирилловских белогвардейских организаций и французской военной разведки. Дьяконов принимал непосредственное участие в проведении операции по

захвату руководителя РОВС генерала Кутепова и в осуществлении ряда других оперативных комбинаций. В частности, в результате одной из таких комбинаций французскими властями был арестован адъютант великого князя Кирилла Владимировича и руководитель белогвардейской организации младороссов Казембек.

В начале 1930-х годов Дьяконов сообщил о том, что группа бывших царских генералов во главе с Туркулом установила связь с лидером германских нацистов Адольфом Гитлером, у которого ищет финансовой помощи и политической поддержки. Он подчеркнул, что Туркул и его сообщники имеют высокопоставленных покровителей во французском Генштабе.

По поручению Центра Дьяконов довел до сведения Второго бюро Генерального штаба французской армии (военная разведка), с представителями которого он поддерживал служебные контакты в годы Первой мировой войны, сведения о профашистски настроенных белогвардейских офицерах и генералах. Незадолго до начала Второй мировой войны французские власти, которым генерал Дьяконов предоставил соответствующие документы, выслали из Франции большую группу прогерманского крыла русской эмиграции во главе с генералом Туркулом. Высылка этих лиц ослабила «пятую колонну» фашистов во Франции.

В период гражданской войны в Испании Дьяконов неоднократно выезжал туда с исключительно важными специальными разведывательными заданиями Москвы.

После оккупации Франции фашистскими войсками Дьяконов был арестован и подвергнут допросам. Немцев в первую очередь интересовали его поездки в Испанию. На допросах он вел себя мужественно и стойко. Сорок три дня провел Павел Дьяконов в фашистском застенке.

Поскольку накануне вторжения гитлеровцев во Францию Павлу Павловичу и его дочери, которая также была арестована, было предоставлено советское гражданство и они получили советские паспорта, Народный комиссариат иностранных дел СССР потребовал от германских властей незамедлительно освободить арестованных во Франции советских граждан. Германское военное командование в Париже было вынуждено выполнить это требование.

В конце мая 1941 года Павел Павлович и его дочь Мария вернулись на родину. После начала Великой Отечественной войны некоторое время они жили в эвакуации в Ташкенте, а затем переехали в киргизский город Кара-Суу. Дьяконов работал там в райпотребсоюзе.

В ноябре 1942 года Дьяконов выехал с эшелоном в Москву,

сопровождая грузы для Красной Армии. В дороге он тяжело заболел и на станции Челкар (Казахстан) был помещен в больницу, где 28 января 1943 года скончался.

Артур Артузов

В августе 1931 года на пост начальника внешней разведки органов государственной безопасности был назначен видный чекист, один из создателей советской контрразведки Артур Христианович Артузов.

Он родился 16 февраля 1891 года в имении Устиново Кашинского уезда Тверской губернии в семье швейцарского сыровара итальянского происхождения Христиана Фраучи, эмигрировавшего в Россию. Родители по протестантской традиции нарекли первенца тройным именем – Артур-Евгений-Леонард. В России второе и третье имена не были приняты, поэтому сверстники звали его просто Артуром.

Артур Христианович Артузов (Фраучи)

Мальчик был любимцем матери. Еще в детстве под ее руководством он овладел французским, немецким и польским языками. Уже взрослым самостоятельно выучил английский язык.

Спустя много лет, заполняя анкету, Артур Фраучи, взявший фамилию Артузов, укажет в графе «национальность»: «Сын швейцарского эмигранта, мать латышка, проживала все время в России. Отец умер в 1923 году. Я себя считаю русским».

После окончания в 1909 году с золотой медалью Новгородской мужской гимназии Артур поступил на металлургический факультет Петербургского политехнического института. В 1917 году получил диплом инженера-металлурга с отличием и был направлен на Урал, в Нижний Тагил, в техническое бюро профессора В. Е. Грум-Гржимайло. Однако вскоре отказался от карьеры инженера-проектировщика и целиком посвятил себя политической деятельности. В декабре того же года вступил в партию большевиков.

В 1918 году Артур работал в Комиссии по установлению советской власти в северных районах страны. Принимал участие в боях с английскими интервентами под Архангельском.

С января 1919 года Артур стал работать в органах госбезопасности. Занимал последовательно должности особоуполномоченного, заведующего оперативным отделом, помощника начальника, заместителя начальника Особого отдела ВЧК – ГПУ РСФСР. При поступлении на службу в ВЧК с согласия своих руководителей Дзержинского и Кедрова Фраучи официально принял фамилию Артузов. В мае 1922 года в связи с окончанием Гражданской войны из Особого отдела был выделен новый – контрразведывательный отдел (КРО), который возглавил Артузов, по праву считавшийся в ВЧК мастером контрразведки высокого класса.

На посту начальника КРО ОГПУ СССР Артузов руководил и принимал непосредственное участие в разработке и проведении многих ответственных чекистских операций. В частности, в ликвидации заговора монархистов-николаевцев, в знаменитой операции «Синдикат-2» по выводу на территорию СССР и аресту известного террориста Бориса Савинкова, в операции «Трест», завершившейся арестом международного шпиона и заговорщика, британского разведчика Сиднея Рейли и многих других. За поимку Савинкова Артузову была объявлена благодарность советского правительства.

В 1930 году Артузов переходит на работу во внешнюю разведку: занимает пост заместителя начальника ИНО ОГПУ. 1 августа 1931 года он становится начальником советской внешней разведки и членом Коллегии ОГПУ.

Под руководством Артузова была проведена коренная реорганизация работы Иностранного отдела ОГПУ, сочетавшая ведение разведки с «легальных» и нелегальных позиций.

В 1933 году по инициативе Артузова была воссоздана нелегальная резидентура в Англии, руководимая знаменитым разведчиком-нелегалом Арнольдом Дейчем, лично завербовавшим свыше двадцати агентов. Этой резидентурой была приобретена знаменитая «Кембриджская пятерка», от которой в дальнейшем поступала документальная информация о деятельности МИДа и МВД Великобритании, об англо-германских отношениях, о положении в основных политических партиях страны, о торговой политике Великобритании, а также по другим актуальным вопросам, интересовавшим Москву. В годы Великой Отечественной войны от «Кембриджской пятерки» на регулярной основе поступала информация не только по Великобритании, но и по гитлеровской Германии, где в тот период не существовало резидентуры советской внешней разведки.

В мае 1934 года, когда угроза гитлеровской агрессии стала реальностью и не исключалось создание блока западных стран на антисоветской основе, Политбюро ЦК партии рассмотрело вопрос о координации деятельности военной и политической разведок. Начальник ИНО ОГПУ Артур Артузов был назначен по совместительству заместителем начальника Разведывательного управления (РУ) РККА. 21 мая 1935 года он был освобожден от обязанностей начальника ИНО Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР и полностью сосредоточился на работе в военной разведке, которую тогда возглавлял Ян Карлович Берзин. Артузову было присвоено воинское звание корпусного комиссара.

Уже за первый год своей работы в военной разведке Артузов многое сделал для совершенствования ее деятельности. В частности, он активно добивался, чтобы сотрудники военной разведки за границей прекратили всякие связи с членами компартий, отказались от практики их вербовки, что неоднократно приводило к провалам в работе.

И в военной разведке Артузов уделял первостепенное внимание работе с нелегальных позиций. В 1935 году по его предложению за рубеж был командирован разведчик-нелегал Ян Черняк. В течение двенадцати лет он возглавлял крупную агентурную сеть, охватывавшую ряд стран Европы. Уже в наше время он был удостоен звания Героя России. Именно Артузов принял в Разведупр легендарного военного разведчика Хаджи-Умара Мамсурова («Ксанти»), отличившегося позднее в Испании. В тот же период нелегальным военным разведчиком стал знаменитый Шандор Радо, обосновавшийся в Швейцарии под псевдонимом «Дора», от которого в годы Великой Отечественной войны поступала ценная стратегическая информация по

Германии и Италии. На период работы Артузова в военной разведке приходится активизация деятельности Леопольда Треппера, создавшего разветвленную разведывательную сеть в Бельгии и во Франции. Наконец, Артур Христианович был «крестным отцом» выдающегося разведчика-нелегала Рихарда Зорге («Рамзая»), работавшего в Китае и Японии и в 1963 году удостоенного звания Героя Советского Союза (посмертно).

Список имен прославленных разведчиков, таланты которых сумел разглядеть Артузов, можно было бы продолжить. Однако даже простое перечисление этих бойцов «невидимого фронта», вошедших в золотой фонд как политической, так и военной разведок нашей страны, говорит о незаурядном уме и высоком профессионализме мастера разведки, каковым с полным основанием можно считать чекиста Артура Христиановича Артузова. Он умел создавать задел на перспективу. В суровые годы Второй мировой войны именно от этих людей поступала ценнейшая военная и политическая информация, в том числе по атомному оружию. Именно поэтому Артузов в своей профессии не имеет себе равных среди руководителей разведок всех стран.

Однако положение Артузова в Разведупре, несмотря на его успешную деятельность, было непрочным. Нарком обороны Ворошилов с подозрением относился к нему и другим чекистам, пришедшим в военную разведку, считая, что они подосланы Сталиным для наблюдения за ним. Началось неприкрытое выживание Артузова и других бывших сотрудников НКВД из военной разведки.

11 января 1937 года по предложению Ворошилова Политбюро приняло решение освободить Артузова и Штейнбрюка от работы в военной разведке и направить их в распоряжение кадров НКВД. Несколько позже из Разведупра были удалены и другие чекисты, пришедшие туда вместе с Артузовым.

На Лубянке Артузов оказался не у дел, а его уникальный разведывательный опыт невостребованным. Первоначально его направили в архивное подразделение – якобы для написания книги, приуроченной к 20-й годовщине органов государственной безопасности.

В ночь на 13 мая 1937 года Артур Артузов был арестован в своем служебном кабинете. Незадолго до своего ареста, выступая на партийном активе НКВД, Артур Христианович заявил:

«При установившемся после смерти Менжинского фельдфебельском стиле руководства отдельные чекисты и даже целые звенья нашей организации вступили на опаснейший путь превращения в простых техников аппарата внутреннего ведомства со всеми недостатками, ставящими нас на одну доску с

презренными охранками капиталистов».

«Простые техники» такого простить Артузову не смогли. Уже на следующий день после ареста началось «следствие» по его делу, которое закончилось 15 августа 1937 года. Артузов обвинялся по 58-й статье, точнее, по тому из ее пунктов, где говорилось о «контрреволюционных преступлениях» и «шпионаже», а также в принадлежности к «антисоветской организации правых, действовавшей в НКВД и возглавляемой Ягодой».

21 августа того же года как «шпион польской и других разведок» Артузов был осужден тройкой НКВД к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян. Реабилитирован посмертно 7 марта 1956 года.

Артур Христианович Артузов был награжден двумя орденами Красного Знамени, а также двумя нагрудными знаками «Почетный работник ВЧК – ГПУ».

Андрей Федоров

В 1920-е годы основные акции, проводимые ВЧК – ОГПУ и зарождавшейся внешней разведкой, были направлены не столько против иностранных разведок, сколько против различные зарубежных антисоветских организаций и центров и их филиалов в России. Важную роль в деятельности советской внешней разведки в этом направлении выпало сыграть представителю первого поколения чекистов-разведчиков Андрею Павловичу Федорову.

Андрей Федоров родился 26 августа 1888 года в селе Мангуш Мариупольского уезда Екатеринославской губернии в крестьянской семье.

Андрей Павлович Федоров

Окончив двухклассное сельское училище, Андрей поступил в Мариупольскую гимназию. В 1905 году за участие в

забастовочном движении учащихся был исключен из гимназии. Позднее сдал экстерном экзамены и в 1909 году поступил на медицинский факультет Новороссийского университета в городе Одессе. Во время учебы в университете участвовал в деятельности партии эсеров, за что был исключен и выслан из Одессы.

В 1910 году Федоров поступил на юридический факультет Харьковского университета. В 1912 году за участие в забастовке протеста против расстрела рабочих на Ленских золотых приисках он был исключен из университета и выслан за пределы Харьковской губернии. Жил на Кавказе. В 1914 году экстерном окончил университет, получив диплом юриста.

В августе 1915 года Федоров был призван на военную службу. Окончил Александровское военное училище в Москве и был направлен прапорщиком в 5-й Сибирский полк, расквартированный в Туркестане. На службе в армии Федоров вел революционную работу среди солдат, избирался членом полкового солдатского комитета. В 1917 году принимал активное участие в революционных событиях в России, поддержав Октябрьскую революцию.

С приходом белогвардейцев в Туркестан Федоров был арестован и выслан на Кавказ. Принимал участие в работе подпольной коммунистической группы. В конце августа 1919 года деникинская контрразведка напала на след подпольщиков, и Федоров был вновь арестован. Белогвардейский суд приговорил его к расстрелу, однако в конце декабря того же года по «манифесту Деникина» он был помилован и направлен на «перевоспитание» в караульную роту во Владикавказ. В январе 1920 года бежал в Тифлис, где поступил на работу секретным сотрудником Особого отдела 10-й армии.

С 1920 по 1922 год Федоров работал на Кавказе в качестве начальника отделения Особого отдела Батумского укрепрайона. В 1922 году был откомандирован в Кутаиси на должность начальника отделения Закавказской ЧК.

В 1922 году Федоров был переведен на работу в центральный аппарат ГПУ. Являлся активным участником операции «Синдикат-2», завершившейся в 1924 году выводом в СССР и арестом руководителя террористической белогвардейской организации «Народный союз защиты Родины и свободы» Бориса Савинкова. В данной чекистской операции Федорову отводилась одна из главных ролей.

Через эмиссара Савинкова в Москве Федоров вышел на самого руководителя белогвардейской организации. Выступая в качестве лидера легендированной чекистами организации «Либеральные демократы», разведчик неоднократно по заданию

ГПУ выезжал в Париж и другие европейские страны, где встречался с Савинковым и активистами его организации, а также с британским разведчиком Сиднеем Рейли. Бывая по заданию Дзержинского в Польше, Федоров встречался с сотрудниками военной разведки этой страны, которых снабжал специально подготовленными в Москве дезинформационными материалами.

Борис Савинков настолько поверил в реальность существования «Либеральных демократов» и словам Федорова о том, что этой организации нужен энергичный вождь, что в августе 1924 года решился лично посетить СССР. Савинков был арестован чекистами на конспиративной квартире в Минске и доставлен в Москву на Лубянку. Арест вызвал у террориста, заявлявшего, что он не боится смерти, серьезный надлом и полную капитуляцию. Допросы Савинкова вели Артузов и его заместитель Пиляр. Он признал свое поражение и дал высокую оценку работе чекистов.

Что же касается самого Федорова, то в операции «Синдикат-2» он проявил исключительную смелость, находчивость и самообладание. Он выдержал неоднократные проверки со стороны польской контрразведки, а также со стороны ближайшего помощника Савинкова полковника Павловского, который требовал от разведчика признания в своей принадлежности к ВЧК.

В 1924 году Андрей Павлович был награжден орденом Красного Знамени, а позже – нагрудным знаком «Почетный работник ВЧК – ОГПУ».

Приведем выдержку из рапорта заместителя начальника контрразведывательного отдела ГПУ – ОГПУ Романа Пилляра на Федорова, представленного к государственной награде за участие в операции «Синдикат-2»:

«Тов. Федоров провел главную роль в разработке дела Савинкова. На этой работе проявил небывалую выдержку и инициативу. Посылался по нашим заданиям нелегально через Польшу в Париж к Б. Савинкову. Неоднократно подвергался риску, проявляя в опасные моменты смелость, находчивость и стойкость».

В тот же период Федорову довелось принимать активное участие в реализации чекистской операции «Трест», завершившейся арестом международного шпиона и заговорщика британского разведчика Сиднея Рейли. 5 ноября 1925 года Сидней Рейли, приговоренный революционным судом к смертной казни еще в 1918 году за участие в «заговоре послов», был расстрелян.

В 1933–1937 годах Федоров являлся начальником

разведывательного отдела УНКВД Ленинграда и Ленинградской области. 3 августа 1937 года он был арестован вместе с другими чекистами, которым были известны некоторые интимные подробности убийства Сергея Мироновича Кирова. Федорову были предъявлены вздорные обвинения в «шпионаже» и в принадлежности к так называемому «троцкистско-зиновьевскому блоку».

20 сентября того же года майор госбезопасности Андрей Павлович Федоров был осужден к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян. Реабилитирован посмертно Военной коллегией Верховного суда СССР 14 апреля 1956 года.

Имя Андрея Павловича Федорова, как одного из выдающихся представителей первого поколения чекистов-разведчиков, занесено на Мемориальную доску Службы внешней разведки Российской Федерации.

Сергей Третьяков

В начале 1930-х годов советская внешняя разведка успешно провела крупную операцию по внедрению техники подслушивания в находившуюся в Париже штаб-квартиру боевой террористической организации белой эмиграции – Русского общевоинского союза (РОВС). В этой операции, ставшей позже известной под кодовым названием «ИНД» («Информация наших дней»), особая роль отводилась активному помощнику парижской резидентуры НКВД «Иванову». Лишь в конце 1980-х годов советская внешняя разведка открыла некоторые архивные материалы того периода, и широкой общественности стало известно, что оперативный псевдоним «Иванов» принадлежал одному из видных представителей русской эмиграции во Франции Сергею Николаевичу Третьякову – замечательному русскому человеку, вынужденному покинуть Родину, но преданно служившему ей до конца своих дней.

Сергей Николаевич Третьяков родился 26 августа 1882 года в богатой и именитой московской семье. Его дед Сергей Михайлович, родной брат основателя всемирно известной Третьяковской галереи, был в 1877–1881 годах городским головой в Первопрестольной.

Сергей Николаевич Третьяков

В 1901–1905 годах Сергей Николаевич учился на физико-математическом факультете Московского университета. После окончания учебы, продолжая дела своей семьи, возглавил правление товарищества Костромской льняной мануфактуры. Очень скоро он стал одним из наиболее влиятельных предпринимателей льняной отрасли, владельцем ведущих текстильных предприятий, основателем и первым председателем Всероссийского объединения льняных фабрикантов. Третьяков избирался председателем Московского биржевого комитета, входил в Группу молодых российских капиталистов, являлся членом ЦК созданной в 1912 году партии прогрессистов.

Политическая карьера Сергея Третьякова начала стремительно развиваться в 1917 году: в феврале его избрали товарищем (заместителем) председателя Всероссийского союза торговли и промышленности, в июне – по списку кадетской партии – гласным Московской городской думы. В сентябре он

вошел в состав третьего коалиционного российского правительства Керенского, заняв в нем пост председателя Высшего экономического совета.

26 октября 1917 года, на следующий день после большевистской революции, Третьяков вместе с другими министрами Временного правительства был арестован в Зимнем дворце и заключен в Петропавловскую крепость. После освобождения в конце февраля 1918 года он выехал в Париж. Однако когда в ноябре 1918 года адмирал Колчак предложил Третьякову занять пост министра торговли и промышленности во Временном сибирском правительстве, Сергей Николаевич немедленно отправился в Омск. Впрочем, в Сибири он пробыл недолго, всего десять месяцев, и после поражения Белого движения вернулся во Францию.

В Париже владеющему несколькими европейскими языками и к тому же обладающему солидным капиталом в России Третьякову было доверено кресло председателя Русской торговой палаты, а также – заместителя главы Российского торгово-промышленного и финансового союза («Торгпрома»).

В 1929 году Сергей Третьяков был привлечен парижской резидентурой ОГПУ к сотрудничеству и получил оперативный псевдоним «Иванов». Вопреки ожиданию резидентуры, он легко дал согласие работать на Москву. Причины, побудившие Третьякова пойти на сотрудничество с советской разведкой, кроются, скорее всего, в его разочаровании белой эмиграцией. Вместе с тем, будучи человеком трезвого, аналитического ума, Третьяков раньше других из своего окружения понял, что в России возврата к старому уже не будет.

В 1931 году руководитель парижской резидентуры докладывал в Центр: «“Иванов” является весьма ценным источником, с большими перспективами на будущее. Мы рассчитываем добиться через него ряда серьезных разработок». Одновременно было принято решение сосредоточить его усилия на работе по РОВС.

Сотрудники резидентуры обратили внимание на то, что дом № 29 на улице Колизей в столице Франции, где обосновалась штаб-квартира РОВС, принадлежит… Третьяковым. Главная резиденция общевоинского союза помещалась на первом этаже, а второй и третий этажи занимала семья Третьякова. Резидентура предложила Сергею Николаевичу перенести свой рабочий кабинет на второй этаж дома. Центр выделил необходимую сумму денег для проведения ремонта жилых помещений. Супруга Третьякова и дети заняли пять комнат третьего этажа, а рабочий кабинет главы семьи и ряд подсобных помещений расположились

на втором – непосредственно над кабинетами председателя РОВС генерала Миллера и начальника первого отдела генерала Шатилова, а также над канцелярией союза.

Вскоре из Москвы прибыла надежная прослушивающая аппаратура. В помещениях РОВС были установлены микрофоны, именовавшиеся на чекистском сленге «Петьками», а в комнатах Третьякова – аппаратура приема. И с января 1934 года началось постоянное прослушивание разговоров, ведущихся в штабе союза и даже в кабинете его председателя.

В Центр отныне регулярно поступала «Информация наших дней» («ИНД») – так в ИНО ОГПУ окрестили получаемые от Третьякова сведения. Из этой информации, проверяемой и дополняемой другими источниками, разведка смогла воссоздать достаточно точную картину деятельности РОВС.

Находившийся большую часть времени дома Третьяков имел возможность фиксировать всех посетителей штаб-квартиры РОВС, своевременно включать аппаратуру и записывать содержание бесед Миллера со своими помощниками. Он работал и днем и ночью. Благодаря этому разведка была в курсе почти всех деловых и личных встреч Миллера с другими руководителями организации, их планов по организации работы, замыслов и даже настроений отдельных белоэмигрантских лидеров.

В 1934 году парижский резидент сообщал в Центр: «“Иванов” исполняет добросовестно необычайно трудную работу, ибо несомненно, что производство “ИНД” – вредное производство: слух, внимание, нервы напряжены 8–9 часов в сутки… Он работает удивительно хорошо и внимательно, не за страх, а за совесть…»

Третьяков успешно сотрудничал с советской разведкой вплоть до оккупации гитлеровцами Франции. Он действительно работал честно, и его материалы представляли большой оперативный интерес. В конце 1939 года штаб-квартира РОВС была переведена в Брюссель. Буквально накануне оккупации Франции войсками гитлеровской Германии связь с Третьяковым была временно законсервирована. Однако это не спасло его от разоблачения. 14 июня 1942 года Третьяков был схвачен немцами. Во время обыска в его квартире гестаповцы обнаружили приемное устройство и провода, протянутые в штаб-квартиру РОВС, а в помещении штаба – микрофоны.

В августе 1942 года фашистская газета «Локаль-анцайгер» и эмигрантская газета «Новое слово» опубликовали корреспонденции, в которых говорилось об аресте в Париже бывшего министра Временного правительства России Сергея Третьякова как советского агента, участвовавшего в похищении

чекистами генералов Кутепова и Миллера и в укрывании одного из организаторов захвата последнего – генерала Скоблина. Газеты утверждали, что Третьяков являлся одним из резидентов НКВД во Франции и что с его помощью большевикам удалось обезвредить более тридцати диверсантов-белогвардейцев, переброшенных в СССР.

Третьякова перевезли в Германию. Там 16 июня 1944 года он был расстрелян в концлагере в Ораниенбурге. Немецкая пресса опубликовала официальное сообщение о его казни.

Так закончил свою жизнь Сергей Николаевич Третьяков – один из активных помощников советской внешней разведки, внесший неоценимый вклад в пресечение террористической деятельности РОВС и в дезорганизацию его работы.

Николай Крошко – «король кремлевских шпионов»

Во второй половине 1920-х годов в зарубежной прессе стали активно публиковаться «документальные материалы» о зловещих планах ОГПУ и Коминтерна, направленных якобы на потрясение политических и экономических устоев западного мира. Внешне подлинность документов не вызывала сомнений – стиль, реквизиты, подписи должностных лиц были как настоящие. Публикации спровоцировали бурю негодования западной общественности и привели в отдельных случаях к тяжким, порой трагическим последствиям: казням болгарских коммунистов, будто бы готовивших по заданию Коминтерна взрыв собора в Софии; налетам немецкой полиции на советское торгпредство в Берлине; захвату английской полицией в Лондоне представительства российского кооперативного общества «Аркос» и последующему разрыву дипломатических отношений с СССР. В рамки этих дезинформационных мероприятий, направленных в первую очередь против СССР, вписывались и потрясшие США публикации о том, что советское правительство якобы подкупило американских сенаторов Бора и Норриса для того, чтобы они выступили за признание Соединенными Штатами Советского Союза и за установление с ним дипломатических отношений.

Указанные выше публикации наносили серьезный ущерб престижу и интересам СССР, только начавшего выходить из международной изоляции. Документы якобы исходили из Москвы, но советское руководство знало, что это фальшивки, хотя и изготовленные квалифицированно, со знанием дела. Но кем? Где? Разведка получила задание – дать ответ на эти вопросы.

Решающая роль в реализации данной операции принадлежала кадровому советскому разведчику, бывшему эмигранту, эсеру-савинковцу, поручику Николаю Николаевичу Крошко. Как же он попал в разведку?

Николай Крошко родился в 1898 году на Тамбовщине в бедной мещанской семье. Несмотря на постоянную нужду, родители стремились дать сыну достойное образование. Гимназию он окончил с серебряной медалью.

Николай Николаевич Крошко

В 1918 году из оккупированного немцами Киева Крошко выехал на Дон, в армию Деникина, где служил в звании поручика. Затем последовало бегство за границу, в Польшу, где он сблизился с Савинковым. Одновременно молодой человек обзавелся обширными связями в эмигрантских кругах, особенно из числа белого офицерства. Тем не менее очень скоро Крошко разочаровался в эсеровских идеалах и в эмигрантской жизни вообще. Николая тянуло на родную землю, где его ждали мать и сестра.

Именно тогда Николай Крошко попал в поле зрения одной из прибалтийских резидентур Иностранного отдела ОГПУ. Предложение о сотрудничестве с разведкой молодого Советского государства он принял без колебаний, подчеркнув, что «уже давно отделил себя незримой чертой от бывших коллег по белой армии и эмиграции».

Николай Крошко с головой окунулся в напряженную разведывательную работу. Хотя для решения оперативных задач ему часто приходилось выезжать в различные европейские страны, основная его деятельность была связана с берлинской

резидентурой ОГПУ. Крошко удалось проникнуть в ряд эмигрантских организаций и выяснить подлинную направленность их деятельности и связь с разведками европейских стран.

Так, в Берлине в те годы активно действовала белоэмигрантская организация «Братство Белого Креста» (ББК), которой руководил бывший лейтенант царского флота Павлов. Он пользовался материальной и политической поддержкой у представителей крайне реакционных германских кругов, ставших впоследствии видными членами гитлеровской партии. Крошко сумел войти в доверие к Павлову и стать его ближайшим помощником. Разобравшись в «кухне» ББК, разведчик наладил противодействие антисоветской деятельности «Братства»: забрасываемая в СССР агентура арестовывалась или перевербовывалась, а тиражи антисоветских брошюр и листовок, предназначавшихся для распространения в Союзе, перехватывались и уничтожались. Вскоре неудачи ББК настолько надоели немцам, что они отказали ему в материальной поддержке, и «Братство», по существу, свернуло свою деятельность. Сотрудничая с Павловым, Крошко завел обширные знакомства среди немцев. Так, в 1923 году он присутствовал на съезде партии национал-социалистов и организации «Стальной шлем», активно участвовал в дружеских попойках делегатов, чем значительно расширил круг своих связей.

Задания Центра и резидентуры Крошко выполнял настолько успешно, что вскоре был зачислен в штат советской разведки, что случалось тогда крайне редко, и стал ее кадровым сотрудником под оперативным псевдонимом «Кейт».

Однако вернемся к заданию, поставленному советским правительством перед разведкой, – выявить источники антисоветских фальшивок.

После тщательных поисков «Кейту» удалось выйти на первоисточник – обосновавшуюся в Берлине белогвардейскую организацию, именовавшую себя «Братством русской правды» (БРП). Разведчик, работавший с позиций берлинской резидентуры, кропотливо собирал сведения об организации и ее руководителе. Им оказался многоопытный и опасный враг, который в царское время являлся следователем по особо важным делам, а затем – начальником врангелевской разведки и контрразведки, действительный статский советник Владимир Григорьевич Орлов.

«Кейту», обладавшему умом, смелостью и решительностью, а также подходящими анкетными данными, путем многоходовых оперативных мероприятий удалось проникнуть сначала в саму

организацию «Братство русской правды», а затем и в окружение Орлова. Здесь сказались и блестящие характеристики, данные «Кейту» Савинковым и Павловым, и специально установленные дружеские отношения с полковником Кольбергом – приятелем и единомышленником Орлова.

Со временем Орлов стал доверять разведчику и привлекать его к выполнению отдельных поручений. В качестве эмиссара Орлова «Кейт» даже побывал в СССР, перейдя нелегально советско-финскую границу с помощью сотрудников финской политической полиции. «Кейт» без происшествий прибыл в Москву, подробно доложил в Центре о связях эмигрантских группировок в Хельсинки и Выборге с финской полицией и о том, кто и как готовил и осуществлял его переброску через границу. Перед отправкой в обратный путь «Кейта» в Центре снабдили «информационными материалами», которые должны были заинтересовать белую эмиграцию и его друзей из западных спецслужб.

Орлов остался очень доволен поездкой «Кейта» и предложил ему полностью переключиться на работу в БРП. Вскоре «Кейт» стал у Орлова особо доверенным лицом. Однажды Орлов пригласил его для серьезного разговора.

– Все, что мы с вами делаем, – явки, переходы через границу, сбор информации, – это неплохо, но не главное, – подчеркнул Орлов. – Если мы хотим нанести настоящий вред Советам, надо рассорить их со всем миром. У меня для этого есть средства, и я кое-что делаю.

Орлов рассказал «Кейту» о ранее запущенных фальшивках, а также о новых «проектах», направленных против советских представительств за границей. А затем показал свою «фабрику». Разведчик с удивлением разглядывал обширную картотеку, штампы, печати, дубликаты наиболее злостных фальшивок, образцы подписей, фото– и химическую лаборатории, набор пишущих машинок с разными шрифтами и другие приспособления. Завершилась «экскурсия» предложением «Кейту» принять участие в работе «фабрики».

Вскоре Орлов познакомил «Кейта» со своим главным подручным – бывшим сотрудником ВЧК – ОГПУ Яшиным-Суморокoвым, проживавшим в Берлине по выданным ему немцами документам на имя Павлуновского, а также с ближайшей помощницей – агентом берлинской полиции Дюмлер.

Задание Центра было выполнено. В руках нашей разведки оказались неопровержимые доказательства преступной деятельности Орлова и его «фабрики». Наступило время принимать контрмеры. «Кейт» сделал слепки с ключей от

квартиры, лаборатории, сейфов и шкафов с документами и изготовил по ним дубликаты. А когда Орлов на некоторое время покинул Берлин, он проник в помещение «фабрики» и изъял копии, черновики и заготовки фальшивых документов, образцы штампов и печатей. Среди изъятых были и заготовки двух фальшивок, за которыми особенно охотился разведчик, – о мнимом подкупе советским правительством американских сенаторов.

Советская разведка по своим каналам довела эти документы до сведения правительства США. Получив убедительные данные о том, как и кем были изготовлены фальшивки, Вашингтон потребовал от Берлина суда над их авторами. К этому требованию присоединилась и Москва. 27 февраля 1929 года Орлов и его подручные были арестованы немецкой полицией.

Николаю Крошко пришлось тоже срочно покинуть Германию. На пароходе «Герцен» он отбыл на родину. Крошко еще находился в море, когда во многих европейских газетах появились сообщения о «таинственно исчезнувшем поручике» и пропавших из сейфа документах.

По разным причинам роль Николая Крошко в разоблачении Орлова стала известна на Западе и послужила основой для сенсационных публикаций в газетах под броскими заголовками: «Король кремлевских шпионов», «Коллекционер ротозеев», «Человек, который проходит сквозь стену». Он стал знаменит во всем мире, кроме… своей страны, где о его делах долгие годы хранилось полное молчание.

Николай Николаевич Крошко дожил до глубокой старости, до конца своих дней принимая активное участие в воспитании молодых разведчиков. В 1967 году, уже будучи тяжелобольным, он написал воспоминания о своей разведывательной работе.

«Да Винчи» советской разведки Борис Базаров

Борис Яковлевич Базаров (оперативные псевдонимы: «Кин», «да Винчи», «Норд»), оставивший заметный след в истории советской внешней разведки как один из самых успешных нелегальных резидентов Лубянки, родился 27 мая 1893 года в местечке Цитовяны Россиенского уезда Ковенской губернии. Отец был мелким служащим почтово-телеграфного ведомства. Мать занималась домашним хозяйством.

Борис Яковлевич Базаров

До 10-летнего возраста Борис жил в местечках Ковенской губернии по месту службы отца. Окончил Лукникское трехгодичное народное училище. Затем семья переехала в город Вильно. В 1911 году Борис окончил Виленское реальное училище, а в 1914 году – Виленское военное училище. Позже во всех анкетах на вопрос «основная специальность» Базаров отвечал: военная.

12 июля 1914 года молодой офицер прямо с выпускного бала был направлен на германский фронт. Служил в звании подпоручика командиром взвода в 105-м пехотном полку. Уже в конце 1914 года он получил чин поручика и стал ротным командиром. За проявленную отвагу в боях был награжден. Однако в начале 1916 года оказался в немецком плену. После трех лет пребывания на чужбине Базаров был освобожден из плена и отправлен водным путем на юг России, в Крым. Возвратившись на родину, недавний пленник вначале остановился в Ростове-на-Дону, а затем переехал на жительство в Екатеринодар. В январе 1919 года Базаров был мобилизован белогвардейскими властями. Служил младшим офицером в штабе одной из частей деникинской армии, а затем в Русской армии генерала Врангеля.

После того как в ходе Перекопско-Чонгарской операции дивизии красных 17 ноября 1920 года полностью овладели Крымом, остатки врангелевских войск под прикрытием французской эскадры эвакуировались в Турцию. Так Базаров оказался сначала в Константинополе, а потом – в Берлине.

В архивах Службы внешней разведки России, к сожалению, не удалось обнаружить точных сведений о том, как Базаров пришел в советскую внешнюю разведку. На этот счет существуют две версии. По одной из них, находясь в начале 1921 года в Берлине и окончательно разочаровавшись в «белой идее», он добровольно предложил свои услуги чекистам. По второй версии, Базаров именно по заданию ВЧК стал служить в белой армии и после ее поражения вместе с ней ушел за границу.

Так или иначе, но доподлинно известно, что в марте 1921 года Борис Базаров уже являлся кадровым сотрудником Иностранного отдела ВЧК – руководителем нелегальной резидентуры в Болгарии, в круг интересов которой входили также Румыния и Югославия. Это был незаурядный молодой человек, который свободно владел немецким, болгарским, французским и сербохорватским языками, неплохо говорил по-английски. В служебной характеристике на нелегального резидента, относящейся к тому периоду, в частности, отмечалось: «С марта

1921 года по 1924 год тов. Базаров пробыл на подпольной работе на Балканах (Болгария, Югославия), где в условиях крайне тяжелых, в условиях жесточайшего террора сумел создать и организовать работу группы источников, освещавших самые разнообразные политические и оперативные вопросы по Балканам».

С 1924 по 1927 год Базаров работал сотрудником полпредства СССР в Вене и под прикрытием этого учреждения в качестве резидента руководил нелегальными группами источников, действовавших в Болгарии, Югославии и Румынии. Одновременно поддерживал связь с лидерами македонского и албанского национально-революционных движений на Балканах, снабжая их оружием и материальными средствами. По заданию Центра «провел ряд особо ценных оперативных мероприятий».

В 1927 году Борис Яковлевич получил разрешение вернуться на Родину. Находясь в Москве, он руководил Балканским сектором внешней разведки. Особоуполномоченного ИНО ОГПУ Базарова отличало исключительно глубокое знание политических и экономических проблем стран этого региона. В июле 1927 года он стал членом ВКП(б). А пять месяцев спустя, отмечая десятилетие создания органов государственной безопасности, Коллегия ОГПУ наградила Базарова почетным именным оружием с гравировкой: «За преданность делу пролетарской революции».

В мае 1927 года консервативное правительство Великобритании разорвало дипломатические отношения с Советским Союзом, что привело к ликвидации лондонской резидентуры ИНО ОГПУ, действовавшей под прикрытием диппредставительства СССР. Это обстоятельство вынудило руководство советской внешней разведки искать иные пути проникновения в интересующие ее английские учреждения, в частности, с позиций континентальных европейских стран. Базаров вновь направляется на нелегальную работу, на этот раз – в Германию. С позиций Берлина ему предстояло руководить нелегальной резидентурой в Англии, а также балканской линией разведки. Одновременно перед Базаровым была поставлена задача по руководству нелегальной группой разведчиков во Франции. Резиденту и его сотрудникам удалось провести ряд успешных оперативных мероприятий по приобретению ценных источников информации.

В августе 1930 года Базаров был награжден нагрудным знаком «Почетный работник ВЧК – ГПУ». В представлении к награждению отмечалось: «К особой заслуге тов. Базарова необходимо отнести четкое выполнение серьезных оперативных

заданий Центра». Одним из выдающихся достижений Бориса Базарова того периода явилась вербовка шифровальщика британского Форин Оффиса, которую он осуществил совместно с сотрудником своей резидентуры – в дальнейшем видным советским разведчиком-нелегалом Дмитрием Быстролетовым. В результате этой операции разведка нашла пути проникновения в кабинеты Уайтхолла (улица в центральной части Лондона, где расположены важнейшие министерства. В переносном смысле – правительство Великобритании. – *Авт.*). В течение трех лет работы с агентом резидентура получала от него английские шифры и коды, дешифровальные таблицы, еженедельные сборники шифрованных телеграмм британского МИДа, другие секретные документы.

В 1934 году Базаров возвратился из командировки в Москву и занял должность начальника одного из подразделений ИНО.

Тогда же, в 1934 году, в Нью-Йорке при невыясненных обстоятельствах погиб нелегальный резидент ИНО НКВД в США Валентин Маркин. Его труп был обнаружен в одном из районов Нью-Йорка. По основной и единственной версии, которая рассматривалась в Центре, но не получила четкого подтверждения, он стал случайной жертвой гангстерской разборки.

Решением руководства советской внешней разведки в США на замену погибшего нелегального резидента был направлен Борис Базаров. При этом в первую очередь учитывался большой оперативный опыт разведчика.

Нелегальная резидентура Базарова успешно взаимодействовала с «легальной», которую возглавлял замечательный профессионал Петр Гутцайт. И не случайно в документах внешней разведки, касающихся того периода, подчеркивается: «Значительных успехов достигла советская разведка в 1930-е годы в США. Нелегальная резидентура под руководством Б. Я. Базарова завербовала нескольких ценных агентов, имевших непосредственные подходы к сотрудникам госдепартамента, и получала от них сведения по широкому кругу вопросов. Был приобретен источник со связями в окружении президента Рузвельта, передававший уникальную информацию о позиции правящих кругов страны в период вызревания в Европе военного конфликта».

В материалах личного дела резидента Базарова появилась новая запись: «Владеет оперативным опытом в совершенстве». Он был награжден вторым нагрудным знаком «Почетный чекист». В марте 1937 года Борису Яковлевичу было присвоено специальное звание майора госбезопасности.

Однако полнокровная жизнь разведчика-профессионала Базарова неожиданно оборвалась в 1938 году, когда его под предлогом отпуска (которого он настойчиво добивался) отозвали в Москву. 3 июля 1938 года Борис Базаров был арестован, а 21 февраля 1939 года «за шпионаж и измену» приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян. Реабилитирован посмертно 22 декабря 1956 года.

Такова оперативная и жизненная судьба одного из лучших и активнейших представителей первого поколения советских разведчиков.

Сергей Шпигельглаз

В феврале 1938 года временно исполняющим обязанности начальника 7-го отдела Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР (внешней разведки) был назначен майор государственной безопасности Сергей Михайлович Шпигельглаз. Он являлся опытным разведчиком, проработавшим на руководящих должностях во внешней разведке, в том числе в ее нелегальном подразделении, более двенадцати лет. К сожалению, руководить разведкой Шпигельглазу довелось менее четырех месяцев.

Сергей Шпигельглаз родился 29 апреля 1897 года в местечке Мосты Гродненской губернии в семье местного бухгалтера-еврея. После окончания 1-го Варшавского реального училища он поступил на юридический факультет Московского университета. Свободно владел польским, немецким и французским языками.

Сергей Михайлович Шпигельглаз

Еще учась в Варшаве, а затем и в Москве, Сергей проникся духом ниспровержения существовавшего царского режима. Примкнув к российскому революционному движению, он стал принимать активное участие в работе революционных кружков. Несколько раз арестовывался царской полицией.

В мае 1917 года с третьего курса университета Сергей был призван на военную службу в царскую армию. Окончив школу прапорщиков в Петрограде, он служил в чине прапорщика в 42-м запасном полку. После Октябрьской революции 1917 года Шпигельглаз работал в московском военном комиссариате.

В 1919 году Шпигельглаз был направлен на работу в комиссию Кедрова, фактически выполнявшую задачи военной контрразведки. После последовавшей вскоре реорганизации, комиссия была включена в состав Особого отдела ВЧК. Шпигельглаз с головой окунулся в нелегкий и рискованный труд чекистов. По заданию Кедрова он неоднократно выезжал с оперативными группами в различные города и районы Юга, Запада и Центра России, где зрели контрреволюционные заговоры и мятежи, готовились к выступлению против советской власти силы враждебного подполья. Шпигельглаз активно участвовал в оперативных разработках лиц, подозреваемых в принадлежности к контрреволюции.

В 1922 году он назначается на должность уполномоченного в Иностранный отдел ОГПУ и вскоре направляется по линии внешней разведки в спецкомандировку в Монголию.

Шпигельглаз проработал в Монголии до 1926 года, проводя с ее территории активную агентурную работу по Китаю и Японии. Его деятельность в Монголии была высоко оценена Центром. По возвращении в Москву Шпигельглаз был назначен помощником начальника внешней разведки. При этом учитывалось его свободное владение несколькими иностранными языками. Проработав в этой должности десять лет, в сентябре 1936 года он был выдвинут на пост заместителя начальника внешней разведки.

За период работы на руководящих должностях во внешней разведке Шпигельглаз неоднократно выполнял ответственные спецзадания за рубежом: в Китае, Германии и во Франции. В частности, являясь нелегальным резидентом в Париже, он руководил похищением председателя Русского общевоинского союза (РОВС) генерала Миллера. Вопрос о проведении острой операции по Миллеру встал после получения руководством советской внешней разведки данных о том, что он через своего представителя в Берлине генерала Лампе установил тесные контакты с фашистским режимом в Германии. Миллер был

доставлен во внутреннюю тюрьму НКВД на Лубянке, где содержался как заключенный № 110 под именем Иванова Петра Васильевича. 11 мая 1939 года нарком внутренних дел Берия подписал распоряжение о расстреле экс-председателя РОВС, осужденного Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания.

Операция советской разведки, связанная с похищением Миллера, способствовала полному развалу РОВС. И хотя окончательно РОВС как организация прекратил свое существование с началом Второй мировой войны, советская разведка, дезорганизовав и разложив его, лишила гитлеровскую Германию и ее союзников возможности активно использовать в войне против СССР около двадцати тысяч членов этой организации.

Активно работал Шпигельглаз и против других белогвардейских организаций, главной целью которых было свержение советской власти в России. Среди последних следует, в частности, отметить Народно-трудовой союз (НТС), Организацию украинских националистов (ОУН), объединение грузинских меньшевиков во главе с Ноем Жорданией.

Под непосредственным руководством Шпигельглаза советская разведка добыла совершенно секретные материалы германского генерального штаба, касающиеся военной доктрины Германии в отношении СССР.

В период гражданской войны в Испании Шпигельглаз неоднократно выезжал в эту страну для оказания на месте конкретной оперативной помощи резидентуре НКВД, а также для проведения в тылу германо-итальянских союзников генерала Франко специальных разведывательно-диверсионных операций. «Летучие бригады» Шпигельглаза, как их называли сами разведчики, наносили по врагу чувствительные удары.

С февраля по июнь 1938 года Сергей Михайлович Шпигельглаз исполнял обязанности руководителя советской внешней разведки. Одновременно он преподавал в Школе особого назначения (ШОН) ГУГБ НКВД СССР.

Полноправным начальником внешней разведки Шпигельглаз так и не стал. Еще в 1937 году нарком внутренних дел Ежов решил устранить этого перспективного руководителя, проявлявшего излишнюю самостоятельность и имевшего право направлять напрямую Сталину разведывательные донесения разведки. После вынужденного назначения Шпигельглаза исполняющим обязанности начальника внешней разведки и открывавшихся перед ним перспектив занять этот пост без приставки и.о., Ежов активизировал свои действия, чтобы в

будущем поставить на это место своего ставленника. Он инициировал проверочную комиссию, которая начала собирать компрометирующие материалы на Шпигельглаза. 9 июня 1938 года последний был освобожден от занимаемой должности, а 2 ноября того же года арестован.

29 января 1940 года за «измену Родине, участие в заговорческой деятельности, шпионаж и связь с врагами народа» Сергей Михайлович Шпигельглаз был осужден Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

В ноябре 1956 года определением Военной коллегии Верховного суда СССР приговор был отменен и дело прекращено за отсутствием состава преступления.

Погибнув в расцвете сил, С. М. Шпигельглаз не успел до конца раскрыть свои недюжинные способности руководящего сотрудника внешней разведки. Однако за сравнительно короткий срок, отпущенный ему судьбой, он немало сделал для сохранения работоспособного аппарата внешней разведки в период необоснованных репрессий, которые были направлены в том числе и против чекистов-разведчиков.

Доктор Линицкий

В конце 1920 года вместе с остатками армии Врангеля, эвакуировавшейся из Крыма в Турцию на пароходах под прикрытием французской эскадры, в Галлиполийский лагерь прибыл разведчик 13-й армии красных Леонид Линицкий. Через Константинополь он добрался до Югославии. Позже ему удалось восстановить связь с советской разведкой.

Леонид Линицкий родился 21 июля 1900 года в городе Ахтырке Харьковской губернии в семье командира сотни пограничной стражи. Отец служил на дальневосточной границе, а семья пограничника жила в основном в Ахтырке или в Харькове, изредка приезжая к отцу погостить. В годы Первой мировой войны ротмистр Линицкий добровольно отправился на фронт, где геройски сражался, командуя кавалерийским полком, и погиб в бою.

Леонид Леонидович Линицкий

Во время оккупации кайзеровской Германией Украины Леонид вел диверсионную работу против захватчиков в составе партизанского отряда, действовавшего в районе его родного города. Затем добровольно вступил в Красную Армию. Участвовал в боевых действиях на Южном фронте в составе 4-го Сумского и 3-го Лебединского полков.

В начале 1920 года Линицкий был зачислен в разведотдел 13-

й армии и начал проходить подготовку для заброски в тыл противника. Однажды во время боя он получил тяжелое ранение. Принятый белыми за своего, Леонид был отправлен с другими ранеными в Севастополь, а затем эвакуирован вместе с госпиталем из Крыма.

Оказавшись в Югославии, разведчик некоторое время работал кочегаром на белградской суконной фабрике. Здесь же, на фабрике, он познакомился со своей будущей женой, которая в дальнейшем стала ему надежной помощницей в его разведывательной деятельности.

В 1930 году Линицкий окончил медицинский факультет Белградского университета и занялся частной практикой. Начиная с 1933 года он включился в активную разведывательную работу с нелегальных позиций по линии Иностранного отдела ОГПУ.

Нелегальная резидентура, которую возглавил в Белграде Линицкий, выполняла задачу по проникновению в вооруженные белоэмигрантские формирования в Югославии. В те годы ряд белоэмигрантских и националистических организаций, в частности Русский общевоинский союз и Национально-трудовой союз нового поколения (НТСНП), проводили широкую работу по засылке в СССР боевиков для проведения диверсий на транспорте и промышленных предприятиях, а также для осуществления террористических актов в отношении руководящих советских и партийных работников. Задача резидентуры заключалась в том, чтобы парализовать действия боевиков.

У резидента ИНО ОГПУ Линицкого было более десяти активных помощников, включая супругу, которая являлась секретарем резидентуры. Разведчики добывали информацию о засылке на территорию СССР террористов и сведения об организациях и группах, которые занимались этой враждебной деятельностью. Сотрудники резидентуры полностью контролировали деятельность основных белоэмигрантских организаций в Югославии. Прикрытие врача, имевшего широкую частную практику, способствовало проникновению Линицкого в руководящие круги вооруженной белогвардейской эмиграции. Он был хорошо знаком с белыми генералами и офицерами, чиновниками государственного аппарата страны.

Сотрудники резидентуры Линицкого осуществили ряд успешных вербовок и проникли в другие белогвардейские организации. Так, тесть Линицкого был внедрен в местную фашистскую организацию. Ему удалось получить фотографии и биографические сведения на террористов и агентов из числа русских эмигрантов, которые готовились для заброски в СССР.

Одновременно разведчики провели ряд острых мероприятий по изъятию из сейфов некоторых руководителей РОВС и Народно-трудового союза особо важных документов. В них шла речь о контактах этих белогвардейских организаций с разведслужбами западных стран, а также о планах предстоящих террористических акций в СССР.

Что касается результатов работы резидентуры Линицкого в тот период, в официальных материалах Службы внешней разведки России отмечается, что «собранные нелегальной резидентурой сведения о засылке в СССР боевых групп и отдельных террористов позволили нанести серьезный удар по этим организациям в Югославии, а на некоторых направлениях полностью парализовать их деятельность».

5 декабря 1935 года в результате предательства Линицкий был арестован югославской тайной полицией. К нему как к руководителю «разоблаченной русской сети разведчиков», были применены суровые меры воздействия – в течение трех месяцев его жестоко пытали. Однако никаких сведений о своей работе и о своих товарищах мужественный разведчик полиции не сообщил. В ходе следствия и на суде он вел себя исключительно стойко, использовал суд для разоблачения террористической деятельности РОВС и НТСНП. Суд признал Линицкого виновным лишь в «проведении коммунистической пропаганды в полицейской тюрьме в ходе следствия» и приговорил к 2 годам и 8 месяцам каторжных работ в тюрьме для политических заключенных.

Находясь в заключении, Линицкий вступил в члены компартии Югославии, вел пропагандистскую работу среди заключенных. На неоднократные предложения югославских спецслужб о сотрудничестве он неизменно отвечал отказом, несмотря на угрозы физической расправы.

После отбытия срока заключения Линицкий в 1938 году был выведен в Москву. В Центре поведение Линицкого перед лицом противника было признано «безупречным». «Свой долг перед Отечеством вы выполнили блестяще», – заявил ему один из руководителей наркомата внутренних дел.

Однако… Шел 1938 год. В разведке места для него не оказалось. Линицкий выехал в Харьков, где проживала его семья, и стал работать врачом во 2-й городской больнице. С начала Великой Отечественной войны он – военврач 2-го ранга в эвакогоспитале № 1027. Летом 1942 года по линии 4-го управления НКВД Линицкий был направлен в тыл противника в составе одной из разведывательно-диверсионных групп. Затем руководство разведки приняло решение использовать его для

работы в Югославии, где развернулось широкое партизанское движение. После специальной подготовки в июне 1944 года Линицкий был выброшен с парашютом на территорию Югославии для координации действий с югославским движением Сопротивления.

Вместе с югославскими партизанами Линицкий активно участвовал в боевых действиях Народно-освободительной армии, совершал марши и одновременно добывал и сообщал в Центр важную разведывательную информацию. Во время боев он был контужен, но поста своего не оставил. Разведывательная работа Линицкого в Югославии продолжалась до освобождения страны.

За участие в движении Сопротивления Линицкий был награжден югославским боевым орденом «Партизанская звезда 3-й степени». Его ратный путь был также отмечен советскими орденами и медалями. В конце апреля 1945 года разведчик вернулся в Москву.

Вскоре Леонид Леонидович был снова направлен за границу для работы с нелегальных позиций. В качестве разведчика-нелегала он выехал для выполнения специального задания Центра в Индию, а затем – в Китай. Работать ему приходилось в тяжелых климатических условиях. Давали о себе знать старые раны, однако разведчик и не помышлял о лечении, переезжая из страны в страну и успешно решая сложные оперативные задачи.

Линицкому предстояло легализоваться в одной из стран азиатского региона, а затем переехать в одну из капиталистических стран. В связи с началом холодной войны и разворачивавшейся гонкой вооружений, он должен был наладить получение разведывательной информации о планах и практической деятельности предполагаемого противника. Однако эта работа была прервана его внезапной смертью.

25 января 1954 года полковник Линицкий скончался за границей от сердечной недостаточности. Его тело было перевезено в Москву.

В некрологе, подписанном руководством внешней разведки, в частности, указывалось: «При исполнении служебных обязанностей умер наш ценный нелегальный работник полковник Линицкий Леонид Леонидович… Он отдавал себя работе полностью, ставя общественные интересы выше личных. Готов был выполнить любое задание».

Трагедия разведчика Глинского

В 1937 году, когда на внешнюю разведку органов государственной безопасности обрушились необоснованные репрессии, жертвами которых стали сотни честных людей, резидент НКВД в Париже Станислав Мартынович Глинский в кругу близких друзей заявил, что не верит в предательство своих арестованных товарищей. Вскоре он был вызван в Москву – якобы для получения очередной награды. Однако вместо ордена разведчика ожидали застенки внутренней тюрьмы НКВД на Лубянке.

Станислав Глинский родился в 1894 году в Варшаве в семье рабочего-железнодорожника. Поляк. Его отец, Мартын Глинский, был активным членом Мокутовского комитета социал-демократической партии царства Польского в Варшаве. В 1908 году за свою революционную деятельность он был приговорен к четырем годам каторги и сослан на поселение в Иркутскую губернию.

Станислав Мартынович Глинский

После окончания ремесленного училища в 1910 году Станислав стал работать модельщиком на литейном заводе.

В 1911 году вступил в РСДРП и вскоре был избран секретарем ее Мокутовского комитета. В 1913 году вместе с матерью, сестрами и братьями он отправился из Варшавы к отцу в Сибирь. Здесь он включился в работу большевистского подполья, перевозил партийную литературу, листовки и воззвания партии. Дважды арестовывался царской охранкой.

В мае 1917 года, Глинский, ставший профессиональным революционером, добровольцем вступает в 12-й Сибирский полк и в его составе отправляется на Северный фронт, под Ригу. По заданию партии он ведет революционную пропаганду среди солдат. Вскоре переводится в 17-й Сибирский полк, где избирается председателем полкового комитета. Революционная деятельность Глинского в армии привлекает к нему внимание руководства большевистской партии. Во время выборов в Учредительное собрание России он баллотируется по большевистскому списку и вместе с Лениным, Антоновым-Овсеенко, Снечкусом и другими большевиками избирается депутатом.

В конце января 1918 года 17-й Сибирский полк направляется на Урал для установления советской власти вдоль Сибирской железнодорожной магистрали. По прибытии в Челябинск военнослужащие полка принимают активное участие в борьбе с казаками атамана Дутова.

В ноябре 1918 года Станислав переводится на работу в Екатеринбургскую чрезвычайную комиссию, где занимает должность уполномоченного в Особом отделе, а вскоре становится его начальником.

В Екатеринбурге Глинский прослужил почти два года. В сентябре 1920 года он как польский коммунист был откомандирован в распоряжение Центра. Только что закончилась война с панской Польшей, и в тылу Красной Армии, а также вблизи российско-польской границы осталось множество польских агентов. Станислав получает новое назначение – он становится помощником начальника Особого отдела 16-й армии по агентурной работе.

С мая 1921 года Глинский принимал активное участие в чекистской операции «Синдикат-2», направленной на разложение контрреволюционной организации «Народный союз защиты Родины и свободы» (НСЗРС) во главе с Борисом Савинковым и его арест. Выдавая себя за члена легендированной чекистами антисоветской организации «Либеральные демократы», Глинский персонально обеспечивал переход Бориса Савинкова и его сподвижников на нашу территорию на участке российско-польской границы. По перехваченным явкам он посещал отряды

организации Савинкова на территории Белоруссии и Польши и принимал непосредственное участие в ликвидации одного из таких отрядов, насчитывавшего более 500 человек.

В ходе проведения операции «Синдикат-2» Станислав Глинский сменил несколько должностей и мест службы. Это было продиктовано соображениями оперативной необходимости. За активное участие в оперативных мероприятиях на белорусской земле Станислав Глинский был награжден орденом Красного Знамени.

В дальнейшем, до конца 1924 года, Глинский работает заместителем начальника минского Особого отдела ОГПУ. В августе 1924 года его нелегальная боевая группа совершила налет на помещение польской службы безопасности в Столбцах и освободила двух делегатов V конгресса Коминтерна, арестованных охранкой Пилсудского.

В начале 1925 года Глинский переводится в Москву, в центральный аппарат ОГПУ и несколько месяцев работает в его контрразведывательном отделе. Однако вскоре руководство ОГПУ принимает решение о переводе Глинского в Иностранный отдел. При этом учитывались богатый оперативный опыт 30-летнего чекиста и хорошее знание иностранных языков.

Уже в начале 1926 года руководство ИНО ОГПУ направляет Глинского в Данциг в качестве помощника резидента внешней разведки. Проработав в «вольном городе» несколько месяцев, он в том же году был переведен в Варшаву и назначен резидентом внешней разведки в Польше.

В Варшаве Глинский продолжил активную борьбу с антисоветской эмиграцией. Он принимал непосредственное участие в разработанной Центром операции «Трест», завершившейся выводом в СССР и арестом агента британской разведки Сиднея Рейли, который еще в годы русско-японской войны занимался в Маньчжурии шпионажем в пользу Японии, а в 1918 году был одним из организаторов «заговора послов» в России.

В феврале 1927 года операция «Трест» была завершена. За активное участие в ее реализации Глинский был награжден Почетной грамотой коллегии ОГПУ. Он возвратился в Центр. Однако уже в декабре 1928 года руководство ИНО направило его в новую служебную командировку, на этот раз в Финляндию.

Под руководством Глинского хельсинкской резидентуре удалось приобрести солидные источники секретной информации в финском правительстве и в руководстве политических партий страны. Советские разведчики смогли также проникнуть в вооруженное белогвардейское «Братство русской правды»,

террористические молодежные организации городов Хельсинки и Выборга, а также в антисоветский «Особый русский комитет». Это позволило предотвратить многие террористические акты, подготавливаемые против советских представителей за рубежом и на территории СССР. В Хельсинки Станислав Мартынович провел два года.

В 1930 году Глинский уже руководил резидентурой ОГПУ в Латвии, с позиций которой в то время активно действовала против СССР британская разведка. Проникновение в планы английских спецслужб в отношении СССР, выявление связей СИС с белогвардейской эмиграцией, тайных каналов финансирования британской разведкой подрывных акций против нашей страны – вот далеко не полный перечень задач, которые стояли в те годы перед рижской резидентурой ОГПУ.

В 1931 году Глинскому поручается возглавить резидентуру внешней разведки в Праге. Он работает рука об руку с видным революционером Владимиром Антоновым-Овсеенко, назначенным Сталиным советским полпредом в этой стране.

Используя свой богатый оперативный опыт, Глинский ведет активную работу по проникновению в белогвардейские организации генерала Кутепова. Информация резидента Глинского из Праги неизменно получала высокую оценку в Центре. Сотрудникам его резидентуры удалось также проникнуть в Организацию украинских националистов (ОУН) и постоянно быть в курсе их террористических планов.

После трех лет напряженной работы в Праге Глинский возвращается в Центр. За активную работу по обеспечению безопасности СССР он был награжден вторым орденом Красного Знамени. В то время в разведке это было признанием исключительных заслуг в оперативной деятельности.

Летом 1934 года Глинский возглавил резидентуру НКВД в Париже. Перед парижской резидентурой была поставлена задача по освещению деятельности во Франции немецкой эмиграции, национал-социалистических организаций и их агентуры, а также разработке посольства Германии и других официальных представительств этой страны и их персонала.

Определенное место в работе резидентуры занимала борьба против Русского общевоинского союза, руководящие органы которого располагались в Париже. В частности, под руководством Глинского началось проведение операции по внедрению техники прослушивания в штаб-квартиру РОВС.

Парижская резидентура на регулярной основе получала информацию из канцелярий президента и премьер-министра страны по важнейшим политическим вопросам, интересовавшим

Москву, в частности, об отношении Франции к СССР и нацистской Германии.

Не менее успешно велась работа против троцкистской эмиграции, поскольку в Париже обосновался сын Троцкого Лев Седов. Здесь же хранился и архив возглавляемого Троцким IV Интернационала. Резидентура регулярно информировала Центр о всех действиях и намерениях Троцкого и Седова. Эта информация немедленно докладывалась непосредственно Сталину.

Проводимая Глинским разведывательная работа во Франции заслужила высокую оценку Центра, и ему было присвоено звание старшего майора государственной безопасности (генерал-майор Красной Армии).

В августе 1937 года Глинский был вызван в Москву и арестован по личному распоряжению наркома Ежова. Ему как поляку было предъявлено обвинение в сотрудничестве с польской разведкой. 9 декабря 1937 года Станислав Мартынович Глинский был расстрелян по постановлению особой «тройки».

22 сентября 1956 года определением Военной коллегии Верховного суда СССР приговор был отменен и дело прекращено за отсутствием состава преступления.

Дмитрий Быстролетов

Дмитрий Александрович Быстролетов принадлежит к когорте видных советских разведчиков-нелегалов первого поколения, внесших в предвоенные, 1930-е годы значительный вклад в дело обеспечения безопасности нашей Родины.

Дмитрий Быстролетов родился 4 января 1901 года в селе Айборы Евпаторийского района Крыма. В 1915–1917 годах он обучался в Севастополе в Морском кадетском корпусе. В составе 2-го флотского экипажа принимал участие в десантных операциях на Турецком театре военных действий Первой мировой войны. В 1919 году окончил одновременно выпускные классы мореходной школы в Анапе и местной гимназии. Сразу же был зачислен вольноопределяющимся морских сил Добровольческой армии Деникина.

Дмитрий Александрович Быстролетов

В 1921 году в поисках работы Быстролетов нелегально выехал в Турцию и оказался в эмиграции. В Константинополе он с отличием окончил колледж для европейцев-христиан. Вскоре

переехал в Чехословакию и поступил на юридический факультет Украинского университета в Праге. Одновременно, зарабатывая себе на жизнь, трудился грузчиком и плотником.

Все годы жизни в эмиграции Быстролетова не покидала мысль о возвращении на Родину. В Украинском университете в Праге был создан «Союз студентов – граждан РСФСР». Являясь секретарем этого Союза, Дмитрий получил советское гражданство.

На активного студента обратила внимание советская разведка, и вскоре резидент ИНО ОГПУ в Праге стал давать Быстролетову отдельные поручения, которые тот успешно выполнял. В апреле 1925 года в Москве состоялся 1-й Всесоюзный съезд пролетарского студенчества. Быстролетов присутствовал на съезде в качестве делегата от зарубежных студентов. Перед отъездом Дмитрий встретился с начальником Контрразведывательного отдела ОГПУ Артуром Артузовым и помощником начальника Иностранного отдела ОГПУ Михаилом Горбом. Представители ОГПУ сделали ему официальное предложение работать на советскую разведку. В Прагу Быстролетов вернулся уже сотрудником Иностранного отдела. В 1928 году он закончил обучение в университете.

В период разведывательной работы в Чехословакии, выступая с нелегальных позиций, Быстролетов провел несколько ценных вербовок. Так, в 1927 году он успешно осуществил разработку секретарши французского посольства в Праге, которая имела доступ к секретной переписке своего посла, а также к шифрам внешнеполитического ведомства Франции. В дальнейшем «охота за шифрами» стала главным направлением деятельности разведчика.

В середине 1930 года Быстролетов переехал на нелегальную работу в Берлин и возглавил одну из групп нелегалов-вербовщиков. Коммерческое прикрытие позволяло разведчику совершать деловые поездки в различные европейские страны и успешно выполнять оперативные поручения Центра.

Так, в Женеве он завербовал швейцарца, имевшего родственников, работавших в шифровальной службе итальянского дипломатического ведомства, через которого он на регулярной основе стал получать итальянские шифры и коды. Через этого же швейцарца Быстролетов вышел на одного из сотрудников французской военной разведки, который также промышлял продажей шифров ряда иностранных государств. У француза были куплены бельгийские и австрийские шифры, а также ряд документов, касающихся каналов утечки секретной информации из Советского Союза.

В Лондоне Быстролетову удалось привлечь к сотрудничеству одного из руководителей шифровальной службы британского МИДа, специалистом по разработке шифров и дешифрованию. В течение трех лет работы с ним от источника были получены английские шифры, коды, дешифровальные таблицы, еженедельные сборники шифрованных телеграмм британского дипломатического ведомства и другая секретная информация.

Работа Быстролетова получила высокую оценку Центра. Приказом ОГПУ от 17 ноября 1932 года он был награжден боевым оружием.

В 1934 году Быстролетову удалось завербовать шифровальщика посольства Великобритании в Берлине, от которого поступала ценная документальная информация. Некоторые из документов оказались настолько важными, что были доложены лично Сталину. Работа советской разведки с источником успешно продолжалась до сентября 1939 года, когда он был выдан предателем.

Находясь за границей на нелегальном положении, Быстролетов выполнял и другие разведывательные задания Центра. Однажды ему было дано поручение нелегально вывезти из Италии добытый разведкой пулемет новейшей конструкции. Разведчик блестяще выполнил задание, играя роль больного английского лорда-миллионера, страдающего припадками эпилепсии и возвращающегося на родину в сопровождении сестры-монахини. Разобранный на части пулемет разведчик провез в сумке для гольфа.

Руководство ИНО ОГПУ высоко оценило работу Дмитрия Быстролетова. В представлении к награждению разведчика нагрудным знаком «Почетный чекист», в частности, отмечалось: «Работает в качестве заместителя резидента. Проявил себя как преданный, храбрый, настойчивый и дисциплинированный чекист. Своей исключительной выдержкой и проявленной при этом исключительной настойчивостью провел ряд разработок крупного оперативного значения. Участвуя лично в ряде опасных мероприятий, добился серьезных результатов».

Одновременно с разведывательной деятельностью в 1930–1936 годах Быстролетов учился на медицинском факультете Цюрихского университета и получил диплом доктора медицины по специальности «Акушерство и гинекология». Тогда же он, как практикующий врач одной из швейцарских частных клиник, сделал научное открытие о регулировании пола будущего младенца при планировании семьи.

Дмитрий Быстролетов был всесторонне одаренным человеком. Достаточно сказать, что он владел 20 иностранными

языками, был слушателем Берлинской и Парижской академий художеств и брал частные уроки у художников-графиков.

В 1936 году после многолетнего пребывания за рубежом на нелегальной работе Быстролетов с женой приехали в Москву.

В Москве Быстролетов работал в центральном аппарате разведки. Руководство Службы готовило разведчика для выполнения нового ответственного задания. Он должен был выехать в нацистскую Германию для восстановления связи с ценным источником, занимавшим важную должность в германском вермахте. Быстролетов был представлен наркому внутренних дел Николаю Ежову как один из лучших работников разведки. На его счету было получение шифров Италии, Германии, Франции, Англии, Чехословакии, Австрии, Швейцарии и Турции. И это – не считая успешного выполнения других ответственных разведывательных заданий.

Однако отъезд за границу не состоялся. Дмитрий Александрович попал под подозрение. В ночь с 17 на 18 сентября 1938 года Быстролетов был арестован. Ордер на арест подписал первый заместитель наркома внутренних дел СССР Лаврентий Берия. Позже стало известно, что причиной ареста Быстролетова стало подметное письмо, направленное руководству НКВД, в котором утверждалось, что он является агентом чешских разведывательных органов. В процессе следствия никаких доказательств его антисоветской деятельности получено не было. Однако разведчик был осужден на 20 лет исправительно-трудовых лагерей. Заключение отбывал в северных лагерях.

В 1954 году Дмитрий Александрович был освобожден из заключения. Из лагерей он вышел инвалидом. В 1956 году Военная коллегия Верховного суда СССР после повторного рассмотрения его дела вынесла решение: «Приговор от 8 мая 1939 года по вновь открывшимся обстоятельствам отменить и дело прекратить за отсутствием состава преступления».

После реабилитации Быстролетов работал во Всесоюзном НИИ медицинской и медико-технической информации Министерства здравоохранения СССР в качестве научного консультанта. Он сыграл видную роль в деле расширения знаний о достижениях зарубежной медицины.

Дмитрий Быстролетов оставил потомкам богатое литературное наследие: он написал шестнадцать книг и литературный сценарий многосерийного художественного фильма. В 1973 году по его сценарию был снят художественный фильм «Человек в штатском», рассказывающий о работе разведки. В 1974 году журнал «Наш современник» напечатал его повесть «Para bellum» (с латинского – готов к бою). Позже была

опубликована литературная трилогия «Пир бессмертных», в которой Быстролетов рассказал о своей жизни и работе.

Замечательный советский разведчик-нелегал Дмитрий Александрович Быстролетов скончался 3 мая 1975 года. Его имя занесено на Мемориальную доску Службы внешней разведки Российской Федерации.

В предисловии к книге «Пир Бессмертных», обращаясь к потомкам, Дмитрий Быстролетов писал:

«Неизбежно придет время, когда о методах государственного управления можно и нужно будет говорить спокойно и свободно, и тогда понадобятся материалы, показывающие не только одни светлые стороны нашей жизни. Нельзя одновременно клясться в том, что прошедшее не повторится, и в то же время решительно не допускать общественного обсуждения допущенных ошибок. Это затрудняет процесс оздоровления. Чтобы понимать – нужно знать…

Преступления кучки проходимцев не могут заслонить бессмертный подвиг народа, приступившего к построению новой жизни.

… Сталинская эпоха ярка и грандиозна, она велика в хорошем и в дурном, и не мне ее огульно хаять и чернить: я горжусь, что жил в это жестокое, трудное, но великолепное время!»

Резидент Георгий Косенко

27 декабря 1938 года по указанию наркома внутренних дел Лаврентия Берии был арестован и брошен во внутреннюю тюрьму на Лубянке отозванный из Парижа в Москву в ноябре того же года 37-летний резидент внешней разведки НКВД во Франции капитан госбезопасности Георгий Николаевич Косенко. Ему вменялось в вину «участие в контрреволюционной террористической организации».

Георгий Косенко родился 12 мая 1901 года в городе Ставрополь Ставропольской губернии в семье служащего. Русский. Незадолго до начала Гражданской войны он окончил в родном городе мужскую гимназию и первый курс Ставропольского сельскохозяйственного института.

Георгий Николаевич Косенко

В 1918 году отец Георгия, принимавший участие в

революционных событиях в Ставрополе, был расстрелян белогвардейцами, захватившими город. А вскоре и его сестра, являвшаяся членом партии большевиков и работавшая в большевистском подполье, была повешена.

Георгий Косенко без колебаний встал на сторону советской власти. Он был одним из организаторов комсомола в Ставрополе, секретарем укома РКСМ Ставропольской губернии и секретарем Ставропольского городского комитета РКСМ.

В 1920 году Косенко становится сотрудником Ставропольской губернской ЧК и принимает активное участие в уничтожении остатков белогвардейских банд на Северном Кавказе. В 1921 году вступает в ряды РКП(б).

С 1924 года работает на различных должностях в органах ОГПУ в Новороссийске, Владикавказе, Ростове, Свердловске и Москве.

Еще в период учебы Георгий активно изучал французский язык. В начале 1933 года на молодого, но успевшего приобрести хороший оперативный опыт чекиста обратили внимание сотрудники Иностранного отдела ОГПУ. Его переводят в кадры внешней разведки, а уже в апреле того же года назначают на ответственную должность заместителя руководителя «легальной» резидентуры ОГПУ в Харбине.

В середине мая 1933 года Георгий Косенко прибыл в Харбин.

Главной задачей внешней разведки в данном регионе являлась борьба с вооруженной белогвардейской эмиграцией, выявление ее планов и связей с иностранными державами, вынашивавшими агрессивные планы в отношении Советского Союза.

Работа Георгия Николаевича в Харбине была исключительно успешной. В характеристике на Косенко, подписанной в начале июня 1935 года, отмечалось, что, «являясь в течение двух лет заместителем резидента ИНО ОГПУ – НКВД в Харбине, он самым активным образом помогал резиденту и добился значительных результатов в оперативной деятельности».

В документе, в частности, подчеркивалось, что Косенко через свои агентурные возможности выявил десять белогвардейских банд, сформированных японцами для переброски на советскую территорию. Им было установлено свыше 180 активных участников бандформирований, поставленных на учет в Центре. Благодаря полученной им оперативной информации, три банды (Карася, Якимова и Комиссаренко), направленные на нашу территорию, при переходе советско-маньчжурской границы были ликвидированы.

Георгию Косенко удалось также выявить 25 активных

японских разведчиков, засылавшихся штабом Квантунской армии на территорию СССР. К отдельным из них были подведены агенты резидентуры, что позволило Центру быть в курсе вопросов, интересовавших японскую разведку. Одновременно Косенко через агентурные каналы установил более 300 японских разведчиков, работавших под прикрытием в различных пунктах и учреждениях марионеточного государства Маньчжоу-Го.

В результате оперативных мероприятий харбинской резидентуры, разработанных непосредственно оперработником, пять японских разведчиков были выведены на советскую территорию и арестованы органами госбезопасности. Одновременно им была вскрыта и своевременно предотвращена провокация японской жандармерии (так называемое «дело ИНО ОГПУ»). Она заключалась в том, что японцы вербовали советских граждан в учреждениях СССР в Маньчжурии и на КВЖД от имени ОГПУ для освещения положения в совколонии. Своевременными мерами, предпринятыми резидентурой, все завербованные японцами лица были выведены в СССР, дали письменные показания, на основе которых советский Наркомат иностранных дел заявил официальный протест японской стороне.

В июне 1935 года Косенко был назначен резидентом ИНО НКВД в Харбине. Однако в конце того же года он серьезно заболел и в январе 1936 года был вынужден возвратиться в Москву.

Врачи подлечили разведчика, и уже в мае 1936 года руководством разведки было принято решение о направлении Косенко руководителем «легальной» резидентуры в Париж.

Руководимая Косенко парижская резидентура получала значительное количество документальной информации по вопросам внешней и внутренней политики французского правительства. Она имела надежные источники в канцелярии президента, в правительстве, в местных спецслужбах. Резидентуре удалось также получить доступ к документам английского посольства и дипломатических представительств некоторых других иностранных государств. Весьма эффективной, по оценке Центра, была работа парижской резидентуры и по линии научно-технической разведки. В частности, ей удалось получить документы и образцы новейших изобретений в области авиации, бронетанковой техники, стрелкового оружия.

В сентябре 1937 года резидент Косенко принимал непосредственное участие в организации похищения руководителя Русского общевоинского союза генерала Миллера. В 1938 году он участвовал в изъятии и переправке в Москву так называемого «архива Троцкого».

В служебной характеристике, составленной на Косенко в тот период в Центре, отмечалось: «…Руководимая им резидентура в Париже нанесла серьезный удар по белогвардейским эмигрантским организациям».

В ноябре 1938 года Косенко был отозван в Москву и назначен на руководящую должность в центральном аппарате внешней разведки. Однако уже в декабре того же года по ложному обвинению он был арестован.

20 февраля 1939 года Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила его к высшей мере наказания. Георгий Косенко, отдавший большую часть своей жизни службе в органах госбезопасности, был тайно казнен в ночь на 21 февраля 1939 года, а его тело захоронено в безымянной могиле в районе совхоза «Коммунарка» вместе с телами других жертв произвола. Выдающийся разведчик разделил трагическую судьбу многих десятков своих соратников, погибших в результате необоснованных репрессий.

Доброе имя Георгия Николаевича Косенко было восстановлено лишь во второй половине 1950-х годов. Верховный суд СССР решением от 15 декабря 1956 года отменил приговор Военной коллегии Верховного суда СССР от 20 февраля 1939 года и дело производством прекратил за отсутствием состава преступления.

За время работы в органах госбезопасности Г. Н. Косенко был награжден орденом Красного Знамени, двумя нагрудными знаками «Почетный работник ВЧК – ГПУ» и трижды – почетным боевым оружием.

Василий Яковлев

Установление в 1934 году дипломатических отношений между СССР и Болгарией позволило приступить к систематической разведывательной работе на территории этой страны с «легальных» позиций. В январе 1935 года руководство НКВД приняло решение о создании в Софии резидентуры под прикрытием советского полномочного представительства.

Москву прежде всего интересовало развитие болгаро-немецких отношений, поскольку монархический прогерманский режим Болгарии все теснее увязывал свои территориальные притязания с гитлеровскими планами установления «нового порядка» в Европе.

Первым резидентом внешней разведки в Софии в 1935 году стал опытный чекист Василий Терентьевич Яковлев. Несмотря на то, что он работал в органах ВЧК – ГПУ – НКВД уже длительное время, на разведывательной работе за границей он оказался впервые.

Василий Яковлев родился 15 марта 1899 года в селе Антипово Юхновского уезда Смоленской губернии в семье железнодорожника.

Василий Терентьевич Яковлев

В 1917 году поступил в Смоленский политехнический институт. В 1919 году после окончания двух курсов института добровольно вступил в ряды Красной Армии, участвовал в боях на Западном фронте.

С 1921 года – в органах ВЧК. Являлся уполномоченным Особого отдела Смоленской губЧК и Пензенского губотдела ГПУ. В 1923 году Яковлев был переведен на работу в центральный аппарат ОГПУ. До 1931 года служил уполномоченным в контрразведывательных подразделениях, работал на Московской таможне помощником начальника отдела по борьбе с контрабандой. За отличную работу трижды награждался боевым оружием, а также серебряным портсигаром.

Во внешней разведке – с 1931 года. В 1932 году был назначен помощником начальника отделения ИНО ОГПУ. В 1934 году за выполнение специального задания Коллегия ОГПУ наградила Яковлева нагрудным знаком «Почетный работник ВЧК – ГПУ».

В марте 1935 года Яковлев был направлен в качестве

резидента разведки в Болгарию, где находился до 1938 года. В «Очерках истории российской внешней разведки» следующим образом оценивается период работы Яковлева в этой стране: «Обстановка в Болгарии была сложной. Как только в Софии открылась советская дипломатическая миссия, болгарские спецслужбы взяли под наблюдение ее сотрудников. Учителями болгарских контрразведчиков были гестаповцы. Больше всего болгарские спецслужбы опасались контактов сотрудников советского полпредства с местной компартией и поэтому пытались контролировать все их неофициальные связи.

Яковлев постоянно был объектом не только наблюдения, но и провокаций. Центр принял решение заменить резидента, хотя и высоко оценил его работу».

Действительно, возглавляемая Яковлевым резидентура добилась значительных результатов в вербовочной работе. За три года сам резидент сумел приобрести ряд источников информации, создал надежный агентурный аппарат, позволивший освещать внутреннюю и внешнюю политику Болгарии, решать вопросы организации связи с местными прогрессивными силами.

В 1938 году в связи с организованной Берией чисткой органов госбезопасности Яковлев был отозван в Москву. Знакомясь с его делом, Берия наложил резолюцию, запрещавшую впредь использовать его на руководящих должностях.

В августе 1939 года Яковлев был направлен в Латвию в качестве оперативного работника резидентуры под прикрытием торгового представителя СССР. В мае 1940 года он был вызван из Риги вместе с резидентом в Москву для личного доклада Сталину информации по Прибалтике. В августе того же года Яковлев был переведен под тем же прикрытием в Финляндию, где работал до сентября 1941 года.

По воспоминаниям одного из руководящих работников внешней разведки генерал-майора Е. Т. Синицына, начинавшего перед войной свою разведывательную деятельность в Финляндии, «Яковлев располагал отличным оперативным опытом, которым активно делился с коллегами. В результате разведколлектив в этой стране сумел приобрести надежную агентуру в финских политических и руководящих кругах, от которых поступала важная разведывательная информация».

В частности, резидентура получила и направила в Центр сведения о предстоящем нападении Германии на Советский Союз, которые были доложены Сталину, однако не получили должной оценки.

В годы Великой Отечественной войны Яковлев возглавлял

балканский отдел внешней разведки, обеспечивая успешную реализацию заданий руководства МГБ СССР. Постановлением СНК СССР от 9 июля 1945 года ему было присвоено воинское звание генерал-майора.

В 1946 году Яковлев был направлен в Берлин в качестве заместителя представителя МГБ СССР в Германии. В этой должности он проработал до 1947 года. По возвращении в Москву был назначен на должность начальника управления в Комитете информации при СМ СССР (внешняя разведка).

В мае 1947 года Яковлев был командирован в качестве резидента внешней разведки в Австрию, где находился до сентября 1949 года. Руководимая им резидентура добилась значительных результатов в разведывательной деятельности.

По завершении служебной командировки в Австрию Яковлеву было предложено возглавить одно из управлений во внешней разведке. Однако по состоянию здоровья он отклонил это предложение и в конце 1949 года вышел в отставку.

Работа генерал-майора Яковлева в органах государственной безопасности была отмечена орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны I степени, Красной Звезды и многими медалями.

В 1950 году Василий Терентьевич скончался от болезни сердца. Его имя, как одного из видных советских разведчиков, занесено на Мемориальную доску Службы внешней разведки Российской Федерации.

Арнольд Дейч

Более полувека секретные архивы КГБ хранили тайну замечательного советского разведчика-нелегала Арнольда Дейча – человека, имеющего неоценимые заслуги перед нашим Отечеством, гордости советской внешней разведки. Впервые о Дейче было упомянуто лишь в 1990 году в связи с рассказом о деятельности созданной им группы наиболее ценных источников, получившей название «Кембриджской пятерки», члены которой в 1940—1950-е годы работали в самых секретных ведомствах Великобритании.

Арнольд Дейч родился 21 мая 1904 года в Вене (Австрия) в семье мелкого коммерсанта, бывшего сельского учителя из Словакии. В 1928 году окончил философский факультет Венского университета. Одновременно увлекался естественными науками, особенно физикой, химией, а также психологией.

Арнольд Дейч

С юношеских лет Дейч принимал участие в революционном молодежном движении. В 1920 году стал членом Союза социалистических студентов, в 1924 году вступил в Коммунистическую партию Австрии (КПА). С 1928 года он начал работать в разведывательном подразделении Коминтерна.

В январе 1932 года Дейч вместе с женой приезжает в Москву, переводится из КПА в компартию нашей страны, а спустя несколько месяцев по рекомендации Коминтерна начинает работать в Иностранном отделе ОГПУ. Помимо родного немецкого и «рабочего» русского Дейч свободно владел английским, французским и итальянским языками. В Иностранном отделе он прошел ускоренный курс подготовки разведчика-нелегала, а жена освоила работу радистки.

В начале января 1933 года супругов направляют на нелегальную работу во Францию. Дейч становится помощником, а через некоторое время – заместителем резидента советской нелегальной разведки в этой стране. С позиций Франции он успешно выполняет специальные задания Центра в Бельгии, Австрии, Голландии, Германии и Палестине.

Для советской разведки того времени большой интерес представляла Великобритания. Однако после восстановления дипломатических отношений с Советским Союзом в 1929 году, британские спецслужбы установили в отношении официальных советских представителей жесткий контрразведывательный режим. Поэтому Москва приняла решение об активизации разведывательной работы в Великобритании с нелегальных позиций.

Дейч получает задание обосноваться в Лондоне. В феврале 1934 года он переводится туда на нелегальную работу и для прикрытия становится студентом Лондонского университета. Учеба в университете дала возможность заводить широкие связи в среде студенческой молодежи. Будучи одаренным от природы, эрудированным человеком, натурой притягательной, тонко чувствующей сущность и внутренний мир людей, Дейч пользовался этим даром так, как ему подсказывали его наблюдения и интуиция. Он сосредоточил свои разведывательные интересы преимущественно на Кембриджском и Оксфордском университетах. Его, как разведчика, в первую очередь интересовали студенты, которые в перспективе могли стать надежными помощниками в разведывательной работе.

Следует подчеркнуть, что Дейч был первым советским разведчиком, который сделал твердую ставку на приобретение перспективной агентуры. Его неоценимая заслуга состоит в том,

что он сумел создать и воспитать знаменитую «Кембриджскую пятерку» разведчиков, в которую входили Ким Филби, Дональд Маклин, Гай Берджес, Энтони Блант и Джон Кернкросс.

В одном из писем в Центр сам Дейч так писал о своих помощниках: «Все они пришли к нам по окончании университетов в Оксфорде и Кембридже. Они разделяли коммунистические убеждения. Это произошло под влиянием широкого революционного движения, которое за последние годы захватило некоторые слои английской интеллигенции и, в особенности, две крепости английской интеллектуальной жизни – Кембридж и Оксфорд.

Восемьдесят процентов высших государственных постов заполняется в Англии выходцами из Кембриджского и Оксфордского университетов, поскольку обучение в этих высших школах связано с расходами, доступными только богатым людям. Отдельные бедные студенты – исключение. Диплом такого университета открывает двери в высшие сферы государственной и политической жизни страны».

Все привлеченные Дейчем к сотрудничеству с советской разведкой члены «Кембриджской пятерки» успешно работали на Москву в течение длительного времени. Филби стал высокопоставленным сотрудником английской разведки, ее представителем при Центральном разведывательном управлении США. Блант всю Вторую мировую войну работал в контрразведке Великобритании. Кернкросс служил в британской дешифровальной службе, затем координировал деятельность английской разведки в Югославии. Маклин и Берджес занимали высокие посты в английском дипломатическом ведомстве. От «пятерки» поступала ценнейшая разведывательная информация. В первую очередь она касалась состояния вооруженных сил Германии и отношения к СССР союзников по антигитлеровской коалиции. В частности, с помощью данных, полученных от «пятерки», советская внешняя разведка выявила попытки немцев вести сепаратные переговоры о мире с союзниками СССР (1942 год – Анкара, 1943 год – Стокгольм и Ватикан и наконец 1944–1945 годы – Швейцария). В Центр были переданы ценнейшие сведения о планах операции фашистских войск в районе Курска и о намерениях гитлеровцев применить на Восточном фронте новые виды боевой техники, телеграфная переписка МИДа Англии со своими загранпредставительствами, протоколы заседаний кабинета министров, комитета обороны и комитета начальников штабов. Особую ценность представили сведения о позиции западных стран по вопросам послевоенного урегулирования, а также доклад «Уранового комитета»,

подготовленный для У. Черчилля. В этом документе говорилось о начале работ по созданию в Великобритании и США атомной бомбы, о ее конструкции и о переносе на территорию США центра исследований и производства нового смертоносного оружия.

Помимо работы с перспективными источниками Дейч успешно решал и другие оперативные задачи.

В сентябре 1937 года Арнольд Дейч возвратился из Лондона в Москву. Его деятельность была высоко оценена руководством Центра. За достигнутые успехи Дейч был представлен к награждению именным оружием. В одном из документов того времени, в частности, говорилось: «За период нелегальной работы за границей Дейч проявил себя на различных участках подполья как исключительно инициативный и преданный работник».

В другой характеристике указывалось: «Во время работы в Англии Дейч зарекомендовал себя как особо ценный работник лондонской резидентуры. Им лично приобретено более 20 источников, в том числе известная «пятерка». Большинство из них поставляли особо ценные материалы…»

В 1938 году разведчик, его жена и родившаяся в Лондоне дочь получают советское гражданство. Дейч становится научным сотрудником Института мирового хозяйства и мировой экономики АН СССР, где с его знаниями и опытом он действительно мог принести и принес немало пользы.

Сразу же после нападения гитлеровской Германии на СССР руководство разведки принимает решение о направлении Дейча на нелегальную работу в Латинскую Америку. Постоянным местом резидентуры была определена Аргентина, поддерживавшая в те годы политические и экономические отношения с фашистской Германией.

В ноябре 1941 года нелегальная группа во главе с Дейчем отправилась в путь через Иран, Индию, страны Юго-Восточной Азии. Уже были пройдены Персидский залив, Тегеран, Карачи. Однако в связи с началом войны между Японией и США дальнейшее продвижение стало опасным, и разведчики возвратились в Москву. Был разработан новый вариант маршрута переброски нелегальной группы в Латинскую Америку, на этот раз Северным морским путем, а затем – через Исландию и США.

4 ноября 1942 года из становища Белужья Губа, что на Новой Земле, вышел в самостоятельное плавание танкер «Донбасс», имея на борту 49 человек. В их числе была и группа Дейча. 7 ноября «Донбасс» подвергся атаке немецкого крейсера и был потоплен. Почти вся команда и пассажиры судна, в том числе и выдающийся разведчик-нелегал Арнольд Дейч, погибли.

Сергей Пузицкий

Сергей Васильевич Пузицкий родился 29 марта 1895 года в городе Ломжа Привислинского края (Польша) в семье учителя. Его отец происходил из крестьян Смоленской губернии, но был широко образованным человеком. Он многие годы преподавал во 2-й Московской мужской гимназии. Являлся автором книг и статей по русской литературе и истории. Именно он привил сыну тягу к получению знаний.

Сергей Васильевич Пузицкий

В 1912 году после окончания Егорьевской гимназии Сергей поступил на юридический факультет Московского университета. В 1914 году с началом Первой мировой войны он вступил добровольцем в армию и был направлен в Александровское военное училище, а затем на специальные артиллерийские курсы. После окончания учебы в 1916 году Пузицкий служил в звании прапорщика, а затем – подпоручика дивизиона тяжелой артиллерии в различных артиллерийских частях.

После Февральской революции 1917 года Пузицкий был

избран членом солдатского комитета своей части. В октябре вместе со своим артдивизионом встал на сторону революции. В марте 1918 года он становится заведующим артиллерийской частью штаба Московского военного округа, а в ноябре того же года – следователем Революционного трибунала республики. В 1919 году оканчивает юридический факультет Московского университета.

В мае 1920 года Пузицкий был направлен на работу в ВЧК. До 1935 года он активно трудился на оперативных и руководящих должностях в контрразведывательных и разведывательном подразделениях ВЧК – ГПУ – ОГПУ. Принимал непосредственное участие в разработке и осуществлении чекистских операций «Синдикат-2», завершившейся в 1924 году арестом руководителя белогвардейской террористической организации «Народный союз защиты Родины и свободы» Бориса Савинкова и «Трест», способствовавшей выводу на территорию СССР и задержанию английского разведчика Сиднея Рейли.

За проявленные мужество и героизм при проведении этих операций Пузицкий в 1924 году был награжден орденом Красного Знамени, боевым оружием с надписью: «С. В. Пузицкому. За беспощадную борьбу с контрреволюцией. Ф. Дзержинский», а также нагрудным знаком «Почетный работник ВЧК – ГПУ».

В рапорте о награждении Сергея Пузицкого орденом Красного Знамени заместитель начальника контрразведывательного отдела ОГПУ Роман Пилляр, в частности, подчеркивал: «Тов. Пузицкий непосредственно руководил разработкой дела Савинкова, проявлял громадную выдержку, инициативу, находчивость, принимая активное участие в операции и агентурной работе».

В январе 1928 года Сергей Васильевич был командирован с группой московских чекистов в Якутию для ликвидации развернувшегося там антисоветского повстанческого движения. По полученным руководством ОГПУ данным, японские агенты из числа бывших белогвардейцев начали подготовку вооруженного восстания с целью отделения Якутии от СССР. Благодаря успешной контрразведывательной операции, проведенной чекистами, заговор был ликвидирован.

В январе 1930 года в Париже Пузицкий принимал непосредственное участие в организации и осуществлении чекистской операции «Заморские», связанной с похищением руководителя Русского общевоинского союза генерала А. П. Кутепова.

В ноябре 1931 года Пузицкого переводят на руководящую работу во внешнюю разведку. Он неоднократно выезжал за рубеж

для инструктажа резидентов и передачи им на связь особо ценной агентуры. За успешную работу в разведке Пузицкий был награжден вторым орденом Красного Знамени и вторым нагрудным знаком «Почетный работник ВЧК – ГПУ».

В 1935 году Сергею Васильевичу было присвоено специальное звание Комиссара государственной безопасности 3-го ранга, что соответствовало воинскому званию генерал-лейтенанта.

31 января 1935 года Пузицкий был переведен в особый резерв ГУГБ в связи с откомандированием на работу помощником начальника Разведывательного управления РККА. Вместе с ним на работу в военную разведку была переведена целая группа опытных чекистов-разведчиков. Однако проработали они там не долго. Уже через год по предложению наркома Ворошилова Политбюро приняло решение освободить бывших чекистов от работы в военной разведке и направить их в распоряжение кадров НКВД.

Пузицкого направили на работу комиссаром строительства канала Волга-Москва (город Дмитров). 9 мая 1937 год он был арестован по обвинению в принадлежности к «троцкистско-зиновьевскому блоку», осужден Особым совещанием к высшей мере наказания и 20 июня того же года расстрелян.

Полностью реабилитирован посмертно в 1956 году.

Имя выдающегося чекиста-разведчика Сергея Васильевича Пузицкого занесено на Мемориальную доску Службы внешней разведки Российской Федерации.

Охотник за шифрами Василий Пудин

В апреле 1921 года в отдельном вагоне под усиленной охраной в Москву были доставлены архивы революционного военного трибунала расформированной после разгрома войск Врангеля 9-й армии и войск Донской области. Среди сопровождавших документы людей находился и Василий Иванович Пудин, помощник коменданта реввоентрибунала. Эта поездка оказалась для него судьбоносной.

Василий Пудин родился 9 февраля 1901 года в деревне Клусово Ольговской волости Дмитровского уезда Московской губернии в крестьянской семье. В 1913 году окончил трехклассную сельскую школу. Трудовую деятельность начал в 15 лет батраком. В 1916–1918 годах работал ломовым извозчиком в Дмитрове и в Москве, затем чернорабочим в московском авиапарке. В 1919 году вступил добровольцем в Красную Армию, участвовал в Гражданской войне, сражался с белыми на Кавказском фронте.

Василий Иванович Пудин

В 1921 году московский горком партии направил Василия Пудина, прибывшего в Москву с документами 9-й армии, на работу в столичную ЧК. В середине 1922 года он был переведен в контрразведывательный отдел ГПУ, возглавляемый Артузовым. Молодой контрразведчик активно привлекался к оперативным мероприятиям отдела, проявил незаурядные храбрость и находчивость. Особо отличился при реализации операции «Синдикат-2».

В конце 1923 года по рекомендации Артузова Пудин был направлен по линии внешней разведки в Харбин. Ему предстояло работать против белогвардейцев и их японских покровителей.

После поражения царской России в 1906 году в войне с Японией, японцы почувствовали себя хозяевами положения в Китае. В 1911 году на территории трех китайских северо-восточных провинций они создали марионеточное правительство генерала Чжан Цзолиня. Благодаря поддержке японцев этот бывший главарь хунхузской банды, воевавший на стороне Японии во время Русско-японской войны, стал фактически неограниченным диктатором Маньчжурии. Он совсем не считался с центральным правительством Китая, и японцы делали в его провинциях что хотели. В Мукдене, Чанчуне, Харбине, Хайларе они создали свои резидентуры и развернули работу по Китаю, а позже – против Дальневосточной республики и Советского Союза. Разведывательная сеть японцев была укомплектована опытными офицерами русского отдела генштаба Японии. В агентурной сети широко использовались русские белоэмигранты, бежавшие от советской власти колчаковцы и семеновцы.

Харбин в те годы состоял из нескольких обособленных по национальному составу и в то же время тесно связанных между собой городских районов. Западные европейцы и русские, японцы и китайцы держались в нем особняком. Пудину удалось установить обширные связи в среде белогвардейцев, приобрести ценную агентуру. Однако проникнуть с ее помощью в секреты японцев было непросто, поскольку среди них были сильны предубеждения в отношении всех европейцев и в первую очередь – выходцев из России. И все-таки Пудин сумел найти уязвимые места уроженцев Страны восходящего солнца и подобрать к ним ключи. В процессе работы он установил, что некоторые японские дипломаты и криптографы готовы продавать известные им шифры, так как были уверены в невозможности их расшифровки европейцами. Приобретенные разведчиком через агентуру шифры позволили советской резидентуре читать все имевшиеся в ее

распоряжении документы МИДа, военного министерства и торговой миссии Японии.

Одновременно Пудин принимал самое активное участие в вербовке агентуры, которая в течение длительного времени добывала весьма важные документальные материалы. Так, ему удалось привлечь к сотрудничеству русского эмигранта Ивана Трофимовича Иванова-Перекреста. Последний имел обширные связи среди японских военнослужащих, сотрудников жандармерии, китайцев, работавших в японских учреждениях. В 1927 году через Иванова-Перекреста Пудин получил исключительно важный японский документ – «меморандум Танаки». Как подчеркивается в официальных документах СВР России, «получение “меморандума Танаки” явилось крупнейшим достижением в работе советской внешней разведки против милитаристских устремлений Японии в период 1920-х – начала 1930-х годов». В этом документе впервые раскрывались истинные планы Японии по завоеванию мира, обозначались этапы осуществления этой задачи. В качестве «программы национального развития Японии» в меморандуме выдвигалась «необходимость вновь скрестить мечи с Россией». После разгрома милитаристской Японии в 1945 году «меморандум Танаки» фигурировал в качестве официального документа на Токийском трибунале, осудившем японских военных преступников.

За время работы в Китае и других странах Василий Пудин через агентуру и лично путем негласных выемок добыл сотни секретных документов, в том числе около 20 японских и китайских шифров.

В 1930 году Пудин возвратился в Москву и вскоре по линии внешней разведки в составе группы советников был направлен в Монголию. Принимал непосредственное участие в разгроме инспирированного японцами ламского мятежа. В 1934 году возвратился в СССР.

После непродолжительной работы в центральном аппарате разведки в 1936 году Пудин направляется в качестве заместителя резидента НКВД в Болгарию. Используя накопленный ранее опыт оперативной работы по японцам, он завербовал крупного японского дипломата, от которого за вознаграждение получил шифры МИДа Японии, которые это внешнеполитическое ведомство применяло в те годы в Европе. Это позволило в первые годы Второй мировой войны читать шифрованную переписку между Токио и Берлином и быть в курсе их планов в отношении СССР. Накануне нападения фашистской Германии на Советский Союз Пудин возвратился в Москву.

3 июля 1941 года из Москвы в Могилев была направлена

оперативная разведывательно-диверсионная группа из шести чекистов во главе с капитаном госбезопасности Пудиным. Перед группой была поставлена задача: подготовиться к переходу на нелегальное положение в случае захвата города немцами. Ехали на грузовике, оборудованном небольшой радиостанцией с автономным питанием от аккумулятора машины. Только добрались до Могилева – положение дел на фронте значительно осложнилось. Гитлеровские войска обошли город с севера и с юга, захватили Смоленск, подошли к Ельне, угрожали Вязьме. Советские войска, оборонявшие Могилев, оказались в окружении. Сложная обстановка вынудила группу Пудина принять участие в оборонительных боях.

Осажденный город лишился связи с Большой землей. В распоряжении защитников Могилева была только небольшая портативная радиостанция оперативной группы Пудина. Четырнадцать дней она информировала Москву о ходе обороны. А когда продолжать сопротивление стало окончательно невозможным, окруженный гарнизон в ночь с 26 на 27 июля 1941 года пошел на прорыв, чтобы пробиться в леса и начать партизанскую войну. Группа Пудина находилась в рядах, штурмовавших вражеское кольцо.

У деревни Тишовка Василий Иванович был ранен, ему оторвало левую стопу. Местная жительница спрятала его в сарае, а на шестой день, когда у разведчика началась гангрена, отвезла Пудина в могилевскую больницу. В одном из коридоров переполненной больницы Пудин пролежал долгих пять месяцев, выдавая себя за шофера Василия Попова (согласно полученной в Москве легенде).

Гитлеровцы не оставляли в покое раненого разведчика, проводили ночные допросы, пытаясь выяснить, не лжет ли он. И только к концу пятого месяца Пудину удалось убедить гитлеровцев в своей легенде-биографии.

В конце декабря 1941 года, когда здоровье позволило разведчику самостоятельно ходить на костылях, его выписали из больницы и разрешили жить под надзором полиции в деревне Краснополье, что недалеко от Могилева.

Поселившись в деревне, Пудин начал сапожничать. Одновременно он приглядывался к окружающим его людям, изучал обстановку. Шаг за шагом создавал он подпольную боевую группу. Постепенно у Пудина стали появляться надежные верные помощники. Начались активные действия: рвались заложенные ими мины, горели вражеские машины, уничтожались немецкие солдаты и офицеры.

В августе 1942 года Пудину удалось наладить связь с

партизанским отрядом Османа Касаева. К этому времени в его разведывательно-диверсионной группе насчитывалось 22 человека. В нее входили девушки, работавшие у немцев переводчицами, железнодорожные рабочие, служащие комендатуры. Вскоре был установлен контакт с десантной группой с Большой земли, располагавшей рацией. Ценные сведения, собранные группой Пудина, передавались в Москву. Сам Пудин перебрался в партизанский отряд, откуда и руководил своими бойцами. Взаимодействуя с партизанскими отрядами, действовавшими в Могилевской области, группа Пудина наносила ощутимые удары по коммуникациям врага, наводила советскую авиацию на его важные объекты. За сбор ценной информации о противнике Пудин был награжден орденом Ленина.

Однако искалеченная нога не давала покоя. 17 июля 1943 года разведчик вылетел на Большую землю, где ему сделали сложную операцию. Около года Пудин лечился в госпитале. Затем находился на руководящих должностях в центральном аппарате внешней разведки. После окончания Великой Отечественной войны работал заместителем начальника одного из управлений. Неоднократно выезжал за границу для выполнения специальных заданий. Являлся инспектором МГБ СССР при министерстве госбезопасности Народной Республики Болгарии. В 1952 году по состоянию здоровья вышел в отставку. Написал несколько книг о деятельности советских разведчиков.

За большие заслуги в деле обеспечения государственной безопасности, проявленные при этом мужество и героизм полковник Пудин был награжден двумя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны I степени и Красной Звезды, многими медалями, а также нагрудным знаком «Заслуженный работник НКВД».

Скончался Василий Иванович в 1974 году.

Чекист Григорий Сыроежкин

В конце 1938 года в мадридскую резидентуру НКВД ушла телеграмма с Лубянки, в которой старшему военному советнику 14-го специального республиканского корпуса, старшему майору госбезопасности Григорию Сыроежкину предписывалось отбыть в Москву для получения правительственной награды.

Прибыв в столицу в начале 1939 года, разведчик поселился в гостинице «Москва» и стал ждать вызова к руководству. Через несколько дней поздно вечером в его номер вошли трое незнакомых людей, которые предъявили ему ордер на арест…

Григорий Сыроежкин родился 25 января 1900 года в крестьянской семье, проживавшей в селе Волково тогдашнего Балашовского уезда Саратовской губернии. В 1905 году отца забрали в армию и направили в Закавказье – младшим каптенармусом Тифлисского кадетского корпуса. Через некоторое время он вызвал к себе семью.

Григорий Сергеевич Сыроежкин

Григорий учился в городской гимназии, но с малых лет мечтал о военной службе: увлекался конной подготовкой, долгие часы проводил в местной оружейной мастерской. В начале 1915 года, приписав себе несколько лет, он вступил добровольцем в 1-й Кавказский стрелковый полк. Солдатская служба Григория длилась всего месяц. Военное начальство отправило несовершеннолетнего солдата домой, в Тифлис. Юноша устроился письмоводителем в Управление Закавказской железной дороги и экстерном сдал экзамены за гимназический курс.

После Октябрьской революции семья Сыроежкиных вернулась в родное село. Летом 1918 года он добровольно вступил в Красную Армию. Воевал на Южном фронте в дивизии Василия Киквидзе, участвовал в обороне Царицына. Затем служил писарем в Ревтрибунале 9-й армии. В декабре 1919 года назначен комендантом Ревтрибунала армии. В том же году вступил в члены РКП(б). Весной 1920 года Сыроежкин был откомандирован

на работу в Новочеркасскую ЧК. Однако уже в январе 1921 года он был вызван в Москву и назначен следователем Ревтрибунала Республики. В этот же период выезжал в командировку в Тамбовскую губернию для подавления антоновского мятежа.

В сентябре 1921 года Сыроежкин был переведен из Ревтрибунала Республики в Контрразведывательный отдел (КРО) ВЧК. Принимал непосредственное участие в операции «Синдикат-2», направленной на разгром савинковской террористической организации «Народный союз защиты Родины и свободы». При реализации операции неоднократно нелегально выезжал с ответственными и опасными поручениями за кордон. В представлении к награждению Сыроежкина орденом Красного Знамени, подготовленном заместителем начальника КРО Романом Пилляром, в частности, говорилось:

«Тов. Сыроежкин принимал активное участие в разработке дела Савинкова, неоднократно рискуя жизнью. Состоя официально сотрудником ОГПУ, посылался неоднократно нелегально в Польшу. Во время чрезвычайно рискованных поездок проявлял особую находчивость и смелость. Лишь благодаря этому ему удалось избежать почти неминуемого ареста, влекшего за собой неминуемый расстрел и провал разработки дела».

В сентябре 1925 года Сыроежкин участвовал в операции «Трест» по выводу в СССР и аресту английского разведчика Сиднея Рейли, который был участником так называемого «заговора послов», направленного на свержение советского правительства, в 1918 году заочно судим и объявлен «врагом трудящихся, стоящим вне закона РСФСР».

В 1928 году Сыроежкин был командирован в Якутию, где японские агенты из числа бывших белогвардейцев готовили вооруженное восстание с целью создания марионеточного правительства и отделения Якутии от СССР. Благодаря успешной контрразведывательной операции, проведенной Сыроежкиным и его подчиненными, заговор был ликвидирован.

В 1929 году вспыхнул вооруженный конфликт на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД), связывавшей Сибирь с Дальним Востоком. Сыроежкин выехал в Бурятию, где возглавил оперативный отряд по борьбе с местными бандитами.

В 1932 году коллегия ОГПУ наградила Сыроежкина именным оружием. В том же году он был направлен на ответственную работу в Белоруссию, где руководил ликвидацией подпольных националистических организаций. За проявленное мужество награжден золотыми часами.

После Белоруссии Сыроежкин получил новое назначение, на

этот раз – в Ленинград. Там он участвовал в контрразведывательных операциях по ликвидации созданных германской разведкой шпионских и террористических групп. Эти группы действовали под прикрытием нескольких германских коммерческих представительств. При проведении оперативных мероприятий Сыроежкин выезжал по линии ИНО ОГПУ в Германию, Норвегию, Финляндию и Швецию.

В 1936 году Григорию Сергеевичу за «особые оперативные заслуги и боевые подвиги» было присвоено специальное звание старшего майора госбезопасности, что соответствовало воинскому званию генерал-майора.

В связи с разразившейся в Испании летом 1936 года гражданской войной, в которой мятежники генерала Франко противостояли вооруженным силам республиканского правительства, Политбюро ЦК ВКП(б) в середине сентября месяца приняло решение оказать республиканскому правительству всестороннюю поддержку. На борьбу с фашистами в Испанию стали направляться добровольцы-коммунисты. Среди них были и советские чекисты, в том числе будущие Герои Советского Союза Станислав Ваупшасов, Кирилл Орловский, Николай Прокопюк, Александр Рабцевич.

Григорий Сыроежкин написал три рапорта на имя руководства НКВД, прежде чем получил разрешение на отъезд.

Используя свой богатый оперативный опыт, Сыроежкин, являвшийся сотрудником резидентуры НКВД, занимался подготовкой специальных партизанских и диверсионных групп республиканской армии для ведения борьбы в тылу франкистов. По его инициативе были созданы партизанские отряды, батальоны, бригады. Осенью 1937 года они были объединены в знаменитый 14-й специальный корпус, который осуществлял боевые операции на всех фронтах вплоть до окончания гражданской войны в стране.

Являясь старшим военным советником командира корпуса Доминго Унгрия, Сыроежкин организовал разведывательно-диверсионную школу, в которой бойцы обучались методам партизанской борьбы. Он сам неоднократно лично участвовал в выполнении специальных заданий командования в тылу врага. За проявленное мужество был награжден орденом Ленина.

В Испании Сыроежкин встретил сына Бориса Савинкова. Лев Борисович Савинков вырос в эмиграции, работал шофером во Франции. С началом гражданской войны в Испании отправился добровольцем на борьбу против франкистов. Отважно сражался в Интернациональной бригаде. Сыроежкин способствовал тому, что Лев Савинков стал капитаном республиканской армии.

Осенью 1938 года, накануне поражения республиканцев, Сыроежкин переправил его во Францию. Во время оккупации Франции Лев Савинков активно участвовал во французском движении Сопротивления. В августе 1944 года он в составе группы из отряда «Союза русских патриотов» водрузил красный флаг над зданием советского посольства в Париже.

В 14-м специальном корпусе республиканцев Сыроежкина называли Грегорио Грандэ. Бойцы обращались к нему: команданте Грегорио. Сыроежкин был всеобщим любимцем. Товарищи по вооруженной борьбе с фашизмом ценили его за смелость, честность, профессиональное мастерство, доброе, человеческое отношение к людям, бескорыстие.

В 1937 году на военнослужащих и чекистов в СССР обрушились репрессии. По так называемому «заговору генералов» были арестованы и осуждены многие видные руководители Красной Армии. Однажды в 1938 году в узком кругу сослуживцев Григорий Сыроежкин высказал свое мнение о невиновности Тухачевского и других военачальников. Он отметил, что многих из них он лично знает как честных и преданных командиров и готов головой ручаться за них.

Однако круг оказался не таким уж узким. На Лубянку полетел донос на разведчика. В конце 1938 года Сыроежкин был отозван в Москву под предлогом вручения ему очередного ордена.

8 февраля 1939 года Сыроежкин был арестован по обвинению в шпионаже в пользу Польши и участии в контрреволюционной организации.

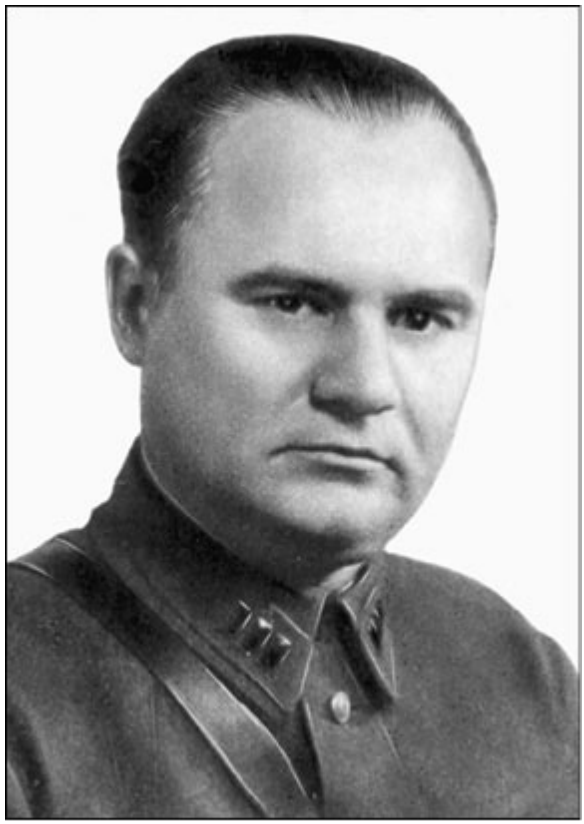
26 февраля 1939 года старший майор госбезопасности Григорий Сергеевич Сыроежкин был осужден Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян. Лишь 15 февраля 1958 года приговор в отношении Сыроежкина был отменен и дело закрыто за отсутствием состава преступления.

Имя Григория Сергеевича Сыроежкина, одного из видных советских чекистов-разведчиков, занесено на Мемориальную доску Службы внешней разведки Российской Федерации.

Василий Рощин

В июле 1932 года в берлинскую резидентуру прибыл новый оперативный работник. Его настоящее имя было Яков Федорович Тищенко. Однако в Германию он приехал и впоследствии стал известен как один из активных и результативных сотрудников внешней разведки, верой и правдой служивших Родине, под именем Василия Петровича Рощина.

Яков Тищенко родился 22 августа 1903 года в селе Жариково Ханкайской волости Николо-Уссурийского уезда Приморского края в крестьянской семье. После окончания местной пятилетней школы он поступил на учебу в Спасскую учительскую семинарию. В период учебы Яков сблизился с большевиками. И когда в России вспыхнула Гражданская война, он ушел вместе с ними в партизанский отряд.



Василий Петрович Рощин

В 1920 году Яков вступил в ВКП(б). Принимал участие в боях

с японскими интервентами в районах Спасска и Хабаровска. В июле 1920 года стал бойцом регулярной народно-революционной армии Дальневосточной Республики.

После изгнания японских интервентов из Приморья и Дальнего Востока Яков Тищенко демобилизовался из армии и перешел на комсомольскую работу. Являлся секретарем комсомольской организации города Свободный Амурской области, руководил городскими комсомольскими организациями Рухлова и Благовещенска. Избирается делегатом IV и V съездов комсомола.

В ноябре 1925 года Тищенко по рекомендации Приморского губкома партии был направлен в распоряжение разведывательного отдела штаба Сибирского военного округа. А уже в конце того же года он, ставший Василием Петровичем Рощиным, командируется на работу в резидентуру Разведуправления РККА в Китае. Новые имя и фамилия остались с ним до конца жизни.

В течение года Василий Рощин работал в Харбине по линии советской военной разведки. Он добывал информацию о деятельности белогвардейских вооруженных формирований, осевших после окончания Гражданской войны в Маньчжурии. В декабре 1926 года Рощин был переведен из Разведуправления РККА в Иностранный отдел (внешнюю разведку) ОГПУ, в его харбинскую резидентуру.

Резидентура ИНО ОГПУ в Харбине активно работала не только по белогвардейским вооруженным формированиям и русской эмиграции. Усилиями чекистов-разведчиков был создан работоспособный агентурный аппарат, успешно решавший также задачи по выявлению истинных планов и намерений японцев в отношении Китая, Кореи и СССР. В 1929 году Рощин возглавил харбинскую резидентуру.

В ноябре 1930 года Рощин с семьей прибыл в Москву и получил назначение в центральный аппарат внешней разведки. По распределению обязанностей он курировал резидентуры ИНО ОГПУ в Румынии и Австрии.

Весной 1932 года руководство внешней разведки приняло решение направить Рощина на работу в Германию. В его задачу входило, в частности, поддержание связи с нелегальными резидентурами внешней разведки в США (в ту пору, в связи с отсутствием дипломатических отношений между СССР и США, работа внешней разведки по этой стране строилась через Германию).

Работая в Берлине, Рощин имел на связи многочисленную агентуру. Среди его помощников были представители

белогвардейской эмиграции, журналисты, инженеры, трудившиеся на крупных германских предприятиях. Разведчик добывал интересующую Центр политическую и научно-техническую информацию.

В мае 1935 года Рощин был переведен из Германии на должность резидента НКВД в Австрии. В Вене перед разведчиком была поставлена задача вести активную агентурную работу по Германии, в которой значительно осложнилась политическая и оперативная обстановка. Ему предстояло также создать нелегальные резидентуры разведки на случай войны с Германией.

Рощин успешно справился с поставленными перед ним задачами. Агентурная сеть венской резидентуры НКВД к концу служебной командировки Рощина значительно расширилась. Среди источников резидентуры, снабжавших ее важной политической и другой разведывательной информацией, были лица, имевшие надежные связи в австрийской политической полиции, в кругах националистической украинской эмиграции, представители местной аристократии, сотрудники управления канцлера, спецслужб, министерства иностранных дел. Рощин лично привлек к сотрудничеству пять ценных источников. Через свои агентурные возможности он смог наладить регулярное получение стенографических отчетов об испытании новых типов самолетов, производимых на заводах Юнкерса.

В феврале 1938 года, в связи с оккупацией Германией Австрии, Рощин был вынужден возвратиться в Центр. Курировал деятельность нелегальной агентуры на территории Австрии.

После начала Великой Отечественной войны разведчик был назначен начальником отделения Особой группы, позже – 4-го (разведывательно-диверсионного) управления НКВД СССР, занимавшегося ведением разведки в тылу гитлеровских войск. В 4-м управлении Рощин проделал большую работу по подготовке и заброске на территорию оккупированной Белоруссии оперативно-боевых и разведывательно-диверсионных групп. С позиций Центра он лично осуществлял руководство восемнадцатью боевыми группами, действовавшими в тылу врага. Летом 1942 года Рощин несколько месяцев находился в осажденном Ленинграде, а после Сталинградской битвы активно работал с пленными генералами и полковниками армии Паулюса.

В 1943 году Василий Петрович вновь возвратился на работу во внешнюю разведку и вскоре был направлен резидентом в Стокгольм.

В годы Второй мировой войны Швеция, оставаясь формально нейтральной, на самом деле помогала нацистской Германии, снабжая ее стратегическим сырьем. Благодаря поставкам

шведской руды Германия полностью обеспечивала себя боевой техникой. Швеция поставляла военной промышленности Германии шарикоподшипники. У шведско-финской границы для нужд вермахта был создан комплекс крупных складов горючего, продовольствия, фуража. Наконец, она пропускала нацистские войска через свою территорию транзитом из Норвегии в Финляндию. В этой связи деятельность «легальной» резидентуры в Стокгольме приобретала исключительно важное значение. С территории Швеции велась разведывательная работа по нацистской Германии, Финляндии, Скандинавским странам.

В 1945 году Рощин назначается резидентом внешней разведки в Финляндии и переезжает из Стокгольма в Хельсинки. В Финляндии Рощин и его сотрудники вели активную работу по освещению внешней и внутренней политики руководства страны. Деятельность резидентуры во многом способствовала тому, что между двумя странами установились отношения дружбы и сотрудничества. Руководство внешней разведки высоко оценило работу Рощина в Финляндии.

В начале 1947 года Рощин возвратился в Москву, а в октябре того же года был направлен резидентом в Германию. В Берлине он проработал до июля 1950 года. Это были годы начала «холодной войны», когда Запад отгородился «железным занавесом» от своего бывшего союзника по антигитлеровской коалиции и стран народной демократии и открыто стал готовиться к новой мировой войне, уповая на монополию США в области атомного оружия.

В 1950 году Комитет информации (так в то время называлась внешняя разведка), объединивший под своей крышей военную и политическую разведки, принял решение об активизации работы по США. Соединенные Штаты рассматривались тогда как главный противник, способный развязать атомную войну против СССР. Внесла свой вклад в работу по США и резидентура, руководимая Рощиным. В послевоенной Германии внешняя разведка работала с «легальных» и нелегальных позиций, активно используя агентов-вербовщиков и связников. В частности, «легальной» берлинской резидентурой были задействованы агенты-связники для поддержания связи с источниками, завербованными в Западной Германии: до мая 1955 года между СССР и ФРГ дипломатических отношений не было. Руководимая Рощиным резидентура осуществила вербовку 27 агентов, от которых поступала важная разведывательная информация. Несколько позднее резидентурой были привлечены к сотрудничеству на идейной основе начальник советского отдела западногерманской разведслужбы БНД Хайнц Фельфе и ряд других ценных

источников информации.

Возвратившись в Москву, Рощин с 1950 по 1953 год работал в центральном аппарате внешней разведки на руководящих должностях. В 1953 году он вышел в отставку по состоянию здоровья.

За плодотворную разведывательную работу полковник Рощин был награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны I степени, Красной Звезды и многими медалями.

Скончался Василий Петрович Рощин в 1988 году.

Разведчик-нелегал Федор Парпаров

В связи с обострением внутриполитической обстановки в Германии в начале 1930-х годов руководитель внешней разведки Артур Артузов принял решение об усилении работы в стране с нелегальных позиций. В Берлин был направлен разведчик-нелегал Федор Карпович Парпаров, который ранее уже работал в Германии.

Федор Парпаров родился 23 ноября 1893 года в городе Велиж Витебской губернии. Сдав экстерном экзамены за шесть классов гимназии, он с 14 лет стал работать учеником в лесоэкспортной фирме в Риге, затем конторщиком в Народном банке в Петербурге. В августе 1918 года вернулся в родной Велиж. Там в ноябре того же года стал членом РКП(б), работал заведующим отделом горкома партии. В апреле 1919 года вступил добровольцем в Красную Армию. Служил красноармейцем, политинспектором, затем комиссаром штаба дивизии и комиссаром инженерного управления армии.

Федор Карпович Парпаров

В 1920 году демобилизовался по болезни. Работал заместителем начальника административного управления Наркомпроса, затем в тресте «Моссукно». В 1924 году окончил юридический факультет МГУ. В начале 1925 года поступил на работу в наркомат внешней торговли и уже в феврале того же года, как в совершенстве владевший немецким языком, был направлен в советское торгпредство в Германии. В Берлине был привлечен к сотрудничеству с советской внешней разведкой. В 1929 году отозван в Москву с целью подготовки для работы с нелегальных позиций и последующего направления в нелегальную резидентуру в Германию. В том же году стал кадровым сотрудником разведки.

В 1930 году Парпаров вместе с женой и сыном вернулся в Берлин, где, согласно разработанной в Центре легенде, объявил себя невозвращенцем, заявил о разрыве с советской властью и получил вид на жительство как лицо без гражданства. Для легализации своей деятельности он открыл в Берлине экспортную

контору. Позднее им были открыты филиалы этой фирмы в ряде европейских стран, а также в Северной Африке, Турции, Иране и Афганистане, что создавало надежное прикрытие для разведывательных поездок. После завершения легализации Парпарова Центр создал под его началом агентурную группу, которая затем была преобразована в самостоятельную резидентуру.

В 1931 году Парпаров поместил в берлинской газете следующее объявление: «Молодой предприниматель ищет партнершу для совместного времяпрепровождения и помощи в журналистской работе. Полная конфиденциальность гарантируется». Через две недели на его имя поступило письмо. В нем незнакомая женщина писала: «Хотела бы познакомиться с вами, если вы обладаете такой скромностью, как заверяете. Я из лучшего берлинского общества, куда и вас охотно введу, когда мы познакомимся. Я замужем, но часто бываю одна, так как слишком честна. Вы должны сами решить, хотите ли познакомиться со мной. Как только вы ответите, вы узнаете, кто я. Конечно, доверие необходимо».

Предложение было многообещающим, и разведчик решил действовать. Он встретился с женщиной в кафе. Завязалась оживленная беседа. Женщина, которая впоследствии получила оперативный псевдоним «Марта», рассказала, что ее муж является ответственным чиновником МИДа Германии. Вскоре между молодыми людьми установились приятельские отношения. Из бесед с «Мартой» разведчик узнал, что она страдает от одиночества в связи с постоянными командировками мужа. К тому же время от времени она бывает стеснена в средствах и рассчитывает на дополнительный приработок.

Проведенная проверка «Марты» дала положительные результаты. Сведений о ее сотрудничестве с германскими спецслужбами получено не было.

Несмотря на то что «Марта» была женой высокопоставленного чиновника МИДа Германии, Центр не торопился ставить задания разведчику по организации доступа к имеющимся в распоряжении немца мидовским документам. Между тем встречи оперработника с немкой продолжались, доверие «Марты» к нему росло.

Вскоре Парпаров под предлогом оказания ему помощи в журналистской работе попросил «Марту» подготовить обзор на основе материалов ее мужа к сессии Лиги Наций. Соответствующую справку она составила и передала оперработнику. Информация, направленная в Москву, получила положительную оценку Центра. В заключении Центра отмечалось:

«Предварительное ознакомление с первыми полученными от “Марты” материалами свидетельствует о том, что мы имеем дело, по-видимому, с серьезным источником».

Через некоторое время Центр санкционировал вербовку немки под «чужим флагом». Она легко согласилась с предложением оперработника подзаработать на продаже документов ее мужа какому-либо иностранному государству. Так состоялась вербовка «Марты» на флаг Японии. В отчете в Центр оперработник писал: «Договорились о том, что она будет изымать документы из досье мужа или переписывать их…»

С целью усиления безопасности в работе Парпаров обсудил с «Мартой» возможность перефотографирования документов мужа, которые тот брал домой для работы. Был куплен фотоаппарат, и Парпаров научил немку пользоваться им. Для легендирования наличия у нее фотоаппарата «Марта» стала говорить окружающим о своем увлечении фотографией.

Тем временем к власти в Германии пришли нацисты. Поступавшая от «Марты» информация однозначно свидетельствовала о том, что главной целью агрессии Германии в Европе станет Советский Союз. В этой связи получаемые от нее документальные материалы становились все более важными. Ведь муж «Марты» присутствовал практически на всех совещаниях руководящего состава министерства.

«Марта» не принимала нацизм, критически относилась к гитлеровскому режиму. По роду службы ее муж участвовал во всех международных конференциях, на которых присутствовала делегация Германии. К удовольствию мужа «Марта» стала сопровождать его в зарубежные поездки. Она использовала их для получения актуальной информации, которая имела особое значение для Москвы.

Предупреждаемый о предстоящей поездке «Марты» с мужем за границу, Парпаров заблаговременно отбывал туда для подбора мест конспиративных встреч с источником. Проделав эту работу, он возвращался в Берлин и тщательно отрабатывал с «Мартой» условия встречи в незнакомом для нее городе.

Политическая атмосфера в Европе ухудшалась, Центр все чаще оценивал информацию «Марты» как «весьма важную и интересную». Было принято решение о переводе работы с ней на «советский флаг», чтобы ставить перед немкой информационные вопросы, непосредственно затрагивающие интересы СССР. К этой беседе Федор подготовился особенно тщательно, однако «Марта» совершенно спокойно реагировала на его признание о работе на советскую разведку.

Через некоторое время муж «Марты» получил назначение на

должность посла в одну из европейских стран. Связь с источником осуществлялась в периоды ее приездов в Берлин или выездов в другие европейские столицы.

Напряженность в Европе и, в частности, в Германии возрастала. Европа стояла на пороге Второй мировой войны. Информация о намерениях гитлеровской Германии была необходима советскому руководству, однако добывать ее становилось все труднее. В результате массовых репрессий, развязанных в Москве, советская внешняя разведка была парализована. Был отозван в Москву и Парпаров. Позже по ложному обвинению в сотрудничестве с гестапо он был арестован и брошен в застенок, где подвергался пыткам и избиениям. Связь с «Мартой» была утрачена.

Для восстановления контакта с немкой в Берлин была направлена опытная разведчица – жена разведчика-нелегала Василия Зарубина Елизавета Зарубина. Она привезла с собой письмо от Парпарова, напечатанное им на машинке во внутренней тюрьме НКВД на Лубянке. Зарубина сумела убедить немку в безопасности встреч с ней. Поток важной информации от источника возобновился. Она исключительно высоко оценивалась в Москве.

С нападением гитлеровской Германии на Советский Союз связь с источником прервалась. Долгое время судьба «Марты» была неизвестна. Только после войны резидент внешней разведки в Германии Александр Коротков установил, что во время одной из бомбардировок Берлина британской авиацией ее надломленная психика не выдержала. «Марта» заболела, попала в психиатрическую больницу, откуда уже не вышла.

Что касается Парпарова, то после отзыва в Москву он в 1937 году выехал в командировку в Голландию, где установил контакт с бывшим разведчиком одной из западных стран и привлек его к работе на Советский Союз. От источника поступали весьма важные материалы, которые освещали, главным образом, вопросы строительства военных судов, аэродромов и посадочных площадок в Германии.

В начале 1938 года в связи с предательством Вальтера Кривицкого Парпаров вновь был отозван в Москву. 27 мая 1938 года он был арестован и больше года находился под следствием. Лишь в июне 1939 года разведчик был освобожден из заключения по указанию Берии. Как ни странно, этому способствовало и то, что «Марта» продолжала активно сотрудничать с советской разведкой.

В 1940 году Парпаров был восстановлен в НКВД с присвоением звания майора госбезопасности, что соответствовало

званию армейского полковника. В конце 1940 года Парпаров выехал в Эстонию, где восстановил связь с работавшим там одним из ранее завербованных им агентов в германском министерстве иностранных дел.

С весны 1941 года Парпаров с «легальных» позиций выполнял ответственное задание Центра в Прибалтике. Война застала его вместе с семьей в Литве. Эвакуироваться пришлось под непрерывными бомбежками и под огнем немецких танков. В октябре 1941 года Парпаров был направлен нелегальным резидентом в Швейцарию. Однако в апреле 1943 года у разведчика возникли проблемы со швейцарской визой, и он вынужден был возвратиться в Москву.

Парпарова направили в распоряжение 4-го управления НКВД. Ему пришлось работать с генерал-фельдмаршалом Паулюсом, находившимся после разгрома его армии под Сталинградом, в плену в лагере под Суздалем. Как крупный специалист по Германии, после окончания войны Парпаров участвовал в подготовке Потсдамской конференции и Нюрнбергского процесса, на котором он представил фельдмаршала международным судьям, что вызвало сенсацию у присутствовавших на процессе журналистов. Затем участвовал в мероприятиях, связанных с организацией деятельности оккупационных властей в Германии.

В середине 1950-х годов Федор Карпович вышел в отставку. До кончины в 1959 году он возглавлял военную кафедру в МГУ.

Евгений Мицкевич

Видный советский разведчик-нелегал Евгений Петрович Мицкевич родился 5 января 1894 года в поселке Клевань Ровенского уезда Волынской губернии в бедной крестьянской украинской семье. С 1912 года учительствовал в сельских школах Волынской губернии.

Евгений Петрович Мицкевич

В 1915 году Мицкевич был призван в армию. Окончил Киевскую школу прапорщиков и был зачислен младшим офицером в 5-ю роту 205-го запасного полка, который был расквартирован в Речицком уезде Гомельской губернии.

После Февральской революции 1917 года он избирался членом полкового комитета и Речицкого Совета рабочих и солдатских депутатов. В августе 1917 года Мицкевич во главе батальона 257-го стрелкового полка участвовал в подавлении «корниловщины» – контрреволюционного мятежа под

руководством верховного главнокомандующего вооруженными силами России генерала Корнилова с целью разгрома сил революции и установления в стране реакционной военной диктатуры. В сентябре того же года вступил в партию большевиков, активно участвовал в становлении советской власти в Белоруссии.

После Октябрьской революции 1917 года Мицкевич был избран комиссаром юстиции Речицкого Совета. В январе 1918 года командовал отрядом Красной гвардии в боях с 1-м Польским корпусом легионеров под командованием генерала Довбор-Мусницкого, руководившего антисоветским выступлением в Белоруссии с целью захвата западно-белорусских земель.

С июля 1918 года Мицкевич работал в Брянской ЧК. После полного восстановления советской власти в Белоруссии с декабря 1918 года он являлся председателем Речицкого уездного военно-революционного комитета, а затем, до польской оккупации, – председателем уездного исполкома.

Во время польско-советской войны 1920 года Мицкевич командовал 477-м стрелковым полком 47-й дивизии 12-й армии РККА. В марте того же года был тяжело ранен. После ранения являлся военкомом Речицкого уезда и одновременно начальником Лоевского боевого участка по борьбе с бандитизмом. За ликвидацию бандитских формирований на территории Белоруссии Мицкевич был награжден орденом Красного Знамени. В 1921 году он поступил на учебу в Военную академию РККА. Однако после первого курса демобилизовался из армии и перевелся на экономическое отделение Московского государственного университета.

После окончания МГУ в конце 1924 года Мицкевич был направлен на работу в Иностранный отдел органов государственной безопасности. С тех пор вся его дальнейшая работа в ОГПУ – КГБ была связана с внешней разведкой.

С 1925 года Мицкевич находился на нелегальной работе в Германии. Руководил созданием нелегальной агентурной сети в Гамбурге. В ноябре 1927 года выехал на работу в Италию в качестве руководителя римской нелегальной резидентуры. В стране находился до 1930 года. Возглавляемый им коллектив разведчиков-нелегалов успешно решал стоявшие перед резидентурой задачи.

В 1931 году, после кратковременной работы в центральном аппарате разведки, Мицкевич был направлен на нелегальную работу в Великобританию. Через год, после восстановления дипломатических отношений между СССР и Великобританией, он

возглавил «легальную» резидентуру органов государственной безопасности в Лондоне.

Возглавляемой Мицкевичем резидентуре приходилось работать в очень сложных условиях. Несмотря на это, разведчикам удалось добиться значительных результатов в вербовочной работе и заложить основы для приобретения перспективной агентуры, от которой впоследствии поступала ценная информация, в том числе – документальная, по всем интересовавшим Центр политическим проблемам.

Умение активно работать с людьми пригодилось Мицкевичу и в дальнейшем, когда в 1934 году он был направлен в США, а затем – в Китай для организации нелегальной разведывательной работы против Японии и антисоветской белогвардейской эмиграции в Маньчжурии. Под его руководством была создана оперативная группа, добившаяся серьезных успехов в пресечении деятельности белогвардейских вооруженных формирований и террористических организаций как на территории Китая, так и с территории страны против СССР.

В 1937 году после успешного выполнения заданий Центра в Китае Мицкевич возвратился в США, где более года возглавлял одну из нелегальных резидентур.

В 1939–1941 годах Мицкевич работал в различных подразделениях центрального аппарата контрразведки. С началом Великой Отечественной войны он некоторое время командовал батальоном в Отдельной мотострелковой бригаде особого назначения НКВД СССР, а затем был снова переведен на работу во внешнюю разведку, где возглавил один из ведущих отделов.

В 1944 году разведчик был направлен в Италию для восстановления нелегальной резидентуры. За короткий срок Евгений Петрович сумел создать группу разведчиков-нелегалов, снабжавшую Центр важной политической и военно-технической информацией.

По завершении служебной командировки в Италии Мицкевич работал на руководящих должностях в центральном аппарате внешней разведки. С 1948 по 1953 год он возглавлял кафедру спецдисциплин в Высшей разведывательной школе МГБ СССР, отдавая весь свой богатый опыт оперативной работы делу подготовки молодых разведчиков.

В 1953 году Евгений Петрович вышел в отставку по выслуге лет. Скончался 19 февраля 1959 года.

За плодотворную деятельность по обеспечению государственной безопасности нашей страны полковник Мицкевич был награжден орденом Ленина, двумя орденами

Красного Знамени, орденами Отечественной войны I степени и «Знак Почета», многими медалями, а также нагрудным знаком «Заслуженный работник НКВД».

Петр Зубов

Осенью 1939 года, когда германская армия в течение нескольких недель разгромила и оккупировала панскую Польшу, в руки советской разведки попали бывший резидент польской разведки в Берлине полковник Станислав Сосновский и богатый польский аристократ князь Януш Радзивилл, имевший обширные связи в кругах британской аристократии. Оба поляка, сидевшие во львовской тюрьме и не успевшие эмигрировать за границу, были доставлены на Лубянку с целью их активной разработки и возможной вербовки.

В качестве разработчика поляков выступил видный советский разведчик Петр Яковлевич Зубов, арестованный в 1938 году по личному указанию Сталина и находившийся под следствием во внутренней тюрьме на Лубянке.

Петр Зубов родился 7 февраля 1898 года в Тифлисе в рабочей семье. В 1915 году он окончил Тифлисское Михайловское техническое железнодорожное училище. Работал техником-десятником на Закавказской железной дороге, одновременно учился в Тифлисском народном университете. В 1918 году он сделал свой политический выбор и вступил в партию большевиков.

Петр Яковлевич Зубов

В начале 1920 года, после захвата власти в Грузии меньшевиками, Зубов выехал во Владикавказ и поступил на работу в ЧК Горской республики.

После освобождения Закавказья от английских и турецких интервентов Зубов возвратился в Тифлис. С 1921 по 1927 год он работал на оперативных должностях в Грузинской ЧК, преобразованной в 1922 году в ГПУ. Участвовал в мероприятиях по разгрому подпольных антисоветских центров, в ликвидации повстанческого штаба меньшевиков и нескольких подпольных типографий. Являлся заместителем начальника секретного отдела Грузинского ГПУ. Затем возглавил отделение разведки, выявлявшее связи грузинских меньшевиков в Турции. За конкретные результаты в работе был награжден нагрудным знаком «Почетный работник ВЧК – ГПУ (V)», а также Почетным именным оружием.

Как грамотный чекист, приобретший опыт разведывательной

работы, Зубов в начале 1928 года был направлен в резидентуру ОГПУ в Стамбуле. Однако уже в июле 1930 года, в связи с предательством нелегала Агабекова, он вынужден был вернуться в СССР. За период служебной командировки характеризовался как «один из лучших и ответственных оперативных работников резидентуры, добившийся высоких результатов».

Руководство ОГПУ поставило перед Зубовым новое ответственное задание: было принято решение вновь направить его на работу в Закавказское ГПУ. В Закавказье он занимался борьбой с бандитизмом и организованной преступностью. Лично принимал участие в ликвидации бандформирований в Грузии и Абхазии. За мужество и героизм, проявленные в боях с бандитами, Зубов в 1930 году был повторно награжден Почетным именным оружием, а в 1931 году – Почетной грамотой Коллегии ОГПУ «За беспощадную борьбу с контрреволюцией».

В июле 1931 года Зубов был направлен в Париж в качестве оперативного работника резидентуры ОГПУ. В Париже разведчик занимался разработкой антисоветской грузинской эмиграции. Хорошо зная психологию и менталитет грузинских меньшевиков, а также свободно владея грузинским языком, Зубов вскоре приобрел ряд ценных источников в ближайшем окружении их лидера Ноя Жордания, являвшегося агентом британских и французских спецслужб. По агентурным каналам им была вскрыта и нейтрализована террористическая группа, созданная грузинскими меньшевиками для совершения покушения на И. В. Сталина.

За период работы в Париже Зубов также приобрел ценного источника информации, от которого на регулярной основе поступали разведывательные сведения по Ирану и Турции. За успешную работу в парижской резидентуре разведчик был награжден орденом Красного Знамени.

В мае 1933 года Петр Яковлевич возвратился в Москву. Работал в центральном аппарате разведки. В апреле 1937 года назначен резидентом НКВД в Праге. Однако уже в 1938 году под вымышленным предлогом он был отозван в Москву, арестован и помещен в Лефортовскую тюрьму НКВД. Инициатором отзыва и ареста резидента явился Сталин, сомнительное распоряжение которого Зубов не выполнил, обосновав его нецелесообразность.

В конце 1939 года Зубова поместили в одну камеру с ранее арестованным бывшим резидентом польской разведки в Берлине полковником Станиславом Сосновским с целью изучения последнего. В конечном итоге работа Зубова с Сосновским способствовала успешной вербовке последнего.

После начала Великой Отечественной войны по инициативе

начальника 4-го управления НКВД генерала Судоплатова Петр Зубов был освобожден из заключения и направлен в распоряжение этого управления. В качестве начальника германского отделения он руководил подготовкой и заброской в тыл противника разведывательно-диверсионных групп.

В годы Великой Отечественной войны разведчику довелось участвовать и в других оперативных мероприятиях, в том числе в операциях «Монастырь» и «Березино». Его личный вклад в Победу был отмечен орденами Ленина, Отечественной войны I степени, Красной Звезды и многими медалями.

В 1946 году Зубов был уволен в запас по состоянию здоровья. Однако в 1948 году о нем вновь вспомнили. В январе того года он по заданию Молотова вместе с Судоплатовым выезжал в Прагу. Учитывая имевшиеся в предвоенные годы связи Зубова с Бенешем, на него была возложена задача убедить чехословацкого президента поручить лидеру компартии Чехословакии Клементу Готвальду сформировать правительство, иными словами, обеспечить бескровную передачу власти в стране коммунистам. Эта задача была разведчиком успешно решена.

Скончался Петр Яковлевич Зубов в 1952 году. Его имя занесено на Мемориальную доску Службы внешней разведки Российской Федерации.

Секретная миссия Петра Гудимовича

Шел октябрь 1940 года. Из зарубежных резидентур внешней разведки органов государственной безопасности поступала тревожная информация о концентрации германских войск на советской-польской границе и военных приготовлениях вермахта. К этому времени Гитлеру удалось захватить почти всю континентальную Европу и подчинить ее промышленность своим военным планам. В сентябре 1939 года после непродолжительного сопротивления пала Польша. В июне 1940 года капитулировала Франция.

Петр Ильич Гудимович

Поступавшая драматическая информация свидетельствовала о том, что очередной удар Гитлер может нанести по Советскому Союзу, использовав для этого территорию оккупированной Польши, а также стран-сателлитов Германии в Восточной Европе. Москву особенно тревожила обстановка в Польше, в которой, по

сообщениям разведки, концентрировалась основная группировка немецких войск.

Именно в это время в Польшу были направлены с разведывательным заданием советские разведчики Петр Гудимович и Елена Модржинская. Действуя под самым носом у гестапо, они добывали жизненно важную для Москвы информацию, которая помогла в дальнейшем избежать многих жертв.

В связи с оккупацией Польши Германией советское посольство в Варшаве было закрыто, а резидентура разведки прекратила свое существование. Однако, в соответствии с советско-германскими договоренностями, оккупационными властями была введена должность управляющего советским имуществом в Варшаве в ранге консула. Занять эту должность готовился сотрудник внешней разведки Петр Гудимович. Но ему необходим был помощник, а германская администрация отказывалась ввести дополнительную должность в аппарате управляющего. Оценив обстановку, в Центре пришли к выводу, что таким помощником для оперработника могла бы стать женщина, его «жена», пусть даже фиктивная (разведчик не был женат).

Начальник отделения кадров доложил начальнику разведки личное дело оперработника. В краткой справке на него говорилось:

«Гудимович Петр Ильич родился 20 октября 1902 года в городе Новгород-Северском Черниговской губернии. Украинец. Происходит из семьи кустаря-портного. В 1920 году окончил 6 классов средней школы.

С марта 1921 года служил переписчиком в Новгород-Северском уездном военкомате и в кавалерийских частях РККА. В сентябре 1924 года был демобилизован. Поселился в городе Туапсе, где вновь работал делопроизводителем в райвоенкомате. В 1928 году вступил в ВКП(б). Окончил рабфак в Туапсе и Институт инженеров коммунистического строительства в Новочеркасске.

В 1933 году после окончания института был направлен на работу в органы госбезопасности. С марта 1933 по апрель 1934 года являлся слушателем Центральной школы ОГПУ в Москве. По ее окончании находился на чекистской работе в Саратовском крае (заместитель начальника политотдела МТС, помощник оперуполномоченного). В 1938 году окончил Школу особого назначения НКВД и был зачислен во внешнюю разведку на должность заместителя начальника отделения».

Начальник разведки дал указание активизировать

оформление Гудимовича на работу в Варшаву и одновременно подобрать ему помощницу. Желательно, владевшую польским языком.

Через несколько дней Фитин утвердил необходимые документы на разведчика, получившего оперативный псевдоним «Иван» и паспорт на имя Петра Васильева. А 25 октября 1940 года в Берлин на имя резидента «Захара» ушла шифртелеграмма следующего содержания:

«На днях к вам для дальнейшего следования к месту назначения в Варшаву на должность управляющего советским имуществом в бывшей Польше выезжает наш оперработник Петр Васильев, он же – «Иван». Обсудите с ним все вопросы, касающиеся его работы по линии прикрытия, а также условия поддержания связи. Окажите содействие в получении в МИД Германии официальных документов для постоянных поездок работника в Варшаву и Берлин, то есть в обоих направлениях.

Из Ваших средств выделите «Ивану» автомашину, пишущую машинку и тому подобное. Договоритесь, каким путем будете поддерживать связь между собой: с помощью личных поездок, через курьеров, вызова к себе в Берлин, письменно».

30 октября 1940 года «Захар» коротко доложил в Москву: «“Иван” прибыл в Берлин для дальнейшего следования в Варшаву».

Спустя несколько дней «Иван» уже внимательно осматривал здание советского посольства в Варшаве. Его сопровождал бывший киномеханик посольства Трепман, который после закрытия советской дипломатической миссии охранял здание. Именно от Трепмана оперработник начал получать первые разведывательные сведения, касавшиеся обстановки в городе.

Оперработник нанес официальный визит нацистскому чиновнику, австрийцу Данеку, представлявшему в Варшаве МИД Германии. Контакт с ним представлял определенный интерес для разведчика.

Вскоре «Иван» познакомился также с руководителем варшавского гестапо Николаи, который проявил нескрываемый интерес к деятельности управляющего советским имуществом в Польше, с начальником полиции Варшавы Фатишем, завел другие официальные связи, которые могли представить интерес, в том числе для зашифровки оперативных контактов.

Между тем в Центре полным ходом шло оформление в Варшаву помощницы «Ивана» под видом его «законной супруги».

На эту роль кадровики подобрали активную сотрудницу, умную и талантливую разведчицу, уже успевшую проявить себя

на оперативной работе, Елену Дмитриевну Модржинскую. Ее кандидатуру лично одобрил нарком внутренних дел Берия. В служебной справке на «Марью» (таким стал оперативный псевдоним Елены Дмитриевны), подписанной начальником внешней разведки, говорилось:

«Модржинская Елена Дмитриевна родилась 24 февраля 1910 года в Москве. Полька. Происходит из семьи служащего. Ее отец был сыном ссыльного из дворян, сосланного в 1863 году на каторгу и пожизненное поселение и тогда же лишенного дворянского звания.

В 1925 году окончила среднюю школу и курсы английского языка. В 1930 году – международное отделение факультета советского права 1-го МГУ. Во время учебы в университете проходила практику в редакции газеты “Комсомольская правда”, работала гидом-переводчиком во Всероссийском обществе культурных связей с заграницей (ВОКС).

По распределению Модржинская была направлена в наркомат внешней торговли. Занимала должности экономиста, референта, старшего консультанта, руководителя группы. В 1936 году, работая в наркомате, окончила спецкурс факультета особого назначения Академии внешней торговли. Помимо польского и русского, свободно владеет французским, английским, испанским и немецким языками.

В 1937 году по путевке ЦК ВЛКСМ была направлена на работу в органы НКВД. Член ВКП(б) с марта 1940 года.

Воинское звание – лейтенант госбезопасности (соответствовало армейскому званию капитана. – *Авт.*)».

Правда, на первых порах Елена Дмитриевна категорически отказывалась от служебной командировки, ссылаясь на семейные обстоятельства. Не прельщал ее и «семейный союз» с малознакомым человеком. По характеру молодая разведчица была человеком упорным, иногда даже резковатым. Она могла открыто высказать свое мнение, не считаясь с заслугами и чинами других сотрудников. Вероятно, решительность и принципиальность молодой разведчицы и сыграли свою роль в подборе ее кандидатом для направления в оккупированную Польшу.

Руководству разведки удалось убедить «Марью» в важности для страны поручаемой ей работы, и уже 15 декабря 1940 года «Иван» встречал ее на платформе варшавского вокзала. Забегая вперед, отметим, что этот «брак по обстоятельствам» на самом деле оказался счастливым. Совместная работа и подстерегавшие разведчиков ежедневные опасности сблизили их, и вскоре «Иван» с «Марьей» попросили Центр официально оформить их

отношения в качестве супружеской пары.

«Иван» и «Марья» приступили к активному заведению оперативных связей. Разумеется, главную роль в этом разведывательном тандеме играл «Иван», но и «Марье» хватало работы. Вскоре лично она установили надежные контакты среди преподавателей Варшавского университета. Из Варшавы в Центр начала поступать важная военно-политическая информация.

В марте 1941 года «Иван» выехал в командировку в Москву, чтобы лично доложить наркому госбезопасности Всеволоду Меркулову накопившуюся у резидентуры тревожную информацию. При встрече с наркомом разведчик рассказал о растущей концентрации германских вооруженных сил на польской территории, прилегающей к границе с СССР, о мероприятиях гитлеровского командования, которые можно охарактеризовать как подготовку к нападению на Советский Союз, о реконструкции шоссейных дорог, ведущих к границе с нашим государством. Сообщенные «Иваном» сведения нарком доложил Сталину, Молотову, Берии и министру обороны маршалу Тимошенко.

20 апреля «Иван» прибыл из Варшавы в Берлин, чтобы передать в Центр важную информацию. 5 мая того же года в ЦК ВКП(б) и правительство руководством госбезопасности было направлено спецсообщение, основанное на информации «Ивана» и «Марьи». В документе, в частности, говорилось: «Военные приготовления в Варшаве и на территории генерал-губернаторства проводятся открыто и о предстоящей войне между Германией и Советским Союзом немецкие офицеры и солдаты говорят совершенно откровенно, как о деле решенном.

…С 10 по 20 апреля германские войска двигались через Варшаву на восток беспрерывно как в течение ночи, так и днем. Из-за непрерывного потока войск остановилось все движение на улицах города. По железным дорогам в восточном направлении идут составы, груженные главным образом тяжелой артиллерией, грузовыми машинами и частями самолетов. С середины апреля на улицах Варшавы появились в большом количестве военные грузовики и санитарные автомашины».

В полдень 22 июня «Иван» и «Марья» были арестованы гестапо и подверглись допросу. Шесть немецких контрразведчиков пытались выяснить, чем они занимались в последнее время, с кем были связаны, от кого получали и кому передавали информацию. Советские представители категорически отрицали какую-либо неправомерную деятельность.

28 июня супруги были переправлены в Берлин, в советское

посольство. В начале июля 1941 года советские дипломаты и граждане, оказавшиеся на территории рейха, были обменяны на германских дипломатов, находившихся в Советском Союзе. В Москву они прибыли в середине июля.

За успешную разведывательную работу в Варшаве Петр Гудимович был награжден орденом Красного Знамени, а Елена Модржинская – орденом Красной Звезды.

Во время Великой Отечественной войны полковник Гудимович являлся заместителем начальника отдела в 4-м управлении НКГБ. После войны он вновь активно работал в разведке.

Майор Модржинская была назначена заместителем начальника информационно-аналитического отдела внешней разведки. В конце 1953 года в связи с очередной кампанией по сокращению штатов она была уволена из органов государственной безопасности в запас. Более 20 лет Елена Дмитриевна проработала в Институте философии Академии наук СССР, стала доктором наук, профессором. Скончалась 4 ноября 1982 года. Петр Ильич Гудимович умер одиннадцать лет спустя – в 1993 году.

Гайк Овакимян

Имя видного советского разведчика Гайка Бадаловича Овакимяна стало широко известно в Соединенных Штатах Америки за полтора месяца до начала Великой Отечественной войны. Оно не сходило с первых полос ведущих американских газет: 5 мая 1941 года Овакимян был задержан американской контрразведкой во время получения документов от агента-двойника и оказался в тюрьме. В Советском Союзе об этом было известно лишь узкому кругу посвященных лиц.

Гайк Бадалович Овакимян родился 11 августа 1898 года в селении Джагры Нахичеванского уезда Эриванской губернии в крестьянской семье. Армянин. После окончания средней школы в 1917 году работал на железной дороге. В июне 1920 года за участие в восстании в городе Александрополь (с 1924 года – Ленинакан), установившем там советскую власть, был арестован дашнаками и приговорен к длительному сроку тюремного заключения. В результате повторного вооруженного восстания в ноябре того же года советская власть в городе была восстановлена и началась советизация Армении. Овакимян был освобожден из тюрьмы и назначен секретарем республиканского Совнаркома. В этой должности проработал два года.

Гайк Бадалович Овакимян

В 1922 году Овакимян поступил в Московское высшее техническое училище. В период учебы выезжал на стажировки в Италию и Германию. После окончания технического училища он год работал на производстве. Затем учился в аспирантуре Химико-технологического института имени Д. И. Менделеева, защитил кандидатскую диссертацию. Свободно владел немецким, английским и итальянским языками.

После защиты кандидатской диссертации Овакимяну предложили работать в Иностранном отделе ОГПУ, в его новом самостоятельном подразделении – в научно-технической разведке.

30 января 1930 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление, в котором впервые на политическом и государственном уровне были определены приоритетные направления разведывательной деятельности. В числе задач, поставленных перед Иностранным отделом ОГПУ, была, в частности, активизация ведения научно-технической разведки: добывание секретной технической информации по различным областям промышленности и видам вооружений, сведений о научных открытиях и изобретениях. Для решения этой задачи нужны были специалисты. Так Овакимян в феврале 1931 года

оказался во внешней разведке и практически сразу же направлен на разведывательную работу в Берлин, в «легальную» резидентуру, действовавшую под прикрытием советского торгпредства.

Руководство внешней разведки не ошиблось в молодом ученом. Своей образованностью, высокой научной эрудицией, выдержанностью и тактичностью Овакимян привлекал к себе людей. За время работы в Берлине он завербовал четырех агентов, через которых получал ценную научно-техническую информацию.

Польза Отечеству от разведывательной деятельности Овакимяна в Германии была значительной. Однако в середине 1933 года его срочно отозвали в Москву. Принявший Овакимяна в Центре начальник внешней разведки Артузов исключительно высоко оценил деятельность оперработника. Одновременно он сообщил, что в связи с установлением дипломатических отношений с Соединенными Штатами Америки принято решение о переводе разведчика в Нью-Йорк для организации работы «легальной» резидентуры по линии научно-технической разведки.

Овакимян прибыл в США в 1934 году под прикрытием сотрудника Амторга и аспиранта Нью-Йоркского химического института. Окончив аспирантуру и защитив докторскую диссертацию, он был переведен на должность инженера в аппарат уполномоченного Наркомхимпрома СССР при Амторге. По линии внешней разведки Овакимян являлся заместителем руководителя нью-йоркской резидентуры и отвечал за научно-техническое направление ее деятельности. В 1938 году он возглавил резидентуру.

Годы пребывания разведчика в Нью-Йорке были отмечены его исключительной активностью. Энергичный и решительный, Овакимян приобрел в США ряд новых источников информации. Добытые им документальные материалы по проблемам физики, химии, бактериологии неизменно высоко оценивались Центром и повлияли на создание в СССР новых конструкторских бюро и экспериментальных заводов.

В характеристике на Овакимяна, подготовленной в 1937 году, в частности, указывалось: «“Геннадий” (оперативный псевдоним Овакимяна) является ведущим разведчиком резидентуры. Его отличает большое трудолюбие, продуманность всех действий и поступков, смелость и оперативность в выполнении заданий, что позволяло и позволяет ему добиваться положительных результатов в работе с источниками». А в аттестации на Овакимяна за тот же период отмечалось: «Проявляя инициативу и изобретательность, Овакимян постоянно добывает ценные документальные материалы, способствующие развитию советской

науки и народного хозяйства».

В 1938 году Овакимян возглавил нью-йоркскую резидентуру, однако продолжил активную работу «в поле». В 1940 году за плодотворную работу по линии научно-технической разведки он был награжден нагрудным знаком «Заслуженный работник НКВД».

К сожалению, американская контрразведка смогла зафиксировать одну из встреч Овакимяна с агентом, перевербовала его и использовала для захвата разведчика «с поличным». 5 мая 1941 года Овакимян был арестован на встрече с агентом, заключен в тюрьму, а затем выпущен под залог до суда без права выезда из страны. Надеяться разведчику было не на что, дипломатическим иммунитетом он не пользовался. Лишь после нападения Германии на Советский Союз Овакимяну по личному указание президента США Рузвельта было разрешено выехать на родину.

В сентябре 1941 года Овакимян возвратился в Москву и возглавил один из отделов центрального аппарата внешней разведки. Участвовал в переговорах с представителями американской разведки о налаживании сотрудничества в борьбе со спецслужбами нацистской Германии.

Через два года, когда значительно увеличился поступавший в Центр поток разведывательной информации по атомной проблематике, Гайк Бадалович был назначен первым заместителем начальника внешней разведки, отвечавшим за разработку дела «Энормоз» (кодовое название работ по атомному оружию и реализации добываемых за границей разведывательных материалов по этой тематике). Ему принадлежит важная роль в организации получения атомных секретов США и Великобритании и создании ядерного оружия в СССР.

В 1945 году Г. Б. Овакимяну было присвоено звание генерал-майора.

В 1947 году при реорганизации разведки, связанной с созданием Комитета информации при СМ СССР, Овакимяну в результате бюрократических проволочек долгое время не могли подобрать соответствующую должность. Утомленный и раздраженный волокитой, Овакимян подал рапорт об отставке. «Пусть уходит. Жалеть не будем!» – наложил пренебрежительную резолюцию Берия. После шестнадцати лет работы в разведке 49-летний генерал-майор Овакимян простым росчерком пера был вычеркнут из ее списков.

Так закончилась карьера замечательного советского разведчика, разведчика экстра-класса.

Узнав о положении доктора химических наук

Г. Б. Овакимяна, министр химической промышленности СССР М. Г. Первухин, который близко познакомился с ним в период создания советского атомного оружия, немедленно предложил отставному разведчику должность директора научно-исследовательского института – того самого НИИ, который в предвоенные годы оценивал разведданные, добываемые им в Германии и США.

Скончался Гайк Бадалович в 1967 году.

Дмитрий Федичкин

Поздним вечером 5 сентября 1944 года поверенный в делах посольства СССР в Болгарии Дмитрий Георгиевич Федичкин вручил премьер-министру страны Муравиеву ноту об объявлении войны.

Объявлявший войну Болгарии дипломат, он же – резидент внешней разведки в этой стране, принадлежал к выдающейся плеяде первого поколения советских разведчиков. Диапазон его активной разведывательной деятельности простирался от Дальнего Востока до Адриатики. За более чем полувековую службу в разведке он находился в восьми долгосрочных загранкомандировках, в семи из которых возглавлял резидентуры.

Дмитрий Федичкин родился 2 ноября 1902 года в деревне Марлеево Московской губернии в крестьянской семье. Вскоре его отец был призван на военную службу и представлен к званию фельдфебеля царской армии. Вместе с родителями Дмитрий перебрался на другой конец Российской империи – к Тихому океану. Во Владивостоке он окончил церковно-приходскую школу, гимназию, а затем – учительскую семинарию. В период учебы стал посещать большевистский кружок.

Дмитрий Георгиевич Федичкин

В 1919 году за отказ вступить добровольцем в Белую армию Дмитрий был посажен в тюрьму. После оккупации Дальнего Востока японцами находился на нелегальном положении, выполняя отдельные разведывательные задания большевиков. В 1921 году поступил на учебу во Владивостокскую совпартшколу. В апреле того же года стал членом РКП(б).

Когда в мае 1921 года власть во Владивостоке захватили белогвардейцы, Федичкин по поручению горкома партии выехал в село Анучино, где располагался центральный штаб партизанского движения Приморья. Был сначала рядовым бойцом партизанского отряда, а затем комиссаром комендантской группы. В одной из схваток с противником он попал в плен и угодил в «лагерь смерти» на Русском острове вблизи Владивостока. Сумел совершить побег и укрыться в селе у родственника.

С весны 1922 года Дмитрий – разведчик отряда Топоркова, известного в те годы партизанского командира, боровшегося против интервентов в Приморье. В течение восьми месяцев

Федичкин работал во вражеском тылу, руководя созданной им агентурной сетью. В конце 1922 года он становится сотрудником местных органов госбезопасности. Двадцатилетнего партизанского разведчика назначают помощником уполномоченного Никольско-Уссурийского подотдела Госполитохраны (контрразведки) Дальневосточной республики. К концу 1924 года он уже являлся заместителем начальника отделения Приморского губотдела ОГПУ.

Уже в 1923 году контрразведывательное подразделение Приморского губотдела ГПУ – ОГПУ начало вести работу за кордоном, и Дмитрию Федичкину пришлось не раз выезжать со специальными разведывательными заданиями в сопредельную Маньчжурию. Приобретенный при этом опыт позволил ему в апреле 1925 года возглавить резидентуру ОГПУ в город Сахалян (Маньчжурия). Являясь по прикрытию сотрудником советского консульства, Федичкин выполнял задания командования Особой Дальневосточной армии.

После возвращения из командировки в июле 1926 года в оперативном деле Федичкина появилась следующая запись: «Осуществил ряд важных вербовок, провел серию мероприятий по нейтрализации устремлений иностранных разведок в отношении нашей страны». Его назначили начальником отделения, а затем – заместителем начальника Особого отдела Постоянного представительства ОГПУ в Хабаровске.

В 1929 году Федичкина вновь направляют в Маньчжурию, на этот раз – резидентом внешней разведки в город Цицикар под прикрытием дипломатической должности сотрудника советского консульства. Он вел активную разведывательную работу по русской эмиграции, выявлял замыслы китайских милитаристов и их японских покровителей. Чекисту, в частности, удалось через агентуру проникнуть в ряд белогвардейских организаций, а также в созданный японцами Русский фашистский союз.

Однако столь успешную деятельность неожиданно пришлось прервать. Разведчик был опознан генерал-губернатором Цицикара. Во время советско-китайского конфликта на КВЖД этот высокопоставленный чиновник, будучи еще полковником, попал в плен, и Федичкин, как представитель ОГПУ, допрашивал его в Хабаровске. Во избежание возможных дипломатических осложнений резидент был вынужден срочно возвратиться на Родину.

В апреле 1931 года Федичкин был откомандирован в Москву, где стал работать преподавателем Центральной школы ОГПУ. Однако уже в феврале 1932 года он был переведен в Иностранный отдел ОГПУ и направлен в качестве руководителя «легальной»

резидентуры в Таллин. Начальник внешней разведки Артузов поставил перед Федичкиным задачу активизировать работу таллинской резидентуры по эстонскому отделению Русского общевоинского союза. С поставленной задачей резидент успешно справился.

В июле 1934 года Федичкин возвратился в Москву и был повышен в должности. В его оперативном деле появилась новая запись: «Занимался активной разработкой эмигрантских белогвардейских организаций. Добился конкретных вербовочных результатов». Уже в сентябре разведчика направляют в очередную загранкомандировку, на этот раз – заместителем резидента в Варшаву.

Федичкин работал, как всегда, активно и продуктивно. Однако в июне 1936 года контрразведка Пилсудского подвела к нему провокатора. Разведчик был арестован и заточен в тюрьму. В польском застенке Федичкин вел себя достойно. Полтора месяца его «с пристрастием» допрашивали. Однако тюремщики не смогли сломить его волю. В том же году Федичкин был обменян на польского разведчика, задержанного с поличным в Киеве.

В январе 1937 года Федичкин выехал в Рим. В итальянской столице он был сначала помощником резидента, а с 1938 года – резидентом внешней разведки НКВД. Из резидентуры в Центр регулярно поступала важная разведывательная информация, в том числе – документальная.

В апреле 1940 года резидент был отозван в Москву. В 1940–1941 годах он являлся начальником отделения в Контрразведывательном отделе НКВД. В январе 1942 года был переведен с повышением в 4-е управление НКВД, где занимался организацией разведывательно-диверсионной работы в тылу немецких войск.

С ноября 1943 года Федичкин являлся руководителем «легальной» резидентуры в Софии. При этом следует подчеркнуть, что ему пришлось работать в исключительно сложных условиях. Страна была фактически оккупирована немцами. Дирекция болгарской государственной безопасности и военная контрразведка находились, по сути дела, в подчинении немецких спецслужб. В то же время Болгария являлась единственной в Европе союзницей Германии, где сохранилась «легальная» резидентура советской разведки.

Центр не ошибся в выборе резидента. Возглавляемая Федичкиным резидентура добилась существенных результатов в работе. В частности, ее сотрудниками были приобретены ценные источники информации в окружении царя Бориса и в болгарском правительстве.

Нота правительства СССР от 5 сентября 1944 года, с которой мы начали рассказ, вызвала кризис в болгарских правительственных кругах. А вступление в Болгарию 8 сентября Советской Армии парализовало реакционные действия правящей монархии. 9 сентября в результате массового народного вооруженного восстания монарх был свергнут.

Оценивая работу софийской резидентуры, Центр особо подчеркнул, что ее руководитель Федичкин «отличается высокой квалификацией, эрудицией, энергией, большим опытом и принимает на себя значительную долю участия в конкретной работе с агентурой и связями».

Вернувшись из Болгарии, Дмитрий Георгиевич некоторое время работал в центральном аппарате разведки. А в 1945 году был назначен резидентом НКГБ в Румынии, где находился до середины 1947 года.

Деятельность Федичкина в Бухаресте была высоко оценена Центром: возвратившись в Москву, он был назначен заместителем начальника управления в Комитете информации при Совете Министров СССР, как тогда называлась внешняя разведка. В 1951 году вновь был назначен резидентом внешней разведки в Италии. Возглавляемая им резидентура добилась значительных результатов, в частности, в области научно-технической разведки.

С 1957 года в течение двадцати лет Дмитрий Георгиевич преподавал в высших учебных заведениях КГБ, готовивших кадры для внешней разведки. В 1977 году вышел в отставку.

За плодотворную деятельность в органах государственной безопасности полковник Федичкин был награжден орденами Ленина и Октябрьской Революции, двумя орденами Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны I степени, орденом Отечественной войны II степени, многими медалями. Его труд был также отмечен орденами и медалями Болгарии и Румынии.

Скончался Дмитрий Георгиевич Федичкин 28 октября 1991 года.

В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Война советского народа против немецко-фашистских захватчиков длилась 1814 дней и принесла всем воевавшим странам колоссальные потери.

30 июня 1941 года был образован Государственный комитет обороны (ГКО) СССР – высший чрезвычайный орган власти в стране под председательством И. В. Сталина. Сразу же после образования ГКО рассмотрел вопрос о внешней разведке и уточнил ее задачи. Основное внимание обращалось на работу по Германии, Италии, Японии и оккупированным ими странам. Главной задачей ставилось создание агентурных возможностей в правительственных учреждениях, промышленных и научных организациях, разведывательных и контрразведывательных службах этих государств.

Работа разведчиков была всецело подчинена борьбе с фашистской Германией и ее союзниками. Несмотря на огромные трудности в первый период войны, внешняя разведка сумела в кратчайшие сроки перестроиться в соответствии с требованиями военного времени, сохранить ценную агентуру и наладить с ней надежную связь. На протяжении всей войны разведчики находились на переднем крае, своевременно добывали важную политическую и военную информацию, широко проводили активные мероприятия.

Разведывательные данные о военных намерениях противника помогали планировать боевые операции советских войск. Государственному комитету обороны и командованию Красной Армии были доложены важные сообщения, в том числе сведения о предстоящем наступлении немцев на Кавказ, о планах прорыва через Ростов к Сталинграду, о готовившихся крупных операциях противника в районе Курской дуги, регулярно направлялись данные о военно-экономическом потенциале Германии и ее сателлитов. Было налажено систематическое освещение намерений Японии относительно ее непосредственного участия в войне, а также планов США и Англии по открытию второго фронта.

Внешняя разведка выполнила свой долг в Великую Отечественную войну. Даже бывший директор ЦРУ США Аллен Даллес вынужден был признать, что «информация, которую добывали советские разведчики во время Второй мировой войны, содействовала военным усилиям Советов и представляла такого

рода материал, который является предметом мечтаний для разведки любой страны».

18 января 1942 года в составе НКВД для руководства зафронтовой работой органов госбезопасности было образовано 4-е управление. Оно занималось формированием разведывательно-диверсионных групп и отрядов в тылу у немцев. Начальник 4-го управления НКВД генерал П. А. Судоплатов одновременно являлся заместителем руководителя советской внешней разведки. Костяк управления составили действующие сотрудники внешней разведки.

В годы Великой Отечественной войны в тылу противника действовало 2200 оперативных отрядов и групп. В их рядах сражалось более половины кадровых сотрудников внешней разведки. Диверсионно-разведывательные подразделения НКВД уничтожили 230 тысяч гитлеровских солдат и офицеров, подорвали 2800 вражеских эшелонов с живой силой и техникой, добывали важную военную, стратегическую и политическую информацию, которая имела большое значение для советского военного командования.

Можно с уверенностью констатировать, что в годы Великой Отечественной войны внешняя разведка и ее сотрудники выполнили свой долг перед Родиной.

Реаниматор внешней разведки Павел Фитин

Шел май 1939 года. «Чистки» органов государственной безопасности, получившие в народе название «ежовщина» и сопровождавшиеся волной необоснованных репрессий, пошли на убыль. В результате репрессий внешняя разведка была обезглавлена, ее заграничные аппараты разгромлены и в течение нескольких месяцев не действовали. Решением Политбюро ЦК ВКП(б) на должность начальника 5-го отдела Главного управления государственной безопасности НКВД (внешней разведки) был назначен молодой выпускник ускоренных курсов Школы особого назначения Павел Михайлович Фитин.

Павел Михайлович Фитин

Начальнику внешней разведки органов безопасности в ту пору было всего 32 года, и он еще не знал, что ему предстоит

руководить ею все годы военного лихолетья.

Павел Фитин родился 28 декабря 1907 года в селе Ожогино Ялуторовского уезда Тобольской губернии в семье крестьянина. Позднее его село отошло к Курганской области, После окончания начальной школы в 1920 году он в неполные тринадцать лет пошел работать в созданную в родном селе сельхозкоммуну. Там же был принят в комсомол. Стране нужны были грамотные кадры, и вскоре Павла направляют на учебу в среднюю школу. После получения среднего образования Павел поступил на инженерный факультет Сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева. Окончив академию в 1932 году, Фитин до 1934 года работал заведующим редакцией Сельскохозяйственного государственного издательства. В 1934–1935 годах служил в Красной Армии. После демобилизации вновь работал до 1938 года в том же издательстве заместителем главного редактора, занимался выпуском книг по сельскому хозяйству и агротехнике.

Обрушившиеся на страну в конце 1930-х годов массовые репрессии затронули и кадры внешней разведки. Перед руководством страны остро встал вопрос о пополнении внешней разведки молодыми сотрудниками, имевшими высшее образование. В марте 1938 года Павел Фитин по партийному набору был направлен на учебу в Центральную школу НКВД. После окончания специальных ускоренных курсов в Школе особого назначения (ШОН) НКВД, готовившей кадры для внешней разведки, в октябре того же года он был назначен стажером в 5-й (разведывательный) отдел ГУГБ НКВД СССР. Уже через месяц Фитин становится оперативным уполномоченным отделения по разработке троцкистов и «правых» за рубежом. В связи с острой нехваткой разведывательных кадров в декабре 1938 года начинающий чекист назначается заместителем начальника этого отдела. А в мае 1939 года последовало новое назначение: Павел Михайлович становится начальником внешней разведки.

Новый начальник внешней разведки начал свою деятельность с восстановления боеспособности резидентур за границей, как «легальных», так и нелегальных. В течение 1939 года за кордон для восстановления связи с законсервированной агентурой были направлены опытные разведчики Василий Зарубин, Дмитрий Федичкин, Борис Рыбкин, Михаил Аллахвердов, Александр Коротков и многие другие.

В результате принятых мер удалось воссоздать 40 зарубежных резидентур, направить в них более 200 разведчиков, а также восстановить многие нелегальные резидентуры. Это сразу же сказалось на результатах работы внешней разведки.

В мае 1939 года Фитин докладывает Сталину обобщенную информацию разведки об утвержденном Гитлером плане «Вайс», который предусматривал оккупацию Германией Польши. Разведке стала известна и крайняя дата возможного нападения на Польшу – 1 сентября 1939 года, что означало начало новой мировой войны.

22 июля 1940 года Гитлер подписал директиву о разработке плана нападения на Советский Союз, получившего название план «Барбаросса». К концу года подготовка плана войны против СССР была завершена, и 18 декабря 1940 года Гитлер подписал совершенно секретную директиву № 21. В ней говорилось, что германские вооруженные силы должны разгромить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии. Приготовления к реализации плана «Барбаросса» планировалось завершить к 15 мая 1941 года.

Следует признать, что ни одна разведка мира, включая советскую, не смогла получить план «Барбаросса». Однако советским разведчикам удалось до начала войны выяснить его основное содержание. Всего с июля 1940 года по июнь 1941 года внешнеполитическая разведка направила в Политбюро ЦК ВКП(б) более 120 детальных сообщений. В них отслеживались не только военные приготовления Германии, но и содержались сведения о военно-хозяйственных приготовлениях к эксплуатации советских территорий, которые будут захвачены вермахтом.

Наконец, 16 июня 1941 года из берлинской резидентуры НКГБ в Москву поступило срочное сообщение, полученное от надежного источника, в котором подчеркивалось: «Все военные приготовления Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены, и удара можно ожидать в любое время».

На рассвете 22 июня 1941 года Фитин был срочно вызван к наркому. Ему была понятна причина столь срочного вызова: подтвердилась информация разведки. В резидентуры ушли телеграммы, подписанные Фитиным, в которых уточнялись их задачи в связи с начавшейся войной. Главная задача – выявить реальные военно-политические планы нацистской Германии и ее союзников в отношении СССР.

В связи с успешным продвижением вермахта на Восток ЦК ВКП(б) 18 июля 1941 года принимает специальное постановление «Об организации борьбы в тылу германских войск». Одновременно принимается решение об очередной реорганизации внешней разведки органов государственной безопасности. Наркомат госбезопасности был ликвидирован, а внешняя разведка вошла в состав НКВД, которым руководил

Берия.

Основной задачей внешней разведки было определено развертывание активной разведывательной работы за рубежом. Одновременно было создано Четвертое (разведывательно-диверсионное) управление НКВД, главной задачей которого являлось ведение разведывательной и диверсионной работы в тылу германских войск на оккупированной советской территории. Начальником Четвертого управления был назначен заместитель Фитина генерал Судоплатов.

С потерей разведывательных возможностей непосредственно в Германии Фитин сделал ставку на активизацию работы «легальных» резидентур в таких странах, как Англия, США, Болгария, Турция, Китай, Иран, Афганистан, Швеция, Япония. Наиболее значительных результатов внешняя разведка под руководством Фитина добилась в Англии, где активно действовала знаменитая «Кембриджская пятерка» в составе Кима Филби, Джона Кернкросса, Энтони Бланта, Дональда Маклина и Гая Берджеса.

Особое место принадлежало резидентурам внешней разведки в Англии и США в получении секретов атомного оружия. Благодаря настойчивости Фитина в июле 1943 года ГКО СССР принял специальное постановление о начале работ над атомным оружием в нашей стране и определил задачи внешней разведки по данному вопросу.

Помимо атомной проблемы разведка в годы войны решала массу других важных задач. В качестве приоритетной ставилась задача изыскать возможности для получения политической, экономической и военной информации по Германии и ее союзникам. Особое внимание обращалось также на своевременное выявление планов и намерений США и Великобритании в отношении СССР, а также стран «оси».

После того как в Великой Отечественной войне произошел коренной перелом в пользу Советского Союза, важное место в работе внешней разведки за рубежом стали занимать вопросы, связанные со сроками открытия второго фронта и сепаратными переговорами, которые Англия и США пытались вести с нацистской Германией за спиной СССР.

Руководимая Фитиным внешняя разведка внимательно следила за сепаратными переговорами наших союзников по антигитлеровской коалиции. В мае 1942 года резидентура внешней разведки в Стокгольме сообщила в Центр, что сотрудник германского посольства тайно вылетел в Лондон для ведения переговоров с британской стороной об условиях выхода Германии из войны. Резидентуры разведки регулярно информировали

Центр о попытках германской стороны установить контакты с англичанами в Анкаре, Берне и Ватикане. Сепаратные контакты англичан с немцами также имели место в 1943 году в Мадриде и Лиссабоне, а также в 1944 году в Берне.

Фитин регулярно докладывал советскому правительству информацию внешней разведки о сепаратных переговорах между представителями Германии и нашими западными союзниками. 7 апреля 1945 года, когда советские войска приближались к Берлину, Сталин направил личное послание президенту США Рузвельту, в котором подчеркнул недопустимость сепаратных переговоров с Германией накануне ее поражения.

Пределом мечтаний любой разведки мира назвал видный американский разведчик Аллен Даллес, в послевоенные годы возглавивший ЦРУ США, информацию, добывавшуюся советской разведкой в годы войны. В этом, несомненно, была заслуга и ее руководителя генерал-лейтенанта Фитина.

Ветеран внешней разведки СССР Виталий Чернявский, лично знавший Павла Фитина и работавший под его руководством, впоследствии писал: «Генерал-лейтенант Павел Фитин бесспорно обладал выдающимися организаторскими способностями. Но этого мало. Не зря говорят: “Настоящим разведчиком, как и поэтом, нужно родиться”. Вот таким самородком и был Павел Михайлович». А другой коллега Павла Фитина – ветеран Службы внешней разведки России генерал-майор Лев Соцков – подчеркивал: «Огромная заслуга Павла Михайловича Фитина состоит в том, что он поломал прежнюю практику, когда Сталину выборочно докладывалась постфактовая информация. Она стала аналитической, прогнозной, по конкретному факту». Кстати, именно по инициативе Фитина 7 декабря 1943 года в составе 1-го управления НКГБ СССР, как тогда называлась внешняя разведка, было создано первое информационно-аналитическое подразделение.

Вторая мировая война закончилась в августе 1945 года разгромом милитаристской Японии. Разгром миллионной Квантунской армии, оккупировавшей Маньчжурию, способствовал победе народной революции в Китае. В эти годы Фитин постоянно информировал Кремль о планах Запада по оказанию противодействия китайской революции, попытках Великобритании и Франции сохранить колониальные порядки в Китае и Юго-Восточной Азии, Индии, Пакистане, к востоку от Суэца. Информация советской разведки положительно оценивалась Сталиным и оказывала влияние на принимаемые им решения в этой области.

После войны внешняя разведка регулярно информировала

советское правительство о всех нюансах политики Запада в отношении нашей страны. Однако Берия постарался рассчитаться со строптивым начальником разведки. В конце июня 1946 года Фитин был освобожден от занимаемой должности, на которой столь блестяще зарекомендовал себя в военные годы.

В декабре 1946 года Фитина направляют заместителем уполномоченного МГБ в Германию, где он работает до 1947 года. В дальнейшем Фитин назначается на пост заместителя начальника управления госбезопасности по Свердловской области. Затем его переводят в Алма-Ату на должность руководителя МГБ союзной республики, а вскоре вновь возвращают в Свердловск уже в качестве начальника областного управления МГБ.

В июле 1953 года Фитин был освобожден от занимаемой должности, а в ноябре того же года уволен из органов госбезопасности. При этом следует отметить, что 46-летний генерал-лейтенант был лишен военной пенсии, поскольку не имел соответствующей выслуги лет. До 1959 года он занимал ответственные должности в Министерстве госконтроля СССР, а затем возглавил фотокомбинат Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами, где и проработал до конца своих дней.

24 декабря 1971 года выдающийся организатор советской внешней разведки в годы Великой Отечественной войны Павел Михайлович Фитин скончался.

За заслуги в деле обеспечения государственной безопасности нашей страны генерал-лейтенант Фитин был награжден двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды и орденом Республики Тувы, многими медалями, а также нагрудным знаком «Заслуженный работник НКВД». Его труд был также отмечен высокими наградами ряда зарубежных государств.

Павел Судоплатов

2 ноября 1938 года временно исполняющим обязанности руководителя советской внешней разведки был назначен капитан госбезопасности Павел Анатольевич Судоплатов. Незадолго до этого он возвратился в Центр из успешной долгосрочной загранкомандировки и занимал должность начальника испанского отделения.

Павел Судоплатов родился 7 июля 1907 года в городе Мелитополе в семье мельника. Украинец. Окончил начальную городскую школу. Оставшись без родителей в 1919 году, он уехал в Одессу, беспризорничал, подрабатывал в порту и на базаре.

Павел Анатольевич Судоплатов

После освобождения города от белых в начале 1920 года

Павел в качестве воспитанника полка РККА был определен помощником телеграфиста роты связи 123-й стрелковой бригады 41-й дивизии 14-й армии. С бригадой участвовал в боях на Украине и на Польском фронте. В мае 1921 года юный красноармеец был назначен письмоводителем Особого отдела дивизии. После окончания курсов подготовки политработников Судоплатов служил в Житомирско-Волынском и в Харьковском губернских отделах ГПУ. С сентября 1923 года находился на комсомольской работе в Мелитополе.

В феврале 1925 года окружной комитет ЛКСМУ направил Судоплатова на работу в Мелитопольский окружной отдел ГПУ. Являясь младшим оперработником учетно-статистического отделения, он поддерживал связь с агентурой, действовавшей в греческом, болгарском и немецком поселениях. В августе 1928 года переведен на должность уполномоченного секретно-политического отдела ГПУ УССР в Харькове. Одновременно учился на рабфаке ГПУ. В 1928 году был принят в члены ВКП(б).

В феврале 1932 года Судоплатов был переведен в Москву, в центральный аппарат ОГПУ. Работал инспектором, а затем – старшим инспектором отдела кадров ОГПУ, курировал Иностранный отдел. С учетом большого чекистского опыта в апреле 1933 года Судоплатов был переведен на работу в Иностранный отдел. С нелегальных позиций выезжал в спецкомандировки в Германию и Финляндию.

В 1935 году под прикрытием представителя украинского антисоветского подполья Судоплатов был внедрен в руководство ОУН в Берлине. Завоевав расположение лидера ОУН полковника Евгена Коновальца, разведчик вошел в его ближайшее окружение и сопровождал в инспекционные поездки в Париж и Вену. 23 августа 1938 года в Роттердаме Судоплатов ликвидировал лидера украинских националистов.

В ноябре – декабре 1938 года Павел Анатольевич исполнял обязанности начальника внешней разведки. Затем возглавлял испанское отделение ее центрального аппарата. 10 мая 1939 года Судоплатов был назначен заместителем начальника внешней разведки. В этой должности он руководил операцией «Утка», связанной с физическим устранением Льва Троцкого, которая была успешно завершена 20 августа 1940 года в Мексике.

«Нам удалось не просто обезглавить троцкистское движение, – подчеркивал в своих воспоминаниях генерал Судоплатов, – но и предопределить его полный крах… Мне совершенно ясно, что сегодняшние моральные принципы не совместимы с жестокостью, характерной и для периода борьбы за власть, которая следует за революционным переворотом, и для

Гражданской войны. Сталин и Троцкий противостояли друг другу, прибегая к преступным методам для достижения своих целей, но разница заключается в том, что в изгнании Троцкий противостоял не только Сталину, но и Советскому Союзу как таковому. Эта конфронтация была войной на уничтожение».

После очередных преобразований, последовавших в разведке в феврале 1941 года, генерал Судоплатов стал заместителем начальника 1-го (разведывательного) управления НКГБ СССР. В годы Великой Отечественной войны он одновременно являлся начальником 4-го управления НКВД – НКГБ СССР. Это управление было создано в январе 1942 года для руководства зафронтовой работой органов госбезопасности и Отдельной мотострелковой бригадой особого назначения (ОМСБОН). Большинство руководящих должностей в управлении занимали откомандированные в него сотрудники внешней разведки.

На управление возлагались задачи по организации в крупных городах на оккупированных территориях нелегальных резидентур, внедрению агентуры в оккупационные военные и административные органы, по подготовке и заброске в тыл врага разведывательно-диверсионных отрядов и групп, организации резидентур в районах, находящихся под угрозой захвата, обеспечению групп специального назначения и агентов оружием, средствами связи и документами. Помимо решения этих задач сотрудники управления сыграли ведущую роль в проведении многих оперативных игр с противником, в частности, – операций «Монастырь» и «Березино».

Отдельная мотострелковая бригада особого назначения включала в себя два полка. Местом формирования бригады стал Центральный стадион «Динамо». Помимо чекистов в бригаду входили свыше 800 спортсменов, среди которых было немало заслуженных мастеров спорта, известных тренеров, чемпионов и рекордсменов СССР, Европы и мира. Общая численность бригады составляла в тот период 10 500 человек. В первые годы войны не каждая стрелковая дивизия могла сравниться с ней по численности и по обученности.

На подмосковном стрельбище «Динамо» вновь созданные оперативные группы особого назначения под руководством специалистов 4-го управления изучали минное дело, подрывную технику противника, овладевали тактикой действий небольшими группами, приемами ведения ночной разведки, топографией, радиоделом, совершали марш-броски, прыжки с парашютом. Короче, учились всему, что необходимо на войне.

Всего в годы войны в тылу противника действовало 2200 оперативных отрядов и групп. Диверсионно-

разведывательные подразделения НКВД уничтожили 230 тысяч гитлеровских солдат и офицеров, подорвали 2800 вражеских эшелонов с живой силой и техникой, добывали важную военную, стратегическую и политическую информацию, которая имела большое значение для советского военного командования.

Генерал-лейтенант Судоплатов был награжден орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденами Суворова II степени и Отечественной войны I степени, двумя орденами Красной Звезды, многими медалями, а также нагрудным знаком «Заслуженный работник НКВД».

После ареста Берии Судоплатов был переведен во Второе главное управление МВД СССР на должность начальника отдела. Однако уже 20 августа 1953 года он был уволен «за невозможностью дальнейшего использования», а на другой день – 21 августа – арестован. Судоплатову предъявили обвинение в бериевском заговоре, имевшем целью «уничтожение членов советского правительства и реставрацию капитализма».

До 1958 года Судоплатов находился под следствием. Виновным себя не признал. 12 сентября 1958 года в ходе закрытого заседания Военной коллегии Верховного суда СССР он был приговорен к тюремному заключению сроком на 15 лет, с последующим поражением в политических правах на 3 года. 17 октября 1958 года генерал-лейтенант Судоплатов был лишен воинского звания и наград, как осужденный Верховным судом СССР. С сентября 1958 года отбывал наказание во Владимирской тюрьме, где перенес три инфаркта, ослеп на один глаз, получил инвалидность 2-й группы.

В августе 1968 года Судоплатов вышел на свободу. После освобождения занялся литературной деятельностью. Опубликовал ряд книг воспоминаний о своей жизни и работе, имевших огромную популярность. Активно участвовал в ветеранском движении.

Более 20 лет Судоплатов боролся за свою реабилитацию. 10 февраля 1992 года он был реабилитирован Главной военной прокуратурой РФ.

Скончался Павел Анатольевич 24 сентября 1996 года.

В октябре 1998 года Указом Президента Российской Федерации генерал-лейтенант Судоплатов был посмертно восстановлен в правах на изъятые при аресте государственные награды, которые были возвращены его родственникам.

Николай Кузнецов

Массовые преступления и чудовищные злодеяния, совершавшиеся нацистами в период Великой Отечественной войны против мирного населения на оккупированных территориях, карательные акции и уничтожение тысяч советских деревень и городов требовали справедливого возмездия. Среди тех, кто в годы военного лихолетья выполнял этот священный долг в отношении крупных военных функционеров и предателей, были сотрудники 4-го управления НКВД СССР. Особое место в ряду народных мстителей военного периода занимает Николай Иванович Кузнецов. Операции по ликвидации, которые проводились Кузнецовым и его товарищами по разведывательно-диверсионному отряду специального назначения «Победители», наводили ужас на гитлеровских бонз и их приспешников.

Николай Кузнецов родился 27 июля 1911 года в уральской деревушке Зырянка Камышловского уезда Пермской губернии, располагавшейся в 225 километрах от Екатеринбурга, в крестьянской семье.

Николай Иванович Кузнецов

В годы учебы в школе обнаружил незаурядные способности к

изучению иностранных языков. Особенно легко ему давался немецкий язык. Постоянно общаясь со школьной учительницей, получившей образование в немецкой части Швейцарии и с проживавшими в поселке Талица многочисленными немцами из бывших военнопленных Первой мировой войны, Кузнецов освоил несколько диалектов немецкого языка.

Завершив учебу в Талицком лесном техникуме, Кузнецов стал работать лесоустроителем в земельном управлении города Кудымкар Коми-Пермяцкого национального округа. Там он стал сотрудничать с местными чекистами. В 1934 году Кузнецов переехал в Свердловск, работал в конструкторском отделе Уралмашазавода и учился на вечернем отделении рабфака Уральского индустриального института. По линии местного управления НКВД изучал возможные связи работавших там немецких специалистов с гитлеровской разведкой. В 1938 году его пригласили на работу в Москву. Совместно с сотрудниками отдела контрразведки центрального аппарата НКВД он участвовал в разработке немецких дипломатов.

Незадолго до начала Великой Отечественной войны Николай Кузнецов начал готовиться по линии внешней разведки к работе за границей с нелегальных позиций. Однако разразившаяся война внесла коррективы в эту подготовку. Руководство посчитало, что человек с блестящим знанием немецкого языка и с типичной арийской внешностью принесет больше пользы в тылу противника. Он был зачислен в спецподразделение 4-го управления НКВД.

Началась интенсивная подготовка Кузнецова к предстоящей миссии. Он трудился по 15–16 часов в сутки: тщательно отрабатывал легенду-биографию, по которой ему предстояло жить в чужом мундире среди врагов, прыжки с парашютом, тренировался в стрельбе из различных видов советского и немецкого личного оружия. Со специально приглашенными специалистами ГРУ Генерального штаба Красной Армии изучал организацию и структуру германских вооруженных сил, их уставы, до мельчайших подробностей вникал в порядок официальных и неофициальных взаимоотношений немецких военнослужащих, учился разбираться в наградах, званиях, знаках различия всех родов войск, полиции и СС.

Кузнецова целенаправленно готовили для работы в городе Ровно, избранном гитлеровцами в качестве столицы оккупированной Украины. Там размещались почти две с половиной сотни немецких учреждений и штабов центрального подчинения.

В конце июля 1942 года специальная подготовка Кузнецова

была завершена. Он был зачислен в разведывательно-диверсионный отряд специального назначения «Победители», которым командовал Д. Н. Медведев и которому предстояло действовать в районе города Ровно.

25 августа 1942 года разведчик был выброшен с парашютом в глубоком тылу противника – в Сарненских лесах Ровенской области. В городе Ровно он появился под именем обер-лейтенанта 230-го пехотного полка 76-й пехотной дивизии Зиберта Пауля Вильгельма, кавалера двух Железных крестов и медали «За зимний поход на Восток». Хорошая профессиональная подготовка, блестящее знание немецкого языка, удивительные воля и смелость явились основой для выполнения им сложнейших разведывательно-диверсионных заданий.

Заслуга Николая Кузнецова состояла в первую очередь в том, что, он целенаправленно собирал важную для Центра разведывательную информацию. В его задачу входил, в частности, сбор сведений о передвижении воинских частей, о планах и намерениях служб гестапо и СД, о поездках высоких чинов рейха, что с успехом использовалось в борьбе с врагом. Порой разведывательной информации о противнике было так много, и она была настолько важной, что радистам отряда «Победители» приходилось передавать ее в Москву несколькими сеансами в день.

Помимо активной разведывательной работы, Кузнецов принимал непосредственное участие в ликвидации гитлеровских наместников на оккупированной территории. Так, в центре города Ровно он уничтожил руководителя главного отдела финансов при рейхскомиссариате Украины имперского советника доктора Ганса Гелля и его секретаря Винтера, которые прибыли из Берлина с заданием активизировать вывоз в Германию ценностей и продовольствия с Украины. Через месяц на том же месте он привел в исполнение народный приговор – смертельно ранил первого заместителя наместника Гитлера на Украине Эриха Коха по политическим делам генерала Пауля Даргеля. 15 ноября 1943 года вместе со своими боевыми товарищами Кузнецов осуществил одну из самых дерзких и смелых операций советской разведки в годы Великой Отечественной войны в глубоком тылу врага – похитил и доставил в отряд «Победители» генерал-майора фон Ильгена, командовавшего на Украине войсками особого назначения и широко известного жестокими карательными операциями против партизан и мирного населения. Вскоре после этого прямо в здании Верховного суда был ликвидирован жестокий палач – председатель Верховного суда на оккупированной Украине оберфюрер СС Альфред Функ,

по приказу которого были расстреляны все заключенные ровенской тюрьмы.

Проведенные отважным разведчиком акты возмездия содействовали решению одной из важных задач советского командования – созданию невыносимых условий фашистским захватчикам, вероломно напавшим на нашу страну. За образцовое выполнение специальных боевых заданий в тылу немецко-фашистских захватчиков и проявленные при этом отвагу и мужество Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1943 года Николай Кузнецов был награжден орденом Ленина.

15 декабря 1943 года рейхскомиссар Украины Эрих Кох отдал приказ об эвакуации из Ровно всех немецких учреждений. В Москве было принято решение о передислокации спецотряда Медведева на Запад: двигаться параллельно с гитлеровскими войсками для того, чтобы собирать и передавать в Центр информацию о передвижении немецких эшелонов, а также нарушать их коммуникации.

В начале января 1944 года Кузнецов получил новое задание – развернуть разведывательную работу в городе Львове, куда направлялись из Ровно немецкие учреждения. Одновременно для обеспечения деятельности группы Кузнецова в район Львова Медведев направил специальный отряд, оснащенный рацией.

9 февраля 1944 года группа Кузнецова ликвидировала на одной из улиц Львова вице-губернатора Галиции Отто Бауэра и начальника канцелярии губернаторства доктора Генриха Шнайдера. Обстановка в городе после этого крайне осложнилась. Кузнецову и его боевым товарищам Каминскому и Белову удалось вырваться из Львова. Было принято решение пробираться к линии фронта. В ночь на 9 марта 1944 года они попали в засаду в селе Боратин Львовской области и погибли в неравной схватке с украинскими националистами.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 ноября 1944 года Николаю Ивановичу Кузнецову было посмертно присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Следует подчеркнуть, что его непосредственный начальник в Москве генерал Судоплатов включил Николая Ивановича в список для награждения, еще не зная всех обстоятельств его смерти. Но он был уверен в главном – такие люди, как Кузнецов, уходят из жизни героями.

Дело всей жизни Кима Филби

Безусловно Ким Филби был человеком, имевшим большие заслуги перед своей страной – Великобританией. Но еще большие заслуги у него были перед Советским государством, которому он отдал свой талант, став советским разведчиком в самые трудные для нашей Родины годы.

Гарольд Адриан Рассел Ким Филби родился 1 января 1912 года в Амбале (провинция Пенджаб, Индия) в семье высокопоставленного чиновника британской колониальной администрации при правительстве раджи. Имя Ким ему дал отец в честь одного из героев Р. Киплинга, оно осталось с ним на всю жизнь. Дед мальчика по отцу в конце XIX века владел кофейной плантацией на Цейлоне, а его жена – бабка Кима происходила из известной в Англии семьи потомственных военных. Одним из представителей семьи был знаменитый маршал Монтгомери, возглавивший в годы Второй мировой войны британский экспедиционный корпус в Европе. Позже отец Кима принял ислам и стал советником короля Саудовской Аравии Ибн Сауда.

Гарольд Адриан Рассел Ким Филби

Поскольку родители почти всю жизнь прожили в Индии и в Саудовской Аравии, мальчик находился в Англии на попечении бабушки. Он с отличием окончил привилегированную Вестминстерскую королевскую школу и в октябре 1929 года поступил в престижный Тринити-колледж Кембриджского университета, являвшийся кузницей кадров для высших правительственных постов в Великобритании.

В студенческие годы Ким примыкал к прогрессивно настроенным группам в университете, в частности, к Социалистическому обществу, куда входили представители компартии Великобритании. Активно выступал против фашизма.

В 1933 году он принимает решение уехать в Австрию, чтобы там помогать борьбе антифашистов против гитлеровской угрозы. Оказавшись в Вене, Филби примкнул к подпольной сети Коминтерна и МОПР. В венской организации МОПР Филби выполнял различные обязанности: был казначеем ячейки, составителем листовок, сборщиком пожертвований. Вместе с

австрийскими коммунистами он участвовал в вооруженном восстании в Вене. Однако главным заданием Кима было поддержание связи с коммунистами, нелегально проживавшими в Австрии, Венгрии и Чехословакии. Английский паспорт позволял ему беспрепятственно выезжать в эти страны.

В апреле 1934 года Филби возвратился в Англию и сразу же попытался связаться с представителями компартии Великобритании, которая в то время находилась на нелегальном положении. С ним договорились связаться несколько позже, так как сообщенные им сведения о своей деятельности в Вене требовали проверки.

К тому времени Филби уже некоторое время находится в поле зрения советской внешней разведки. В июне 1934 года с ним встретился и провел обстоятельную беседу разведчик-нелегал Арнольд Дейч. Он расспрашивал молодого англичанина о его работе в Австрии, интересовался его политическими взглядами. В конечном итоге Филби без колебаний дал согласие на сотрудничество с советской разведкой. В переписке с Центром он значился под оперативным псевдонимом «Зенхен» (в переводе с немецкого – «Сынок»).

Первое, о чем попросил Дейч нового помощника, было прекратить все связи с коммунистами, чтобы выглядеть безупречным в глазах буржуазного окружения. Вторым заданием, поставленным перед Филби, было внимательное изучение своих друзей и знакомых, в том числе и по Кембриджу, с точки зрения их возможного использования в интересах разведки. И, наконец, третья, долгосрочная задача заключалась в том, чтобы сделать успешную карьеру с точки зрения решения разведывательных задач.

В июне 1934 года Центр поставил перед нелегальной резидентурой в Лондоне задачу по проникновению в британскую разведку «Сикрет интеллидженс сервис» (СИС) для получения информации о ее планах и действиях против Советского Союза. Решить эту задачу через Филби было в то время невозможно. Резидентура порекомендовала ему стать журналистом. Карьера журналиста открывала перед ним возможность заводить интересующие разведку контакты в самых различных слоях британского общества.

С лета 1935 года Филби начал работать в редакции газеты «Таймс». По заданию резидентуры вступил в Ассоциацию англо-германской дружбы. Став одновременно редактором журнала Ассоциации британских финансистов, придерживавшегося пронацистской ориентации, он сблизился с германским послом, будущим министром И. фон Риббентропом. Благодаря его

поддержке часто выезжал в Берлин.

От Филби стала поступать некоторая представлявшая интерес разведывательная информация. От знакомых в посольстве нацистской Германии Филби стал получать интересующие Лубянку сведения о неофициальных контактах между Лондоном и Берлином, в том числе через финансистов, промышленников, специалистов по экспорту и импорту. Из этих сведений следовало, что британские финансовые и промышленные круги вкладывают миллиарды в милитаризацию экономики нацистской Германии и усиленно подталкивают ее к войне против СССР.

В конце 1936 года Филби по заданию Центра выехал в Испанию в качестве специального корреспондента газеты «Ивнинг стандарт», немецкого журнала «Геополитика» и двух британских телеграфных агентств. Он находился в районах, занятых франкистскими мятежниками. Передавал в Центр информацию о военном положении в стране, планах фалангистов, вооружении, перемещении войск. Данная поездка являлась составной частью реализации выработанного резидентурой плана по внедрению Филби в британскую разведку. Он должен был создать себе репутацию смелого, яркого журналиста, не боящегося работать в Испании, охваченной гражданской войной.

Через три месяца Филби возвратился в Лондон. Его информационная работа получила высокую оценку Центра. Резидентура посоветовала Филби вновь выехать в Испанию, но на этот раз в качестве корреспондента от крупной британской газеты. Ему удалось получить место корреспондента «Таймс» в этой стране. В мае 1937 года Филби вновь выехал в Испанию. На этот раз он заручился рекомендательным письмом от германского посольства в Лондоне, где был хорошо известен как «друг» Германии. Как только собеседники узнавали о встречах Филби с Риббентропом, они сразу же проникались к нему доверием и рассказывали о таких вещах, которые надлежало держать в секрете. К тому же он был хорошо известен франкистам. А редакционное удостоверение респектабельной британской газеты служило ему лучшей рекомендацией. Отмечая журналистскую деятельность Филби, Франко наградил его орденом «Крест за военные заслуги».

В 1939 году гражданская война в Испании закончилась поражением республиканцев. Франкисты захватили власть в стране, и в августе 1939 года Филби возвратился в Лондон.

В июле 1941 года Филби было сделано предложение поступить на работу в СИС в качестве руководителя ее испанской секции. Он успешно прошел проверку по учетам контрразведки и разведки и активно включился в работу по борьбе с нацистской

агентурой на Пиренеях. В Центр стали регулярно направляться данные о деятельности СИС, ее структуре, личном составе, включая ее резидентуры за рубежом. Для получения интересовавших Лубянку сведений Филби активно использовал личные контакты с сотрудниками английских спецслужб, британского Форин Оффиса, представителями американской разведки. Так, в конце ноября 1941 года ему удалось ознакомиться с содержанием дешифрованной англичанами телеграммы германского посла в Токио, согласно которой Япония воздержится от нападения на СССР. В 1944 году от Филби поступила информация о сепаратных переговорах американцев и англичан с немцами. В том же году он сообщил, что, по словам одного из старших офицеров американской разведки, США совместно с Англией работают над созданием урановой бомбы.

31 августа 1943 года Филби был назначен членом секретариата при начальнике контрразведывательного отдела СИС. В его обязанности входило курирование отделениями, руководящими работой британской разведки на Пиренеях, в испанских колониях, в Германии, Польше и Чехословакии. Одновременно он поддерживал связь с польской контрразведкой в Лондоне, а также с контрразведывательным отделом СИС в британском МИДе и обеспечивал в контрразведывательном плане все военные операции союзников, проводимые генералом Эйзенхауэром.

В сентябре 1944 года было принято решение о назначении Филби начальником 9-го отдела СИС, занимавшегося борьбой с коммунизмом. Определенный период он замещал начальника контрразведывательного отдела СИС и получил доступ к его сейфу. К концу войны Филби стал не просто кадровым сотрудником британской разведки, а и руководителем одного из важнейших подразделений СИС. В 1945 году был награжден английским орденом Британской империи.

За годы Великой Отечественной войны Филби передал советской разведке большое количество важной информации о вооруженных силах Германии, а также об отношении к СССР союзников по антигитлеровской коалиции. В частности, с помощью данных, полученных разведкой в том числе и от Филби, Москва была в курсе попыток немцев вести сепаратные переговоры о мире с США и Англией (1942 год – Анкара, 1943 год – Стокгольм и Ватикан, 1944–1945 годы – Берн, Швейцария). От него поступала подробная информация о британских разведчиках, забрасываемых в СССР.

Летом 1947 года Филби выехал в Стамбул в качестве резидента британской разведки. С 1949 по 1951 год он

возглавлял в Вашингтоне британскую миссию связи с американским ЦРУ. В США Филби установил контакты с директором ЦРУ А. Даллесом и директором ФБР Э. Гувером. Поддерживал тесные связи с руководителем директората внешней контрразведки ЦРУ Энглтоном, которому оказывал помощь в создании его подразделения. Одновременно координировал деятельность британских и американских спецслужб в борьбе с «коммунистической угрозой».

В 1951 году, в связи с провалом членов «Кембриджской пятерки» Дональда Маклина и Гая Берджеса, Ким Филби попал под подозрение спецслужб США и Англии. В ноябре 1952 года он был допрошен в штаб-квартире МИ-5 и отпущен за недостаточностью улик. В 1955 году был вынужден выйти в отставку. Однако с помощью друзей, считавших его жертвой провокаций ФБР и ЦРУ, Филби добился общественной реабилитации. В августе 1956 года он был направлен на работу в качестве резидента английской разведки в Бейрут под прикрытием корреспондента газет «Обсервер» и «Экономист». В течение семи лет он находился в ливанской столице, где в то время располагался региональный центр ЦРУ на Ближнем Востоке.

В связи с угрозой провала в начале 1963 года Филби с помощью советской разведки был нелегально выведен в Советский Союз. До 1988 года работал консультантом внешней разведки по спецслужбам Запада, принимал активное участие в подготовке молодых разведчиков.

Награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Дружбы народов, Отечественной войны I степени, многими медалями, нагрудным знаком «Почетный сотрудник госбезопасности», а также орденами и медалями ряда государств социалистического содружества.

Скончался в Москве 11 мая 1988 года.

Дональд Маклин

Пятого мая 1913 года в семье видного политического деятеля Великобритании шотландского происхождения сэра Дональда Маклина родился первый сын, которого при крещении назвали Дональд Дьюарт. Отец Дональда-младшего был адвокатом, оставившим свою доходную практику, чтобы стать лидером «независимых либералов», членом парламента, вице-спикером палаты общин, а затем членом правительства Рамсея Дж. Макдональда – председателем совета по национальному образованию.

Дональд Дьюарт Маклин

Уже в школе Грешамз-скул, благодаря своим успехам в изучении иностранных языков, Дональд Маклин получил право поступления стипендиатом в привилегированный Тринити-колледж Кембриджского университета. Поступив в 18 лет в

университет, Дональд-младший с головой окунулся в политическую деятельность. Он не пошел по стопам своего отца, свято верившего в то, что Библия и есть буквальное слово Божье, не примкнул ни к одной из традиционных партий Великобритании. Придерживаясь прогрессивных политических взглядов, Маклин вступает в Социалистическое общество студентов и вскоре приобретает известность «писателя и оратора».

В 1932 году умирает отец Дональда, и он открыто порывает с буржуазными традициями своей семьи, активно участвует в деятельности Компартии Великобритании, с увлечением изучает Коммунистический манифест Карла Маркса.

В 1934 году разведчик-нелегал Арнольд Дейч, привлекший к сотрудничеству с советской разведкой первого члена знаменитой впоследствии «Кембриджской пятерки» Кима Филби, дает последнему задание тщательно изучить Дональда Маклина, который в оперативной переписке получает псевдоним «Вайзе» («Сирота»).

В октябре 1934 года резидентура установила прямой контакт с Маклином. В телеграмме в Центр сообщалось: «С “Вайзе” мы связались. Он совершенно прекратил общение с коммунистами. Его связи исключительны. Возможно, он получит хорошую должность».

Тем временем Маклин успешно сдал экзамены, необходимые для поступления в МИД, и прошел соответствующие собеседования.

Понимая, что во время неформальной беседы в Форин Оффисе неизбежно встанет вопрос о его принадлежности к компартии, резидентура отработала с Маклином линию его поведения. Когда ему на самом деле был задан соответствующий вопрос, он ответил: «У меня действительно были такие взгляды, и я еще не вполне от них отделался». Искренность кандидата на работу в МИД Англии произвела благоприятное впечатление на членов комиссии, и она рекомендовала кандидатуру Маклина для зачисления в штат министерства. В октябре 1935 года Маклин был принят на работу в МИД Великобритании. Его назначение на должность 3-го секретаря Западного отдела МИДа Великобритании открыло ему доступ к секретным документам и докладам, касающимся политики Англии в Нидерландах, Испании, Португалии и Швейцарии, а также к британской переписке, касающейся Лиги Наций.

26 марта 1936 года резидентура сообщала в оперативном письме в Центр: «Истекшие несколько месяцев показали, что «Вайзе» пользуется свободным доступом ко всем документам,

проходящим через его отдел. Обнаружилась весьма благоприятная обстановка для изъятия документов и их фотографирования».

Это был, несомненно, большой успех советской разведки. Однако вскоре Маклин доказал, что способен на большее. Он стал тайно выносить материалы Форин Оффиса, которые за ночь переснимал фотограф нелегальной резидентуры, а утром следующего дня они возвращались на место. Когда первые пленки с копиями документов МИДа Англии поступили в Центр, там удивились их ценности. Ставка на перспективную агентуру, внедряемую в важнейшие правительственные учреждения разведываемых стран, блестяще себя оправдала.

Вскоре от Маклина стала поступать весьма ценная информация английской военной разведки, оседавшая в его министерстве. Помимо большого количества совершенно секретной политической и военной информации Маклин передал советской разведке сведения о структуре и руководящих кадрах британской контрразведывательной службы МИ-5.

Летом 1938 года Маклин получил назначение на пост третьего секретаря британского посольства в Париже. Человеком, заменившим Маклина в Форин Оффиса, стал член «Кембриджской пятерки» Джон Кернкросс.

В июне 1940 года Маклин возвратился на прежнее место работы в центральном аппарате британского МИДа. При этом следует отметить, что с момента его поступления на работу в МИД Англии и до середины 1940 года от Маклина было получено более 14 тысяч листов совершенно секретных документальных материалов.

С началом Великой Отечественной войны советская внешняя разведка лишилась связи со своими источниками информации в Германии и оккупированных ею странах. В этой связи поступавшая от Маклина информация представляла первостепенный интерес для Кремля.

Работать источнику приходилось достаточно напряженно. Отдавая себе отчет в том, что любые сведения о германских вооруженных силах и планах Гитлера на Восточном фронте представляют первостепенный интерес для советского руководства, он зачастую шел на риск, чтобы получить их. Имея по роду работы доступ к подобным документам, Маклин отбирал наиболее интересные из них и передавал в резидентуру для фотографирования.

Уже в 1942 году Центру стало ясно, что работа лондонской резидентуры с Маклином и его соратниками по «Кембриджской пятерке» представляет значительный интерес для советской

внешней разведки. Поступавшие от «пятерки» сведения, в том числе документальные, позволяли советскому руководству быть не только в курсе замыслов Германии и ее союзников, но и отслеживать планы и намерения союзников СССР по антигитлеровской коалиции.

В марте 1944 года Маклин получил назначение на пост первого секретаря посольства Великобритании в Вашингтоне. Это назначение представляло большой интерес для Центра, поскольку позволяло источнику быть в курсе всех секретов британско-американских отношений.

Среди документов, полученных от Маклина в тот период, необходимо отметить перехваченную англичанами и американцами телеграмму министра иностранных дел Германии Риббентропа нацистскому послу в Дублине относительно попыток Берлина заключить сепаратный мир с западными союзниками СССР, телеграмму Черчилля президенту США Рузвельту, касающуюся политики Лондона в отношении Польши и Румынии, сведения о намерениях Англии и США в послевоенной Австрии, телеграмму Черчилля новому президенту США Трумэну о проекте повестки дня Потсдамской конференции и ряд других.

Во время работы Маклина в посольстве Великобритании в Вашингтоне он был назначен секретарем англо-американского комитета по атомной энергии и новым аспектам в развитии атомной промышленности. В этой связи поступавшая от него информация по данной проблеме также представляла большой интерес для Центра.

В феврале 1947 года Маклин был назначен на должность содиректора секретариата по координации англо-американо-канадской политики в области атомной энергии и, следовательно, получил еще большие возможности знакомиться с секретной документацией по этой проблематике.

Летом 1948 года Маклин был назначен советником британского посольства в Каире. Ему в то время исполнилось 35 лет. Это был самый молодой дипломат Форин Оффиса, занимавший такой важный пост. Резидентура внешней разведки в Каире восстановила контакт с Маклином по его прибытии в столицу Египта.

В 1950 году Маклин возвратился в Лондон и был назначен заведующим американским отделом МИДа Великобритании. В условиях начавшейся «холодной войны» Центр разработал план восстановления связи с ним. Однако в мае 1951 года британская контрразведка вышла на след Маклина.

Находившийся в Вашингтоне Ким Филби, являвшийся представителем английской разведки при ЦРУ, внимательно

отслеживал обстановку вокруг Маклина и другого члена «Кембриджской пятерки» Берджеса, который работал в посольстве Великобритании в Вашингтоне в должности второго секретаря. Слежку за последним осуществляли американцы. В связи с угрозой провала Филби проинформировал Берджеса о надвигающейся опасности и предложил срочно выехать в Лондон для встречи с представителями советской разведки. Он должен был предупредить советских друзей об угрозе и предложить им немедленно вывести Маклина в СССР.

Руководство разведки, которому поступила эта тревожная информация, приняло решение о выводе обоих агентов в СССР.

В Советском Союзе Маклин прожил тридцать лет. Являясь сотрудником Института мировой экономики и международных отношений, он защитил сначала кандидатскую, а затем докторскую диссертацию на тему: «Внешняя политика Англии после Суэца». Эта работа получила высокую оценку и была опубликована в нашей стране, а также в Англии и США.

Жизнь Маклина в СССР складывалась интересно и благополучно. Он постоянно был занят исследованием политических проблем, подготовкой научных докладов, статей, участвовал в научных конференциях, «круглых столах». Маклин воспитал целую плеяду специалистов в области советско-британских отношений, в совершенстве овладел русским языком.

В конце 1970-х годов Маклин заболел раком. Болезнь прогрессировала, и 9 марта 1983 года Дональд Маклин скончался. Его тело было кремировано, а урна с прахом перевезена в Англию и захоронена в фамильном склепе в Лондоне.

Заслуги Дональда Дьюарта Маклина перед нашей страной были отмечены орденами Красного Знамени и Трудового Красного Знамени, а также рядом медалей.

Член «Кембриджской пятерки» сэр Энтони Блант

21 ноября 1979 года британский парламент был созван на экстренное заседание. Спикер палаты общин Джордж Томас, председательствовавший как обычно на важных обсуждениях, внешне казался бесстрастным. Он лишь объявил депутатам, что ожидается чрезвычайное сообщение премьер-министра страны. Собравшиеся находились в крайнем недоумении. В первую очередь их удивило напутствие спикера, обычно не вмешивавшегося в парламентскую дискуссию. Джордж Томас предупредил, что в ходе предстоящего обсуждения вопроса необходимо избегать резких выпадов в адрес кабинета министров и королевского двора.

Безусловно, до многих депутатов доходили слухи, циркулировавшие в последнее время в околоправительственных кругах. Поговаривали о каком-то сверхшпионе, якобы проникшем в высшие эшелоны британской власти. Но вся эта информация оставалась лишь на уровне кулуарных разговоров.

Энтони Фредерик Блант

Тем временем слово взяла премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер, всего за полгода до этого, в мае 1979 года, занявшая столь высокий государственный пост. И тон, и содержание выступления «железной леди» оказались неожиданными для членов парламента. Ее речь была крайне спокойной. У слушателей сложилось впечатление, что премьер говорит не о сенсации, связанной с крупнейшим провалом спецслужб Соединенного королевства, а о событии, касающемся больше истории, чем современности.

Маргарет Тэтчер сообщила, что британской контрразведке стало окончательно известно имя еще одного человека, входившего в так называемую «Кембриджскую группу» советских агентов, начавших свою деятельность в предвоенные годы. Это сэр Энтони Блант – советник английских монархов. Он был хорошо известен всей стране, в частности, как хранитель несметных художественных ценностей королевской семьи…

Видный ученый, профессор, родственник короля Георга VI и королевы Елизаветы II, служивший при британском дворе и достигший высоких постов, сэр Энтони Фредерик Блант появился на свет 26 сентября 1907 года в семье Стэнли Бланта, священника церкви Святой Троицы в Борнмуте, небольшом городке на юге Англии, на побережье Ла-Манша. Его мать – Хильда Вайолет Мастерс была двоюродной сестрой графа Стрэтмора, дочь которого, Елизавета Боус Лайон, стала женой короля Георга VI. Их старшая дочь, которой Энтони приходился троюродным братом, в 1952 году после смерти Георга VI взошла на английский престол под именем Елизаветы II.

Отец Энтони в 1911 году был назначен на пост капеллана англиканского храма в Париже – важнейшего «представительства» государственной церкви Великобритании за рубежом, и семья переехала на жительство во французскую столицу. В семь лет Блант-младший пошел в парижскую школу. Французский стал его вторым родным языком, а интерес к живописи, прежде всего западноевропейской, – увлечением на всю жизнь.

Через несколько лет родители решили, что Энтони пора начать учиться в Англии, и направили его в Лондон к дяде – сэру Ральфу Асшетону, члену британского парламента. Юноша занимался в нескольких престижных частных школах.

Уже в ту пору проявились необычайные способности Бланта и выявилась разносторонность его увлечений. Он активно занимался живописью, искусством, французским языком. Увлекшись математикой, он добился таких успехов, что получил право на государственную стипендию и внеочередное

поступление в Кембриджский университет.

В 1926 году девятнадцатилетний Энтони Блант стал студентом Тринити-колледжа Кембриджского университета. Ему прочили славу великого математика. Но его больше привлекала история искусств. В Тринити-колледже Блант провел десять лет, сначала в качестве студента, а затем в должности преподавателя и профессора. Обучаясь в университете, он увлекся идеями марксизма, стал членом Общества культурных связей с СССР. Будучи студентом, Энтони в совершенстве овладел немецким языком, опубликовал в кембриджском литературном журнале «Венча» статью о барокко, которая произвела огромное впечатление в университетских научных кругах.

В 1929 году Блант досрочно окончил университет и занял достаточно важный пост куратора Кембриджского музея искусств. За выдающиеся успехи молодой аристократ получил «исследовательскую стипендию», которая давала право заниматься преподавательской и научной деятельностью. В 1935 году он защитил докторскую диссертацию по западной живописи. Занимался исследовательской работой в области истории искусств.

Для изучения истории архитектуры Энтони выезжал в 1933–1934 годах в Италию и Германию, а в 1935 году – в СССР (в Москву и Ленинград). С 1937 года Блант работал в Лондоне, в институте Варбурга, а в начале 1939 года становится его директором.

В 1937 году Блант был привлечен к сотрудничеству с советской разведкой на идейной основе разведчиком-нелегалом НКВД Арнольдом Дейчем. В то время в мире происходили грозные события. Пришедшие в Германии к власти национал-социалисты начали подготовку к захвату ряда европейских стран. Блант, ненавидевший фашизм, видел спасение от него только в СССР. Поэтому он сразу же принял предложение советского разведчика и вошел в состав «Кембриджской группы» (оперативный псевдоним – «Тони»). Во время работы в Кембридже Блант являлся университетским куратором Джона Кернкросса – блестяще образованного молодого человека, имевшего ярко выраженные способности аналитика и лингвиста. Именно Блант рекомендовал Дейчу обратить внимание на Кернкросса, который вскоре стал полноправным членом «Кембриджской пятерки».

С началом Второй мировой войны Энтони вступил добровольцем в армию и был направлен в разведывательную школу Военного министерства Великобритании. В декабре 1939 года капитан Блант назначается начальником отделения пункта военно-полевой полиции в Тулоне (Франция). Занимался

ведением военной разведки, поддержанием контактов с французской полицией и осуществлением военной цензуры в британском экспедиционном корпусе. Награжден французским орденом Почетного легиона. В связи с нацистским вторжением во Францию в мае 1940 года Блант эвакуировался в Англию. Осенью того же года поступил на службу в британскую контрразведку (МИ-5).

Работа Бланта в МИ-5 была весьма результативной для Лубянки. Он передал в Центр большое количество материалов о деятельности разведки и контрразведки Соединенного королевства и их кадровом составе, сведения о наблюдении за советскими разведчиками в Лондоне, данные о работе германских спецслужб в СССР, о дислокации немецких войск на Восточном фронте и ряд других ценных материалов. От него также были получены сведения о сепаратных переговорах эмиссаров Великобритании и США с представителями Третьего рейха в 1943–1944 годах, которые были прекращены после протеста Советского Союза.

В 1945 году Энтони Блант был назначен хранителем королевских картин, размещенных в Виндзорском и Букингемском дворцах и стал советником короля Георга VI. Выполнял конфиденциальные поручения британского монарха в ряде европейских стран. В 1956 году королевским указом ему было присвоено рыцарское звание. Будучи королевским советником, сэр Энтони использовал свои связи в британском правительстве, с министрами, с личным секретарем королевы для получения интересующей советскую разведку политической информации.

После провала в 1951 году Дональда Маклина и Гая Берджеса, которые были вынуждены скрыться на территории СССР, у британской контрразведки возникли подозрения и в отношении Бланта. В частности, ею были получены сведения, что якобы именно он предупредил беглецов о том, что они разоблачены, и готовил их переброску в Москву. Кроме того, сотрудники МИ-5 полагали, что Блант посетил квартиру Берджеса после отъезда хозяина и изъял компрометирующие его документы. Однако спецслужбы Соединенного королевства не смогли собрать убедительных доказательств «двойной жизни» Бланта в тот период.

В 1964 году британская контрразведка по наводке американцев начала новое расследование в отношении троюродного брата Елизаветы II, которое велось в обстановке строжайшей секретности. В течение десяти лет следователи пытались доказать его вину. Однако они трудились без особого

успеха. У контрразведки не было достаточных доказательств для привлечения Бланта к суду, а сам подозреваемый на протяжении длительного времени все отрицал. Из-за родственных отношений сэра Энтони с королевской семьей сведения, касающиеся расследования, не доводились даже до высших государственных деятелей страны, включая премьер-министра и членов правительства, поскольку это могло скомпрометировать монархию.

Лишь после того как Бланту был предоставлен иммунитет от судебного преследования, гарантировавший ему полную неприкосновенность, он признался в своей разведывательной деятельности на СССР. При этом член «Кембриджской пятерки» ссылался на тот факт, что в годы Второй мировой войны Лондон и Москва являлись союзниками и имели соглашение о проведении совместных разведывательных и контрразведывательных операций против фашистской Германии.

А затем последовали события ноября 1979 года, с которых началось это повествование. В своем выступлении перед парламентариями премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер особо подчеркнула, что королевский двор прислушался к совету британских спецслужб «ничего не предпринимать против Бланта».

В последующие годы Энтони Блант проживал в английской столице и занимался научно-исследовательской деятельностью в области искусства и архитектуры. Он являлся автором более 20 книг по истории искусства, в том числе монографий об У. Блейке, П. Пикассо и Н. Пуссене.

Энтони Блант скончался 26 марта 1983 года от сердечного приступа. Его тело было кремировано. В последний путь Бланта провожали родственники. Было много венков, среди них – одиннадцать безымянных. Они были от друзей этого выдающегося разведчика, которые не могли открыто прийти на его похороны, чтобы отдать последние почести рыцарю «Кембриджской пятерки». Позже прах Энтони Бланта был развеян по ветру на горе близ Мальборо, где он учился в школе.

«Красный бунтарь» Гай Берджес

В истории спецслужб не существовало аналога, подобного «Кембриджской пятерке». Ее деятельность считают высшим достижением не только советской, но и мировой разведывательной практики. В полную силу разведчики проявили себя к началу Великой Отечественной войны, поставляя в Москву ценнейшую военно-политическую информацию. В годы войны они являлись для Лубянки самыми продуктивными источниками документальной информации. И не случайно бывший директор ЦРУ Аллен Даллес назвал «Кембриджскую пятерку» «самой сильной разведывательной группой времен Второй мировой войны». Его слова были недалеки от истины. Только за 1941–1945 годы от членов «Кембриджской пятерки» было получено более 18 тысяч секретных и совершенно секретных документов.

Члены «Кембриджской группы» Ким Филби и Дональд Маклин рекомендовали разведчику-нелегалу Арнольду Дейчу обратить внимание на выпускника университета Гая Берджеса, придерживавшегося прокоммунистических взглядов. Весной 1933 года состоялось знакомство Дейча с Берджесом. В дальнейшем Берджес был привлечен к сотрудничеству с советской разведкой на идейной основе, став полноправным членом знаменитой «пятерки» (оперативный псевдоним «Мэдхен»).

Гай Френсис де Монси Берджес родился 16 апреля 1911 года в семье офицера королевских военно-морских сил. Его отец участвовал в Первой мировой войне, дослужился до звания вице-адмирала. Гай учился в Итонском колледже, где заслужил репутацию не по годам начитанного и смышленого ученика. Через год перевелся в Королевский военно-морской колледж в Дартмуте, где успешно учился до 16-летнего возраста. Но из-за плохого зрения Берджес был вынужден отказаться от военной карьеры и вернулся в Итонский колледж, который блестяще окончил в 1930 году, получив право на поступление стипендиатом в Тринити-колледж Кембриджского университета.

Гай Френсис де Монси Берджес

Во время учебы в Кембриджском университете Берджес участвовал в прогрессивном движении студенческой молодежи, вел пропаганду против фашизма среди своих коллег по учебе. Будучи студентом первого курса, он стал членом одной из подпольных коммунистических ячеек в Тринити-колледже. В 1932 году вступил в «Общество Апостолов» – полусекретную организацию британских интеллектуалов, интересовавшихся марксизмом. Однако несколько позже по настоятельной рекомендации Дейча Берджес отошел от коммунистического движения и прекратил активную антифашистскую деятельность.

Окончив в 1935 году Тринити-колледж, Берджес поступил на работу в Британскую радиовещательную корпорацию (Би-би-си) и по заданию советской разведки внедрился в английские спецслужбы. Его отличали очень ценные для журналиста и разведчика качества: коммуникабельность, умение устанавливать знакомства и связи в различных кругах общества, в том числе – в самых высоких.

Дейч, завербовавший Берджеса, так характеризовал его в 1939 году: «“Мэдхен”, являясь “красным бунтарем”, пришел в компартию на основе теоретического изучения марксизма. Он

очень образован и начитан, но поверхностен. Язык у него очень хорошо подвешен, и говорит он охотно и много… Он очень темпераментный и эмоциональный человек и легко поддается настроениям…»

В октябре 1935 года резидентура решила использовать Берджеса для разработки сотрудников британской разведки. Гай получил задание внедриться в Школу славяноведения при Лондонском университете, где, по имевшимся данным, обучались русскому языку офицеры британской разведки. Проведя изучение Школы, Берджес установил, что в ней действительно обучается большое число офицеров МИ-6.

Следует отметить, что Берджес стал первым из членов «Кембриджской группы», которому удалось внедриться в британские спецслужбы. А произошло это так. В октябре 1936 года Маклин сообщил в резидентуру, что к нему в Форин Оффис заходил офицер МИ-6 Дэвид Футман, автор ряда детективных романов, который интересовался возможностью организации радиопередачи на Би-би-си. Вскоре на него вышел Берджес, работавший на Би-би-си режиссером-постановщиком радиопередач. Он предложил сделать радиопередачу по одному из последних романов Футмана и даже согласился выплатить автору повышенный гонорар.

Через некоторое время Берджес завоевал полное доверие Футмана, являвшегося заместителем начальника 1-го отдела (политическая разведка) СИС. Последний постарался привлечь Берджеса в качестве доверенного информатора к работе на МИ-6. Он стал давать Берджесу регулярные поручения от имени английской политической разведки. Это был значительный шаг на пути внедрения в британскую спецслужбу. Советский агент стал доверенным лицом Футмана и по его заданию даже выполнял обязанности курьера МИ-6 для передачи Чемберлену секретных писем от французского премьера Даладье. В своих письмах оба премьер-министра обговаривали планы умиротворения Гитлера за счет сдачи ему Чехословакии с тем, чтобы открыть путь к агрессии Германии на Восток.

В середине 1938 года руководство МИ-6 приняло решение принять Берджеса на работу в отдел «Д» этого ведомства, занимавшийся дезинформацией и активными внешнеполитическими спецоперациями. Отдел осуществлял свою деятельность под прикрытием департамента статистических исследований военного министерства. Берджес курировал радиовещание на Германию. Антигитлеровские пропагандистские передачи велись МИ-6 с территории Люксембурга и Лихтенштейна.

Берджес получил доступ к секретным материалам британского МИДа и даже дал подписку о неразглашении государственной тайны. Это значительно расширило его разведывательные возможности.

После начала Второй мировой войны поток секретной разведывательной информации от Берджеса увеличился. Он поставлял самые разнообразные сведения – от планов британской разведки физически ликвидировать Гитлера до организованной МИ-6 забастовки шведских шахтеров с целью лишить Германию поставок шведской железной руды.

До начала 1940 года Берджес совмещал работу на Би-би-си с функциями консультанта руководителя отдела «Д». В апреле 1940 года он окончательно перешел на работу в отдел. Одним из направлений его деятельности было также создание диверсионной школы в Брикендонбери-холле. Британские разведчики в шутку называли ее «школой Гая Фокса» в память англичанина, пытавшегося в 1605 году взорвать британский парламент.

Однако вскоре школа была закрыта. Берджес лишился работы в МИ-6 и вернулся на Би-би-си. Он заручился поддержкой Футмана и своего друга Энтони Бланта, работавшего в британской контрразведке, с тем, чтобы попытаться устроиться на работу в МИ-5. Это было непростой задачей. Британские контрразведчики, представлявшие собой замкнутую касту, не принимали в свой круг «людей со стороны» без предварительного испытания. Поэтому МИ-5 первоначально использовала Берджеса в качестве агента. Ему было дано задание попытаться завербовать швейцарского журналиста, известного своими прогерманскими взглядами. С этой задачей Гай успешно справился. Журналист стал ценным источником информации об отношениях Германии со Швейцарией не только для британских, но и для советских спецслужб.

Советская разведка использовала Берджеса для получения наводок и разработки сотрудников МИ-5, а также выпускников Кембриджского университета.

До 1944 года Берджес был наиболее результативным и энергичным членом «Кембриджской группы». Выполняя задания своих друзей из МИ-5 и МИ-6, он сумел завоевать доверие многих сотрудников британских спецслужб, включая самых высокопоставленных. Всю информацию, касающуюся сотрудников МИ-5 и МИ-6 и их агентуры, в том числе и за рубежом, Берджес скрупулезно собирал, а затем передавал своему куратору из лондонской резидентуры НКВД. Как отмечала резидентура по этому поводу в оперативных письмах в Центр, он выполнял эту

работу «не потому, что ожидал какого-либо материального вознаграждения, а потому, что верил, что выполняет особое задание, и это льстило его самолюбию».

Однако в то время в МИ-5 работал другой агент советской разведки – Энтони Блант, от которого поступала вся интересовавшая Лубянку информация о деятельности британских спецслужб. Поэтому в 1944 году Берджес по заданию советской разведки поступил на работу в пресс-отдел МИДа Англии, а в 1946 году стал личным помощником Гектора Макнейла – государственного секретаря Министерства иностранных дел и члена Тайного Королевского совета.

За это время от Берджеса поступил большой объем ценных документальных материалов. Среди них, в частности, была телеграфная переписка МИДа Великобритании со своими представительствами в Москве, Вашингтоне, Стокгольме, Париже и Анкаре, что дало возможность советскому правительству узнать о сепаратных переговорах американского представителя Аллена Даллеса в Берне с представителем Германии обергруппенфюрером СС Карлом Вольфом и о секретных консультациях доверенного лица министра иностранных дел Германии Риббентропа – Хессе с представителями Черчилля (в доме шведского банкира Валленберга в Стокгольме в конце 1944 года).

Берджес также смог предоставить советской разведке данные о позициях западных стран по вопросам послевоенного устройства в Европе, о военной стратегии Великобритании, о деятельности английских и американских спецслужб.

В 1950 году Гай Берджес получил назначение на должность второго секретаря посольства Англии в Вашингтоне. Однако 25 мая 1951 года в связи с угрозой провала он вместе с Дональдом Маклином был выведен в СССР. За активную разведывательную работу награжден орденом Красного Знамени. В Москве являлся консультантом внешней разведки КГБ СССР.

Скончался Гай Берджес 19 августа 1963 года. В соответствии с завещанием его тело было кремировано, а урна с прахом отправлена в Англию родственникам и захоронена в фамильном склепе.

В 1968 году американская газета «Чикаго дейли ньюс» писала о Гае Берджесе и Дональде Маклине: «Они дали русским такое преимущество в области разведки в годы Второй мировой войны, результаты и эффективность которых просто неисчислимы».

А премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер в ноябре 1979 года в ходе парламентских слушаний, посвященных деятельности на территории страны «Кембриджской группы»

советских разведчиков, была вынуждена с сожалением признать: «У нас в Британии находится лучшая разведка в мире – русская».

«Звездный час» Джона Кернкросса

5 октября 1995 года британская пресса сообщила о смерти 82-летнего отставного чиновника ООН Джона Кернкросса. Вскоре эта новость была подхвачена прессой всего мира. В сообщениях газет говорилось о том, что из жизни ушел пятый член знаменитой «Кембриджской пятерки», которая во время Второй мировой войны снабжала Советский Союз важнейшей стратегической информацией. Особо подчеркивалось, что информация Кернкросса помогла советскому военному командованию выиграть Курскую битву и окончательно переломить ход военных действий в пользу СССР. Это событие не прошло незамеченным и в российской прессе, посвятившей Кернкроссу ряд статей.

Джон Александр Керклэнд Кернкросс, родился 25 июля 1913 года в Глазго (Шотландия) в многодетной семье мелкого лавочника. До 15 лет он учился в местной школе, а затем два года обучался в Гамильтоновской академии, приравниваемой в Шотландии к колледжу. В 1930 году Джон поступает в университет Глазго, где усиленно изучает политэкономию, немецкий и французский языки, а также английскую филологию.

Джон Александр Керклэнд Кернкросс

Упорство молодого шотландца было замечено руководством университета, и в 1933 году он направляется для продолжения обучения и совершенствования знаний французского языка в знаменитую Сорбонну в Париже. Здесь за год обучения в университете он получил диплом магистра, после чего в октябре 1934 года поступил с правом на стипендию в аспирантуру Кембриджского Тринити-колледжа.

Учеба в Тринити-колледже, где он углубленно изучал творчество великого французского драматурга Мольера, свела его со студентами левой ориентации, объединившимися в Социалистический студенческий союз. Учебным куратором Джона стал член кембриджской разведывательной группы Энтони Блант.

В 1936 году Кернкросс с блеском защитил докторскую диссертацию, посвященную творчеству Мольера, и перевел на английский язык ряд его произведений.

После окончания Тринити-колледжа со степенью бакалавра гуманитарных наук Кернкросс успешно сдал экзамены на дипломатическую службу. Он прошел первым по результатам в

списке экзаменуемых и был принят на работу в министерство иностранных дел Великобритании в качестве третьего секретаря его американской секции. О своей принадлежности к компартии Великобритании Джон умолчал.

В 1937 году Блант, поддерживавший с Кернкроссом дружеские отношения, рекомендовал его в качестве кандидата на вербовку сотруднику лондонской нелегальной резидентуры НКВД Арнольду Дейчу. Блант охарактеризовал Джона как перспективного помощника, способного добывать интересующую Центр разведывательную информацию, в том числе по США.

Уже первые контакты Дейча с Кернкроссом показали, что Джон действительно является идейно близким нам человеком, другом Советского Союза. По рекомендации Дейча он отошел от компартии и прервал контакты с ее членами.

Джону Кернкроссу был присвоен оперативный псевдоним «Лист». В одном из писем в Центр Дейч писал:

«“Лист” происходит из шотландской мелкобуржуазной семьи. Он сразу изъявил готовность работать с нами и относится к нашему делу очень ответственно. “Лист” скромный, иногда наивный и немного провинциальный человек. Он доверчив, внешне очень прост и мил. Дисциплинирован и осторожен. Полностью нам доверяет, и мы для него – большой авторитет».

С сентября 1937 года Кернкросс стал снабжать советскую разведку совершенно секретными документами, главным образом по германской тематике. В МИДе Великобритании он проработал до конца 1938 года и был переведен в министерство финансов. Кернкросс сумел передать советской разведке ряд интересующих ее документов, в том числе – об экономическом сотрудничестве Германии с Англией и США.

С июля 1940 года Кернкросс стал работать личным секретарем лорда Мориса Хэнки, занимавшего пост председателя Британского комитета по науке, канцлера герцогства Ланкастер и министра без портфеля «военного кабинета». Лорд Хэнки курировал вопросы ведения войны, вел работу по линии спецслужб Великобритании, был председателем десятка комиссий, которые занимались вопросами обороны, безопасности, научных исследований. Пост личного секретаря лорда вывел Кернкросса на исключительно важный канал секретной информации и значительно расширил его разведывательные возможности. Так, с января по май 1941 года от источника были получены многочисленные материалы, свидетельствовавшие о том, что очередной жертвой нападения Германии станет Советский Союз.

В сентябре 1941 года Кернкросс передал своему куратору

доклад «Уранового комитета» премьер-министру Черчиллю. В документе, направленном в Центр, говорилось о начале работ по созданию в Великобритании и США атомной бомбы (проект «Тьюб Эллойз»), сообщалось о ее предполагаемой конструкции и перенесении центра тяжести дорогостоящих исследований и возможного производства на территорию США в связи с военной обстановкой в Европе. Этот документ сыграл важную роль в том, что в Москве всерьез отнеслись к проблеме создания атомного оружия. А в послевоенный период Советский Союз сумел в кратчайшие сроки создать атомную бомбу и тем самым положить конец монополии США в данной области.

В марте 1942 года Кернкросс поступил на учебу в школу, готовившую кадры для британской службы радиоперехвата и дешифрования, а после ее окончания стал работать в сверхсекретном отделе этой службы.

Среди дешифрованных документов, к которым получил доступ Кернкросс, было немало материалов, касающихся планов германского верховного командования на Восточном фронте. Его информация высоко оценивалась советским военным командованием.

Однако «звездный час» источника наступил в 1943 году.

Англичане расшифровывали практически все материалы, направлявшиеся в войска германским генеральным штабом, а также морским и авиационным штабами. Наиболее важные документы, поступавшие от источника, резидентура немедленно передавала в Москву.

В апреле 1943 года Кернкросс сообщил крайне важную информацию о том, что в ходе летней военной кампании Германия намерена взять реванш за поражение под Сталинградом и развернуть широкомасштабное наступление в районе Курска и Орла. Операции вермахта присвоено кодовое название «Цитадель». Источник указал примерные сроки наступления, а также технические характеристики новых немецких танков «тигр» и «пантера» и самоходного орудия «фердинанд». Одновременно он передал подробный план дислокации немецких ВВС в предстоящей операции.

На основании этих данных, перепроверенных через другие источники, советское военное командование нанесло по немецким аэродромам сокрушительный превентивный бомбовый удар. Только на земле было уничтожено более 500 самолетов противника.

Курская битва завершилась полным разгромом гитлеровских войск. После поражения вермахта под Орлом и Курском Германия утратила способность проводить наступательные операции на

советско-германском фронте, и стратегическая инициатива в войне окончательно перешла в руки советского военного командования. Началось освобождение территории СССР от немецко-фашистских захватчиков. Вклад Кернкросса в победу советского оружия в Курском сражении был оценен. За активную деятельность по добыванию важной информации, получившей высокую оценку Центра, он был награжден орденом Красного Знамени. В этот период Кернкросс считался одним из важнейших советских агентов в английской системе электронной разведки.

С завершением войны Кернкросс был переведен на работу в министерство снабжения. Контакты советской разведки с ним стали носить эпизодический характер. В 1951 году Кернкросс был разоблачен МИ-5 как «потенциальный» советский агент. В обмен на иммунитет от судебного преследования он рассказал о своей работе на советскую разведку в годы войны, как на спецслужбу союзника по антигитлеровской коалиции, и судебному преследованию не подвергался.

После того как МИ-5 завершила разбирательство, Кернкроссу было разрешено выехать на преподавательскую работу в Канаду. В 1967 году он поступил на службу в Продовольственную программу ООН и работал в Италии. В 1970 году обосновался во Франции и жил там в Провансе в качестве частного лица.

В 1981 году, отвечая на запрос в парламенте, премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер публично признала, что Джон Кернкросс работал на советскую разведку. Она также проинформировала членов парламента, что за давностью лет ему было дано разрешение возвратиться вместе с женой в Англию. Джон Кернкросс поселился на западе страны и приступил к написанию мемуаров. В октябре 1995 года он скончался.

Михаил Аллахвердов

Биография видного советского разведчика Михаила Андреевича Аллахвердова во многом перекликается с биографиями большинства боевых чекистов – ровесников XX века, которые жили и трудились в наиболее бурный период новейшей истории нашей страны, вместивший в себя величайшую социальную революцию, рождение новой массовой идеологии, сопоставимой с религией, Гражданскую и Великую Отечественную войны, невероятный размах научно-технического прогресса, изменение морально-нравственных устоев, преобразовавшее вековые представления о добре и зле.

Все это неизбежно находило отражение в сознании каждого общественно активного человека. Такое время не могло не сформировать образ своего героя – им мог стать только человек деятельный, борец.

Совершенно определенные черты такого героя мы безошибочно угадываем и в Аллахвердове, который без малейшего преувеличения мог бы сказать: «…и вся-то наша жизнь есть борьба!»

Михаил Аллахвердов родился 14 ноября 1900 года в семье армянина, торговца лесом в нагорно-карабахском городе Шуша (Степанакерт). Учился в гимназии в Андижане. В 1918 году вступил добровольцем в Красную Армию. В составе 3-го Туркестанского стрелкового полка участвовал в боях с басмачами. В начале 1919 года окончил педагогические курсы и преподавал в гимназии.

Михаил Андреевич Аллахвердов

В конце 1919 года девятнадцатилетний юноша был рекомендован на работу в Туркестанскую ЧК. С 1920 года член РКП(б). Являлся секретарем военкома отряда особого назначения при Особом отделе. Принимал непосредственное участие в борьбе с бандитизмом в Средней Азии (Ош, Фергана). В июне 1921 года Михаил Аллахвердов был назначен заместителем начальника Особого отдела Памирской военно-политической экспедиции по установлению советской власти на Памире. 17 сентября 1921 года экспедиция прибыла в Хорог и встала пятью пограничными заставами на границе с Афганистаном. В течение полутора лет Михаил Аллахвердов вел борьбу с басмачеством и английской агентурой, засылаемой на нашу территорию из Афганистана.

В 1923 году Аллахвердов был переведен на работу в Москву, в Восточный отдел ОГПУ, созданный в конце 1922 года для чекистской работы в Башкирии, Казахстане, Средней Азии, Закавказье, а также в прилегающих к ним Турции, Иране, Афганистане, Китае. Работая в отделе, Михаил без отрыва от

оперативной деятельности окончил в 1925 году заочное отделение Восточного факультета Военной академии РККА. Владел армянским, узбекским, персидским, турецким, французским и английским языками.

В 1925 году Аллахвердов был направлен в долгосрочную командировку в Персию (с 1935 года – Иран). До 1928 года являлся оперативным сотрудником резидентуры ИНО ОГПУ в Керманшахе. Хорошее знание иностранных языков, большая трудоспособность способствовали успешной работе разведчика. Он приобрел необходимые источники информации в интересующих внешнюю разведку кругах, вел активную работу по проникновению в эмигрантские антисоветские организации. В 1928 году Аллахвердов возглавил резидентуру внешней разведки в Персии. С территории Персии в тот период против нашей страны действовали польская, турецкая, германская и японская разведки. Аллахвердов вел кропотливую работу по приобретению квалифицированной агентуры, способной проникнуть в спецслужбы противника, принимал активные меры по разложению антисоветской эмиграции.

С 1930 по 1933 год работал в центральном аппарате разведки.

С приходом Гитлера к власти в Германии и обострением обстановки в этой стране руководство внешней разведки принимает решение о направлении Аллахвердова на нелегальную работу в Европу. В 1933–1934 годах он возглавляет нелегальные резидентуры в Австрии, Швейцарии и Франции. В середине 1934 года назначается «легальным» резидентом внешней разведки в Афганистане.

В 1936 году Центр переводит Аллахвердова из Кабула в Турцию. Возглавляемый им разведывательный коллектив проделал большую работу по выявлению подрывной деятельности иностранных разведок против нашей страны, в первую очередь – германской, английской и японской. Резидентура провела ряд успешных операций по пресечению антисоветских акций со стороны эмиграции.

С 1938 года Аллахвердов находился на руководящей работе в центральном аппарате внешней разведки. С началом Великой Отечественной войны он вновь направляется резидентом НКВД в Афганистан.

После нападения фашистской Германии на СССР спецслужбы Германии, Италии и Японии в Афганистане перешли к активным действиям против Советского Союза. На советско-афганской границе летом 1941 года сложилась тревожная ситуация: вновь возникла серьезная опасность возобновления басмаческих

набегов на нашу территорию. Одновременно агентура стран «оси» в Кабуле приступила к подготовке вооруженного антибританского мятежа кочевых пуштунских племен, имевших под ружьем более 400 тысяч человек.

Из истории советской внешней разведки известно, что с началом Великой Отечественной войны между СССР и Великобританией было достигнуто соглашение о сотрудничестве разведок двух стран в борьбе против нацистских спецслужб. В соответствии с этим соглашением резидент НКВД в Афганистане Аллахвердов установил рабочие отношения с представителями британской разведки в Кабуле. Полученная от них информация о том, что абвер приступил к заброске на советскую территорию диверсионных групп, сформированных из эмигрантов, была своевременно передана в Москву. Все группы были обезврежены. Одновременно резидент проинформировал Центр о том, что немецкая разведка планирует высадить в среднеазиатских советских республиках, в первую очередь в Туркмении, диверсионные отряды, сформированные из солдат и офицеров «Туркестанского легиона». Для подготовки диверсантов в Польше, близ Вроцлава, была создана секретная тренировочная база «Лесной лагерь СС-20».

Кабульская резидентура НКВД получила информацию и о том, что Берлин потребовал от резидента абвера в Афганистане создать в Туркмении подпольную националистическую организацию. При этом немцы были уверены, что туркменские эмигранты в Афганистане смогут вооружить 11 тысяч басмачей. В декабре 1941 года лидер туркменского басмачества Кызыл Аяк приказал своим сторонникам готовиться к вторжению в советскую Среднюю Азию уже летом 1942 года. Германское посольство в Кабуле обещало обеспечить басмачей оружием и лошадьми.

Резидентуре советской внешней разведки в Кабуле удалось раскрыть сеть германской агентуры в Афганистане и в тесном взаимодействии с британской разведкой парализовать деятельность германских, японских и итальянских спецслужб в этом регионе (операция «Мародеры» – так в оперативной переписке с Центром называлась агентурная сеть германской разведки, действовавшая в военные годы в Афганистане). В результате объединенных усилий советской и британской разведок были также предотвращены подготавливаемый нацистами переворот в Кабуле и введение германских войск в Иран и Афганистан.

26 мая 1943 года по заранее достигнутой договоренности с Москвой британский посланник в Кабуле Ф. Уайли встретился с премьер-министром Афганистана Хашим-ханом и потребовал от

него ареста фашистских агентов и высылки из страны немецких, итальянских и японских разведчиков. Афганский премьер-министр отказался выполнить эти требования, оценив их как посягательство на суверенитет своей страны. В свою очередь советский посол в Кабуле К. Михайлов 8 июня 1943 года был принят по его просьбе Хашим-ханом и заявил последнему решительный протест в связи с враждебной СССР деятельностью посольств Германии и Италии в Афганистане. Советская нота протеста была составлена с использованием достоверных данных, полученных Аллахвердовым от его агентуры, а также на основании информации английской разведки.

После совместного демарша двух посольств афганское правительство было вынуждено выполнить требования Великобритании и Советского Союза. Кабульская полиция провела массовые аресты среди эмигрантов из Средней Азии. А в конце июня 1943 года афганские власти выслали фашистских разведчиков из страны.

В материалах советской внешней разведки того периода, в частности, подчеркивалось, что «деятельность руководимой Аллахвердовым резидентуры способствовала сохранению безопасности южной границы Советского Союза в самые тяжелые годы войны». Со своей стороны отметим, что благодаря усилиям кабульской резидентуры все попытки стран «оси» превратить Афганистан в плацдарм для подрывных акций против СССР потерпели крах.

В конце 1944 года Аллахвердов возвратился в Москву и возглавил информационный отдел внешней разведки. На этом посту он находился до конца 1947 года. В этот же период выезжал в Швейцарию и Францию для выполнения специального разведывательного задания.

В конце 1947 года Аллахвердов был назначен заместителем начальника Высшей разведывательной школы по учебной и научной части. В этой должности он проработал вплоть до своего ухода в отставку по болезни в апреле 1955 года.

За достигнутые результаты в разведывательной деятельности генерал-майор Аллахвердов был награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны 1-й степени, «Знак Почета», многими медалями, а также нагрудным знаком «Почетный чекист».

Скончался Михаил Андреевич 10 октября 1968 года.

В сообщении для сотрудников внешней разведки руководство Службы подчеркивало: «Чекист-боец, чекист-разведчик, прошедший славный путь от солдата до генерала, М. А. Аллахвердов своей кристальной честностью, скромностью,

высокой культурой, беззаветной преданностью и постоянной готовностью к борьбе за безопасность нашей Родины на любом посту снискал себе глубокое уважение среди всех поколений чекистов».

Имя Михаила Андреевича Аллахвердова как одного из выдающихся советских разведчиков занесено на Мемориальную доску Службы внешней разведки Российской Федерации.

Дважды Герой Кирилл Орловский

Кирилл Прокофьевич Орловский родился 18 января 1895 года в деревне Мышковичи Могилевской губернии (ныне село Кировского района Могилевской области Белоруссии) в семье крестьянина. В 1910 году он окончил Поповщинскую церковно-приходскую школу. Затем занимался сельским хозяйством, помогая родителям.

Кирилл Прокофьевич Орловский

В 1915 году 20-летний Орловский был призван на действительную военную службу. Служил рядовым в 251-м запасном пехотном полку, который был расквартирован в окрестностях Москвы. С 1917 года старший унтер-офицер Орловский – командир саперного взвода 65-го стрелкового полка на Западном фронте. Именно в окопах под Барановичами в своей родной Белоруссии проходил Кирилл азы политической

подготовки. И когда в полк пришло сообщение о победе Октябрьской революции в Петрограде, Орловский принял решение стать на сторону новой власти.

Демобилизовавшись из армии в январе 1918 года, Орловский вернулся в родную деревню. После прихода германских оккупантов в Белоруссию, он переходит линию фронта и добирается до Орши, где вступает в красногвардейский отряд. В мае 1918 года Орловского принимают на службу в уездную Оршанскую ЧК. А уже через месяц Северо-Западный областной комитет РКП(б) направляет молодого чекиста в Бобруйск для ведения подпольной работы на оккупированной территории. Он создает партизанский отряд и командует им с августа по декабрь 1918 года. К концу 1918 года партизанский отряд Орловского контролировал свыше 20 населенных пунктов и даже создал Кочеринский волостной ревком, в котором командир стал военным комиссаром.

С декабря 1918-го по май 1919 года Орловский работал в Бобруйской ЧК. Затем учился на Первых московских пехотных курсах комсостава. Будучи курсантом, участвовал в боях против войск Юденича, сражался под Борисовом, Бобруйском и Полоцком. Позже принимал активное участие в ликвидации банд Булак-Балаховича и Савинкова.

За проявленное мужество Орловский был награжден именным оружием с надписью: «За боевую работу на Западном фронте». А в личном деле появилась краткая, но емкая характеристика: «Боевой, храбрый, испытанный, вполне надежный и преданный работник, человек, обладающий природным умом организатора».

В конце 1919 года по инициативе члена Реввоенсовета Западного фронта Иосифа Уншлихта для разведывательно-диверсионной деятельности в тылу польской армии, оккупировавшей летом того года практически всю территорию Белоруссии, была создана так называемая Нелегальная военная организация (НВО).

К осени 1920 года НВО подчинялись до 10 тысяч партизан, организованных в отряды под командованием выпускников Курсов красных командиров, которые засылались в польский тыл. Но при этом как сама организация, так и ее деятельность оставались настолько засекреченными, что о них не знал даже командующий Западным фронтом М. Н. Тухачевский.

После окончания советско-польской войны 1920 года и заключения Рижского мирного договора НВО не только не прекратила своей работы, но и развернула так называемую «активную разведку», предполагавшую создание и переброску на

отошедшие к Польше территории отрядов боевиков для организации массового вооруженного сопротивления польским властям.

С лета 1921 года в областях, отошедших к Польше по Рижскому мирному договору, развернулось партизанское движение, главным направлением которого стала диверсионная деятельность. Особенно целенаправленно и успешно «активная разведка» проводилась в Полесском, Вилейском и Новогрудском воеводствах Западной Белоруссии.

В мае 1920 года Центральное бюро компартии Белоруссии направило Орловского по линии «активной разведки» Разведывательного управления Штаба РККА на подпольную работу в Западную Белоруссию, входившую в состав Польши. До весны 1925 года он руководил там партизанскими отрядами. За четыре с половиной года партизаны Орловского нанесли много ощутимых ударов по оккупантам. Под его руководством были проведены десятки боевых операций, в результате которых было уничтожено свыше ста польских жандармов и помещиков. Но самое главное – Орловский приобрел ценнейший опыт партизанской войны, который пригодился ему позже.

В мае 1925 года Кирилл Орловский вернулся в Советскую Белоруссию и был направлен на учебу в Москву, в Коммунистический университет национальных меньшинств Запада имени Ю. Ю. Мархлевского. Учился он с большим усердием. В первую очередь его интересовали вопросы сельского хозяйства. Орловский активно изучал работы Докучаева, Тимирязева, Мичурина, мечтая посвятить себя работе агрономом. Однако обстоятельства вновь внесли свои коррективы. В 1930 году выпускник университета Кирилл Орловский по запросу ЦК компартии Белоруссии был направлен в распоряжение Особого отдела НКВД БССР.

В течение пяти лет Орловский находился на негласной оперативной работе. Вместе со своими боевыми соратниками – опытными партизанскими командирами Станиславом Ваупшасовым, Александром Рабцевичем и Артуром Спрогисом он занимался подбором и подготовкой партизанских кадров на случай возможных боевых действий, читал лекции по тактике партизанской войны для командного состава будущих отрядов.

В 1932 году в числе немногих чекистов «за активное участие в организации партизанских отрядов и в партизанском движении, а также за активное участие в боях против белополяков» Орловский был удостоен ордена Трудового Красного Знамени Белорусской ССР.

В 1937–1938 годах Орловский выполнял специальные

задания по линии советской внешней разведки во время войны с фашистами в Испании. За боевые заслуги был награжден орденом Ленина.

С марта 1941 года по май 1942 года Орловский находился в долгосрочной загранкомандировке по линии внешней разведки в Китае.

После возвращения в Москву в мае 1942 года (специалист с его партизанским опытом был крайне необходим в Центре) Орловский сразу же был направлен на работу в 4-е управление НКВД СССР.

В октябре 1942 года майор госбезопасности Орловский был направлен в тыл врага во главе разведывательно-диверсионной группы, которая со временем превратилась в крупный партизанский отряд специального назначения «Соколы», действовавший на территории Белоруссии в районе Беловежской Пущи. Отряд участвовал во многих сражениях с немецко-фашистскими захватчиками, провел в тылу у немцев ряд успешных диверсий по уничтожению военно-промышленных объектов и крупных воинских эшелонов противника. В городе Барановичи партизаны отряда «Соколы» под руководством Орловского ликвидировали несколько видных гитлеровских военных чиновников и захватили важные военные документы.

В феврале 1943 года во время операции по ликвидации заместителя генерального комиссара Белоруссии, руководителя окружной фашистской администрации обергруппенфюрера СС Ф. Фенса Орловский был тяжело ранен. Взорвавшейся от шальной пули тротиловой шашкой ему разорвало правую руку и сильно контузило, но командир не прекращал руководить операцией до ее успешного завершения.

Испанец Хусто Лопес вынес Орловского из-под огня, перевязал ему раны. Партизанский хирург сделал операцию: он ампутировал Орловскому правую руку. Не было обезболивающих средств. Единственным инструментом была ножовка. Но Орловский мужественно перенес операцию. Через три месяца он радировал в Москву: «Выздоровел. Приступил к командованию отрядом». Но Центр настаивал на возвращении Орловского в Москву. Он согласился лишь с третьего вызова, в конце 1943 года.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 сентября 1943 года за образцовое выполнение боевых заданий командования в тылу немецко-фашистских войск и проявленные при этом отвагу и мужество Кирилл Прокофьевич Орловский был удостоен звания Героя Советского Союза. Его ратные заслуги в Великой Отечественной войне были также отмечены двумя

орденами Ленина, орденом Красного Знамени, другими боевыми наградами.

После возвращения в Москву и лечения Орловский продолжил службу в органах государственной безопасности, в одном из подразделений внешней разведки. В декабре 1944 года полковник Орловский вышел по состоянию здоровья в отставку. Некоторое время спустя он написал личное письмо Сталину, в котором попросил рекомендовать его возглавить колхоз в своем родном селе Мышковичи Могилевской области Белоруссии и обязался вывести его в передовое хозяйство.

Сталин дал распоряжение удовлетворить просьбу боевого разведчика. Тот сдал государству полученную им квартиру в Москве и уехал в разрушенную до основания белорусскую деревню. Он выполнил свои обязательства – его колхоз «Рассвет» стал первым в СССР, получившим после войны миллионную прибыль. Через десять лет имя председателя стало известно всей стране.

18 января 1958 года за выдающиеся трудовые достижения Кириллу Прокофьевичу Орловскому было присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина. Несколько позже он был награжден пятым орденом Ленина и орденом Трудового Красного Знамени. Являлся делегатом XX, XXII и XXIII съездов КПСС, кандидатом в члены ЦК КПСС, с 1950 года – депутатом Верховного Совета СССР.

Скончался Кирилл Прокофьевич Орловский 13 января 1968 года.

Андрей Отрощенко

В судьбах многих видных разведчиков, которые весомо заявили о себе в войну и тудное послевоенное время, отразились приметы эпохи, быстро выдвигавшей людей, требовавшей от них самопожертвования, риска и, конечно, умения. Именно к таким людям относится замечательный советский разведчик Андрей Макарович Отрощенко, многолетняя активная оперативная работа которого была связана в основном с Ираном.

Андрей Отрощенко родился 19 августа 1902 года в Ташкенте в семье железнодорожника. Украинец. Его отец в 1909 году, уволившись с железной дороги, перебрался с семьей в поселок Спасский близ города Мирзачуль, где жили выходцы из России и с Украины.

Андрей Макарович Отрощенко

После Октябрьской революции Андрей активно включился в

работу местной комсомольской ячейки и был избран секретарем волостного комитета комсомола. В 1923 году комсомольского вожака приняли в партию.

В начале 1920-х годов он поступил на учебу в Ташкентский университет, однако в 1924 году был направлен на службу в органы государственной безопасности Узбекистана, в связи с чем был вынужден прервать учебу. Проходил действительную службу красноармейцем в войсках ОГПУ. Принимал непосредственное участие в борьбе против басмачества, основным центром которого стала Ферганская долина. Затем, до 1931 года, работал на различных должностях в узбекской контрразведке.

В марте 1931 года Отрощенко по линии полномочного представительства ОГПУ по Средней Азии был направлен на работу в генеральное консульство СССР в иранском городе Мешхеде, где была небольшая резидентура для ведения разведывательной работы в приграничных районах Ирана. Резидентура, заместителем руководителя которой Отрощенко являлся, имела связь с Москвой, Ташкентом и Ашхабадом. Выполняя задания Москвы и ташкентского центра, он отлично себя зарекомендовал и в 1934 году был назначен руководителем резидентуры. В этой должности проработал до 1936 года. В те годы в Мешхеде активно действовали против Советского Союза резидентуры английской и японской разведок. Проявляла активность и белая эмиграция. Андрей Макарович принимал личное участие в проведении разведывательных мероприятий: добился значительных результатов в вербовочной работе, получил важные сведения о подрывной деятельности английской и японской разведок против СССР, а также о планах и намерениях белоэмигрантских антисоветских центров в Иране.

По завершении командировки в 1936 году Отрощенко было предложено перейти на работу в центральный аппарат Иностранного отдела (ИНО) Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР, в сектор Ближнего и Среднего Востока. А уже в августе следующего года он вновь был направлен в Иран, на этот раз – в качестве руководителя тегеранской резидентуры внешней разведки. Вел активную разведывательную работу против Германии и Японии, которые в тот период представляли реальную опасность для нашей страны. В конце 1937 года резидент лично привлек к сотрудничеству с советской внешней разведкой служащего японского посольства в Тегеране, отвечавшего за обработку дипломатической почты этого представительства. В результате резидентура получила доступ к секретной переписке Министерства иностранных дел Японии. Поступавшая по этому

каналу политическая информация неоднократно докладывалась руководству СССР и получала самую высокую оценку. В этот же период Отрощенко завербовал ряд ценных источников, освещавших подрывную деятельность нацистских спецслужб против СССР с территории Ирана.

В середине 1939 года Андрей Макарович по клеветническому оговору был срочно отозван в Москву и арестован. Некоторое время он находился под следствием, подвергаясь интенсивным допросам. Через восемь месяцев пребывания в следственном изоляторе Отрощенко был освобожден из-под стражи и направлен на работу в управление НКВД по Одесской области. Являлся руководителем контрразведывательного отдела областного управления.

С началом Великой Отечественной войны Отрощенко принимал непосредственное участие в обороне Одессы. В ночь на 16 октября 1941 года советские кадровые части покинули Одессу. Они погрузились на корабли и вышли в море. Отрощенко оставил город с последним катером. За участие в боевых операциях под Одессой он был награжден орденами Красного Знамени и Красной Звезды, а также медалью «За оборону Одессы».

В конце 1941 года Отрощенко был возвращен на работу в разведку в качестве начальника одного из ведущих отделов ее центрального аппарата. Отдел занимался организацией разведывательной работы в странах Азии, в частности в Иране, где большую опасность представляла активность гитлеровской агентуры.

В 1943 году в связи с подготовкой Тегеранской конференции руководителей союзнических держав – членов антигитлеровской коалиции, Отрощенко был направлен в иранскую столицу в составе специальной оперативной группы по обеспечению безопасности лидеров «Большой тройки». В связи с полученными по агентурным каналам сведениями об операции гитлеровских спецслужб «Большой прыжок», которой руководил главный нацистский террорист Отто Скорцени и которая предусматривала физическое устранение руководителей делегаций стран-участниц, специальная группа предприняла необходимые меры по нейтрализации деятельности абвера в Тегеране.

Во время этой командировки Отрощенко также провел проверочное мероприятие в отношении одного из источников тегеранской резидентуры, которое показало, что источник работал под контролем британских спецслужб против советских представителей в этой стране.

В сентябре 1945 года лондонская резидентура передала в Центр информацию, полученную от члена «Кембриджской

пятерки» Кима Филби, согласно которой советский вице-консул в Стамбуле К. Волков обратился в английское консульство с просьбой предоставить ему политическое убежище. При этом он рассказал, что является кадровым сотрудником советской внешней разведки, и выразил готовность передать англичанам важную секретную информацию.

Перед советской внешней разведкой встала ответственная задача по выводу предателя на территорию СССР. Для выполнения ее в Турцию под видом дипкурьера был направлен Отрощенко.

По прибытии в Стамбул разведчик выяснил, что Волков заболел и находится на лечении в больнице французского консульства. Это могло осложнить выполнение стоящей перед Отрощенко задачи, так как предатель, заподозрив что-то неладное, мог бы обратиться за помощью к французам или англичанам. Отрощенко установил доверительные отношения с советским врачом, прибывшим с ним в Стамбул. Врач убедил Волкова в том, что он нуждается в срочном лечении в СССР. После некоторого колебания предатель, которому, естественно, не было известно об информации Кима Филби, дал согласие на выезд из Турции в Союз.

Направленная к Волкову в Стамбул из Лондона на переговоры специальная группа английских разведчиков опоздала буквально на сутки. Задача по выводу предателя на территорию СССР была успешно решена.

В послевоенный период, с 1947 по 1952 год, Отрощенко работал начальником управления в Комитете информации при Совете Министров, а затем – при МИД СССР, объединявшем в то время политическую и военную разведки. В 1947 году ему было присвоено звание полковника. В начале 1952 года Отрощенко был назначен начальником одного из подразделений Первого главного управления (внешней разведки) МГБ СССР. С ноября 1952 по февраль 1953 года – заместитель Уполномоченного МГБ СССР в Германии.

В 1953–1955 годах Андрей Макарович вновь возглавлял резидентуру внешней разведки в Тегеране. В этот период в стране создалась критическая ситуация, вызванная организованным западными спецслужбами свержением правительства лидера Национального фронта Ирана Мосаддыка и восстановлением шаха на престоле. Резидентура работала в исключительно сложных условиях. Резко усилилось наблюдение за советскими представителями в стране. Иранская пресса ни слова не писала о Советском Союзе, игнорируя вообще его существование.

Благодаря большому оперативному опыту Отрощенко,

сотрудникам резидентуры удалось прорвать блокаду, приобрести ряд новых источников информации, организовать выгодные нам публикации в местной печати.

В 1955 году в связи с серьезной болезнью Отрощенко был вынужден прервать служебную командировку и возвратиться в Москву. В апреле 1956 года он вышел в отставку по состоянию здоровья.

За заслуги в деле обеспечения государственной безопасности полковник Отрощенко был награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны I степени и Красной Звезды, многими медалями.

Скончался Андрей Макарович в 1993 году.

Георгий Мордвинов

Георгий Иванович Мордвинов родился 5 мая 1896 года в деревне Бурнашово Верхне-Удинского уезда Забайкальской губернии (ныне – Республика Бурятия) в семье крестьянина-батрака. В раннем детстве остался круглым сиротой. Жил на винокуренном заводе, где зимой топил печь, ухаживал за собачьей сворой, а летом приучался к ремеслу в заводской мастерской и на кузнице.

Георгий Иванович Мордвинов

В 14 лет Георгий уехал в Читу, где поступил на стройку подручным слесаря. В 1915 году его призвали в армию и после трехмесячного обучения направили на Юго-Западный фронт, где он участвовал в боях, был ранен. После октябрьских событий встал на сторону революции. В составе сводного республиканского полка принимал участие в ликвидации Ставки

главкомверха генерала Духонина в Могилеве.

После демобилизации Мордвинов возвратился в Забайкалье. С апреля 1918 года начал работать оперативным сотрудником в Забайкальской ЧК. Именно там проявились такие незаурядные качества молодого чекиста, как беспредельная отвага, природная сметливость и проницательность, глубокое знание психологии людей. В частности, Мордвинов сумел внедриться в штаб белогвардейской подпольной организации. Ему удалось вскрыть подготовку вооруженного восстания и разоблачить сговор белогвардейского подполья с анархистскими отрядами. «За заслуги перед Родиной и революцией» в октябре 1922 года Мордвинов был награжден орденом Красного Знамени.

Однако полученные в боях ранения, годы напряженной вооруженной борьбы в исключительно трудных условиях сильно подорвали здоровье Мордвинова, и в том же году он вынужден был покинуть чекистские ряды. Георгий поступил на рабфак, занялся активной партийной работой.

Весной 1924 года Мордвинову предложили вернуться на оперативную работу в ОГПУ. Он участвовал в ликвидации крупных банд, являлся начальником пограничного отряда, учился на курсах усовершенствования старшего командного состава Высшей пограничной школы. За успехи в оперативной работе по борьбе с контрреволюцией Мордвинов трижды награждался боевым оружием, а также золотыми и серебряными часами.

В 1929 году опытного чекиста направили на учебу на китайский факультет Института востоковедения. Однако уже в 1930 году он был отозван с учебы и направлен по линии внешней разведки на работу сначала в Монголию, а затем – в Китай. По возвращении из Китая в 1935 году Мордвинов сдал выпускные экзамены в Институте востоковедения и продолжил совершенствовать свои языковые знания на китайском отделении исторического факультета Института красной профессуры.

О мужестве и высоких нравственных качествах Мордвинова красноречиво говорит такой факт его биографии. В 1937 году в разгар репрессий он написал рапорт на имя наркома внутренних дел СССР Ежова, в котором назвал ошибкой арест органами НКВД своего товарища – одного из сотрудников этого ведомства. В результате сам был уволен из органов НКВД.

Работал старшим референтом, а затем руководителем восточного сектора в Исполкоме Коминтерна. Одновременно учился в заочной аспирантуре исторического факультета МГУ.

С первых дней Великой Отечественной войны Георгий Мордвинов был вновь призван на работу в органы государственной безопасности и направлен в 4-е управление

НКГБ. Он занимался подбором, организацией и переброской в тыл врага на оккупированные им советские территории диверсионных и разведывательных отрядов и групп. Вместе с видной советской разведчицей Зоей Воскресенской-Рыбкиной Мордвинов, в частности, стал одним из создателей первого партизанского отряда, действовавшего в районе треугольника Смоленск – Витебск – Орша.

В октябре 1941 года Георгий Мордвинов был командирован в Турцию, где возглавил стамбульскую резидентуру. По линии учреждения прикрытия занимал должность вице-консула. В Турции действовали две резидентуры советской внешней разведки: в Стамбуле и Анкаре, а также разведпункт в Карсе у советско-турецкой границы. Главной считалась стамбульская резидентура.

Следует отметить, что в то время, несмотря на официально провозглашенный нейтралитет, Турция занимала откровенно прогерманскую позицию. 18 июня 1941 года, то есть за четыре дня до нападения фашистской Германии на Советский Союз, турецкое правительство заключило с Берлином пакт о дружбе и ненападении, явно направленный против СССР. В 1941–1942 годах правящие круги Турции вели с Германией переговоры о возможности участия турецких войск в войне против СССР и готовились к ней.

Москва требовала направить силы и средства резидентур на добывание информации о военных планах и приготовлениях Турции на нашей границе. Турецкие власти делали все, чтобы блокировать деятельность советской разведки. Условия работы были довольно тяжелыми.

27 апреля 1939 года в Турцию прибыл новый германский посол Франц фон Папен, являвшийся в 1932 году рейхсканцлером Веймарской республики и одним из ближайших помощников Гитлера. Фюрер поставил перед фон Папеном главную задачу – склонить Турцию к войне против СССР на стороне Германии.

9 октября 1941 года между Турцией и Германией было подписано торговое соглашение, предусматривавшее товарооборот на сумму в 100 миллионов турецких лир. В обмен на поставляемые Германией военные материалы Турция обязалась снабжать немцев стратегическими материалами – медью и хромом, в которых особенно нуждалась германская военная промышленность. По распоряжению турецкого правительства в стране было разрешено издание газеты на немецком языке «Тюркише пост», закрытой в 1939 году. Ее страницы, а также страницы многих турецких газет были заполнены геббельсовской пропагандой.

Во всем этом предстояло разбираться советским разведчикам в Турции. Георгий Мордвинов активно включился в оперативную деятельность, лично участвовал в проведении ряда важных разведывательных мероприятий.

…24 февраля 1942 года в 10 часов утра на бульваре Ататюрка в Анкаре взорвалась бомба. Человек, несший взрывное устройство и оказавшийся, как выяснилось позднее, болгарином турецкого происхождения, при этом погиб.

В то же самое время в немногим более полутора десятках метров от места взрыва оказались посол Германии в Турции Франц фон Папен и его жена, которые направлялись пешком в германское посольство. Немецкий дипломат с супругой не пострадали и продолжили свой путь.

Турецкие власти незамедлительно заявили, что на германского посла было предпринято покушение, за которым якобы стояли советские спецслужбы, и начали расследование.

Вскоре полиция задержала студента Абдурахмана и парикмахера Сулеймана, которые были объявлены коммунистами, причастными к террористическому акту. Вслед за ними, 4 марта 1942 года, был арестован работник советского торгпредства Леонид Корнилов (являвшийся сотрудником резидентуры). На следующий день – 5 марта – был арестован Георгий Мордвинов. Полиция обвинила советских представителей в том, что они якобы «замешаны в организации покушения на фон Папена».

1 апреля 1942 года в анкарском уголовном суде было начато слушание дела «О покушении на германского посла фон Папена». Советские представители были приговорены к 20 годам тюремного заключения каждый, турецкие подданные Абдурахман и Сулейман – к 10 годам тюремного заключения.

Более двух лет провели советские разведчики в заключении. На следствии, в суде и в тюрьме они держались достойно и стойко.

Лишь в августе 1944 года, когда положение на фронтах Второй мировой войны окончательно сложилось в пользу антигитлеровской коалиции и Турция разорвала дипломатические отношения с Германией, турецкий парламент – меджлис – принял постановление об освобождении советских граждан. Узники были выпущены из турецкой тюрьмы и возвратились в Москву.

Следует отметить, что в последние годы в ряде публикаций у нас в стране и за рубежом получила распространение версия, повторяющая утверждения турецких властей того времени о причастности советской разведки к организации покушения на

фон Папена. В отношении этого в официальных документах российской внешней разведки подчеркивается:

«В архивах СВР России документов, свидетельствующих в пользу этой версии, нет. По имеющимся данным, немецкие спецслужбы во взаимодействии с турецкими в феврале 1942 года организовали инсценировку покушения на германского посла фон Папена. Преследовались две цели: подорвать официальный нейтралитет Турции и подтолкнуть турецкое правительство к вступлению в войну против СССР, а также скомпрометировать советских представителей, выставив их в качестве террористов».

После освобождения в 1944 году Мордвинов возвратился на Родину, работал в центральном аппарате разведки. Направлялся для выполнения специальных заданий на территорию Белоруссии, где, в частности, являлся одним из руководителей операции «Березино». Сражался с фашистами вплоть до капитуляции Германии в мае 1945 года.

Перед началом войны с Японией Мордвинов был назначен начальником разведывательного отдела управления НКГБ по Читинской области. Занимался ведением разведки в Маньчжурии. В январе 1946 года направлен главным резидентом советской разведки в Маньчжурию под прикрытием должности заместителя управляющего Китайско-Чунцинской железной дороги (Харбин).

В связи с болезнью в январе 1949 года Мордвинов вышел в отставку. Проживал в Москве, работал в Институте востоковедения и в Институте народов Азии АН СССР. Скончался 7 апреля 1966 года.

За заслуги перед Родиной полковник Мордвинов был награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны I степени, многими медалями, а также орденами и медалями МНР.

Павел Журавлев

Павел Матвеевич Журавлев занимает достойное место в ряду славных имен разведчиков довоенного и военного периода. Свой путь в разведке он начал в далеком 1924 году. Затем возглавлял резидентуры в Чехословакии, Турции, Италии, действовал в ряде стран Ближнего и Среднего Востока, являлся одним из руководителей информационной службы разведки.

Павел Журавлев родился 29 декабря 1898 года в селе Красная Сосна Корсунского уезда Симбирской губернии в крестьянской семье. В 1917 году окончил гимназию в Казани. Во время учебы неоднократно исключался из гимназии за участие в социал-демократических кружках.

Павел Матвеевич Журавлев

В 1917 году вступил добровольцем в Красную гвардию. Работал в штабе Казанского военного округа делопроизводителем и одновременно окончил два курса медицинского факультета

Казанского университета. Владел французским и итальянским языками. После занятия города белогвардейцами перешел линию фронта и присоединился к частям 27-й дивизии Красной Армии в районе города Бугульма.

Осенью 1918 года двадцатилетний юноша был направлен на работу в органы государственной безопасности. Являлся секретарем Особого отдела Уральского фронта, позже – начальником военной цензуры армии. В 1920 году был назначен на должность оперуполномоченного, затем – начальника секретного отдела Всетатарской ЧК.

В 1922 году Павел Журавлев становится заместителем начальника секретно-оперативной части ГПУ Крыма, затем начальником Севастопольского окружного отдела ГПУ, заместителем начальника Особого отдела Черноморского флота. В 1924 году награжден нагрудным знаком «Почетный работник ВЧК – ГПУ. 1917–1922 (V)» (№ 152), который ему вручил Ф. Э. Дзержинский. В том же году награжден нагрудным знаком «1917–1924. От ЦИК Крымской ССР» (№ 3). В конце 1924 года переведен на работу в Иностранный отдел ОГПУ.

В 1925–1927 годах Журавлев являлся резидентом внешней разведки в Каунасе. В 1927 году из Каунаса был переведен резидентом внешней разведки в Прагу, где находился до конца 1930 года. Зарекомендовал себя исключительно с положительной стороны, регулярно направлял в Центр важную политическую информацию.

В конце 1930 года Журавлев был переведен из Праги резидентом внешней разведки в Стамбул. В Турции работал до 1933 года. В 1933 году был назначен резидентом внешней разведки в Италии, где находился до января 1938 года. Благодаря целеустремленной работе возглавляемой им резидентуре в 1936 году удалось наладить регулярное получение почты английского посольства. Резидентура также добывала документальную информацию из итальянской разведки, в частности списки агентурной сети в черноморских портах нашей страны, а также сведения об использовании итальянскими спецслужбами против Советского Союза украинских националистов.

По возвращении в Москву Журавлев с 1938 по 1942 год работал на руководящих должностях в центральном аппарате разведки. В частности, он создал и возглавил группу аналитиков по определению планов Германии в отношении СССР.

В апреле 1942 года Журавлев был командирован в Иран резидентом внешней разведки. С 1943 года – главный резидент НКВД в этой стране. При непосредственном участии Журавлева

была раскрыта попытка немецкой разведки организовать покушение на руководителей трех союзнических государств антигитлеровской коалиции, принимавших участие в Тегеранской конференции.

В 1944 году Журавлев был переведен легальным резидентом в Каир. В Египте находился под прикрытием советника советской дипломатической миссии. Некоторое время исполнял обязанности поверенного в делах Советского Союза в Египте. Для выполнения разведывательных заданий Центра выезжал в Ливан и Сирию.

В апреле 1945 года Павлу Матвеевичу Журавлеву было присвоено звание комиссара госбезопасности, что соответствовало воинскому званию генерал-майора.

Служебная командировка Журавлева в Египет завершилась в ноябре 1947 года. В служебной характеристике за тот период отмечалось, что, «находясь за границей, П. М. Журавлев проделал большую работу. В 1944 году в сложных условиях он создал новую резидентуру НКГБ СССР, снабжал Центр ценными разведывательными материалами… Тов. Журавлев опытный разведчик и руководитель».

После возвращения в Москву Журавлев был назначен на должность начальника Информационного отдела (ИНФО) центрального аппарата внешней разведки. В связи с реорганизацией внешней разведки и созданием Комитета информации при СМ СССР генерал-майор Журавлев был назначен заместителем председателя КИ при СМ СССР и начальником Управления дезинформации. С января 1952 года он – заместитель начальника внешней разведки. В этой должности он работал до выхода в отставку по состоянию здоровья в 1954 году.

За плодотворную работу во внешней разведке генерал-майор Журавлев был награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны I степени и «Знак Почета», а также многими медалями.

Павел Матвеевич Журавлев скончался 1 июля 1956 года. Его имя занесено на Мемориальную доску Службы внешней разведки Российской Федерации как одного из лучших разведчиков нашей страны.

Виктор Лягин

Поздней ноябрьской ночью 1941 года тишину старого городского парка, расположенного в центре Николаева, потряс мощный взрыв. В огне сгорели 15 грузовиков с оборудованием и техникой и 20 тонн горючего. Погибли несколько десятков солдат и офицеров. В январе 1942 года на том же складе вновь была осуществлена диверсия. Гитлеровцы потеряли 20 автомашин с военной техникой и большое количество горючего.

Виктор Александрович Лягин

Диверсии следовали одна за другой, немцы не успевали подсчитывать свои потери. Самым значительным ударом для гитлеровцев явилось уничтожение Ингульского военного аэродрома в марте 1942 года. 10 марта на этом аэродроме в воздух взлетели 2 ангара, авиамастерские, 24 самолета, 25 новых авиамоторов, бензохранилище. Двое суток пылал гигантский костер. Аэродром был полностью выведен из строя. В августе 1942 года участь Ингульского разделил и другой военный аэродром в районе Широкой Балки. Летели под откос эшелоны, тонули вражеские корабли, на длительный срок выходили из строя паровозы. В городе стали все чаще появляться листовки,

призывающие к сопротивлению врагу, рассказывающие правду о положении на фронтах. Чувствовалось, что все эти действия направляет и координирует умелая, твердая и опытная рука, что в городе имеется сильное подполье.

Уже позже стало известно, что во главе николаевского подполья стоял кадровый советский разведчик руководитель нелегальной разведывательно-диверсионной резидентуры капитан госбезопасности Виктор Александрович Лягин.

Виктор Лягин родился 31 декабря 1908 года на станции Сельцо Орловско-Витебской железной дороги, что в полутора десятках километров от Брянска, в семье железнодорожника.

А отрочество и юность он провел в Ленинграде, переехав в 1922 году в город на Неве, где жила его старшая сестра Анна Александровна с мужем. В Ленинграде Виктор окончил среднюю школу, работал пионервожатым в школе и инструктором Володарского райкома комсомола по пионерской работе. В 1934 году он защитил диплом на механико-математическом факультете Ленинградского политехнического института и два года работал инженеров в НИИ «Спецмашпроект». С 1936-го по июнь 1938 года являлся инженером-технологом Ленинградского станкостроительного завода имени Ильича и одновременно секретарем заводского комитета комсомола.

Вторая половина тридцатых годов – это время, когда в Европе поднял голову фашизм, а испанский народ столкнулся с ним в жестокой схватке. Лягин стремится попасть добровольцем в Испанию, подает одно заявление за другим. Однако решением партийных органов в июне 1938 года он направляется на работу в Управление НКВД по Ленинградской области. После окончания месячных оперативных курсов в августе того же года Лягин был переведен в Москву и направлен для прохождения службы во внешнюю разведку. Выезжал в краткосрочные командировки за рубеж для выполнения специальных разведывательных заданий по линии научно-технической разведки.

В июле 1939 года, уже в должности заместителя начальника одного из отделов ГУГБ, капитан госбезопасности Лягин направляется в служебную командировку в США – заместителем резидента НКВД в Сан-Франциско. Руководил сбором информации по американским военно-морским судостроительным программам и по технологическим новинкам на предприятиях Западного побережья США. Через завербованную им агентуру Центр получил технические данные и описание устройств для защиты судов от магнитных мин, информацию о планах США по строительству авианосцев, другие ценные разведывательные материалы.

В начале 1941 года Виктор Лягин был переведен на работу сотрудником резидентуры внешней разведки в Нью-Йорке. Добился конкретных результатов в вербовочной работе и в сборе важной научно-технической информации.

Следует отметить, что Лягин крайне болезненно переживал развитие обстановки в Европе и агрессивность гитлеровской Германии. Предчувствуя неизбежность войны с фашистской Германией, он подал рапорт с просьбой отозвать его на Родину, чтобы встать в ряды ее защитников. Возвратившись в Москву, Виктор Александрович некоторое время возглавлял в Центре отделение научно-технической разведки, а затем с группой сотрудников внешней разведки, главным образом добровольцев, был направлен в город Николаев для организации разведывательно-диверсионной работы против фашистских захватчиков.

28 июля 1941 года Лягин прибыл в Николаев. Работать ему пришлось очень напряженно: необходимо было легализоваться в качестве инженера-технолога на местном судоремонтном заводе и одновременно вместе с работниками местных органов госбезопасности доукомплектовать нелегальную разведывательно-диверсионную резидентуру, значившуюся в Центре под оперативным псевдонимом «Маршрутники».

Боевая деятельность «маршрутников» началась с вступлением в город немцев. Помимо диверсионной работы сотрудники нелегальной резидентуры вели активную разведку. Благодаря их усилиям, советскому командованию становились известны данные о перемещении немецких войск и перевозке грузов, о состоянии немецкой армии. Одновременно было налажено надежное взаимодействие с действовавшими в городе другими подпольными организациями и группами. Удары патриотов становились все более мощными и целенаправленными. Регулярная связь с Москвой позволяла сообщать точную и своевременную информацию о противнике.

В сентябре 1942 года было принято решение об объединении сил подпольщиков. Была создана подпольная организация «Николаевский центр» и его руководящий комитет. Сам Лягин в состав комитета не вошел – необходимо было соблюдать строжайшую конспирацию. Однако вся работа «Николаевского центра» велась под его непосредственным руководством. «Центр» объединил более 25 групп и организаций не только Николаева, но и Херсона, других районов области.

В конце января 1943 года в результате предательства фашисты напали на след группы Лягина. Вскоре отважный разведчик был арестован.

Многое, очень многое успел сделать Виктор Лягин. Восемнадцать месяцев умело и мужественно действовала в тылу оккупантов его резидентура. Огромный урон нанесла она захватчикам. По признанию самих немцев, только крупные диверсии николаевских подпольщиков нанесли гитлеровцам ущерб на сумму, превышающую 50 миллионов марок. То, что сделал Лягин, – подвиг. Но борьба его не закончилась после ареста. Она шла еще пять долгих месяцев в застенках врага. Пять месяцев мужества, несгибаемой твердости советского разведчика. Ни одного слова признания не вырвали у него фашисты изнурительными допросами и жесточайшими пытками. 17 июля 1943 года Виктор Александрович Лягин был расстрелян.

За образцовое выполнение специальных заданий в тылу противника и проявленные при этом отвагу и мужество капитану госбезопасности Лягину Виктору Александрповичу Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 ноября 1944 года было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Иван Кудря

8 мая 1965 года, в канун 20-й годовщины победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, Указом Президиума Верховного Совета СССР за мужество и отвагу, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, Ивану Даниловичу Кудре было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Потребовались два десятилетия, чтобы имя отважного патриота, сотрудника советской внешней разведки, создателя и руководителя нелегальной разведывательно-диверсионной резидентуры, действовавшей в период войны в Киеве, стало известно широкой общественности.

Иван Кудря родился 24 июня 1912 года на Украине в селе Сальково Киевской губернии. Рос без отца, батрачил, учился в школе, трудился слесарем в МТС. Окончив педагогические курсы, некоторое время работал директором в сельской школе.

Иван Данилович Кудря

После призыва в армию Кудря служил в пограничных войсках

на западной границе. Зарекомендовал себя храбрым и мужественным пограничником. По рекомендации командования пограничного отряда был направлен на учебу в Москву – в Высшее пограничное училище НКВД. В 1938 году окончил училище и был принят на работу в центральный аппарат внешней разведки. Вскоре был командирован со специальным заданием на Украину. Занимался разработкой националистического подполья в западных областях республики. Война с фашистской Германией застала его в Киеве.

Когда стало очевидным, что наши войска будут вынуждены временно покинуть Киев, в Центре было решено оставить Кудрю в городе в качестве нелегального резидента для руководства подпольной разведывательно-диверсионной группой, созданной во вражеском тылу из числа кадровых сотрудников госбезопасности и местных патриотов.

Позже один из руководителей НКВД Украины на вопрос, почему выбор пал именно на Ивана Кудрю, ответил: «Он был прирожденный разведчик: хладнокровный, не терявший головы даже в самой сложной ситуации, отважный, терпеливый, великолепно знавший украинский язык. Кроме того, Иван отлично умел уживаться с людьми, быстро завоевывал симпатии. Не знаю человека, который не был бы дружески настроен к этому обаятельному, жизнерадостному, всегда улыбающемуся парню».

Кудря (оперативный псевдоним «Максим») перешел на нелегальное положение. Помимо сложных задач разведывательно-диверсионного характера перед его группой был поставлен и ряд конкретных заданий. В частности, она должна была проникнуть в украинское националистическое подполье, на которое немецкое командование делало серьезную ставку.

В соответствии с разработанной легендой Кудря должен был находиться на временно оккупированной территории с документами на имя преподавателя украинского языка и литературы средней школы, сына священника из Мерефы, расстрелянного советской властью. Проживать он должен был у своей «невесты» – местной учительницы Марии Груздовой, вдовы репрессированного в 1937 году советскими органами госбезопасности украинского писателя.

В ночь на 19 сентября 1941 года части Красной Армии оставили Киев. Для резидентуры Кудри начались горячие дни. Наряду с кадровыми сотрудниками госбезопасности и верной помощницей Марией Груздовой в состав его группы входили и патриоты из числа местных жителей: пенсионер Евгений Линкевич, являвшийся содержателем радиоквартиры; прима Киевского оперного театра Раиса Окипная, установившая

обширные связи среди высших чинов полиции и армейских офицеров; «фольксдойч» Евгения Бремер, собиравшая сведения о военных перевозках, графике поездов, о военных грузах и специальных эшелонах; 50-летняя подпольщица Мария Сушко, хранившая у себя наиболее секретные документы нелегальной резидентуры; бесстрашный и неуловимый Жорж Дудкин, совершивший серию диверсионных актов; юная Лидия Мирошниченко, проводившая наружное наблюдение за интересовавшими разведчиков людьми.

Уже в конце сентября 1941 года резидентура Кудри провела первые акции возмездия. Взрывом была уничтожена немецкая военная комендатура. Под обломками здания погибло много гитлеровских офицеров – сотрудников комендатуры и гестапо. Вслед за комендатурой взлетел на воздух кинотеатр, в котором демонстрировался фильм для немецких солдат.

В дальнейшем руководимые Кудрей боевые группы провели ряд крупных диверсионных актов, в частности, на железнодорожной станции Дарница, на трамвайной линии города. Они взрывали мосты, устраивали пожары на заводах, пускали под откос эшелоны с гитлеровскими войсками, уничтожали фашистские машины и катера. Кроме того, подпольщики активно распространяли листовки, которые информировали киевлян о действиях Красной Армии и о партизанском движении, призывали к борьбе против оккупантов.

Одновременно резидентура добывала и передавала в Центр исключительно ценную разведывательную информацию о военных укреплениях врага в районе Киева, дислокации немецких штабов и учреждений.

Действуя в очень трудных условиях, Кудря проявил себя как опытный конспиратор, инициативный и находчивый разведчик. В сложном психологическом поединке он вынудил одного из местных жителей, занимавшего высокий пост у немцев, оказывать помощь резидентуре. От этого источника в дальнейшем были получены ценные разведывательные сведения. Позже Кудре удалось проникнуть в разведывательный пункт абвера в Киеве и начать его оперативную разработку.

Активная деятельность группы Кудри не могла не привлечь внимания немецкой контрразведки, которая прилагала большие усилия, чтобы напасть на след подпольщиков и внедрить в их ряды свою агентуру.

5 июля 1942 года по предательскому доносу Кудря, Раиса Окипная, Евгения Бремер и некоторые другие члены резидентуры были арестованы. В течение трех месяцев день за днем подпольщиков жестоко истязали на допросах. Жизнь для них

стала непрерывной пыткой. Едва они приходили в себя, их уже ждали гестаповцы. Однако истязания не сломили воли этих людей.

До сих пор нет точных данных о дне гибели Кудри. Известно лишь, что он умер молча, так ничего и не сказав гестаповцам, не раскрыв ни одного имени, ни одного эпизода из работы подпольщиков.

Основной костяк резидентуры Кудри сохранился, и под руководством его заместителей Дмитрия Соболева и Антона Печенева разведчики продолжали вести активную борьбу против оккупантов.

Заканчивался 1943 год. Под натиском Красной Армии советско-германский фронт откатывался все дальше на запад. В панике покидая Киев, гитлеровцы не успели вывезти даже архивы гестапо. В одном из его помещений была обнаружена обычная школьная тетрадь в линейку в серо-голубой обложке, хранящаяся сейчас в архивном оперативном деле Ивана Даниловича Кудри.

Твердым и аккуратным почерком на ее третьей странице написано: «Шпионы и предатели. Некоторые сейчас действуют на территории СССР». И далее перечисляются фамилии, имена, отчества и адреса восьмидесяти семи фашистских агентов и предателей.

Один из руководителей внешней разведки того периода, знакомясь с содержанием тетради, доставленной в Москву, подчеркнул: «Если бы Иван Кудря сделал только это, то и тогда он мог бы считать свое задание выполненным».

Как же попала тетрадь разведчика, в которую он заносил данные на гитлеровскую агентуру, в гестапо?

Летом 1942 года Иван Данилович предусмотрительно передал ее сотруднице резидентуры М. В. Сушко и приказал хранить наравне с шифрами. После того как Кудря был схвачен, Мария Васильевна отнесла тетрадь его заместителю Дмитрию Соболеву. Он дополнил записи кратким изложением обстоятельств гибели резидента и назвал имя предательницы. На внутренней стороне тетрадной обложки он написал: «Ко всем нашедшим эти записи. Прошу советских патриотов хранить эти записи и в случае моей гибели от рук врагов моей Родины – немецких фашистов с приходом Красной Армии передать их соответствующим органам. За что я и наша Родина будут вам благодарны. Д. Соболев».

Во время ареста Дмитрия тетрадь оказалась в руках гестаповцев. А затем уже попала в Москву. Следует отметить, что данные, собранные разведчиками нелегальной резидентуры Ивана Даниловича Кудри, оказали большую помощь

контрразведке в розыске и аресте немецкой агентуры. Практически никому из фигурантов «списка Кудри» не удалось избежать справедливого возмездия.

Иван Чичаев

В сентябре 1941 года в Лондон прибыл новый советник посольства СССР в Великобритании Иван Андреевич Чичаев. Он был назначен советским правительством поверенным в делах при находившихся в Лондоне эмигрантских правительствах европейских стран, оккупированных Германией и Италией, которые вошли в антигитлеровскую коалицию. Однако эта должность была лишь официальным прикрытием его негласной миссии в качестве представителя советской внешней разведки при спецслужбах Великобритании. В задачу Чичаева входила координация усилий разведок двух стран в борьбе против гитлеровских спецслужб. Англичане не афишировали истинное содержание его пребывания на берегах туманного Альбиона, однако пристально интересовались делами советского разведчика.

Родился Иван Чичаев 24 сентября 1896 года в крестьянской семье, что проживала в селе Ускляй Рузаевского уезда Мордовии.

Иван Андреевич Чичаев

Окончив церковно-приходскую школу, Иван уехал на заработки в Москву. В Первопрестольной он трудился посыльным в бакалейном магазине, грузчиком, агентом по продаже книг в издательстве «Универсальная библиотека». С началом Второй мировой войны возвратился в родной Ускляй и был призван в армию. Служил в запасном батальоне в городе Инсар.

Находясь в армии, Чичаев активно включился в революционную деятельность: являлся членом Совета солдатских депутатов, избирался председателем дивизионного комитета. В мае 1917 года на Юго-Западном фронте в районе Новосельцев он получил боевое крещение.

В начале декабря 1917 года Чичаев направляется на родину для установления советской власти в Мордовии. Он становится председателем Исполкома Рузаевского совета рабочих и крестьянских депутатов, а по совместительству – бойцом местного отряда Красной гвардии. В июле 1918 года 22-летний юноша направляется на работу в уездную Чрезвычайную

комиссию (ЧК) и назначается председателем Узловой транспортной ЧК. В 1921–1923 годах являлся представителем ГПУ на Московской железной дороге, обеспечивал восстановление разрушенного за годы Гражданской войны железнодорожного транспорта.

В конце 1923 года Чичаев по личному распоряжению Дзержинского был переведен в штат Наркомата иностранных дел и назначен на должность заведующего консульским отделом советского полпредства в столице Монголии городе Урге. Одновременно занимался контрразведывательным обеспечением советского дипломатического представительства в этой стране. Летом 1924 года последовало новое назначение – Чичаев становится консулом СССР в Тувинской Республике. Одновременно по линии ОГПУ он переводится на работу во внешнюю разведку и в Кызыле выполняет ее задания.

В 1926–1927 годах в Москве проходили переговоры между СССР и Японией по вопросам выработки рыболовной конвенции и сдачи японцам в концессию нефтяных и угольных разработок на Северном Сахалине. Чичаев входил в состав советских делегаций в качестве референта НКИД по Японии. Одновременно он представлял интересы НКИД на различных межведомственных совещаниях и заседаниях, обсуждавших вопросы взаимоотношений с Японией. Работая в центральном аппарате НКИД, Чичаев в вечернее время учился на курсах иностранных языков и в комвузе.

В 1927 году последовало новое назначение – Генеральным консулом СССР в Сеуле. По линии внешней разведки он возглавил резидентуру ОГПУ в Корее. Резидент активно включился в разведывательную работу. От завербованного им сотрудника японских спецслужб были получены сведения об антисоветской деятельности белоэмигрантов в Сеуле, а также список японских агентов среди местных служащих советского генконсульства. Позднее источник передал сведения о японской агентуре, действовавшей на территории Советского Союза.

За период сотрудничества с советской разведкой от источника поступили сотни секретных материалов японских спецслужб. Однако наиболее ценным являлся документ, ставший известным под названием «меморандум Танаки». Аналогичный документ был также получен резидентурой внешней разведки ОГПУ в Харбине, что подтвердило его подлинность.

По возвращении из Сеула в октябре 1930 года Чичаев вновь работает в НКИД. Вскоре он заканчивает вечернее отделение Института права. В 1932 году направляется резидентом внешней разведки в Финляндию под прикрытием генконсульства СССР

в Выборге. В начале 1934 года переводится резидентом в Эстонию. В Таллине он работает под прикрытием второго секретаря полпредства СССР.

В середине 1938 года Иван Андреевич получил указание выехать в буржуазную Латвию, чтобы создать там резидентуру. По линии прикрытия являлся первым секретарем полпредства СССР.

В апреле 1940 года Чичаев был вызван в Москву для доклада о проделанной работе. Его принял нарком Берия, который сообщил, что резидента НКВД в Латвии хочет немедленно видеть Сталин. На автомашине наркома они прибыли в Кремль. Кроме Сталина в кабинете находились Молотов и Жданов. По мере доклада об обстановке в Латвии Сталин задавал уточняющие вопросы.

Когда Чичаев покидал кабинет вождя, Молотов сказал:

– Ждите скоро в гости.

Сталин предупредил:

– О сегодняшнем разговоре здесь – никому ни слова. Немедленно возвращайтесь к месту работы.

Чичаев выехал в Ригу первым поездом: предстоял ввод советских войск в Прибалтику для предотвращения ее оккупации нацистской Германией.

В октябре 1940 года Чичаев был назначен резидентом внешней разведки в Швеции. Прибыв в шведскую столицу, он быстро включился в работу, приобрел интересные связи в местных политических кругах. Вскоре из Стокгольма в Центр начала поступать важная политическая информация.

В Стокгольме Чичаев пробыл немногим более полугода. За несколько дней до начала войны его отозвали в Москву для назначения на должность начальника англо-американского отдела внешней разведки. В Москву Чичаев прибыл 21 июня 1941 года. В связи с началом Великой Отечественной войны его назначение на новую должность было отменено. Он стал готовиться к работе резидентом в оккупированных северо-западных районах нашей страны по развертыванию там партизанского движения.

Однако накануне переброски за линию фронта Чичаев был срочно вызван наркомом госбезопасности Меркуловым. Нарком сообщил разведчику, что английское правительство через своего посла в Москве сделало советскому правительству предложение о налаживании сотрудничества между разведками двух стран в борьбе против нацистских спецслужб. Для переговоров по этому вопросу в Москву прибыл представитель британской разведки. Чичаеву вместе с другим видным советским разведчиком

Зарубиным было поручено встретиться с англичанином.

Переговоры продолжались около двух недель. О ходе их Зарубин и Чичаев ежедневно докладывали наркому. В результате переговоров было разработано и подписано соглашение, по которому обе стороны обязались оказывать помощь друг другу в обмене разведывательной информацией по гитлеровской Германии и ее сателлитам, проведении диверсий, заброске агентуры в Европу и организации радиосвязи с ней. Для координации действий договорились об учреждении в Москве и Лондоне миссий связи двух разведок.

Представителем советской разведки в Лондоне был назначен Иван Андреевич Чичаев. В сентябре 1941 года его миссия прибыла в Великобританию.

Для поддержания контакта с советской миссией англичане сформировали группу сотрудников разведки. Встречи с ними обычно проходили на подобранной англичанами конспиративной квартире, иногда в доме советского представителя. Официально Иван Андреевич числился советником посольства СССР. Осенью 1944 года он становится одновременно поверенным в делах СССР при союзных эмигрантских правительствах в Лондоне.

В начале 1942 года в Англию стали прибывать советские диверсанты, подготовленные Центром для заброски в Германию и оккупированные ею страны. Они доставлялись на самолетах и судах группами по 2–4 человека. Англичане размещали их на конспиративных квартирах, брали на полный пансион. В Англии они проходили дополнительную подготовку: тренировались в прыжках с парашютом, учились ориентироваться по немецким картам. Англичане взяли на себя заботу о соответствующей экипировке агентов, снабжении их продуктами, немецкими продуктовыми карточками, диверсионной техникой.

Всего за период со дня заключения соглашения по март 1944 года в Англию было отправлено 36 агентов, 29 из которых были выброшены на парашютах с помощью английской разведки в Германию, Австрию, Францию, Голландию, Бельгию и Италию. Трое погибли во время полета и четверо были возвращены в СССР.

В качестве положительного примера сотрудничества советской и британской разведок в период Великой Отечественной войны на территории третьих стран можно привести реализацию операции по разгрому «Мародеров» – так в оперативной переписке с Центром называлась агентурная сеть немецкой разведки, действовавшая в военные годы в Афганистане. Совместно с британскими спецслужбами были нанесены ощутимые удары по германской, японской и

итальянской резидентурам в этой стране. В результате объединенных усилий советской и британской разведок удалось предотвратить подготавливаемый нацистами переворот и введение германских войск в Афганистан.

Успешно сотрудничали друг с другом в годы войны по ряду оперативных вопросов резидентуры советской и английской разведок в Иране, Индии и Бирме.

В мае 1945 года Иван Андреевич назначается резидентом внешней разведки органов госбезопасности в Чехословакии. В Центре учли, что он был хорошо знаком с членами эмигрантского чехословацкого правительства, которые после окончания войны вернулись домой. Указом Президиума Верховного Совета СССР ему был присвоен ранг Чрезвычайного и Полномочного Посланника.

В 1947 году Иван Андреевич возвратился в Москву и занял должность начальника отдела в Комитете информации (внешняя разведка). Через полгода он становится заместителем начальника управления. Одновременно читает курс лекций в Высшей разведывательной школе.

В 1952 году по состоянию здоровья полковник Чичаев вышел в отставку. За плодотворную деятельность в разведке он был награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Красной Звезды и «Знак Почета», а также многими медалями.

Скончался Иван Андреевич 15 ноября 1984 года.

Исхак Ахмеров

В итоговых документах о работе советской внешней разведки в 1941–1945 годах, в частности, подчеркивается: «Особенно успешно и продуктивно в годы войны действовал резидент нелегальной резидентуры в США Исхак Абдулович Ахмеров». Эта высокая оценка деятельности выдающегося советского разведчика-нелегала в самый напряженный для нашей страны период является, по нашему мнению, объективной и справедливой.

Исхак Ахмеров родился 7 апреля 1901 года в городе Троицк Челябинского уезда Оренбургской губернии в бедной татарской семье. Его отец умер, когда будущему разведчику было всего несколько месяцев от роду. Мать перебралась к своему отцу – кустарю-скорняку – в Царевококшайский уезд Казанской губернии.

Исхак Абдулович Ахмеров

С малых лет Исхак познал нужду. Дед умер, когда мальчику было всего двенадцать лет. Подростку пришлось пойти в батраки к местным богатеям. За пять лет самостоятельной жизни он сменил много профессий: работал подмастерьем, курьером, шлифовальщиком в типографии. Позднее стал учеником электромонтера, затем хлебопеком, приказчиком в мануфактурном магазине.

Октябрьскую революцию Исхак встретил с воодушевлением. По путевке Казанского Совета он был направлен в Москву на курсы счетоводов. В 1918 году, после окончания курсов, Исхак получил работу в Наркомпроде Татарской Республики. В 1919 году вступил в партию большевиков, а в 1920 году был избран депутатом Казанского горсовета. Одновременно занимал должность начальника губернского управления снабжения армии.

После окончания Гражданской войны Ахмеров выразил желание получить высшее образование и в 1921 году был направлен на учебу в Коммунистический университет народов Востока. Изучал турецкий язык. Через год он был переведен на отделение внешних сношений 1-го государственного университета (ныне МГУ). Здесь, помимо общеобразовательных дисциплин, он изучал турецкий, французский и английский языки.

После окончания университета в 1925 году Ахмеров поступил на работу в Наркомат иностранных дел и сразу же был командирован в город Термез, в полпредство СССР в Бухарской Республике. Однако вскоре эта республика вошла в состав Узбекской ССР, и Ахмеров был переведен на дипломатическую работу в Турцию в качестве секретаря Генконсульства СССР в Стамбуле. С 1928 года являлся исполняющим обязанности Генерального консула в Трапезунде. В период командировки в Турцию он активно сотрудничал с советской внешней разведкой, привлек к работе с ИНО ОГПУ ряд ценных источников.

После возвращения в Москву в марте 1930 года Ахмеров был зачислен на работу в контрразведывательное подразделение ОГПУ и вскоре был направлен в Бухару, где активно участвовал в борьбе с басмачеством.

Через год Ахмеров переводится на работу в Иностранный отдел ОГПУ и направляется на учебу в Институт красной профессуры. На факультете мирового хозяйства и мировой политики он совершенствует знания, необходимые для работы в разведке.

В январе 1933 года руководство ИНО приняло решение направить Ахмерова на работу в Китай по нелегальной линии.

В Пекин Исхак должен был выехать в качестве турецкого студента-востоковеда, легализоваться в стране и заняться приобретением источников, которые могли бы информировать внешнюю разведку об обстановке в стране и планах белогвардейцев и японцев в отношении СССР.

В Пекине «Юнг» (оперативный псевдоним разведчика) поступил в американский университет, где обучалась большая группа иностранных студентов. Вскоре он установил неплохие отношения с двумя студентами-европейцами. Один из них, англичанин, поддерживал контакты с посольством Великобритании и в беседах с его дипломатами получал полезную информацию о планах Японии в Китае. Ею на доверительной основе он делился с «турецким студентом». Другой студент, прибывший из Швеции, снабжал «Юнга» сведениями о деятельности японцев в Маньчжурии. Эта информация получала положительную оценку в Центре.

В конце 1934 года Ахмеров возвратился в Москву. Руководство разведки приняло решение направить его на нелегальную работу в США.

Прибыв в Нью-Йорк в 1935 году, «Юнг» поступил на учебу в Колумбийский университет. Помимо легализации, это было необходимо разведчику для совершенствования знаний английского языка.

Нелегальной резидентуре НКВД в США, в которую входил «Юнг», удалось создать эффективно действующий агентурный аппарат, от которого поступала важная информация не только об американской политике в отношении СССР, но и сведения о планах и намерениях стран оси Рим – Берлин – Токио, которые особенно высоко ценились в Москве. В июне 1938 года руководитель нелегальной резидентуры был отозван в Москву. После его отъезда «Юнг» возглавил резидентуру и успешно руководил работой ее агентурного аппарата.

Случилось так, что по приезде в США «Юнг» привлек к сотрудничеству в качестве содержательницы конспиративной квартиры американку Хелен Лоури (оперативный псевдоним «Таня»), племянницу генерального секретаря компартии США Эрла Браудера. «Таня» оказалась великолепным связником. Работала она смело и энергично: лично добывала интересную информацию из кругов высшей американской администрации, используя свои личные связи среди сотрудников аппарата Белого дома.

«Таня» была молодой и красивой девушкой, и «Юнг», часто встречавшийся с ней, влюбился в свою помощницу. «Таня» ответила ему взаимностью, и они решили пожениться. В ноябре

1939 года «Юнг» получил телеграмму Центра, в которой ему предлагалось выехать в Москву для отчета о проделанной работе. В ответ разведчик направил на имя наркома внутренних дел Берии рапорт с просьбой разрешить ему вступить в брак с «Таней» и вместе с ней прибыть в Москву. Это вызвало негодование Берии. Вызвав к себе начальника разведки Фитина, он безапелляционно заявил, что «Юнг» завербован американским ФБР и теперь вместе с их «шпионкой» едет в Москву. Нарком приказал Фитину разобраться с разведчиком.

Павлу Михайловичу пришлось затратить много сил и красноречия, чтобы рассеять необоснованные подозрения Берии. По его указанию была подготовлена справка о работе «Юнга» в качестве резидента нелегальной разведки. В ней давалась высокая оценка поступавшей от него информации. Было особо отмечено, что «Таня» является племянницей лидера американских коммунистов Эрла Браудера, которого высоко ценит сам Сталин. Очевидно, этот аргумент сыграл не последнюю роль в том, что «Юнг» уцелел: Берия опасался вызвать гнев вождя и дал добро на этот брак.

В январе 1940 года супружеская пара разведчиков-нелегалов прибыла в Центр.

С началом Великой Отечественной войны советское руководство приняло решение резко активизировать деятельность нелегального подразделения внешней разведки не только в оккупированных Германией странах, но и в США. В соответствии с этим решением руководство внешней разведки вышло с предложением срочно направить в США «Юнга» и «Таню», которая к тому времени приняла советское гражданство. В июле 1941 года Берия утвердил это решение, и разведчики стали снова собираться за океан.

В августе 1941 года внешняя разведка вывела «Юнга» с женой в Китай, а затем в Гонконг. В США они прибыли в начале 1942 года. Разведчики поселились в Балтиморе, в часе езды от Вашингтона, где работали их основные источники. Последние занимали солидные посты в администрации, госдепартаменте, министерстве финансов.

«Юнг» организовал небольшую коммерческую фирму по пошиву готового платья и стал совладельцем мехового салона. Два-три раза в месяц он ездил в Вашингтон, где проводил встречи с агентурой и получал от нее информацию.

Источники «Юнга» снабжали его сведениями о военных планах Германии, политике нацистского рейха в оккупированной Европе, экономическом положении этой страны и ее стратегических ресурсах. Важное место в информации

нелегальной резидентуры занимали вопросы деятельности нацистских спецслужб и их агентуры в США, а также агентуры гестапо, внедренной в советские учреждения. Поступала от «Юнга» и информация о действиях политических кругов в США, направленных на подрыв антигитлеровской коалиции и заключение сепаратного мира с Германией. В общей сложности в Центр было направлено более двух с половиной тысяч фотопленок с информацией, что составило 75 тысяч машинописных листов.

Накануне Тегеранской конференции «Юнг» получил от своих источников в госдепартаменте США информацию о планах и намерениях американцев, о позиции президента Рузвельта относительно сроков открытия второго фронта, а также об инструкциях, полученных делегацией США. Возглавляемая им нелегальная резидентура регулярно информировала Кремль о позиции администрации Рузвельта по всем международным вопросам, особенно накануне встреч «Большой тройки». Это позволяло Сталину быть в курсе намерений президента США, знать, на какие уступки может пойти американская делегация, какие разногласия существуют у нее с англичанами, и успешно защищать интересы Советского Союза.

Сведения из возглавляемой «Юнгом» нелегальной резидентуры шли действительно важные. Так, 17 сентября 1944 года газета «Правда» опубликовала сообщение собственного корреспондента в Каире, в котором со ссылкой на «заслуживающие доверия круги» говорилось о состоявшейся встрече министра иностранных дел Германии Риббентропа с английскими руководящими деятелями с целью выяснения условий сепаратного мира. В основе этого сообщения лежали документальные материалы, полученные резидентурой «Юнга».

После окончания войны перед резидентурой «Юнга» были поставлены новые задачи, в том числе по розыску нацистских преступников, укрывшихся за океаном.

В начале 1946 года разведчики-нелегалы завершили командировку и возвратились в Москву. Их деятельность за океаном была признана руководством разведки «исключительно успешной».

Исхак Абдулович Ахмеров еще долго и плодотворно трудился в управлении нелегальной разведки. Был заместителем начальника этого суперсекретного разведывательного подразделения. Неоднократно выезжал в спецкомандировки для восстановления связи с агентурой и оказания помощи разведчикам-нелегалам. Выполнял и другие ответственные поручения руководства внешней разведки.

Деятельность полковника Ахмерова во внешней разведке была отмечена двумя орденами Красного Знамени, орденами Красной Звезды и «Знак Почета», многими медалями, а также нагрудным знаком «Заслуженный работник НКВД».

Скончался Исхак Абдулович 18 июля 1976 года.

Одессит Семен Семенов

В предлагаемом очерке мы хотим рассказать историю замечательного разведчика, одного из пионеров советской научно-технической разведки, который, однажды избрав эту профессию, не расставался с ней всю свою жизнь. Во всяком случае, по своей воле…

Речь пойдет о Семене Марковиче Семенове, родившемся 1 марта 1911 года в Одессе.

Семен Маркович Семенов

Воспитанник детдома, он начал свой трудовой путь после окончания средней школы с «должности» подмастерья на местной канатной фабрике. Затем Семен переехал в Москву. Поступил и в 1936 году окончил Московский текстильный институт. Блестяще владел английским языком. В 1937 году он был принят на работу в органы государственной безопасности и уже через год направлен на разведывательную работу в США. Первые два года Семенов являлся аспирантом Массачусетского технологического института, а затем работал в нью-йоркской резидентуре научно-технической разведки под прикрытием должности инженера Амторга.

Семен Семенов – отнюдь не баловень судьбы. Это труженик, оперработник, внесший заметный вклад в деятельность нью-

йоркской резидентуры внешней разведки в условиях предвоенного и военного времени. В служебной характеристике на разведчика за тот период, в частности, указывается: «Работая с 1938 года по 1944 год в США, майор Семенов проявил себя как один из самых активных работников резидентуры. Практически создал линию научно-технической разведки в предвоенные годы. Он получал ценные материалы от десятков агентов по взрывчатым веществам, радиолокационной технике, авиации…» Резолюция начальника разведки П. М. Фитина на документе: «Способный, инициативный, настойчивый и дисциплинированный работник. Трудолюбив». От себя добавим, что разведчик исключительно работал по проблеме создания атомного оружия.

«Твен» (таким был оперативный псевдоним Семенова), казалось, никогда не знал покоя – всегда в деле. Именно он получил от одного из источников штамм очищенного пенициллина – того самого чудодейственного лекарства, которое позарез нужно было советским госпиталям, чтобы спасти жизни тысяч раненых в последние месяцы Второй мировой войны. Американские союзники были щедры на готовое лекарство, отпускали партии пенициллина в кредит, но когда речь заходила о технологии производства этого эффективнейшего по тем временам медицинского средства, тут, как говорится, дружба дружбой, а табачок врозь. А что значит партия лекарства на целый фронт? Капля в море, не более того. Вот и пришлось энергичному «Твену» действовать в условиях, по-своему приближенных к боевым.

В начале 1944 года Семенов за активную работу получил благодарность руководства Центра и был переведен с повышением в должности в парижскую резидентуру.

В качестве заместителя резидента по линии НТР «Твен» в Париже привлек к сотрудничеству ряд источников, от которых получал исключительно важную информацию по аэродинамике, физике, авиации, кибернетике. Причем с кибернетикой у разведчика возникли серьезные проблемы: заключение на направленные в Центр новейшие разработки по данной отрасли науки шло в Париж почему-то очень долго. Наконец ответ был получен. В нем говорилось, что кибернетика – лженаука и что резидентуру специально толкают на ложный, антинаучный путь. Но «Твен» не опустил руки. Он продолжал вести активную оперативную работу. После возвращения в Москву из командировки в конце 1949 года в его оперативном деле появилась новая запись: «Во Франции “Твен” значительно оживил работу по линии НТР: аэродинамика, физика, авиация. Любил работать с молодежью. С агентурой устанавливал не просто

деловые, но душевные связи».

За выполнение специальных заданий советского правительства и проявленные при этом мужество и высокие профессиональные качества разведчика Семенов был награжден в 1944 году орденом Красной Звезды, а в 1949 году – орденом Трудового Красного Знамени.

В 1953 году начальник отделения подполковник Семенов был уволен из органов госбезопасности «по пятому пункту». Не помог разведчику даже блестящий послужной список…

Свою новую жизнь на гражданке Семенов начал без пенсии (не хватало выслуги лет), работая в котельной на текстильной фабрике. Эта работа давала скромный заработок, бесплатное тепло и, самое главное, – время. Бывший разведчик начал делать переводы с английского.

В 1970-е годы по распоряжению Ю. В. Андропова Семен Маркович был восстановлен в кадрах КГБ СССР с назначением персональной пенсии республиканского значения. Он ушел из котельной и полностью переключился на технические переводы. Вскоре Семенов стал одним из лучших переводчиков технической литературы в издательстве «Прогресс». Но часто, однако, он вспоминал о днях давно минувших, об операциях, в которых когда-то принимал участие. Агентурная разведка была его истинным призванием.

Скончался Семен Маркович в 1986 году.

В конце 1995 года Служба внешней разведки России готовилась торжественно отметить свой очередной юбилей. Подразделениям разведки было предложено рассказать «для истории» о наиболее интересных фактах и сведениях о тех бойцах «невидимого фронта», имена которых, по мнению современников, не нашли пока достойного отображения на стендах Зала истории внешней разведки. Подняли старые дела, навели справки в архивах, поговорили с ветеранами-разведчиками. Вот тогда и вспомнили о большом труженике «Твене». На стенде лучших сотрудников научно-технической разведки впервые появился портрет скромного одессита Семена Марковича Семенова, для которого профессия разведчика являлась призванием всей его жизни.

Елисей Синицын

Летом 1934 года, после окончания Московского института химического машиностроения, новоиспеченного инженера Елисея Синицына распределили на Дорогомиловский химический завод (г. Москва) на должность механика трех ведущих цехов этого предприятия. Он довольно быстро освоился на своем участке. Одновременно весьма успешно проводил исследования в области противокоррозийной защиты металла. На перспективного молодого специалиста и ученого обратили внимание в промышленном отделе ЦК ВКП(б), где было принято решение мобилизовать его в Кузнецкий угольный бассейн в качестве старшего инженера шахты по опытной подземной газификации угля.

Практически в то же время, в середине 1937 года, Синицына пригласили на беседу в партийное бюро завода, где два незнакомых человека, представившихся сотрудниками НКВД, предложили ему перейти на работу в это ведомство. Отказываться от такого предложения в те годы было не принято. Так Елисей Синицын стал чекистом, а затем и разведчиком. Во внешней разведке он прослужил 43 года. Трижды возглавлял резидентуры в западноевропейских странах, а также трижды руководил представительствами КГБ СССР при спецслужбах стран социалистического содружества.

Елисей Синицын родился 8 июня 1909 года в Смоленской губернии в семье батрака. Трудовую деятельность начал подпаском в деревне, затем был подсобным рабочим на заводе, учился на рабфаке. После окончания Московского института химического машиностроения работал на производстве, занимался научными исследованиями.

Елисей Тихонович Синицын

В 1937 году по рекомендации парторганизации завода направлен на работу в органы государственной безопасности. Учился в Центральной школе НКВД. Затем в числе лучших слушателей был переведен на учебу в Школу особого назначения (ШОН) Главного управления государственной безопасности НКВД, готовившую кадры для внешней разведки. В конце 1938 года был назначен старшим оперуполномоченным центрального аппарата разведки с присвоением звания капитана государственной безопасности.

С июля 1939 года Синицын – заместитель резидента НКВД в Польше. По прикрытию являлся сотрудником консульства СССР во Львове. Организовывал вывод в Советский Союз политических эмигрантов из оккупированной немцами Чехословакии. В сентябре 1939 года, после нападения Германии на Польшу, возвратился в Москву. Некоторое время работал в центральном аппарате внешней разведки.

В первых числах ноября 1939 года Синицын прибыл в Хельсинки в качестве резидента НКВД. По прикрытию являлся советником, а затем – поверенным в делах СССР в Финляндии. От

находившихся у него на связи ценных источников получил и передал в Центр информацию о решении финского руководства сорвать переговоры с СССР, о скрытой мобилизации финской армии и передислокации ее частей к советской границе. От другого источника получил сведения об эвакуации гражданского населения из района Карельского перешейка. С целью проверки данной информации лично выезжал в приграничную зону для визуальной разведки.

После начала советско-финской войны 30 ноября 1939 года Синицын вместе с советской колонией был эвакуирован в СССР. По окончании войны в марте 1940 года возвратился в Хельсинки. За время работы резидентом наладил доверительные отношения с рядом крупных политических и общественных деятелей Финляндии. Получал от них важную информацию относительно намерений, планов и действий финских реакционных кругов против СССР, а также о секретных военных финско-германских переговорах. 11 июня 1941 года резидентура передала в Центр информацию о подписании соглашения между Германией и Финляндией об участии последней в войне против Советского Союза.

После объявления Финляндией войны Советскому Союзу Синицын в составе советской колонии был депортирован из страны и обменян на болгаро-турецкой границе на финских дипломатов, работавших в СССР.

По возвращении в Москву Синицын становится заместителем начальника отдела Скандинавских стран центрального аппарата разведки. В августе 1943 года назначается заместителем резидента НКГБ в Швеции по Финляндии. В феврале – марте 1944 года принимает непосредственное участие в конфиденциальных переговорах посла СССР в Швеции А. М. Коллонтай с высокопоставленным финским дипломатом, будущим премьер-министром и президентом страны Юхо Паасикиви о выходе Финляндии из войны и об условиях перемирия.

В сентябре 1944 года Синицын переезжает из Стокгольма в Хельсинки в качестве резидента внешней разведки и одновременно заместителя политического советника Союзной Контрольной Комиссии по Финляндии, возглавляемой секретарем ЦК ВКП(б) А. А. Ждановым. Руководимая Синицыным резидентура активно содействовала установлению дружеских, добрососедских отношений между Советским Союзом и Финляндией. С помощью находившегося у него на связи источника резиденту удалось разоблачить попытку финской и британской разведок прослушивать телефонные переговоры

Сталина с Ждановым по ВЧ-связи.

В мае 1945 года по ложному доносу Синицын был отозван в Москву. Однако после тщательного расследования, проведенного по инициативе Жданова, разведчик был полностью оправдан и назначен начальником отдела Скандинавских стран внешней разведки. В июне 1947 года выезжал в Финляндию для выполнения специального задания Центра. Принимал участие в подготовке мирного договора с этой страной.

Осенью 1948 года Синицын был назначен начальником отдела Комитета информации (КИ) при СМ СССР по разведке против Западной Германии с позиций Берлина. В 1950–1952 годах являлся резидентом КИ в Берлине.

В 1953–1956 годах Синицын являлся представителем МВД – КГБ при СМ СССР в Будапеште. С августа 1962 по апрель 1968 года являлся руководителем группы советников КГБ при СМ СССР при МВД Польши. В 1968 году Елисею Тихоновичу было присвоено звание генерал-майора. В 1969 году он становится заместителем начальника внешней разведки.

В марте 1970 года Е. Т. Синицын был назначен представителем КГБ при СМ СССР при МВД ЧССР. В 1981 году он возвратился в Москву и вышел в отставку по возрасту.

За большой вклад в дело обеспечения государственной безопасности генерал-майор Синицын был награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, «Знак Почета», многими медалями, наградами ряда социалистических стран, а также нагрудными знаками «Заслуженный работник НКВД» и «Почетный сотрудник госбезопасности».

В 1996 году в московском издательстве «Гея» вышла книга воспоминаний Е. Т. Синицына «Резидент свидетельствует».

Скончался Елисей Тихонович 31 марта 1995 года.

Иван Агаянц

Разведчику Ивану Ивановичу Агаянцу было суждено сыграть заметную роль в деятельности внешней разведки Советского Союза, службе в которой он посвятил более 30 лет. Коллеги по работе отзывались о нем как об энергичном, смелом, инициативном, одаренном и исполнительном человеке. Он с охотой брался за любое дело и выполнял его неизменно с положительным результатом. Оперативные сотрудники чувствовали уверенность в успехе любой, даже самой серьезной операции, если рядом находился Агаянц.

Иван Агаянц родился 28 августа 1911 года в городе Елизаветполь (ныне – Гянджа, Азербайджан) в семье счетовода, армянина по национальности. Его отец был потом сельским учителем и священником (в 1924 году он отрекся от духовного сана).

Иван Иванович Агаянц

Так случилось, что Ивана воспитывала сестра – врач по профессии. В ее доме он набирался культуры, знаний в самых различных областях, приобщился к изучению иностранных языков. Одновременно ему импонировали взгляды и убеждения двух старших братьев, которые безоговорочно и с энтузиазмом приняв советскую власть, активно участвовали в политической жизни послереволюционного Закавказья и со временем стали работать в органах ВЧК – ОГПУ. Это впоследствии определило выбор и самого Ивана. После окончания экономического техникума он сменил ряд профессий на производстве, находился на комсомольской и партийной работе.

В 1930 году Иван Агаянц вслед за старшими братьями переезжает из Гянджи в Москву и поступает на работу в Экономическое управление ОГПУ. Через некоторое время молодые сотрудники ОГПУ выдвигают его на выборную должность – в течение нескольких лет Иван Агаянц руководил

деятельностью их комсомольской организации.

Напряженная работа не стала помехой для совершенствования и приобретения знаний в области исторических и юридических наук, литературы и искусства. Благодаря исключительной способности к изучению иностранных языков, Иван Агаянц достаточно хорошо владел рядом европейских и восточных языков.

В 1936 году энергичного молодого сотрудника переводят в аппарат внешней разведки, а уже в 1937 году направляют на оперативную работу во Францию. Работая в парижской резидентуре, он принимал непосредственное участие в операции по выводу в СССР после падения республиканского режима в Испании лидеров испанской компартии.

Возвратившись в Москву в 1940 году после успешно отработанной командировки, Агаянц становится начальником отделения, а вскоре – заместителем начальника одного из отделов 1-го Управления НКГБ СССР (внешней разведки). В августе 1941 года направляется резидентом в Иран.

Обстановка в этой стране в то время была сложной. Диктатор Ирана Реза-шах Пехлеви тяготел к сближению с Германией во всех областях, и в особенности в военной. К началу Второй мировой войны в Иране находилось около 20 тысяч немецких граждан: военные инструкторы, разведчики и агентура под видом торговцев, бизнесменов, инженеров.

Следует подчеркнуть, что с началом Великой Отечественной войны Иран стал играть ключевую роль не только на Ближнем и Среднем Востоке. Захват фашистской Германией Норвегии и Шпицбергена крайне осложнил возможность использования морских дорог, ведущих в северные порты СССР. И Иран с его незамерзающим Персидским заливом и пересекающей всю его территорию железнодорожной магистралью мог стать и стал стратегическим путем для осуществления поставок в нашу страну по ленд-лизу вооружений, боеприпасов, продовольствия, медикаментов и иных грузов, необходимых для ведения войны.

На основании 6-й статьи советско-иранского договора от 26 февраля 1921 года и по согласованию с Лондоном и Вашингтоном Москва приняла решение о вводе в Иран частей Красной Армии. В сентябре 1941 года советская ударная группировка в составе двух армий заняла северные провинции Ирана. Одновременно в юго-западные провинции вошли подразделения английских войск. 17 сентября советские и английские части вошли в иранскую столицу. Хотя советско-английская военная акция и переломила ситуацию в Иране, позиции гитлеровских спецслужб в стране и их иранских

пособников сохранялись.

Перед тегеранской резидентурой руководством НКВД была поставлена приоритетная задача по «созданию агентурной сети в целях выявления сотрудников и агентов иностранных разведок, враждебных СССР организаций, предотвращения возможных диверсий и иной подрывной работы, направленной на срыв военно-хозяйственных мероприятий, проводимых СССР в Иране».

Благодаря умелой, всесторонне продуманной организации широкого комплекса разведывательных мероприятий, большой личный вклад в которую внес Агаянц, резидентура успешно справилась со стоявшими перед ней задачами. Агаянц лично участвовал в проведении разведывательных операций, связанных порой с риском для жизни, проявил незаурядные способности в вербовочной работе. В документах разведки того времени, в частности, отмечалось: «Важная оперативная разведывательная информация, получаемая советскими разведчиками в Иране, сыграла существенную роль при принятии военным командованием и руководством страны тех или иных политических и военно-стратегических решений».

Активность советской разведки в Иране, по существу, парализовала деятельность подпольных профашистских организаций в стране, способствовала нанесению сокрушительного удара по немецким спецслужбам: они не смогли в полной мере использовать свой потенциал и решить многие из поставленных перед ними задач, в том числе и по подготовке покушения на руководителей трех союзнических государств в ходе работы Тегеранской конференции, которая проходила с 28 ноября по 1 декабря 1943 года.

В августе 1943 года резидент советской разведки в Тегеране Иван Агаянц получил из Москвы указание срочно вылететь в Алжир с паспортом представителя СССР в комиссии по репатриации на имя Ивана Авалова и принять участие в организации представительства СССР при Французском комитете национального освобождения (ФКНО).

Историк отечественных спецслужб Аркадий Жемчугов в одной из своих работ по данному поводу писал:

«Это была официальная версия поездки или, как говорят в разведке, легенда. В действительности же советскому разведчику было дано задание разобраться в том, что представляет собой возглавляемый де Голлем Французский комитет национального освобождения (создан 3 июля 1943 года в Алжире. – *Авт.*), какие реальные силы за ним стоят, каковы шансы де Голля стать национальным лидером Франции. Необходимо было также выяснить взгляды генерала на послевоенное устройство Европы и

характер его взаимоотношений с американцами и англичанами. Ну и конечно же поинтересоваться, чем занимаются в Алжире американская и английская разведки, каковы их позиции в ФКНО.

Срочность задания, равно как и его важность, объяснялись достаточно просто. Через месяц-другой в Тегеране открывалась конференция “Большой тройки” – Сталина, Рузвельта и Черчилля. И одним из ключевых на ней считался вопрос о послевоенном устройстве Европы.

Сталин располагал достоверной разведывательной информацией о том, какой виделась послевоенная Франция в Вашингтоне и в Лондоне. Ему было также известно, что американцы делали ставку на генерала Жиро и с его помощью старались прибрать к рукам французское движение Сопротивления, установить военный и политический контроль над Северной Африкой – Алжиром, Тунисом и Марокко, а также над колониями Франции. Главным препятствием на пути к достижению этих целей американцы считали “несговорчивого” генерала де Голля…

Все это Сталин знал. Но у него были смутные представления о самом генерале де Голле, его реальных возможностях, отношении к Советскому Союзу, США и Англии. Этот существенный пробел надлежало восполнить Агаянцу-Авалову».

Кроме того, идя на установление отношений с де Голлем и его организацией, советское руководство исходило из необходимости расширения и укрепления антигитлеровской коалиции, привлечения в нее всех сил, независимо от их идеологической и политической принадлежности, могущих внести тот или иной вклад в общее дело разгрома Германии и ее союзников.

Почему миссия по установлению контакта с де Голлем была доверена именно Агаянцу? Дело в том, что Агаянц ранее познакомился с де Голлем в Тегеране, когда генерал приезжал туда по делам «Свободной Франции» – так называлась с мая 1942 года созданная им еще в 1940 году организация, объединявшая в своих рядах всех патриотов в целях борьбы за освобождение страны. Агаянцу удалось тогда установить с де Голлем отношения доверия и взаимопонимания, что и сыграло решающую роль при выборе кандидата для установления контакта с ним в Алжире. Конечно, перед де Голлем Агаянц выступал не как разведчик, а как дипломат, сотрудник Наркоминдела и член Комиссии по репатриации.

Следует подчеркнуть, что Агаянц блестяще справился с поставленным перед ним заданием. Направленные им в Москву информационные сообщения, подготовленные на основании

личных встреч и бесед с генералом де Голлем, были учтены не только в выработке позиции советской делегации на Тегеранской конференции, но и при определении и развитии советско-французских отношений после войны.

Возвратившись из Алжира в Тегеран, резидент Агаянц активно включился в подготовку встречи «Большой тройки».

После Ирана Иван Иванович выезжал в качестве резидента в Париж. Однако по состоянию здоровья командировка не была продолжительной (дал себя знать хронический туберкулез, которым этот энергичный и жизнестойкий человек страдал с середины тридцатых годов).

В материалах разведки, касающихся работы Агаянца за рубежом и относящихся к концу 1960-х годов, в частности, подчеркивалось: «Его деятельность на практической агентурно-оперативной работе за рубежом была чрезвычайно продуктивной. Достаточно сказать, что в период 1941–1947 годов он лично завербовал несколько ценных агентов, которые по настоящее время являются источниками получения важной документальной информации».

С 1948 года Агаянц работал на руководящих должностях в центральном аппарате внешней разведки – начальником управления Комитета информации, начальником кафедры Высшей разведывательной школы. В 1959 году возглавил Службу активных мероприятий. В середине 1960-х годов газета «Нью-Йорк геральд трибюн» сообщила, что ЦРУ направило в конгресс США доклад, в котором указывалось, что осуществлению многих оперативных мероприятий американских спецслужб активно мешает деятельность управления советской внешней разведки, возглавляемого генералом Агаянцем.

В 1967 году Агаянц был назначен заместителем начальника внешней разведки.

За успехи в разведывательной деятельности генерал-майор Агаянц был награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны II степени, Красной Звезды, многими медалями, а также нагрудными знаками «Заслуженный работник НКВД» и «Почетный сотрудник госбезопасности».

12 мая 1968 года Ивана Ивановича Агаянца не стало.

Командир ОМСБОН Вячеслав Гриднев

Начальный период Великой Отечественной войны был особенно трудным для советского народа. Гитлеровская Германия, покорившая всю Европу, использовала ее военный потенциал для того, чтобы уничтожить Советское государство. Красная Армия отступала, нанося урон врагу в кровопролитных сражениях.

27 июня 1941 года Политбюро ВКП(б) и СНК СССР принимают решение о создании Особой группы войск при Народном комиссариате внутренних дел, предназначенной для выполнения особых заданий Верховного командования на фронте и в тылу врага. В октябре 1941 года на базе Особой группы войск была сформирована Отдельная мотострелковая бригада особого назначения (ОМСБОН), состоявшая из двух полков. Командиром 1-го полка, а с августа 1942 года – командиром бригады стал кадровый сотрудник внешней разведки полковник Гриднев.

Вячеслав Гриднев родился 9 октября 1898 года в деревне Гридьково (ныне Михневский район Московской области) в крестьянской семье. В 1910 году окончил сельскую земскую школу. С 1912 по 1917 год работал на заводе в Петрограде подручным элекромонтера.

Вячеслав Васильевич Гриднев

В январе 1917 года Вячеслав Гриднев был призван в армию. Служил рядовым 5-й роты запасного электротехнического батальона, который дислоцировался в Петрограде. В ходе октябрьских событий батальон в полном составе перешел на сторону советской власти и вскоре был передислоцирован в Саратов. В составе этого батальона Гриднев принимал участие в Гражданской войне. В декабре 1918 года был принят в ряды РКП(б).

В сентябре 1921 года Московский городской комитет партии большевиков рекомендовал Вячеслава Гриднева на работу в Московскую ЧК. В качестве уполномоченного секретной оперативной части МЧК он принимал участие в разгроме подпольной анархистской организации «Набат», готовившей ряд террористических актов в Москве.

В 1924 году Гриднев успешно окончил Высшую пограничную школу ОГПУ и был направлен для прохождения службы в Закавказский пограничный округ. Касаясь этого периода, Гриднев позже отмечал в своей автобиографии: «Принимал участие в ликвидации бандформирований, пресечении каналов контрабанды золота и драгоценностей из нашей страны». За скупыми строчками официальной биографии чекиста скрывается

крупная операция советской внешней разведки по пресечению каналов незаконной утечки валютных средств из СССР.

За мужество и героизм, проявленные при защите советской границы, приказами по Закавказскому пограничному округу Вячеслав Гриднев дважды награждался почетным боевым оружием.

В октябре 1932 года Гриднев был командирован в Монгольскую Народную Республику, где помогал монголам создавать пограничные войска и службу охраны государственной границы.

Вместе с другим видным советским разведчиком В. И. Пудиным, находившимся в командировке в МНР, он принимал непосредственное участие в ликвидации белогвардейских банд, укрывшихся на территории Монголии. Одновременно Вячеслав Васильевич, являясь сотрудником резидентуры внешней разведки в Монголии, вел активную разведывательную работу по белой эмиграции в Маньчжурии. Привлек к сотрудничеству с внешней разведкой ряд иностранцев, от которых поступала информация о деятельности японцев в этой провинции Китая, а также о планах белогвардейцев в отношении СССР.

С апреля 1936 года Гриднев вновь служил в пограничных войсках НКВД, являясь начальником сначала 42-го Джебраильского, а затем – 44-го Ленкораньского пограничных отрядов на советско-иранской границе. С августа 1939 года по июль 1941 года находился на руководящей оперативной работе в Главном управлении пограничных войск НКВД СССР. В этот же период направлялся в длительную командировку в Западную Белоруссию в качестве начальника Волковысского горотдела НКВД БССР.

Особый период деятельности сотрудников советской внешней разведки, в том числе и Вячеслава Гриднева, связан с Великой Отечественной войной.

С июля 1941 года Гриднев работал в Особой группе при наркоме НКГБ по организации и формированию отрядов особого назначения, которые действовали в тылу немецких войск на временно оккупированной противником территории.

3 октября того же года Особая группа была преобразована во 2-й отдел НКВД, а в январе 1942 года – в 4-е управление НКВД – НКГБ, которыми руководил П. А. Судоплатов. Для проведения операций в тылу немецких оккупантов в октябре 1941 года приказом наркома НКВД сформированные Особой группой отряды особого назначения были сведены в Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения (ОМСБОН) в составе

двух полков. Командиром 1-го полка ОМСБОН был назначен полковник Гриднев. Он проводил большую работу по подготовке и заброске в тыл врага разведывательно-диверсионных отрядов и групп. В 1942–1943 годах Гриднев являлся командиром бригады.

Перед бригадой были поставлены следующие задачи:

– оказание помощи Красной Армии средствами разведывательно-диверсионных и боевых действий;

– содействие развитию партизанского движения;

– дезорганизация тыла противника;

– осуществление агентурной разведки на временно оккупированных территориях;

– проведение контрразведывательных операций.

Помимо формирования отрядов и групп для работы на оккупированных противником территориях руководством бригады велась активная разработка крупномасштабных диверсионных операций в тылу немецких войск. Так, в сентябре – октябре 1942 года такие операции были успешно осуществлены на участке Западного фронда, в мае – июне 1943 года – на участке Центрального фронта.

27 октября 1943 года Отдельная мотострелковая бригада особого назначения войск НКВД СССР, успешно справившаяся со своими задачами, была расформирована.

В годы Великой Отечественной войны более 14 тысяч оперативных работников и воинов-чекистов, в том числе – 500 иностранцев, сражались в разведывательно-диверсионных группах и партизанских отрядах, сформированных ОМСБОН. В тылу противника действовало 2200 оперативных отрядов и групп. Диверсионно-разведывательные подразделения НКВД уничтожили 230 000 гитлеровцев, подорвали 2800 вражеских эшелонов с живой силой и техникой, добывали важную военную, стратегическую и политическую информацию.

В ноябре 1943 года Гриднев назначается советником министра внутренних дел Монгольской Народной Республики. 17 ноября 1944 года постановлением СНК СССР ему присваивается воинское звание генерал-майора. В Монголии генерал Гриднев находился до января 1949 года. Принимал участие в войне с Японией.

Возвратившись в Москву в январе 1949 года, Гриднев становится начальником одного из отделов Комитета информации при СМ СССР (так тогда называлась внешняя разведка).

В феврале 1950 года его назначают начальником Высшей разведывательной школы органов госбезопасности. На этом посту Вячеслав Васильевич проработал десять лет, отдавая подготовке

молодых разведчиков много сил и энергии.

В сентябре 1960 года вышел в отставку по состоянию здоровья.

За большие заслуги в деле обеспечения государственной безопасности генерал-майор Гриднев был награжден орденами Ленина и Октябрьской Революции, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны I степени, многими медалями, а также тремя орденами МНР.

5 января 1991 года Вячеслав Васильевич Гриднев скончался. Его деятельность чекиста-разведчика отражена в экспозиции Зала истории внешней разведки.

Александр Коротков

9 мая 1945 года в Карлсхорсте, в здании бывшей столовой военно-инженерного училища нацистского вермахта состоялась церемония подписания Акта о безоговорочной капитуляции Германии. За длинными столами, покрытыми зеленым сукном, расположились генералы Красной Армии. Открывая заседание, маршал Жуков пригласил в зал представителей немецкого командования. Первым переступил порог генерал-фельдмаршал Кейтель. Его сопровождал рослый, спортивного телосложения, моложавый человек в форме полковника госбезопасности. Это был легендарный советский разведчик Александр Коротков.

Александр Михайлович Коротков

Для Александра Михайловича участие в церемонии подписания Акта о безоговорочной капитуляции Германии было не только ответственным поручением Наркомата государственной

безопасности СССР, но и высокой честью, которой он был удостоен как советский разведчик, специалист по германским вопросам, внесший определенный вклад в нашу Победу. Он не командовал войсками, не участвовал непосредственно в боях на передовой, но, занимаясь активной разведывательной работой, внес существенный вклад в разгром врага.

Александр Коротков родился 22 ноября 1909 года в Москве. Незадолго до этого его мать разошлась с мужем и уехала в Москву из Кульджи, где тот работал в Русско-Азиатском банке. Получив среднее образование в 1927 году, Александр собирался поступать на физический факультет университета. Однако нужда заставила его сразу же после окончания школы начать помогать семье. Александр стал учеником электромонтера.

Осенью 1928 года Александру предложили перейти на работу в хозяйственное подразделение ОГПУ. Так Коротков стал электромехаником по лифтам зданий на Лубянке. Через год на смышленого электромеханика обратило внимание чекистское руководство: он был принят на службу делопроизводителем в самый престижный отдел ОГПУ – Иностранный, а уже в 1930 году назначен помощником оперативного уполномоченного этого отдела. Следует отметить, что Александр пользовался серьезным уважением в среде чекистской молодежи: его несколько раз избирали членом бюро, а затем и секретарем комсомольской организации ИНО.

За пару лет работы в Иностранном отделе Коротков полностью освоился со своими служебными обязанностями. Его способности, образованность, добросовестное отношение к работе нравились руководству отдела, которое приняло решение готовить Александра к нелегальной работе за рубежом.

В индивидуальном порядке, без отрыва от основной работы началось серьезное изучение иностранных языков – немецкого и французского. Затем пошли дисциплины специальные: выявление наружного наблюдения и уход от него, вождение автомобиля.

В 1933 году молодой разведчик выехал на нелегальную работу во Францию. Под видом словацкого студента Районецкого он поступил на учебу в Парижский радиотехнический институт. По линии разведки он занимался разработкой одного из молодых сотрудников знаменитого 2-го бюро французского Генерального штаба (военная разведка и контрразведка). Одновременно по заданию Центра выезжал в Швейцарию и нацистскую Германию, где работал с двумя ценными источниками советской внешней разведки. Однако вскоре в нелегальной резидентуре НКВД во Франции произошел провал, и в 1935 году Коротков был вынужден возвратиться в Москву.

Пребывание Короткова на Родине оказалось кратковременным, и уже в 1936 году его направляют на работу по линии научно-технической разведки в нелегальную резидентуру НКВД в Германии. Он вместе с другими разведчиками активно работает над получением образцов вооружений германского вермахта. Эта его деятельность получает самую высокую оценку Центра.

В декабре 1937 года следует новое ответственное поручение. Коротков возвращается на нелегальную работу во Францию, где находится до конца 1938 года. За успешное выполнение заданий Центра он был повышен в должности и награжден орденом Красного Знамени.

Затем с позиций Центра заместитель начальника 1-го отделения внешней разведки лейтенант госбезопасности Коротков выезжал в краткосрочные командировки в Норвегию и Данию, где восстановил связь с рядом законсервированных ранее источников. В июле 1940 года он был направлен в краткосрочную командировку в Германию. Однако вскоре в Центре было принято решение оставить разведчика в стране в качестве заместителя руководителя «легальной» берлинской резидентуры. Разведчик восстановил связь с рядом агентов резидентуры, в том числе с двумя ее ценнейшими источниками – сотрудником разведотдела люфтваффе Харро Шульце-Бойзеном («Старшиной») и старшим правительственным советником имперского министерства экономики Арвидом Харнаком («Корсиканцем»).

Коротков одним из первых понял неизбежность войны с Германией и постоянно информировал об этом Центр. 17 июня 1941 года в Москву была направлена телеграмма, составленная разведчиком на основании сведений, полученных от «Старшины» и «Корсиканца». В ней, в частности, говорилось: «Все военные приготовления Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены и удара можно ожидать в любое время».

Войну Коротков встретил в логове нацистского зверя, в Берлине. Подвергаясь серьезной опасности, он сумел выйти из советского посольства, заблокированного гестапо, и конспиративно встретиться с «Корсиканцем» и «Старшиной».

Прибыв в Москву в июле 1941 года, Коротков был назначен начальником германского отдела внешней разведки, который в период войны занимался ведением разведки не только в самой Германии, но и в оккупированных ею европейских странах. Так, в ноябре – декабре 1943 года он участвовал в обеспечении безопасности лидеров атифашистской коалиции в период работы

Тегеранской конференции. Пришлось Короткову дважды побывать в Афганистане, где советская и английская разведки ликвидировали нацистскую агентуру, готовившую профашистский переворот в стране. Несколько раз он вылетал в Югославию для передачи маршалу Тито посланий советского руководства. Разведчик неоднократно отправлялся за линию фронта или в прифронтовую полосу, чтобы на месте разобраться в сложной обстановке и оказать практическую помощь разведывательным группам, заброшенным в тыл врага. В конце войны, когда разгром Третьего рейха стал очевидным, Коротков был направлен в Берлин, где возглавил группу по обеспечению безопасности немецкой делегации, которой предстояло подписать акт о безоговорочной капитуляции Германии.

В середине 1945 года Коротков был назначен резидентом внешней разведки в Германии. В Карлсхорсте, где размещалась резидентура, он занимал официальную должность заместителя советника Советской военной администрации. В 1946 году Александр Михайлович был отозван в Центр и назначен на должность заместителя начальника внешней разведки. Одновременно он возглавил нелегальное управление. Именно при нем в США был направлен разведчик-нелегал Вильям Фишер (Рудольф Абель). В мае – июле 1953 года исполнял обязанности начальника внешней разведки.

В 1957 году генерал Коротков получил назначение на должность уполномоченного КГБ СССР при министерстве госбезопасности ГДР.

В середине июня 1961 года А. М. Коротков был вызван в Москву на совещание в ЦК КПСС. Его выступление 27 июня на совещании о политической ситуации в ГДР было воспринято исключительно положительно. Решив снять нервный стресс после совещания, Коротков сразу же поехал на Московский комплекс «Динамо» поиграть в теннис. На корте, нагнувшись за мячом, он почувствовал острую боль в сердце и упал без сознания. Срочно вызванный врач констатировал смерть от разрыва аорты.

За большие заслуги в деле обеспечения государственной безопасности генерал-майор Коротков был награжден орденом Ленина, шестью (!) орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны I степени, двумя орденами Красной Звезды, многими медалями, а также нагрудным знаком «Почетный сотрудник госбезопасности». Его труд чекиста-разведчика был отмечен высокими наградами ряда зарубежных государств.

Александр Рабцевич – командир отряда «Храбрецы»

Деятельность разведчиков, входивших в период Великой Отечественной в состав диверсионно-разведывательных отрядов и групп НКВД СССР, получила высокую оценку Г. К. Жукова. «Безусловно, благодаря блестящей работе советской разведки весной 1943 года, – писал он, – мы располагали рядом важных сведений о группировке немецких войск перед летним наступлением… Хорошо работающая разведка… была одним из слагаемых в сумме прочих, обеспечивающих успех этого величайшего сражения».

Эту оценку можно по праву отнести и к сотруднику советской внешней разведки Александру Марковичу Рабцевичу, возглавлявшему во время войны с гитлеровцами в их тылу отряд специального назначения НКВД СССР.

Александр Рабцевич родился 14 марта 1897 года в деревне Лозовая Буда Бобруйского уезда Минской губернии (ныне – Могилевская область Республики Беларусь) в крестьянской семье. После окончания сельской школы трудился в родной деревне, помогая родителям.

Александр Маркович Рабцевич

В 1916 году Александр был призван в армию. Служил рядовым, затем – унтер-офицером. Возвратившись домой после Октябрьской революции, он сражался против белополяков в составе партизанского отряда, действовавшего в Бобруйском уезде. После изгнания белополяков и германских оккупантов с Могилевщины Рабцевич был избран земляками в волостной революционный комитет. В начале 1918 года стал членом РСДРП (б).

В конце 1918 года Рабцевич добровольцем вступил в Красную Армию. После окончания Школы комсостава РККА в 1920 году он был назначен начальником команды пеших разведчиков 29-го стрелкового полка. В январе 1921 года направлен в командировку в Западную Белоруссию, где участвовал в партизанском движении по линии «активной разведки» Разведывательного управления Штаба РККА. После завершения командировки в 1925 году он был переведен на работу в органы государственной безопасности.

В 1937 году Рабцевич был командирован по линии советской

внешней разведки в Испанию. Именно там у него по-настоящему раскрылся талант чекиста-разведчика. Александр Маркович принимал непосредственное участие в боях с франкистскими мятежниками, командовал разведотрядом легендарной 18-й бригады республиканской армии. За успешное проведение разведывательных операций и руководство деятельностью боевой группы он был награжден орденом Красной Звезды.

В ноябре 1939 года, после воссоединения Западной Белоруссии с Белорусской ССР, ЦК республики направил Рабцевича в Брест, где он стал членом Временного управления города и заведующим отделом здравоохранения.

С первых дней Великой Отечественной войны чекист Рабцевич вновь в боевом строю. Он командует ротой, а затем – батальоном в Отдельной мотострелковой бригаде особого назначения НКВД СССР. А с июля 1942 года и до полного освобождения Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков Александр Маркович руководил в тылу противника разведывательно-диверсионным отрядом специального назначения «Храбрецы».

Отряд Рабцевича, действовавший в районах Могилевской, Полесской и Пинской областей, провел ряд крупных операций по дезорганизации коммуникаций противника и уничтожению его живой силы и техники. Совершая дерзкие вылазки на коммуникации, бойцы отряда взрывали и обстреливали вражеские эшелоны, следовавшие к линии фронта, уничтожали мосты и паровозы, истребляли живую силу противника.

В итоговом донесении в Центр Рабцевич сообщал, что за семьсот сорок один день боевых действий в тылу врага отряд совершил более 200 диверсий, подорвал бронепоезд и 91 эшелон, 24 танка, в том числе 5 «тигров», 26 бронемашин, 102 автомашины, 2 катера, вывел из строя 5 шоссейных мостов и много других технических сооружений.

Кроме того, отряд вел постоянную разведку военных объектов фашистских захватчиков. Так, в середине 1942 года бойцы отряда получили детальные данные о строительстве оборонительных рубежей, расположении складов, аэродромов и функционировании железнодорожных коммуникаций по Витебской, Могилевской и Гомельской областям. В частности, им стало известно о наличии юго-западнее города Орши крупного склада боеприпасов емкостью более одной тысячи вагонов. Все эти сведения обобщались и передавались в Центр и в Белорусский штаб партизанского движения.

Советская авиация, используя данные отряда, неоднократно бомбила скопления фашистских войск и техники в окрестностях

Осиповичей, Бобруйска, Жлобина, Калинковичей и других населенных пунктов.

Пришлось оперативному составу отряда «Храбрецы» принимать непосредственное участие и в одной из широкомасштабных операций, проводимых Центром.

Как известно, перешедший в начале Великой Отечественной войны на сторону противника генерал-лейтенант Красной Армии Власов (псевдоним разработки – «Ворон») возглавил созданный немцами так называемый «Русский комитет» («Комитет освобождения народов России»).

Проживая постоянно в пригороде Берлина, «Ворон» периодически посещал белорусские города, где немцами были организованы отделения «Русского комитета» и в районе которых стояли части «Русской освободительной армии».

НКВД СССР разработал план операции по ликвидации «Ворона». В подготовке необходимых мероприятий для реализации данной операции принимали участие практически все разведывательно-диверсионные группы, действовавшие на территориях Белоруссии и Украины, в том числе – оперативная группа Рабцевича. Руководителям этих групп было поручено изучать условия жизни и быта «Ворона», состояние его охраны, своевременно выявлять и доносить в Центр данные о местопребывании и маршрутах следования «Ворона». В дальнейшем «Ворон» был захвачен и понес заслуженное наказание.

В начале 1944 года радист спецотряда «Храбрецы» получил из Центра радиограмму, в которой перед Рабцевичем ставилась новая задача: с приближением фронта, не дожидаясь дальнейших распоряжений, переходить границу и двигаться на запад.

После полного освобождения Белоруссии от фашистских захватчиков отряд Рабцевича продолжил борьбу на территории Польши.

За образцовое выполнение боевых заданий командования в тылу немецко-фашистских захватчиков и проявленные при этом отвагу и мужество Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 ноября 1944 года Александру Марковичу Рабцевичу было присвоено звание Героя Советского Союза. Он был награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны II степени, Красной Звезды, «Знак Почета» и многими медалями.

С марта 1945 года полковник Рабцевич работал в разведывательных органах госбезопасности Белорусской ССР. Однако многие годы, проведенные в боях Гражданской, испанской и Великой Отечественной войн, не прошли для него бесследно. В сентябре 1952 года полковник Рабцевич был уволен из органов

МГБ СССР в отставку по состоянию здоровья.

Скончался Александр Маркович 11 апреля 1961 года. Похоронен на Аллее Героев военного кладбища в городе Минске. Его именем названа улица в поселке городского типа Кировск, расположенном недалеко от Бобруйска.

Анатолий Горский

В октябре 1940 года в британскую столицу, ежедневно подвергавшуюся налетам германской авиации, после полугодового пребывания в Москве возвратился 33-летний разведчик Анатолий Вениаминович Горский, назначенный резидентом советской внешней разведки в Англии. Ранее он находился в этой стране в качестве помощника руководителя резидентуры и шифровальщика, действовавшего под прикрытием должности технического сотрудника полпредства СССР в Великобритании.

На этот раз Горский (оперативный псевдоним – «Вадим») прибыл в Лондон с паспортом атташе, а вскоре стал вторым секретарем полпредства. Помимо него в состав резидентуры входили еще два молодых сотрудника – «Боб» (Борис Крешин) и «Дэн» (Владимир Барковский). В конце 1940 года в лондонскую резидентуру прибыли еще четыре молодых разведчика. На связи у резидента было свыше двадцати агентов, в том числе – члены «Кембриджской пятерки».

Анатолий Горский родился в 1907 году в деревне Меньшиково Канского округа Енисейской губернии. Среднее образование получил в Канске. В 1928 году был принят на работу в Особый отдел ОГПУ, затем работал в Экономическом управлении органов государственной безопасности. В 1936 году был переведен во внешнюю разведку – ИНО ГУГБ НКВД – и в том же году направлен в Лондон в качестве помощника резидента и шифровальщика «легальной» резидентуры. А позже последовало назначение его на должность резидента.

Анатолий Вениаминович Горский

Приезду молодого резидента советской внешней разведки в Лондон предшествовали поистине драматические события. Летом 1937 был отозван в Москву и по ложному навету расстрелян руководитель «легальной» резидентуры НКВД в Лондоне Адольф Чапский. В ноябре 1938 года нарком внутренних дел Берия продолжил «чистки». По его личному указанию был отозван в Москву и осужден на пять лет исправительно-трудовых лагерей «за связь с троцкистами» резидент НКВД в Лондоне Григорий Графпен, сменивший на этом посту Чапского. Анатолий Горский остался в Лондоне единственным оперативным работником.

В начале 1940 года по указанию Берии лондонская резидентура НКВД была ликвидирована как не вызывающая политического доверия, Горский был отозван в Москву, а агентурная сеть оставлена на произвол судьбы. В то же время, учитывая добросовестную работу Горского в резидентуре, он был оставлен на работе в центральном аппарате разведки. Трудился в

ее английском отделении. К счастью, обвинить его в «дезинформации» Берия не решился ввиду полной абсурдности подобного предположения: секретные данные политического характера, поступавшие из лондонской резидентуры, полностью подтверждались дальнейшим ходом событий в Европе.

В мае 1940 года Гитлер нарушил нейтралитет Бельгии, захватил ее и вторгся на территорию Франции. В условиях разгоравшегося мирового пожара советское руководство не могло обходиться без надежной информации упреждающего характера, которую в тех условиях мог дать только Лондон.

В августе 1940 года руководство разведки приняло решение срочно направить Горского в Лондон руководителем «легальной» резидентуры, несмотря на недостаток у него оперативного опыта. В октябре того же года он возвратился в британскую столицу.

Лондонской резидентуре под руководством Горского пришлось начинать свою работу практически с нулевой отметки. Первым делом резидент восстановил связь с членами «Кембриджской пятерки» и поставил перед Центром вопрос о расширении оперативного состава резидентуры.

Центр удовлетворил просьбу резидента, и в конце 1940 года на помощь ему было направлено еще четыре оперработника. Сотрудники резидентуры в короткий срок восстановили связь с ранее законсервированной агентурой и приступили к получению важной внешнеполитической информации, значение которой трудно переоценить.

С началом Великой Отечественной войны Центр направил в зарубежные резидентуры, включая лондонскую, ряд директив о перестройке работы на военный лад. В них подчеркивалось, что вся разведывательная работа в Англии должна подчиняться главной задаче – оказанию реальной помощи Красной Армии в разгроме врага. Центр интересовали в первую очередь разведывательные данные по Германии и оккупированным ею странам. Представляли интерес также сведения о реальных планах британского правительства в отношении нашей страны.

В 1941–1942 годах лондонская резидентура являлась основным источником информации советского руководства по Германии и странам антигитлеровской коалиции. Ею было добыто и направлено в Центр свыше 10 тысяч документальных материалов по политическим, военным и экономическим вопросам. Одновременно из резидентуры поступило 50 документальных материалов о деятельности разведывательных органов Англии и других стран. В условиях острого дефицита достоверной информации эти сведения представляли для Москвы исключительную ценность. А всего за годы Великой

Отечественной войны из Лондона было направлено около 20 тысяч информационных сообщений по различной тематике.

В январе 1944 года Горский возвратился в Москву и был назначен заместителем начальника одного из отделов центрального аппарата разведки. Его работа в лондонской резидентуре получила положительную оценку. За получение упреждающей информации о летнем наступлении вермахта в районе Курской дуги он был награжден орденом. В характеристике на Горского того периода, в частности, подчеркивалось: «А. В. Горский политически развит, дисциплинирован, скромен, трудолюбив. К выполнению заданий относится с увлечением. Морально выдержан, честен, предан Родине. Успешно справлялся с обязанностями резидента. Работая в трудных условиях военного времени, добился хороших результатов».

В октябре 1944 года Горский был назначен руководителем вашингтонской резидентуры и выехал в США под прикрытием должности советника посольства СССР. Там он курировал переведенного на дипломатическую работу в Вашингтон члена «Кембриджской пятерки» Дональда Маклина. Горский значительно увеличил информационную отдачу источника. Так, за первое полугодие 1945 года от него только по телеграфу в Центр было передано содержание 191 секретного документа и 26 агентурных сообщений. Из этих материалов 146 были направлены Сталину и другим высшим руководителям страны. Одновременно Горский внес значительный вклад в обеспечение Центра информацией по созданию атомной бомбы.

С 1947 по 1953 год Горский находился на руководящих должностях в центральном аппарате разведки. Неоднократно выезжал в краткосрочные командировки в зарубежные страны для выполнения ответственных разведывательных заданий.

В 1953 году Горский был назначен на руководящую работу во Второе главное управление МГБ СССР, где трудился до выхода в отставку.

Заслуги полковника Горского в разведке были отмечены орденами Ленина, Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны II степени, Красной Звезды, «Знак Почета», многими медалями, а также нагрудным знаком «Заслуженный работник НКВД».

В соавторстве с Львом Василевским он перевел книгу Рафаэля Саббатини «Одиссея капитана Блада».

Скончался Анатолий Вениаминович Горский в 1980 году.

Николай Прокопюк

5 ноября 1944 года в центральных советских газетах был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР «О присвоении звания Героя Советского Союза работникам Народного комиссариата государственной безопасности СССР». Среди шестнадцати чекистов, удостоенных столь высокого звания, в списке значились имена нескольких сотрудников внешней разведки, в том числе – Николая Архиповича Прокопюка.

Николай Прокопюк родился 7 июня 1902 года на Волыни, в селе Самчики Старо-Константиновского уезда Каменец-Подольской губернии (ныне Хмельницкой области) в многодетной семье столяра местного сахарного завода. Сразу же после окончания церковно-приходской школы юному Николаю пришлось наниматься на работу к помещику, чтобы помогать семье. В 1916 году, самостоятельно подготовившись, он экстерном сдает экзамен за шесть классов гимназии.

Николай Архипович Прокопюк

С 1918 года Прокопюк работает слесарем на Синявском сахарном заводе и является членом местной вооруженной

дружины. В 1919 году участвует в восстании против белополяков. В 1920 году добровольно вступил в Красную Армию, воевал с деникинцами и на польском фронте в составе 8-й дивизии Червонного казачества.

В августе 1921 года Прокопюка как опытного бойца направляют на работу в органы госбезопасности. Он становится сотрудником Старо-Константиновского уездного отделения ЧК, а с апреля 1923 года – уполномоченным по борьбе с бандитизмом Шепетовского окружного отдела ГПУ. Принимает непосредственное участие в уничтожении диверсионно-террористических банд, засылаемых польской разведкой на нашу территорию. В 1923 году за заслуги перед революцией Николай Прокопюк был награжден именным боевым оружием и грамотой Шепетовского окружного отдела ГПУ.

В 1924 году Прокопюка направляют на работу в пограничные войска. В течение семи лет он находился на разведывательной работе: сначала уполномоченным иностранного отделения Славутского погранотряда, а затем на аналогичной должности в Могилев-Подольском погранотряде. Борьба с диверсантами и забрасываемой на нашу территорию вражеской агентурой, выявление и пресечение контрабанды, организация проникновения разведчиков в бандформирования и зарубежные антисоветские центры с целью их разложения – вот лишь часть задач, которые пришлось решать молодому чекисту.

В 1931 году Прокопюка переводят на работу в центральный аппарат ГПУ Украины. Он становится заместителем, а вскоре – начальником одного из оперативных отделений. Параллельно с основной работой, заключавшейся в выявлении и уничтожении диверсантов, забрасываемых на нашу территорию, Прокопюк приступает к подготовке кадров для партизанской борьбы на случай войны в составе разведывательно-диверсионных отрядов: изучает с бойцами тактику партизанских действий, минно-подрывное дело, маскировку, топографию и ряд других дисциплин.

Николай Архипович не остался равнодушным к событиям в Испании, вызванным военно-фашистским мятежом, который начался в стране 18 июля 1936 года. Он стремится действенным образом оказать помощь испанским антифашистам и подает рапорт с просьбой командировать его на специальную боевую работу в Испанию. В мае 1937 года Прокопюк направляется помощником резидента внешней разведки НКВД в Барселону. За участие в спецоперациях против фашистского режима в Испании он был награжден орденом Красного Знамени.

С октября 1940 по июнь 1941 года Прокопюк находился на

оперативной работе в резидентуре НКВД в Хельсинки. С началом Великой Отечественной войны он был направлен в Особую группу НКВД СССР. С сентября 1941 года командовал 4-м батальоном 2-го полка Отдельной мотострелковой бригады особого назначения (ОМСБОН). Принимал участие в битве под Москвой: занимал оборону между Ленинградским и Волоколамским шоссе.

Когда непосредственная угроза Москве миновала, Прокопюку поручили сформировать разведгруппу, которая должна была действовать в глубоком тылу противника. В августе 1942 года он был заброшен в тыл немецко-фашистских оккупантов во главе оперативной разведывательно-диверсионной группы «Охотники» 4-го управления НКВД. На базе этой опергруппы вскоре было создано партизанское соединение, действовавшее вначале в западных районах Киевской области, а затем в Цуманьских лесах. «Охотники» располагались неподалеку от крупных городов Ровно, Луцк и Ковель. Бойцы отряда громили врага на шоссе Брест – Киев и на отрезке железной дороги Ровно – Ковель.

В декабре 1943 года фронт вплотную приблизился к партизанам. Цуманьские леса оказались в зоне наступления частей Красной Армии.

В январе 1944 года Прокопюк получил из Центра приказ продвигаться с отрядом, выросшим в бригаду численностью до 500 человек, на запад. Уже к маю «Охотники» обосновались в Яновских лесах Люблинского воеводства Польши и развернули там активную боевую деятельность.

Всего на территории Польши отряд Прокопюка провел более двадцати крупных боевых операций против фашистских карателей. Партизаны отряда уничтожили 21 эшелон с живой силой и военной техникой противника. Было выведено из строя 38 немецких танков, захвачено большое количество оружия и боеприпасов. Кроме того, по разведывательным данным отряда, авиация дальнего действия Красной Армии осуществила ряд успешных воздушных налетов на военные объекты врага.

В начале июля 1944 года отряд Прокопюка направился в Карпаты, форсировал реку Сан в ее верхнем течении и с 1 августа 1944 года развернул активную боевую деятельность на территории восточной части Словакии. В конце сентября «Охотники» захватили Русский перевал в Восточных Карпатах и удерживали его до подхода передовых частей 4-го Украинского фронта.

В борьбе с немецко-фашистскими захватчиками Прокопюк проявил себя способным командиром, сочетавшим высокое воинское мастерство, личное бесстрашие и волю к победе. За образцовое выполнение специальных заданий в тылу противника

и проявленные при этом отвагу и героизм в ноябре 1944 года ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

С декабря 1944 года по декабрь 1945 года Прокопюк находился в спецкомандировке в Китае, участвовал в национально-освободительной войне китайского народа. При его участии были сформированы разведывательно-диверсионные группы, которые оказали успешное сопротивление поднявшим мятеж в провинции Синьцзян уйгурским сепаратистам, снабженным оружием правительством Чан Кайши.

После возвращения из Китая Прокопюк находился в Германии, где несколько лет возглавлял в Дрездене один из отделов Советской военной администрации земли Саксония, лично участвовал в ряде специальных операций. В 1950 году вышел в запас по состоянию здоровья. До конца своих дней активно занимался общественной деятельностью.

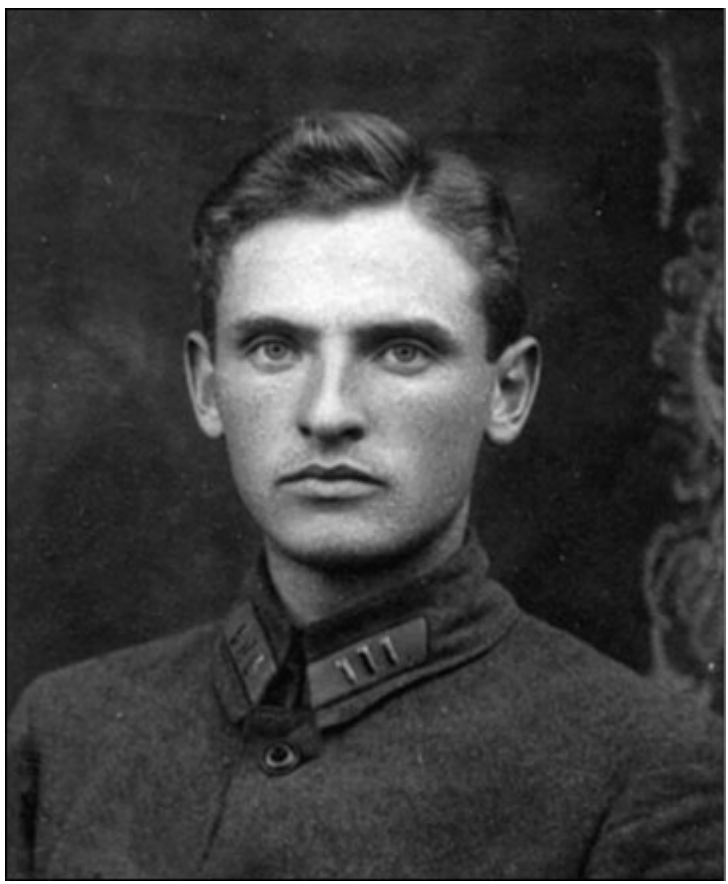
Заслуги Героя Советского Союза полковника Прокопюка были отмечены двумя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны I степени и многими медалями, а также восемью иностранными орденами.

Скончался Николай Архипович Прокопюк 11 июня 1975 года.

Резидент Константин Кукин

Летом 1918 года из Брянска в район небольшого городка Речица Гомельской губернии вместе с группой военнослужащих-большевиков прибыл двадцатилетний боец Красной Армии Константин Кукин. На территории губернии в то время хозяйничали немецкие интервенты, которые свергли советскую власть в Белоруссии и жестоко расправлялись с коммунистами и сочувствующими им. Перед группой бойцов Красной Армии была поставлена задача развернуть партизанское движение в тылу интервентов.

Константин Кукин родился 23 ноября 1897 года в городе Курске в рабочей семье. В 1916 году окончил реальное училище и поступил вольноопределяющимся в 12-й Калишский полк. Участвовал в Первой мировой войне, дослужился до офицерского звания.



Константин Михайлович Кукин

После демобилизации из армии Кукин возвратился в родной Курск. Там его застало известие о победе Октябрьской революции, которую он встретил с радостью и сразу же записался добровольцем в Красную Армию. В 1918 году он был принят в ряды ВКП(б).

В начале 1918 года, после отказа Троцкого подписать мирный договор с Германией в Брест-Литовске, кайзеровская армия оккупировала Украину и Белоруссию. Кукин был направлен с отрядом бойцов в белорусский город Речицу для организации отпора германским интервентам. Вплоть до декабря 1918 года, когда началась эвакуация германской армии с территории Белоруссии, он участвовал в создании вооруженных отрядов сопротивления и партизанских отрядов, которые нападали на отдельные подразделения оккупантов, совершали диверсии на железной дороге Брянск – Гомель, уничтожали обозы неприятеля.

В 1920 году Кукин становится председателем Бахчисарайского ревкома Крыма и командиром отряда Частей особого назначения (ЧОН), ведет активную борьбу с бандитизмом. За мужество и героизм награждается орденом Красного Знамени. В 1923 году он назначается военкомом Курска и избирается членом бюро райкома партии 1-го городского района. Но и здесь он проработал только до 1925 года, когда был назначен военным комиссаром Зарайского уезда Московской губернии. В этой должности Константин поработал полтора года.

20 марта 1926 года приказом Реввоенсовета СССР Кукин демобилизуется из РККА и целиком посвящает себя партийной работе. Избирается секретарем парткома завода «Красный богатырь» в Москве и членом бюро Сокольнического райкома партии. В 1929 году избирается делегатом 16-й партийной конференции РКП(б) и членом Московского горкома партии. Для завершения высшего образования он направляется на учебу в Институт красной профессуры, где успешно овладевает английским языком.

На учебе Константин зарекомендовал себя с положительной стороны, и после окончания института в 1931 году был распределен в Наркомат иностранных дел. После непродолжительной стажировки в центральном аппарате наркомата Кукин был командирован в Англию в качестве управляющего одного из отделений при акционерном обществе «Аркос».

В конце 1931 года Кукин был зачислен в кадры внешней разведки и включен в состав «легальной» резидентуры ИНО в Лондоне. Столь быстрое назначение было вызвано

реорганизацией внешней разведки, проводимой по решению Политбюро от 30 января 1930 года.

В 1932 году Кукин возвратился в Москву и сразу же был направлен на работу в одну из наиболее активных точек внешней разведки – в харбинскую резидентуру. Он активно включился в работу резидентуры, завел ряд интересных связей. Однако в 1934 году серьезно заболел и был вынужден вернуться в СССР.

В 1935 году разведчик назначается руководителем группы спецмероприятий против японской разведки и выезжает в Забайкалье. В задачу его группы входила борьба с засылаемыми японскими спецслужбами на территорию СССР разведывательно-диверсионными группами из числа русской белогвардейской эмиграции.

В ноябре 1937 года Константин Михайлович направляется в командировку в США под прикрытием должности второго секретаря полпредства СССР в Вашингтоне. Вскоре Центр принимает решение перевести его на работу в нью-йоркскую резидентуру.

Прибыв в Нью-Йорк, Кукин быстро освоился с обстановкой и привлек к работе двух источников важной политической информации. Одновременно он восстановил связь с рядом ранее законсервированных агентов, от которых стала поступать ценная информация по политическим и экономическим вопросам. Работа с этими источниками продолжалась все годы Великой Отечественной войны и была весьма результативной. После успешного завершения командировки Константин Михайлович был назначен заместителем руководителя одного из ведущих подразделений центрального аппарата разведки. В июле 1942 года он сопровождал наркома иностранных дел В. М. Молотова в поездке по США.

В апреле 1943 года Кукин был назначен резидентом НКГБ в Англии. В Лондон Константин Михайлович выехал в качестве советника советского посольства. Он принял на связь членов «Кембриджской пятерки». Резидент и руководимые им разведчики работали в британской столице в условиях, приближенных к фронтовым: под обстрелами снарядами и ракетами с немецких самолетов. Частые бомбардировки порой серьезно усложняли поддержание связи с агентурой. В то же время, только в 1944 году резидентурой было завербовано двадцать агентов, восстановлена связь с шестью источниками. Высокая отдача была достигнута от работы «Кембриджской пятерки». Резидентура постоянно обеспечивала Центр военной, политической, экономической и научно-технической информацией, особенно по урановой проблеме.

Работа лондонской резидентуры в годы войны получила самую высокую оценку Центра. Ее руководитель и все сотрудники были отмечены высокими правительственными наградами.

Константин Михайлович успешно проработал в Лондоне до мая 1949 года. 30 мая 1947 года он был назначен главным резидентом и одновременно Чрезвычайным и Полномочным послом СССР в Великобритании.

После завершения командировки Кукин возглавил англо-американский отдела Комитета информации при МИДе СССР, как тогда называлась внешняя разведка. К сожалению, в 1952 году у него обострились старые болезни, и он был вынужден выйти в отставку по состоянию здоровья.

За успешную работу по обеспечению государственной безопасности полковник Кукин был награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны, орденом Красной Звезды и многими медалями.

25 ноября 1979 года Константин Михайлович Кукин скончался. Его имя, как одного из видных разведчиков нашей страны, занесено на Мемориальную доску Службы внешней разведки России.

Станислав Ваупшасов

Человеком удивительной судьбы и большого мужества называли Станислава Алексеевича Ваупшасова его товарищи и коллеги. Из почти 40 лет, отданных службе в Советской Армии и органах государственной безопасности, 22 года он провел в окопах, в подполье, в лесах, в походах и сражениях.

27 июля 1899 года в деревне Грузджяй Шауляйского уезда Ковенской губернии в семье крестьянина Ваупшаса, литовца по национальности, батрачившего у крупного помещика Нарышкина, родился очередной ребенок – сын Стас.

Станислав Алексеевич Ваупшасов

В детские годы он также прислуживал у помещика, работал в поле и в коровниках. В 1914 году перебрался на заработки в Москву. При оформлении паспорта московский околоточный нарек литовского паренька на русский манер – Станиславом Ваупшасовым. Вначале он трудился землекопом, а затем –

арматурщиком на заводе «Проводник».

После Октябрьской революции Станислав вступил в рабочую красногвардейскую дружину Лефортовского района. В 1918 году добровольно пошел в Красную Армию. Воевал на Западном фронте. В боях зарекомендовал себя храбрым и дисциплинированным бойцом.

В 1920 году Ваупшасов окончил Курсы красных командиров в Смоленске и был откомандирован в распоряжение штаба Западного фронта, а затем направлен по линии Разведупра РККА на подпольную работу в тыл противника для организации на захваченной белополяками территории Западной Белоруссии повстанческого движения.

Созданный Ваупшасовым вооруженный отряд провел более ста боевых операций, в результате которых были разгромлены шесть полицейских участков, полицейское управление, сожжены десять помещичьих имений, княжеский дворец, уничтожены два железнодорожных моста.

Одна из непревзойденных по своей дерзости операций была проведена в населенном пункте Столбцы в августе 1924 года. Отряд под командованием Ваупшасова штурмом взял тюрьму и освободил более 30 политзаключенных, в том числе – двух членов Исполкома Коминтерна, томившихся в ожидании расправы. При этом были разгромлены воинский гарнизон, жандармерия, полиция, уездный отдел старосты и другие учреждения. За успешное проведение данной операции Ваупшасов был награжден Реввоенсоветом Западного фронта почетным именным оружием.

После успешного окончания московской Школы командного состава РККА в 1930 году Ваупшасов из кадров Разведупра Красной Армии был переведен на работу в органы государственной безопасности и откомандирован в распоряжение Полномочного представительства ОГПУ в БССР.

С ноября 1937 по март 1939 года Ваупшасов находился в спецкомандировке в Испании в качестве старшего советника при штабе 14-го партизанского корпуса республиканской армии и руководителя разведывательно-диверсионных операций. Лично выполнял разведзадания в тылу франкистских войск. В дни падения Республики, рискуя жизнью, он вывез из Валенсии документы резидентуры, эвакуировал разными путями во Францию агентуру и обслуживающий персонал.

Во время советско-финской войны 1939–1940 годов Ваупшасов участвовал в формировании разведывательно-диверсионных групп, а также непосредственно в боях с белофиннами. За успешное выполнение заданий командования и проявленную доблесть был награжден почетным боевым оружием.

Накануне Великой Отечественной войны находился на разведработе за границей. Знание испанского, английского и шведского языков, большой жизненный и боевой опыт способствовали успешному выполнению заданий Центра.

Возвратившись из командировки, Ваупшасов уже в сентябре 1941 года принимал участие в битве за Москву в качестве командира батальона Отдельной мотострелковой бригады особого назначения. В конце 1941 года ему было поручено сформировать отряд особого назначения «Местные», которому надлежало скрытно перейти линию фронта и действовать в тылу врага в окрестностях Минска.

Отряд «Местные» преодолел почти тысячу километров и в конце апреля 1942 года прибыл к месту назначения – в леса Логойского района.

Взрыв в столовой СД, в результате которого нашли свою смерть десятки фашистских офицеров и генералов, стал первым в ряду дерзких диверсий, осуществленных партизанами Ваупшасова в Минске. Вслед за тем на вагоноремонтном заводе были взорваны механический цех и котельная. Сожжены общежитие и столовая летного состава. Взорвались в воздухе два транспортных самолета с высокими армейскими чинами на борту. Взлетели на воздух 2 склада боеприпасов… Так отряд Ваупшасова начал отсчет ратных побед над врагом.

В боях и в результате диверсий отрядом Ваупшасова было уничтожено свыше 14 тысяч немецких солдат и офицеров. Совершено 57 крупных диверсий, из них 42 – в Минске. В наиболее ответственных операциях Ваупшасов участвовал лично. Разведывательные данные, поступавшие из отряда Ваупшасова в Центр, всегда представляли большую ценность для Ставки Верховного командования.

15 июля 1944 года отряд Ваупшасова соединился с частями Красной Армии. А на другой день – 16 июля – в Минске состоялся парад партизан, в котором принимал участие со своим спецотрядом и Ваупшасов.

За умелое руководство боевыми операциями по разгрому врага, героизм, проявленный при выполнении специальных заданий в тылу противника Станиславу Алексеевичу Ваупшасову 5 ноября 1944 года было присвоено звание Героя Советского Союза.

После освобождения Белоруссии Ваупшасов некоторое время работал в Москве, в центральном аппарате разведки. Затем был командирован на Дальний Восток. Во время войны с Японией участвовал в боевых операциях против японских милитаристов, а с наступлением мира руководил группой по очистке тыла в

освобожденной Маньчжурии. С декабря 1946 года являлся начальником разведывательного подразделения МГБ Литовской ССР.

Родина высоко оценила заслуги выдающегося разведчика-героя. Он был награжден четырьмя орденами Ленина, орденами Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны I и II степени, многими медалями.

В 1954 году полковник Ваупшасов уволился в запас и занялся литературной деятельностью. Он опубликовал несколько книг, посвященных ратному подвигу партизан в годы Великой Отечественной войны. Ветеран часто выступал перед молодыми сотрудниками внешней разведки.

В 1956 году, в дни, когда мир был поставлен под угрозу объединенным англо-франко-израильским нападением на Египет, названным историками Суэцким кризисом, полковник в отставке Ваупшасов направил рапорт на имя руководства советскими органами государственной безопасности, в котором, в частности, подчеркнул: «Советские люди никогда не были и не будут пассивными зрителями международного разбоя. Считаю своим долгом коммуниста принять непосредственное участие в этой борьбе».

19 ноября 1976 года после продолжительной и тяжелой болезни Станислав Алексеевич Ваупшасов скончался.

Василий Зарубин

Среди громких имен выдающихся сотрудников внешней разведки нашей страны видное место принадлежит разведчику Василию Михайловичу Зарубину. Работе за рубежом он отдал почти четверть века, в том числе тринадцать лет провел в нелегальных условиях. В ряде стран возглавлял «легальные» и нелегальные резидентуры.

Фамилия Зарубина, долгие годы выполнявшего ответственные задания Родины в суровых условиях подполья в зарубежных государствах, золотыми буквами вписана в историю отечественных спецслужб.

Василий Михайлович Зарубин

Василий Зарубин родился 4 февраля 1894 года в деревне Панино Бронницкого уезда Московской губернии в семье железнодорожника. Его отец являлся членом РСДРП, до революции 1917 года высылался административно из Москвы, а во время Гражданской войны воевал на Восточном фронте. Мать работала поломойкой и прачкой. Кроме Василия в семье было

еще 12 детей.

После окончания двухклассного училища при Московско-Курской железной дороге Василий стал работать посыльным в торговой фирме купца Лыжина. Одновременно продолжал учиться и через несколько лет дослужился до конторщика.

С началом Первой мировой войны Зарубин был призван в действующую армию. В марте 1917 года получил ранение и был направлен на излечение в военный госпиталь в Воронеж. По возвращении в часть был избран в полковой комитет солдатских депутатов.

После победы Октябрьской революции 23-летний Василий Зарубин решительно встал на сторону победившего пролетариата и связал свою дальнейшую жизнь со службой в армии: в 1918–1920 годах воевал на различных фронтах Гражданской войны, а также боролся с бандитизмом в тылу Красной Армии.

На молодого, способного красноармейца обратили внимание чекисты Особого отдела Южного фронта, и в 1920 году по их рекомендации Зарубин был направлен на работу в органы ВЧК. В 1923 году назначен начальником экономического отдела ГПУ во Владивостоке. Ему была поставлена задача организовать борьбу с контрабандой наркотиков и оружия.

Во внешней разведке Зарубин начал работать в 1925 году. В 1926 году он был направлен руководителем «легальной» резидентуры в Финляндию. Но уже в 1927 году выехал в Данию в качестве нелегального резидента. В командировке он находился вместе с женой Елизаветой Юльевной, ставшей не только его помощницей, но и со временем выдающейся разведчицей, выполнявшей самые ответственные разведывательные задания Центра.

В 1929 году руководство разведки дало указание Зарубиным перебазироваться во Францию. В Париже разведчикам предстояло создать нелегальную резидентуру, наладить связь с Центром через курьеров, восстановить связь с законсервированной агентурой и принять меры по расширению агентурной сети. Зарубин сумел организовать получение исключительно важной информации из политических кругов Франции, касающейся как внутренних, так и международных проблем. Особое место занимала работа по Германии. Возглавляемая Зарубиным резидентура приобрела источников информации в германском посольстве в Париже, от которых поступали секретные сведения относительно франко-германских политических и экономических отношений.

В конце 1933 года Зарубины возвратились в Москву. Однако в Центре они задержались недолго. Уже в 1934 году разведчики-

нелегалы были направлены в Германию, где к власти пришли нацисты. Василий Михайлович возглавил нелегальную резидентуру в Берлине, а Елизавета Юльевна стала ее оперативным работником. Им предстояло принять на связь агентуру и приступить к сбору необходимой разведывательной информации. Особый интерес для Центра представляли сведения о внутренней и внешней политике Гитлера, военных приготовлениях Германии, ее планах в отношении СССР и других стран Европы.

В конце 1937 года в связи с предательством Вальтера Кривицкого, лично знавшего Зарубина, Центр отозвал разведчиков на родину. До 1941 года Зарубин работал в центральном аппарате разведки.

В октябре 1941 года руководство разведки приняло решение направить Зарубина руководителем нью-йоркской резидентуры. 12 октября 1941 года Сталин вызвал в Кремль начальника разведки Фитина и резидента Зарубина и сформулировал задачи, стоявшие перед внешней разведкой в этой стране. Он подчеркнул, что необходимо тщательно разобраться в позиции Белого дома в отношении как Советского Союза, так и Германии, а также Англии и Японии. Сталин пояснил, что в США есть влиятельные силы, которые выступают против Советского Союза, и они будут толкать Рузвельта на союз с Гитлером. В заключение беседы он особо отметил, что важно не допустить сговора США и Германии, который закончился бы сепаратным миром за счет интересов СССР.

Зарубин руководил «легальной» резидентурой в Нью-Йорке до апреля 1943 года, а затем стал главным резидентом в США под прикрытием 2-го секретаря посольства СССР в Вашингтоне. Под его руководством резидентуры в Нью-Йорке, Вашингтоне и Сан-Франциско добились значительных результатов и внесли огромный вклад в дело укрепления экономической и военной мощи СССР. Так, советским разведчикам удалось значительно расширить агентурный аппарат. Надежные источники информации были приобретены в основных исполнительных органах власти, в том числе в государственном департаменте, ряде военных ведомств, разведке и контрразведке США, научно-исследовательских организациях, фирмах и предприятиях.

Сотрудники советской внешней разведки в США не только своевременно информировали Центр о политике и планах американского руководства в отношении нашей страны, но и оказывали влияние на решение ряда вопросов в пользу Советского Союза через многих весьма авторитетных лиц в американском правительстве, а также среди ближайшего

окружения президента Ф. Рузвельта. Им удалось сорвать сепаратные переговоры, которые вел в Швейцарии с гитлеровцами видный американский разведчик А. Даллес.

Повышенная активность советских разведчиков не могла не привлечь к ним внимания американской контрразведки. Деятельность Зарубина как резидента советской внешней разведки стала известна противнику. В конце 1944 года он был объявлен персоной «нон грата» и вынужден был покинуть США.

В сентябре 1944 года за достигнутые результаты в работе В. М. Зарубину было присвоено звание комиссара госбезопасности.

После войны генерал-майор Зарубин стал заместителем начальника внешней разведки органов государственной безопасности. В этой должности он проработал до 1948 года, когда вышел в отставку по состоянию здоровья.

За плодотворную работу во внешней разведке генерал-майор Зарубин был награжден двумя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды и многими медалями, а также нагрудным знаком «Почетный работник ВЧК – ГПУ (XV)».

Скончался Василий Михайлович в 1972 году. Его имя занесено на Мемориальную доску Службы внешней разведки Российской Федерации.

Владимир Молодцов

Об этом человеке долгое время знали очень немногие, хотя у него была удивительная жизнь: молодежный вожак подмосковного поселка Кратово, шахтер-тридцатитысячник, капитан госбезопасности – разведчик, организатор разведывательно-диверсионного подполья в оккупированной Одессе…

Владимир Молодцов родился 5 июня 1911 года в городе Сасово Рязанской губернии в семье железнодорожника. С 18 лет он начал трудовую деятельность: был чернорабочим, слесарем. В октябре 1930 года по комсомольской путевке приехал на шахту в Бобрик-Донской Подмосковного угольного бассейна, где проработал около четырех лет. Владимир трудился шахтером-вагонщиком – вывозил из забоя груженные углем вагонетки. А в свободное время активно занимался общественной работой, входил в состав бюро комсомольской ячейки шахты.

Владимир Александрович Молодцов

Работая в шахте, Молодцов одновременно учился на рабфаке Московского инженерно-экономического института. После завершения учебы в 1934 году он был направлен на работу в органы государственной безопасности. В 1935 году окончил Центральную школу НКВД СССР и стал сотрудником Главного управления НКВД по Москве и Московской области. 1 марта 1941 года получил назначение на работу во внешнюю разведку. Являлся начальником одного из подразделений политической разведки.

С началом Великой Отечественной войны Молодцов в числе других оперативных работников внешней разведки был включен в состав Особой группы при наркоме внутренних дел, которая была создана для организации разведывательно-диверсионной работы в тылу противника.

В середине июля 1941 года разведчик был направлен во главе оперативной группы в Одессу для проведения специальных операций. К этому времени на фронте сложилась очень тревожная обстановка. Гитлеровские войска быстро продвигались вглубь советской территории. Уже были захвачены Латвия, Литва, значительная часть Белоруссии, Украины и Молдавии. Упорные бои шли на юге страны. Непосредственная угроза нависла над Одессой, которая оказалась в глубоком тылу противника. До середины октября части Отдельной Приморской армии и подразделения Черноморского флота героически обороняли город. Однако с каждым днем становилось ясно, что Одессу придется оставить врагу. Молодцов и сотрудники его группы принимали активное участие в подготовке организованного сопротивления немецко-румынским захватчикам. Вместе с руководством местного управления НКВД и Одесским обкомом ВКП(б) они создавали подпольные группы и диверсионные отряды.

В ночь на 16 октября 1941 года советские кадровые части покинули Одессу. К этому времени Молодцов и его группа полностью выполнили поставленные перед ними задачи. Центр не настаивал на том, чтобы разведчик обязательно остался в оккупированном городе. Окончательное решение на этот счет он принял сам и получил на то согласие Москвы. Молодцов остался в Одессе в качестве резидента-нелегала для руководства созданной там агентурной сетью и организации диверсионной и разведывательной работы в тылу врага. Ядро его резидентуры, получившей в оперативной переписке кодовое название «Форт», составили члены его московской оперативной группы, а также сотрудники центрального аппарата украинского НКВД и кадровые

чекисты областного управления. Отметим, что немаловажное значение в выборе Молодцова в качестве руководителя одесского очага сопротивления имела его гражданская специальность – шахтер. Практически вся его резидентура и группы помощников состояли из бывших горняков. Ведь активных членов подполья и подбирали целенаправленно – для работы в катакомбах.

При резидентуре Молодцова было создано два партизанских отряда. Первый из них должен был постоянно находиться в одесских подземных катакомбах и периодически совершать оттуда боевые выходы на поверхность. Второй партизанский отряд – наружный – состоял из нескольких боевых и агентурных групп. Ему предстояло действовать в самой Одессе, а также в районе сел Нерубайское, Куяльники и Усатово, в окрестностях которых находились основные выходы из катакомб. Бойцы обоих отрядов были заблаговременно снабжены оружием. На конспиративных квартирах в городе были оборудованы тайники с вооружением и взрывчаткой. В катакомбы были завезены различные продукты питания, большое количество теплой одежды, взрывчатых веществ и радиостанция.

В день оккупации Одессы немецко-румынскими войсками, руководящий состав резидентуры и первый партизанский отряд вошли через шахту в селе Нерубайское в одесские катакомбы. Начались тяжелые и напряженные боевые будни партизан.

Многоопытные спецслужбы противника – гестапо и румынскую королевскую контрразведку (сигуранцу) – поражали размах и масштабность диверсий, совершаемых патриотами. В порту, на железной дороге, на аэродроме, в рыбачьем поселке, на Большой Фонтанке, даже в рядах самих оккупантов – всюду имелись у Молодцова добровольные помощники. Они снабжали его ценнейшей военной и политической информацией.

Бойцы резидентуры «Форт» не давали покоя оккупировавшим Одессу немецким и румынским войскам. Каждый день, утром и вечером, они выходили на задания. Уже в начале ноября 1941 года партизаны подорвали полотно железной дороги между станциями Дачная и 2-я Застава. В результате движение на дороге было приостановлено на сутки. Немногим позже был взорван железнодорожный состав с войсками и боевой техникой на перегоне Одесса – Раздольная. В ночь на 17 ноября в районе станции 2-я Застава партизаны пустили под откос эшелон «люкс» из Бухареста. Под его обломками погибли более двухсот высокопоставленных немецких и румынских чиновников, направлявшихся для работы в оккупационной администрации Одессы.

Бойцами Молодцова была взорвана одесская военная

комендатура оккупантов в то время, когда там проходило совещание офицеров. Под обрушившейся крышей погибли 140 фашистов, среди них комендант города генерал Глогуяну и префект полиции генерал Давилу.

Подрывные группы уничтожили несколько складов противника, жандармских постов, взорвали плотину Хаджибейского лимана.

Одновременно чекисты и их добровольные помощники активно занимались сбором разведывательной информации и систематически передавали в Москву данные о дислокации военных объектов и положении в городе.

Своими активными действиями бойцы отряда, расположенного в катакомбах, в течение нескольких месяцев отвлекали на себя крупные силы врага. В разделе «Очерков истории российской внешней разведки», посвященном деятельности нелегальной резидентуры «Форт», по этому поводу, в частности, говорится: «За период с октября 1941 по июнь 1942 года подпольщики временами приковывали к себе до 16 тысяч вражеских солдат, среди которых находились, кроме жандармерии, части СС…»

9 февраля 1942 года румынская охранка арестовала Молодцова, вышедшего из катакомб в город для решения оперативных вопросов. Позже было установлено, что он был схвачен сигуранцей на квартире командира наружного отряда Федоровича, который стал на путь предательства, инициативно сообщив противнику о своей принадлежности к подпольной организации и начав сотрудничать с румынской спецслужбой…

В тюрьме руководитель нелегальной резидентуры вел себя исключительно мужественно. Он постоянно находился в кандалах, его пытали на электрическом стуле, однако разведчик выдержал все испытания. 3 июля 1942 года Молодцов предстал перед румынским военно-полевым судом, который приговорил его к расстрелу.

После оглашения смертного приговора Молодцову предложили написать прошение о помиловании. Он заявил: «Мы на своей земле, и у врагов помилования просить не будем». 12 июля 1942 года Владимир Молодцов был расстрелян.

За образцовое выполнение специальных заданий в тылу противника и проявленные при этом отвагу и геройство Владимиру Александровичу Молодцову Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 ноября 1944 года было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Леонид Квасников и атомная бомба

Жизненный путь Леонида Романовича Квасникова начинался так, что он мог стать педагогом, ученым, крупным инженером в промышленности. Но ему суждено было иное – сыграть исключительную роль в истории становления и развития научно-технического направления деятельности внешней разведки Советского Союза, руководить разведчиками, которые добыли для нашей страны сверхсекретные материалы по американской атомной программе. И слова И. В. Курчатова о том, что «советская разведка оказала неоценимую помощь при создании советского ядерного оружия» можно отнести непосредственно к Леониду Романовичу.

Родился Леонид Квасников 2 июня 1905 года в семье железнодорожника, которая в то время жила на небольшой станции Узловая Тульской губернии.

Леонид Романович Квасников

Трудовую деятельность начал с 17 лет чернорабочим на Сызранско-Вяземской железной дороге. После окончания в 1926 году Тульского железнодорожного техникума работал помощником машиниста паровоза, с 1928 года – техником-чертежником. В 1929 году стал машинистом паровоза на Московско-Курской железной дороге.

В 1934 году Леонид с отличием окончил механический факультет Московского института химического машиностроения. Год работал инженером на Черноречeнском химическом комбинате в городе Дзержинске Горьковского края, затем учился в аспирантуре МИХМа.

В сентябре 1938 года Квасников был направлен по партийной линии на работу в органы государственной безопасности. После окончания Школы особого назначения, готовившей кадры для внешней разведки, он был назначен старшим оперуполномоченным отделения научно-технической разведки

(НТР). В 1939–1940 годах неоднократно выезжал в командировки в Германию и в немецкую зону оккупации бывшей Польши для выполнения разведывательных задач.

В феврале 1941 года Квасников назначается начальником отделения научно-технической разведки. По роду своей деятельности он не порывал связей с наукой и внимательно следил за появлением новых научных достижений. Не прошел он и мимо открытия в 1939 году цепной реакции деления атомов урана-235, ведущей к созданию атомного взрывчатого вещества и оружия с его использованием.

Незадолго до нападения Германии на СССР Квасников явился инициатором направления в ряд резидентур внешней разведки, в том числе в Лондон, Нью-Йорк, Берлин, Стокгольм и Токио, ориентировки с указанием приступить к получению сведений о возможных работах на Западе по созданию атомного оружия. Уже в сентябре 1941 года лондонская резидентура НКВД сообщила, что английское правительство серьезно прорабатывает вопрос о создании «урановой бомбы» большой разрушительной силы. Эти сведения содержались в докладе Уранового комитета от 16 сентября 1941 года, предназначенном британскому премьер-министру У. Черчиллю. В документе говорилось о начале работ по созданию в Великобритании и США атомной бомбы и о ее предполагаемой конструкции.

В конце 1941 года из Лондона поступила дополнительная информация о том, что США и Великобритания приняли решение строить атомные объекты в США, поскольку Англия подвергалась постоянным воздушным бомбардировкам германской авиации. В оперативной переписке советской разведки проект создания атомного оружия в США и Англии получил кодовое название «Энормоз». Американцы же называли работы над атомной бомбой «Манхэттенским проектом».

В конце 1942 года руководство разведки приняло решение о направлении Квасникова в командировку в США. Ему поручалось наладить добывание информации об атомном оружии. Одновременно Квасников должен был возглавить резидентуру научно-технической разведки в Нью-Йорке. В середине января 1943 года он выехал к новому месту работы.

Главной задачей разведки по «Энормозу» в тот период было информировать советских ученых о реальных результатах ведущихся в США работ по созданию атомного оружия. И эта задача была успешно решена во многом благодаря Квасникову и сотрудникам его резидентуры, которые активно работали с находившимися у них на связи источниками.

Руководитель советских ученых, занимавшихся атомным

проектом, Курчатов следующим образом оценивал поступавшую из-за океана информацию по атомной проблематике: «Получение материалов имеет громадное, неоценимое значение для нашего государства и науки. Теперь мы имеем важные ориентиры для последующего научного исследования, они дают возможность нам миновать многие весьма трудоемкие фазы разработки урановой проблемы и узнать о новых научных и технологических путях ее решения».

В первых числах июня 1945 года резидентура НТР получила подробную документальную информацию по устройству атомной бомбы и проинформировала Центр о том, что в июле состоится испытание первой американской атомной бомбы. И когда 16 июля 1945 года близ Аламагордо (штат Нью-Мексико) ядерный взрыв был произведен – это событие не застало врасплох советское правительство…

Помимо работы по проекту «Энормоз», Квасников в Нью-Йорке занимался также организацией получения научной и военно-технической информации. Проявил высокий профессионализм и глубокое понимание проблем, над которыми работали подчиненные ему сотрудники. Принимал непосредственное участие в разведывательной работе. Из резидентуры НТР в Центр в большом объеме поступала секретная документальная информация и образцы техники по авиации, радиолокации, химии, медицине, представлявшие значительный интерес для отечественной промышленности, работавшей на фронт.

В декабре 1945 года завершилась командировка Леонида Романовича в США. Возвратившись в Москву, он продолжал работу в центральном аппарате разведки. С 1948 по 1963 год Квасников являлся бессменным руководителем отдела научно-технической разведки, который впоследствии был преобразован в управление. В этой должности широко проявились его блестящие организаторские способности. Под руководством Квасникова научно-техническая разведка добилась серьезных успехов в решении стоявших перед ней задач.

После первого испытания советской атомной бомбы в 1949 году большая группа ее создателей была отмечена государственными наградами. В списке награжденных было представлено шесть разведчиков, работавших за рубежом по линии научно-технической разведки. Квасников получил орден Ленина.

С 1963 по 1966 год Квасников работал старшим консультантом при начальнике ПГУ КГБ (внешняя разведка) по научно-технической разведке. В декабре 1966 года вышел на

пенсию.

За достигнутые результаты в разведывательной деятельности полковник Квасников был награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны I и II степени, двумя орденами Красной Звезды, многими медалями, а также нагрудными знаками «Почетный сотрудник госбезопасности» и «За службу в разведке».

Скончался Леонид Романович 15 октября 1993 года.

За успешное выполнение специальных заданий по обеспечению государственной безопасности в условиях, сопряженных с риском для жизни, проявленные при этом героизм и мужество Указом Президента Российской Федерации от 15 июня 1996 года Леониду Романовичу Квасникову было посмертно присвоено звание Героя России.

Дмитрий Медведев

Ровесником XX века можно по праву назвать Дмитрия Николаевича Медведева – известного партизанского командира, Героя Советского Союза, видного советского писателя и общественного деятеля. Он жил и трудился в наиболее бурный период новейшей истории нашей страны, вместивший в себя величайшую революцию, Гражданскую и Великую Отечественную войны, невероятный размах научно-технического прогресса, изменение морально-нравственных устоев.

Дмитрий Медведев родился 22 августа 1898 года в Бежице – небольшом городке Брянского уезда Орловской губернии в семье квалифицированного сталелитейщика. Отец работал на местном рельсопрокатном заводе. Дмитрий учился в гимназии, вечерами давал частные уроки, а в летние каникулы подрабатывал на том же заводе. У Медведевых было тринадцать детей, и приработок Дмитрия был существенным для семейного бюджета.

Дмитрий Николаевич Медведев

С 16 лет он начал помогать своему старшему брату Александру – члену Брянского окружного комитета РСДРП: расклеивал листовки, прятал оружие. В середине 1918 года Дмитрий добровольно вступил в ряды Красной Армии. Принимал участие в боях на Восточном фронте и против армии Юденича. Возвратившись в мае 1920 года в Брянск, он был принят на работу в местные органы ВЧК. В декабре 1920 года Медведев вместе с другими добровольцами-чекистами выехал в Донбасс, где в течение двух лет участвовал в ликвидации банд Каменюки, Белокобыльского, «Балабы», «Блохи», являлся председателем ЧК Старобельска. В августе 1922 года последовал перевод Медведева в Одессу на должность начальника секретного отдела местного ГПУ. Вместе со своими боевыми товарищами двадцатипятилетний, но уже опытный чекист Медведев успешно осуществил сложнейшую операцию по уничтожению целой сети подпольных штабов так называемой Украинской повстанческой армии, ликвидировал известную в свое время в Одессе банду атамана Заболотного.

После Одессы Медведев трудился в Харькове, Днепропетровске, Херсоне, Киеве. За успешную работу в органах ВЧК – ОГПУ он был награжден золотыми часами, личным боевым оружием с надписью: «За беспощадную борьбу с контрреволюцией» и нагрудным знаком «Почетный работник ВЧК – ГПУ (XV)».

Летом 1935 года Медведев был направлен на учебу в Москву – на Курсы высшего начальствующего состава НКВД.

Однако в июле 1937 года он был освобожден от оперативной работы и уволен в запас в связи с арестом его родного брата Александра.

22 июня 1941 года Медведев подает рапорт на имя наркома госбезопасности, в котором выражает твердое желание вернуться в строй. Одновременно с рапортом он пишет письмо на имя Сталина, в котором излагает свои предложения по развертыванию в тылу врага активной разведывательно-диверсионной работы.

Письмо опытного чекиста Сталину понравилось. Его предложение о заброске в тыл врага небольших разведывательно-диверсионных групп было принято, и уже в августе 34 сотрудника НКВД во главе с капитаном госбезопасности Медведевым приступили к боевой работе. С августа 1941 года по февраль 1942 года Медведев руководил специальным оперативным отрядом «Митя», действовавшим на территории Смоленской, Орловской и Брянской областей.

За 4 месяца пребывания в тылу противника отряд за счет выходивших из окружения с оружием командиров и бойцов Красной Армии увеличился до 230 человек. Бойцы отряда провели 50 боевых операций, уничтожив при этом двух генералов, 425 солдат и офицеров, сбили и сожгли 9 самолетов противника, подорвали 10 автомашин, 4 паровоза, 30 вагонов, 10 мостов, организовали крушение 3 воинских эшелонов.

За успешные действия в тылу врага Медведев в феврале 1942 года был награжден орденом Ленина.

Однако самым главным, что извлек Медведев из рейда отряда «Митя», явился вывод, сделанный на основе уже полученного опыта: в условиях жесточайшего, продуманного до мелочей оккупационного режима гитлеровцев действия небольших разведывательных групп и тем более отдельных разведчиков предельно затруднены, и успешная, систематическая, глубокая и надежная деятельность разведки возможна только при наличии прочной базы, каковой должны быть сильные, достаточно крупные партизанские отряды.

Именно такой базой явился разведывательно-диверсионный отряд специального назначения «Победители», которым Медведеву довелось командовать с июня 1942 по апрель 1944 года.

Отряд вел боевые действия в Ровенской и Львовской областях. Его основная база располагалась под городом Ровно, избранным гитлеровцами в качестве столицы оккупированной Украины

Десантированный небольшими группами начиная с весны 1942 года, оперативный отряд Медведева в составе 75 человек к февралю 1944 года превратился в целое соединение, насчитывавшее свыше 7 тысяч бойцов и наводившее ужас и панику на фашистских оккупантов и украинских националистов.

Непосредственно бойцы отряда «Победители» провели 92 боя с карательными отрядами фашистских оккупантов, во время которых уничтожили более 2000 офицеров и солдат противника, более 6 тысяч украинских националистов и полицаев, служивших у гитлеровцев. В результате актов возмездия были ликвидированы 11 генералов и высших государственных чиновников фашистской Германии.

Подрывниками-медведевцами был пущен под откос 81 эшелон с живой силой противника и боевой техникой, взорвано 10 мостов, осуществлены десятки других боевых операций, любая из которых достойна восхищения своей смелостью и дерзостью.

Используя связи в учреждениях и организациях оккупантов,

оперативный состав отряда «Победители» получал обширную разведывательную и контрразведывательную информацию, которая своевременно передавалась в Центр: о военно-политической обстановке на оккупированной территории, о мероприятиях фашистских оккупационных властей, о переброске войск и боевой техники по железной и шоссейным дорогам, детальные данные о военных гарнизонах. Среди наиболее ценной разведывательной информации достаточно назвать переданные Медведевым в Москву сообщения о подготовке гитлеровцами покушения на участников исторического совещания в Тегеране – Сталина, Рузвельта и Черчилля, о размещении под Винницей полевой ставки Гитлера, о подготовке немецким командованием крупного наступления под Курском.

За время нахождения во вражеском тылу Дмитрий Николаевич был дважды ранен, получил контузию. В апреле 1944 года оперотряд «Победители» вышел из вражеского тыла на переформирование. Тяжело больной, Медведев долгое время находился на излечении.

За образцовое выполнение заданий командования в тылу противника и проявленные при этом мужество и героизм полковнику Медведеву Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 ноября 1944 года было присвоено звание Героя Советского Союза. Он был награжден четырьмя орденами Ленина, орденом Красного Знамени и многими медалями.

В октябре 1946 года Медведев вышел в отставку по состоянию здоровья и занялся литературной деятельностью. Его перу принадлежат патриотические, правдивые произведения, главная тема которых – мужество, моральная стойкость, незабываемые подвиги советских людей в тылу врага. Широко известны книги писателя «Это было под Ровно», «Сильные духом», «На берегах Южного Буга», посвященные боевым действиям отряда «Победители» и самоотверженной борьбе героического подполья.

Жизнь Дмитрия Николаевича Медведева оборвалась в расцвете его творческих сил – в 56 лет. Он скончался 14 декабря 1954 года.

В день его похорон центральные газеты писали: «Всю сознательную жизнь Дмитрий Медведев участвовал в борьбе своего класса – подростком, юношей, зрелым мужчиной – до последнего удара сердца. Передышки в жизни ему не выпадало».

Каждый прожитый год все больше отдаляет нас от событий, активным участником которых был Дмитрий Николаевич. Но есть дела, которые не меркнут, есть слава, которая не увядает. Таковы дела и слава патриота Медведева – чекиста, разведчика, активного участника Великой Отечественной войны, писателя.

Когда один из журналистов спросил Дмитрия Николаевича, кем же он себя все же считает, Медведев ответил коротко: «Я был и остаюсь чекистом».

Владимир Барковский

За плечами выдающегося советского разведчика, Героя Российской Федерации Владимира Борисовича Барковского, было немало достойных этого высокого звания дел. К сожалению, еще не пришло время говорить о многих операциях, в которых он принимал участие. Лишь намеком на активную оперативную деятельность разведчика могут служить те награды, которыми была отмечена его служба во внешней разведке.

Владимир Барковский родился 16 октября 1913 года в городе Белгороде Курской губернии в семье служащего. Отец погиб на полях Первой мировой войны, и Владимир еще в младенчестве остался сиротой.

Владимир Борисович Барковский

После окончания средней школы в 1930 году Владимир пошел работать на завод слесарем. Одновременно учился на вечернем рабфаке. В 1934 году стал студентом Московского станко-инструментального института. В студенческие годы активно занимался планерным и парашютным спортом в Московском студенческом аэроклубе. Одновременно окончил летную школу Осоавиахима и как пилот был приписан к истребительному полку ПВО города Москвы.

В 1939 году, окончив институт, Барковский был направлен на работу во внешнюю разведку органов госбезопасности.

В 1938 году ЦК ВКП(б) рассмотрел вопрос о реорганизации внешней разведки НКВД СССР. Было принято решение об укреплении разведки и расширении ее штатов с таким расчетом, чтобы активизировать разведывательную деятельность за рубежом по политической, научно-технической и контрразведывательной линиям. Для подготовки сотрудников внешней разведки в 1938 году была создана Школа особого назначения (ШОН). В нее набирали в первую очередь комсомольцев, имевших высшее образование. Именно поэтому Владимир Барковский и стал кандидатом на учебу в ШОН. Получив разведывательную подготовку в Школе особого назначения, он уже в ноябре 1940 года выехал в Англию в качестве оперативного сотрудника лондонской резидентуры. Молодому разведчику предстояло специализироваться в добывании информации по линии научно-технической разведки.

Первые месяцы работы в Лондоне заложили хороший фундамент для совершенствования «Дэна» (таким стал оперативный псевдоним Барковского) как разведчика. Работал он отнюдь не в комфортных условиях: помимо ежедневных налетов германской авиации, мешала также настороженность англичан к иностранцам, впрочем, объяснимая суровыми условиями военного времени.

В Лондоне «Дэн» приобрел ряд источников, от которых получал весьма ценную секретную информацию, имевшую большое значение для укрепления обороноспособности нашей страны. В частности, в Центр были направлены исключительно важные материалы по радиолокации, реактивным двигателям и другим направлениям развития военной техники. Однако наиболее значимым направлением разведывательной деятельности «Дэна» в Англии стала работа по проблеме разработки и создания атомного оружия.

В сентябре 1941 года лондонская резидентура НКВД получила сведения о том, что идея создания атомного оружия приобретает в Англии реальные очертания. От ее агента Джона

Кернкросса поступили документальные данные о том, что английское правительство серьезно прорабатывает вопрос о создании бомбы большой разрушительной силы. Эти сведения содержались в докладе так называемого Уранового комитета от 24 сентября 1941 года, предназначенном для информации британского кабинета министров о ходе работы по атомной бомбе. В докладе были высказаны рекомендации Объединенного комитета начальников штабов (британский Генштаб) о необходимости создания атомной бомбы в течение ближайших двух лет.

Согласно информации Кернкросса, Урановый комитет получил кодовое название «Директорат Тьюб-Эллойс». Научной работой британских физиков в области атомной энергии руководила специальная группа ученых во главе с известным физиком Томсоном. В подборке документов, переданных Кернкроссом, содержались подробные сведения о деятельности Уранового комитета, о технологии производства урана-235, о конструкции атомного заряда атомной бомбы пушечного типа и т. п. Перечислялись также исследовательские и промышленные центры страны, намеченные для участия в развертывании практических работ по созданию этого смертоносного оружия.

Поскольку в документах Уранового комитета была масса технических терминов, мало понятных непосвященным, резидент поручил «Дэну», как инженеру по основной специальности, подготовить для Центра информационную телеграмму. Она до сих пор хранится в деле «Энормоз» (такое кодовое название получил в оперативной переписке советской разведки проект создания атомного оружия в США и Англии).

Это была одна из первых добытых советской внешней разведкой информаций о разработке на западе атомного оружия. О полученных сведениях было доложено руководству страны. В дальнейшем такого рода данные сообщались в Центр регулярно.

Для молодого разведчика это было первое соприкосновение с проблемой атомного оружия. Более глубокое знание этой проблемы пришло к «Дэну» после того, как ему был передан на связь источник «Н», принимавший непосредственное участие в создании атомного оружия в Англии.

За время работы в резидентуре «Дэн» приобрел шесть ценных источников. К концу своей командировки ему удалось значительно расширить агентурную сеть резидентуры по линии НТР. Входившие в нее источники передавали информацию по различным научно-техническим направлениям.

Поступавшая от источников информация, особенно по атомному оружию, низменно получала высокую оценку Центра.

Подводя итоги разведывательной работы линии НТР лондонской резидентуры за 1945 год, Центр, в частности, особо отметил деятельность «Дэна». В документе указывалось, что «за истекший год от него поступило весьма ценных материалов 44 процента, ценных – 14, информационных – 13 и малоценных всего 0,87 процента. На конец года еще не поступило из ведомств оценок на 28 процентов материалов, поскольку большинство из них касается атомной проблемы».

И не случайно работа разведчика в лондонской резидентуре была отмечена боевыми орденами.

В Москву Барковский возвратился только в 1946 году. Работал на руководящих должностях в центральном аппарате научно-технической разведки. В 1954 году возглавил американский отдел внешней разведки, выезжал в служебные командировки в США и страны Западной Европы.

В 1956–1960 годах являлся резидентом ПГУ КГБ в США. Здесь в 1960 году ему пришлось обеспечивать визит Н. С. Хрущева на сессию Генеральной Ассамблеи ООН. Пришлось столкнуться ему и с ужесточением агентурно-оперативной обстановки в стране, вызванной арестом разведчика-нелегала Вильяма Фишера, более известного мировой общественности под именем полковника Рудольфа Абеля.

За годы работы за рубежом Барковский прошел путь от рядового разведчика до резидента. В последующие годы посвятил себя преподавательской деятельности, являясь профессором одной из основных кафедр Краснознаменного института КГБ (ныне – Академия внешней разведки). Он являлся кандидатом исторических наук, автором многих научных трудов по разведывательной проблематике.

В 1984 году ветеран вышел в отставку по возрасту. Однако до своего последнего дня продолжал принимать активное участие в воспитании молодых сотрудников разведки.

За достигнутые высокие разведывательные результаты полковник Барковский был награжден орденом Красного Знамени, тремя орденами Трудового Красного Знамени, орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды, «Знак Почета», многими медалями, а также нагрудными знаками «Почетный сотрудник госбезопасности» и «За службу в разведке».

15 июня 1996 года Указом Президента Российской Федерации за выдающийся вклад в обеспечение безопасности нашей страны ему было присвоено звание Героя России.

Скончался Владимир Борисович Барковский 21 июля 2003 года. Его имя занесено на Мемориальную доску Службы внешней разведки России.

Яков Серебрянский

30 марта 1956 года в Бутырской тюрьме на допросе у следователя Военной прокуратуры СССР от сердечного приступа скончался один из организаторов советской внешней разведки Яков Исаакович Серебрянский. Не выдержало сердце разведчика-нелегала, имя которого в 1920—1930-е годы было покрыто легендами в чекистской среде.

И сегодня фамилию Серебрянский можно увидеть среди семидесяти пяти фамилий лучших сотрудников внешней разведки за всю ее историю, занесенных на Мемориальную доску Службы внешней разведки Российской Федерации.

Активный и талантливый разведчик Яков Исаакович Серебрянский прожил полную тревог и опасностей героическую и в то же время трагическую жизнь.

Яков Исаакович Серебрянский

9 декабря 1892 года в Минске в семье подмастерья у часовых дел мастера Исаака Серебрянского родился сын, которому

родители дали имя Яков. В 1908 году Яков успешно закончил обучение в минском городском училище. В годы учебы он состоял в кружке эсеров-максималистов.

В мае 1909 года был арестован полицией за «хранение литературы преступного содержания». В заключении провел один год, после чего был административно выслан в Витебск. С апреля 1910 года работал электромонтером на Витебской электростанции.

В августе 1912 года Яков был призван в армию. Служил рядовым 122-го Тамбовского полка в Харькове. С июля 1914 года воевал на Западном фронте. Однако уже в августе был тяжело ранен, полгода находился на излечении в госпитале, а затем демобилизован. С февраля 1915 года работал электромонтером на газовом заводе в Баку.

После Февральской революции 1917 года Серебрянский становится активистом эсеровской организации, членом Бакинского совета. От партии социалистов-революционеров он избирается делегатом Первого съезда Советов Северного Кавказа. После освобождения Баку от мусаватистов Серебрянский служил в Красной Армии – начальником отряда Бакинского Совета по охране продовольственных грузов на Владикавказской железной дороге. После падения Бакинской коммуны он переселился в персидский город Решт.

В мае 1920 года в Персию вошли части Красной Армии. В июне Решт был провозглашен столицей Гилянской советской республики. Именно в это время судьба свела Серебрянского с видным чекистом того времени Яковом Блюмкиным. Последний посодействовал принятию Серебрянского на службу в Особый отдел. Так началась работа Серебрянского в ВЧК. После поражения Гилянской республики Серебрянский переехал в Москву, где продолжил службу в центральном аппарате ВЧК в качестве оперативного работника. В августе 1921 года он увольняется из ВЧК по демобилизации и поступает на учебу в Электротехнический институт.

В октябре 1923 года Серебрянский становится кандидатом в члены ВКП(б). И вновь в его судьбу вмешался Блюмкин. В то время он собирался по линии внешней разведки на нелегальную работу в Палестину в качестве резидента и предложил Якову ехать вместе с ним. Серебрянский дал свое согласие и был зачислен особоуполномоченным закордонной части Иностранного отдела ОГПУ. В декабре 1923 года он выехал в Яффу (ныне Тель-Авив). В июне 1924 года Блюмкин был отозван в Москву, а его на посту резидента сменил Серебрянский. Руководство разведки поставило перед Серебрянским весьма

сложную задачу по созданию глубоко законспирированной агентурной сети в регионе, с которой он успешно справился. Разведчику удалось привлечь к сотрудничеству большую группу эмигрантов как из числа еврейских поселенцев, так и из русских, осевших в Палестине.

В 1924 году к Серебрянскому присоединилась жена Полина, направленная в Яффу помогать супругу по личному указанию начальника ИНО ОГПУ Трилиссера. Он вызвал к себе Полину Натановну и объявил ей, что надо ехать к мужу, помогать ему.

– Не поеду, боюсь.

Несколько затянувшаяся беседа закончилась очень просто. Трилиссер положил свою ладонь на руку Серебрянской и мягко, но твердо сказал: «Ну вот что, Полина Натановна… Или вы поедете за границу к мужу или вам придется положить на стол партийный билет». Для нее, члена партии с 1921 года, сотрудницы Краснопресненского райкома партии, это было просто немыслимо, и она поехала. И была с мужем в Палестине, во Франции, в Германии, США и Бельгии, везде активно помогая мужу в его работе.

В 1925 году Серебрянского отозвали из Палестины и направили на нелегальную работу в Бельгию. В Москву он возвратился в феврале 1927 года и был принят в члены ВКП(б). В том же году его направили нелегальным резидентом в Париж, где он проработал до марта 1929 года. Материалы о деятельности Серебрянского в Бельгии и во Франции до сих пор носят гриф «секретно». Тем не менее свидетельством его успешной оперативной деятельности может являться тот факт, что за время загранкомандировок разведчик был дважды отмечен высшими ведомственными наградами – нагрудными знаками «Почетный работник ВЧК – ГПУ» и серьезным повышением по службе, а ранее – в 1927 и 1928 годах – дважды личным боевым оружием. 30 марта 1930 года Серебрянский был награжден орденом Красного Знамени.

В июне 1934 года Серебрянский возглавил Специальную группу особого назначения (СГОН), которая напрямую подчинялась наркому внутренних дел. При ней была создана школа разведчиков-нелегалов диверсионного профиля. Многие ее выпускники в годы Великой Отечественной войны стали крупными специалистами по проведению диверсий в тылу противника. Активно действовали сотрудники группы Серебрянского и в период гражданской войны в Испании. И не случайно 31 декабря 1936 года в советской прессе было опубликовано постановление ЦИКа Союза ССР «О награждении за особые заслуги в деле борьбы с контрреволюцией тов.

Серебрянского орденом Ленина».

Осенью 1938 года Серебрянский был отозван из Парижа, где он находился в очередной командировке, и 10 ноября арестован в Москве прямо у трапа самолета. Ордер на его арест подписал сам Берия. В ходе следствия, которое вел будущий министр госбезопасности Виктор Абакумов, разведчик подвергался «интенсивным методам допроса».

7 июля 1941 года, когда на просторах Советского Союза уже вовсю полыхала война, Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Серебрянского к расстрелу за шпионскую деятельность. Однако Великая Отечественная война, принявшая неожиданно трагический оборот, потребовала концентрации всех сил на отпор врагу. В этих условиях органам государственной безопасности приходилось перестраиваться на военный лад, а не заниматься поисками внутренних врагов. Враг был налицо, невиданно жестокий и могучий. В рамках НКВД было создано 4-е управление, в задачу которого входила организация зафронтовой разведки и развертывание диверсионной борьбы в тылу врага. Но ему явно не хватало профессионалов, подобных Серебрянскому. Начальник 4-го управления генерал Судоплатов обратился к Берии с просьбой освободить из заключения ожидавшего расстрела Серебрянского и еще ряд чекистов.

Решением Президиума Верховного Совета СССР от 9 августа 1941 года Серебрянский был амнистирован и восстановлен в партии. В годы Великой Отечественной войны он занимался подготовкой и заброской в тыл врага оперативных групп для выполнения разведывательно-диверсионных задач. За конкретные результаты в работе Серебрянский был повторно награжден орденами Ленина и Красного Знамени, а также медалью «Партизану Отечественной войны I степени».

Однако судьба вновь оказалась неблагосклонна к разведчику. В июле 1953 года был арестован Берия. А 8 октября решением Генерального прокурора СССР арестовывается Серебрянский «за тяжкие преступления против КПСС и Советского государства».

В процессе следствия найти доказательства его причастности к «заговору Берии» не удалось. Однако и выпускать Серебрянского на волю власти не стремились. Тогда было реанимировано фальшивое дело 1938 года. 27 декабря 1954 года было отменено постановление Президиума Верховного Совета СССР от 9 августа 1941 года об амнистии, несмотря на то, что уже начинался процесс реабилитации жертв необоснованных репрессий. Интенсивные допросы разведчика продолжались. Следователи, правда, мер физического воздействия к арестованному не применяли, однако на него постоянно

оказывалось психологическое давление с целью получения признательных показаний. Такого поворота событий Яков Серебрянский не ожидал. 30 марта 1956 года на очередном допросе у следователя Военной прокуратуры СССР генерал-майора юридической службы Цареградского сердце Серебрянского не выдержало, и выдающийся разведчик-нелегал скончался на 64-м году жизни.

В 1971 году, в связи с подготовкой первого учебника по истории советской внешней разведки, Председатель КГБ Ю. В. Андропов узнал о героической и вместе с тем трагической судьбе Якова Исааковича Серебрянского и распорядился провести дополнительное расследование. Его указание было выполнено.

13 мая 1971 года решением Военной коллегии Верховного суда СССР приговор в отношении Якова Серебрянского от 7 июля 1941 года был отменен и дело прекращено за отсутствием состава преступления. Через неделю было прекращено и дело 1953 года в связи с недоказанностью обвинений в его адрес. Разведчик был полностью реабилитирован. Но только спустя четверть века, 22 апреля 1996 года, Указом Президента Российской Федерации Яков Серебрянский был посмертно восстановлен в правах на изъятые у него при аресте награды. Их возвратили сыну разведчика Анатолию Серебрянскому.

Генерал особого назначения Наум Эйтингон

Наум Исаакович Эйтингон скончался 3 мая 1981 года, так и не дождавшись реабилитации. Никаких официальных некрологов в газетах не было. Во время похорон на Донском кладбище в Москве видный советский чекист Герой Советского Союза полковник Евгений Иванович Мирковский сказал: «Сегодня у этой могилы как бы завершается рыцарская эпоха в истории нашей ЧК…»

Наум Исаакович Эйтингон

Честное имя легендарного советского разведчика было восстановлено только в апреле 1992 года, через одиннадцать лет после его кончины.

6 декабря 1899 года в белорусском городе Могилеве в семье Исаака Эйтингона родился первенец, которого родители назвали распространенным еврейским именем Наум. Детство мальчика прошло в небольшом уездном городке Могилевской губернии Шклове, где его отец работал конторщиком на местной бумажной фабрике.

В 1912 году, после смерти мужа, вдова с четырьмя детьми перебралась в Могилев. Наум учился в Могилевском коммерческом училище. Одновременно подрабатывал частными уроками и репетиторством. В училище он впервые познакомился с революционной литературой.

Эйтингон с восторгом встретил Октябрьскую революцию. В 1918 году работал в Могилевском городском совете, где занимался реализацией продразверстки. После окончания в Москве в 1919 году курсов при Всероссийском совете рабочей кооперации переехал на жительство в Гомель. В октябре того же года вступил в партию большевиков.

В мае 1920 года Эйтингон по путевке Гомельского губкома партии был направлен на работу в Особый отдел Гомельского укрепрайона. Будучи сотрудником Гомельской губернской ЧК, он принимал активное участие в реализации ряда чекистских операций. В ходе одной из таких операций в октябре 1921 года был тяжело ранен в левую ногу. В марте 1922 года, выйдя из госпиталя, Эйтингон был назначен членом коллегии Башкирского отдела ГПУ и вскоре выехал в Стерлитамак, являвшийся в то время столицей автономной республики.

В Башкирии Эйтингон служил до мая 1923 года. Затем он был отозван в Москву и направлен на учебу на Восточный факультет Военной академии РККА. После окончания академии Эйтингон был принят на работу в Иностранный отдел ОГПУ и вскоре назначен заместителем руководителя резидентуры в Шанхае. В начале 1927 года, незадолго до захвата города войсками Чан Кайши, Эйтингон возглавил резидентуру ОГПУ в Пекине.

В апреле 1927 года по указанию Чан Кайши китайская полиция совершила налет на советское генеральное консульство в Пекине и разгромила его. После событий в Пекине Эйтингон возглавил резидентуру ОГПУ в Харбине. Для молодого разведчика это, безусловно, было повышением по службе. В Маньчжурии, столицей которой был Харбин, в то время постоянно проживало более ста тысяч выходцев из России. Здесь нашли убежище многочисленные представители царской армии России и белогвардейских банд, в том числе отряды атамана Семенова.

В то же время харбинская резидентура активно действовала не только по белогвардейской эмиграции. Весьма эффективной была ее работа против японских спецслужб, готовивших оккупацию Маньчжурии императорскими войсками.

Между тем активность резидентуры ОГПУ в Харбине не осталась незамеченной местными властями. 27 мая 1929 года был произведен налет на советское генеральное консульство в этом городе. В результате провокаций китайских властей советское правительство 17 июля 1929 года заявило о разрыве дипломатических отношений с Китаем. Все «легальные» резидентуры ОГПУ в этой стране, а их было около десяти, временно прекратили свою работу. Разведка на территории и с территории Китая стала вестись с нелегальных позиций. Эйтингон возвратился в Москву.

Молодой разведчик, набравшийся уже серьезного оперативного опыта, не задержался в Центре, а практически сразу же был направлен в Стамбул, где возглавил резидентуру. Советские разведчики в Стамбуле весьма успешно занимались разработкой дипломатических представительств Японии, Франции и Австрии. Резидентура также активно добывала информацию о деятельности в стране различных групп антисоветской эмиграции – украинской, азербайджанской, северокавказской.

В июне 1930 года бежал на Запад работавший в Турции нелегал Агабеков, с которым Эйтингон поддерживал оперативную связь с позиций резидентуры. Это обстоятельство вынудило Центр отозвать резидента в Москву, чтобы избежать различного рода провокаций.

В Москве Эйтингон был назначен заместителем Серебрянского, возглавлявшего Специальную группу при председателе ОГПУ. С позиций группы он выезжал в США и другие страны, где осуществил ряд ценных вербовок.

Однако несмотря на существенные положительные результаты в работе, в конце 1931 года Эйтингон поставил перед руководством ОГПУ вопрос о своем переводе обратно в ИНО. В начале 1932 года он был командирован во Францию, а затем в Бельгию. В середине 1933 года Эйтингон возвращается в Центр и назначается руководителем подразделения нелегальной разведки. Но уже в конце того же года он надолго выезжает на работу в США, Китай, Иран и Германию. Основные задачи, которые были поставлены руководством разведки перед Эйтингоном в этих странах, заключались в совершенствовании деятельности нелегальных резидентур. С поставленными задачами Эйтингон справился успешно, о чем свидетельствует

присвоение ему в начале 1936 года звания майора госбезопасности, что соответствовало армейскому званию полковника.

В период гражданской войны в Испании Эйтингон являлся заместителем резидента НКВД в этой стране. В качестве основной перед ним была поставлена задача по организации партизанских отрядов и диверсионных групп в тылу франкистов. В 1938 году Эйтингон возглавил резидентуру НКВД в Испании. Работать ему пришлось в исключительно сложных условиях. В феврале 1939 года он осуществил отправку республиканского руководства и лидеров испанской компартии во Францию, а также сотрудников советских учреждений в Испании на родину. Весной 1939 года разведчик возвратился в Москву. За работу в Испании он был награжден орденом Красного Знамени.

В первые дни Великой Отечественной войны Эйтингон был назначен заместителем начальника Особой группы при наркоме внутренних дел, которую возглавлял легендарный чекист генерал Судоплатов. 18 января 1942 года, в связи с расширением партизанской борьбы на оккупированной германским вермахтом советской территории, было образовано 4-е управление НКВД во главе с Судоплатовым. 20 августа того же года Эйтингон стал его заместителем. На это управление возлагались задачи по организации в крупных городах на оккупированных территориях нелегальных резидентур, внедрению агентуры в оккупационные военные и административные органы, по подготовке и заброске в тыл врага разведывательно-диверсионных групп, организации резидентур в районах, находящихся под угрозой захвата, обеспечению групп и агентов оружием, средствами связи и документами. Помимо решения этих задач Эйтингон сыграл ведущую роль в проведении ставших легендарными оперативных радиоигр против немецкой разведки «Монастырь» и «Березино». Участие Эйтингона в этих операциях было отмечено полководческим орденом Суворова II степени.

5 ноября 1945 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Науму Исааковичу Эйтингону за успешно проведенную операцию «Березино» было присвоено звание генерал-майора.

В конце 1946 года Эйтингон получил новое задание руководства разведки. Он был направлен в китайскую провинцию Синьцзян (Восточный Туркестан) для оказания помощи китайскому руководству в установлении полного контроля над этой провинцией.

В 1947 году генерал-майор Эйтингон был вновь назначен заместителем Судоплатова, возглавлявшего отдел по диверсионной работе за границей. В послевоенные годы ему

пришлось принимать активное участие в разработке и реализации оперативных мероприятий, в частности, по ликвидации литовских националистических бандформирований.

Однако занимаемое Эйтингоном высокое положение в органах госбезопасности и значительные успехи в оперативной работе не смогли уберечь его от серьезных неприятностей.

В июне 1953 года был арестован Лаврентий Берия. Вслед за ним по «делу Берии» были арестованы Павел Судоплатов и Наум Эйтингон, а также ряд других ответственных сотрудников наркомата внутренних дел.

Эйтингон оказался за решеткой. Четыре года он провел в Бутырской тюрьме без суда. В марте 1957 года Эйтингон был осужден Военной коллегией Верховного суда СССР к 12 годам лишения свободы. Свой срок он отбывал во Владимирской тюрьме, как говорится, «от звонка до звонка». На свободу вышел только 20 марта 1964 года. Эйтингону разрешили проживать в Москве вместе с семьей. Поскольку он свободно владел несколькими иностранными языками, то устроился работать переводчиком, а затем – старшим редактором в издательстве «Международные отношения».

Наум Исаакович Эйтингон скончался 3 мая 1981 года, так и не дождавшись реабилитации. Посмертная реабилитация разведчика состоялась только в апреле 1992 года. А 9 мая того же года детям Наума Исааковича были возвращены его награды: два ордена Ленина, два ордена Красного Знамени, ордена Суворова II степени и Отечественной войны I степени, два ордена Красной Звезды, а также медали.

В окопах «холодной войны»

Разгром фашистской Германии и милитаристской Японии не привел к улучшению международной обстановки. Правящие круги стран – бывших союзниц СССР не хотели мириться с происшедшими глобальными переменами. Пытаясь не допустить дальнейшего ослабления своих позиций, они встали на путь ядерного шантажа, «холодной войны», сколачивания агрессивных военных блоков и раскручивания гонки вооружений.

Перед советской внешней разведкой были поставлены новые задачи, которые она успешно решала. Объем этих задач значительно возрос, география ее деятельности расширилась и стала охватывать весь мир. В новых условиях значимость добываемой разведкой информации возросла. Крайне важно было вскрыть секретные военно-политические планы США и Англии в отношении Советского Союза, осветить ход англо-американских переговоров, касающихся действий на случай военного столкновения с СССР, разработку планов перевооружения, создания НАТО и других военно-политических блоков. Но главная задача внешней разведки в послевоенные годы состояла в том, чтобы держать в поле зрения подготовку военного нападения на Советский Союз с применением ядерного оружия. А такие планы, как показывает полученная разведкой в те годы информация, активно разрабатывались военными кругами США и Англии.

Наряду с этим ставились задачи по информационному обеспечению текущих вопросов внешней политики Советского государства. Среди них, например, получение сведений о планах западных держав по германскому вопросу, освещение кризисных ситуаций, связанных с проблемами Западного Берлина, Ближнего Востока, распада колониальной системы.

В марте 1954 года пленум ЦК КПСС принял развернутое решение о путях улучшения деятельности органов госбезопасности, кардинальной перестройке их работы, искоренении применявшихся ранее незаконных методов, об опоре на общественность, о подконтрольности государственным и партийным органам. Тогда же решением правительства был образован Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР (КГБ при СМ СССР). Внешняя разведка вошла в его состав как Первое главное управление (ПГУ) КГБ при СМ СССР.

Важное для разведки значение имело решение ЦК КПСС от 30 июня 1954 года «О мерах по усилению разведывательной

работы органов государственной безопасности за границей». Было предложено сосредоточить усилия на организации разведки в главных странах Запада – США и Англии, а также в «используемых ими для борьбы против Советского Союза странах, в первую очередь Западной Германии, Франции, Австрии, Турции, Иране, Пакистане и Японии. Таков в то время был перечень приоритетов, определенных руководством страны.

Одновременно Совет Министров СССР утвердил Положение о Первом главном управлении КГБ, которое закрепляло его право на ведение разведывательной деятельности за рубежом, определяло структуру внешней разведки, ее функции, задачи, штатный состав. Соответствующим ведомствам было вменено в обязанность выделить должности прикрытия как за границей, так и внутри СССР, оказывать содействие, строго соблюдать требования конспирации. Принятые в 1954 году нормативные документы долгие годы служили основной правовой базой работы внешней разведки.

Вторая половина 50-х годов XX столетия – время разгара «холодной войны». С одной стороны, это активизация созданных по инициативе США военно-политических блоков НАТО, СЕНТО, СЕАТО; кризисные ситуации на Ближнем Востоке в 1956–1967 годах; венгерские события 1956 года; продолжительный Берлинский кризис; Карибский кризис 1962 года; чехословацкие события 1968 года. С другой стороны, в этот же период формировались подходы к разрядке международной напряженности.

В конце 1970-х годов активизировалась работа разведки в Афганистане, особенно с момента ввода в страну советских войск. На плечи разведки легли прежде всего информационно-аналитические задачи, решить которые могла только она.

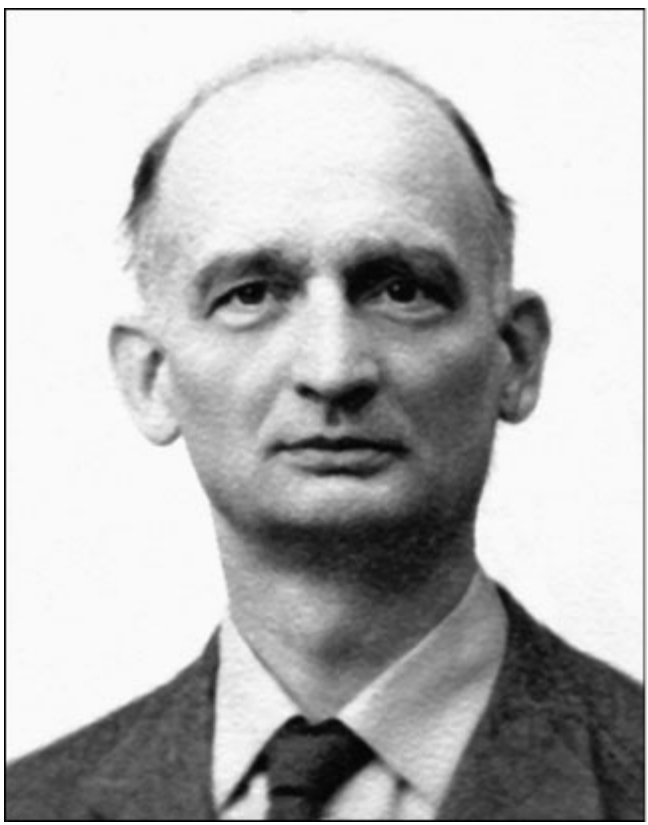
Какова же была отдача разведки в рассматриваемый период, каковы были ее достижения? Естественно, даже ее кадровым сотрудникам ответить на этот вопрос вроде бы сложно: каждое подразделение разведки тщательно охраняет свои секреты. Но парадокс заключается в том, что об успехах разведки косвенно можно судить и по ее неудачам. В последние десятилетия западная, прежде всего американская пресса муссировала имена многих якобы бывших источников советской внешней разведки. Указывались и места их работы: ЦРУ, ФБР, АНБ, шифровальные службы военно-морского флота и т. д. Оставляя за собой право не комментировать эти сообщения прессы, попробуем, каждый для себя, ответить на поставленные выше вопросы, отталкиваясь хотя бы от приведенного выше перечня особо охраняемых объектов противника.

В октябре 1991 года внешняя разведка была выведена из КГБ и стала самостоятельной структурой. Таким образом, она вышла из системы правоохранительных органов. Вместо ПГУ КГБ СССР была создана Центральная служба разведки (ЦСР) СССР. А 25 декабря 1991 года последовал Указ Президента России о преобразовании внешней разведки в Службу внешней разведки (СВР) Российской Федерации.

Вильям Фишер (Рудольф Иванович Абель)

14 октября 1957 года в здании Федерального суда Восточного округа Нью-Йорка начался шумный судебный процесс по обвинению в шпионаже Абеля Рудольфа Ивановича. Ему грозила смертная казнь или пожизненное тюремное заключение. В ходе следствия Абель категорически отрицал свою принадлежность к советской внешней разведке, отказался от дачи каких-либо показаний на суде и отклонил все попытки работников американских спецслужб склонить его к сотрудничеству. Через месяц судья зачитал приговор: 30 лет каторжной тюрьмы, что для него в 54 года было равносильно пожизненному заключению.

Лишь в начале 1990-х годов Служба внешней разведки России официально сообщила, что настоящее имя советского разведчика-нелегала, назвавшегося при аресте Рудольфом Ивановичем Абелем, – Вильям Генрихович Фишер.



Вильям Генрихович Фишер

Вильям Генрихович (или Вилли, как его называли в семье и в

коллективе разведчиков) родился 11 июля 1903 года в городе Ньюкасле-на-Тайне, в Англии, в семье русских политэмигрантов Генриха Матвеевича и Любови Васильевны Фишер. Его отец – уроженец Ярославской губернии, из семьи обрусевших немцев. В 16 лет он приехал в Петербург в поисках работы и сразу же активно включился в революционную деятельность, за что неоднократно подвергался репрессиям со стороны жандармерии. Со своей женой, уроженкой Саратова, русской, он познакомился, находясь в ссылке в Саратовской губернии. Помимо чувств, их объединяла общность политических взглядов. В 1901 году супруги Фишер за революционную деятельность были выдворены из России за границу.

В детстве Вилли был молчуном, настойчивым и упорным в достижении поставленной цели, исключительно правдивым и честным. Учеба давалась ему легко, явное предпочтение мальчик отдавал естественным наукам. Незаурядные способности позволили Вилли в 16 лет сдать вступительный экзамен в Лондонский университет.

В 1920 году Фишеры возвращаются в Москву. Все члены семьи становятся советскими гражданами. Вилли привлекается в качестве переводчика к работе в отделе международных связей Исполкома Коминтерна.

В 1924 году Вилли поступил на индостанское отделение Института востоковедения в Москве, успешно окончил первый курс. Но дальше учиться не пришлось. Его призвали на военную службу и зачислили в 1-й радиотелеграфный полк Московского военного округа. В армии Вилли получил профессию радиста, сыгравшую в его дальнейшей судьбе важную роль.

В органы госбезопасности Вилли пришел в 1927 году по рекомендации Московского комитета ВЛКСМ. Решение работать во внешней разведке было принято осознанно, с полным пониманием ответственности за выполнение стоящих перед ним задач. Он уверенно входит в профессиональную среду разведчиков. Незаурядные способности Фишера позволили руководству Службы доверить ему выполнение важных поручений по линии нелегальной разведки в двух европейских странах.

Работа Фишера в загранкомандировках была признана положительной. Он получил повышение по службе, ему было присвоено специальное звание лейтенанта государственной безопасности (соответствовало воинскому званию капитана). Будущее казалось безоблачным. И вдруг невероятное – в последний день уходившего 1938 года в отделе кадров ему сообщили, что руководством НКВД СССР без объяснения причин принято решение об увольнении его из органов. Это был

тяжелейший удар для Вилли. Он поступил на работу во Всесоюзную торговую палату. Позже перешел на авиапромышленный завод, где проработал до начала Великой Отечественной войны.

В сентябре 1941 года с Фишером встретился сотрудник органов госбезопасности и предложил ему вернуться в НКВД. Он был зачислен во вновь созданное подразделение, занимавшееся организацией боевых разведывательно-диверсионных групп и партизанских отрядов в тылу врага. Именно в этот период он сблизился с товарищем по работе Рудольфом Ивановичем Абелем.

Вскоре после окончания войны Вильям Генрихович вновь становится сотрудником внешней разведки органов госбезопасности и зачисляется в ее нелегальное подразделение.

Руководство внешней разведки приняло решение направить «Марка» (таким стал оперативный псевдоним Фишера) на самый ответственный участок работы – в США. В октябре 1948 года «Марк» выехал в командировку, которой суждено было продлиться 14 лет.

Так в Нью-Йорке появился свободный художник и фотограф Эмиль Роберт Голдфус, гражданин США, родившийся в семье немца-маляра и прибывший с Запада Америки в поисках лучшей жизни.

«Марк» очень быстро и уверенно вошел в местную среду. К концу мая 1949 года все организационные вопросы были решены, и он доложил о готовности приступить к выполнению разведывательных задач. Началась кропотливая работа по сбору интересующей Центр политической информации, созданию устойчивых нелегальных каналов связи с Москвой.

Условия конспирации до сих пор не позволяют раскрыть многие операции, в которых участвовал «Марк». Однако о качестве его работы свидетельствует такой факт: уже в августе 1949 года за конкретные результаты он был награжден орденом Красного Знамени.

Для того чтобы разгрузить «Марка», занятого выполнением большого объема текущей работы и многих специальных заданий, Центр в 1952 году направил ему в помощь нелегального радиста Р. Хейханена (оперативный псевдоним «Вик»).

К сожалению, «Вик» оказался слабым человеком. Его падение началось с обыкновенной рюмки спиртного. Пьянство повлекло за собой и моральную распущенность. В 1956 году «Марк» поставил перед Центром вопрос о его отзыве. Приказ о возвращении в СССР «Вик» воспринял очень болезненно и пошел на предательство.

21 июня 1957 года «Марк» был арестован ФБР. При аресте он

назвался именем своего друга и коллеги по работе в органах госбезопасности.

После объявления приговора «Марк» сначала находился в одиночной камере следственной тюрьмы в Нью-Йорке, а затем был переведен в федеральную исправительную тюрьму в Атланте.

Родина не оставила своего разведчика в беде. 10 февраля 1962 года на мосту Глинике, через который проходила граница между Западным Берлином и ГДР, был произведен обмен «Рудольфа Ивановича Абеля на осужденного в Советском Союзе американского летчика Френсиса Гарри Пауэрса», совершившего 1 мая 1960 года разведывательный полет над советской территорией.

После лечения и отдыха Вильям Генрихович вернулся к работе в центральном аппарате внешней разведки. Заслуги почетного сотрудника госбезопасности полковника Фишера были отмечены орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденами Отечественной войны I степени, Красной Звезды и многими медалями. Но до конца своих дней сотрудник внешней разведки оставался для домашних и сослуживцев Вильямом Фишером, а для всех остальных – Рудольфом Абелем. Легенде было уготовано оставаться легендой, а тайне – тайной.

15 ноября 1971 года Вильяма Генриховича Фишера не стало.

18 декабря 2014 года на доме № 8 по улице Молодогвардейской в Самаре была открыта мемориальная доска, посвященная легендарному советскому разведчику. В этом доме Вильям Фишер проживал в 1941–1942 годах, работая в куйбышевской разведшколе 4-го управления НКВД СССР.

Кто вы, Рудольф Абель?

Почему арестованный в США Вильям Генрихович Фишер назвался Рудольфом Ивановичем Абелем? Сейчас, по прошествии времени, можно с уверенностью сказать, что, выдав себя за своего друга и коллегу по работе в органах госбезопасности, советский разведчик-нелегал тем самым дал понять Центру, что в тюрьме оказался именно он. Во внешней разведке довольно быстро разобрались что к чему. Ведь о настоящем Абеле и о его дружбе с Фишером на Лубянке хорошо знали.

И сегодня, преклоняя голову в память о легендарном разведчике, нам хотелось бы вспомнить о его ближайшем друге и соратнике, чье имя вошло в учебники разведок многих стран и навечно осталось в истории.

Рудольф Иванович (Иоганович) Абель родился 23 сентября 1900 года в городе Риге. Латыш. Отец был трубочистом, мать – домашней хозяйкой. У Рудольфа было два брата: старший – Вольдемар и младший – Готфрид. До 15 лет Рудольф жил вместе с родителями. Окончил 4 класса элементарного училища, работал рассыльным в Риге. В 1915 году он переехал в Петроград. Учился на общеобразовательных курсах и сдал экстерном экзамен за 4 класса реального училища.

Рудольф Иванович Абель

Рудольф, как и его братья, всем сердцем принял Октябрьскую революцию. В конце 1917 года он добровольно пошел служить на военно-морских кораблях революционного Балтийского флота. На фронте являлся рядовым-кочегаром на эскадренном миноносце «Ретивый». В 1918 году стал членом партии большевиков. Затем в составе Волжской флотилии принимал участие в боях за Казань и по очистке рек Волги и Камы от белых. Являлся непосредственным участником дерзкой операции красных в тылу противника, в ходе которой у белых была отбита баржа смертников – заключенных-красноармейцев. Принимал активное участие в боях под Царицыном.

В январе 1920 года Абель был зачислен курсантом в класс морских радиотелеграфистов учебно-минного отряда Балтийского флота в Кронштадте. После окончания учебы в 1921 году молодой военно-морской специалист в составе команды балтийских моряков был направлен на формирование военно-морских сил Дальневосточной Республики. Служил на

кораблях Амурской и Сибирской флотилий. В 1923–1924 годах возглавлял радиотелеграфную станцию на острове Беринга, затем командовал морскими радистами на Командорских островах.

В 1925 году Рудольф женится на Анне Антоновне, урожденной Стокалич, из дворян, получившей прекрасное образование и ставшей его надежной помощницей. Здесь следует отметить, что сам Рудольф свободно владел немецким, английским и французским языками. В том же году Абель по линии Народного комиссариата иностранных дел направляется на работу в советское консульство в Шанхае.

В июле 1926 года Рудольф Абель был переведен на работу в Пекин, где являлся радистом советского дипломатического представительства вплоть до разрыва дипломатических отношений с Китаем в 1929 году. Находясь за границей, в 1927 году он становится сотрудником Иностранного отдела ОГПУ (внешняя разведка), выполняет обязанности шифровальщика резидентуры.

По возвращении из Пекина в 1929 году Абель направляется на нелегальную работу за кордон. В документах того периода, находящихся в его личном деле, сказано кратко: «Назначен на должность уполномоченного ИНО ОГПУ и находится в долгосрочной командировке в разных странах». Возвратился в Москву осенью 1936 года.

Могли ли пересечься за кордоном пути нелегалов Абеля и Фишера? Об этом официальные документы умалчивают. Но оказавшись почти одновременно в Москве и работая в центральном аппарате разведки, они стали большими друзьями. Даже в столовую и то всегда ходили вместе. «Дядя Рудольф появлялся у нас часто. Всегда был спокоен, жизнерадостен, – вспоминала Эвелина Фишер, дочь Вильяма Генриховича. – И с отцом они общались прекрасно».

Рассказывая о Рудольфе Абеле, необходимо остановиться на некоторых моментах биографии его старшего брата Вольдемара, чья судьба серьезным образом повлияла на судьбу разведчика.

С 14 лет Вольдемар плавал юнгой на судне «Петербург», затем слесарил на заводе в Риге. В декабре 1917 года стал членом РКП(б). Красноармеец, латышский стрелок, охранявший Смольный, он храбро сражался на Пулковских высотах с наступавшими на Питер частями генерала Краснова. Позже являлся мотористом на линкоре «Гангут».

Со временем Вольдемар вырос в крупного партработника: комиссар Всероссийской чрезвычайной комиссии Кронштадтской крепости, комиссар службы связи Морских сил Дальневосточной республики, делегат XVII съезда партии. В 1934 году он был

назначен начальником политотдела Балтийского государственного морского пароходства. А в 1937 году арестован «за участие в латвийском контрреволюционном националистическом заговоре и за шпионско-диверсионную деятельность в пользу Германии и Латвии».

События развивались стремительно. В октябре 1937-го Вольдемар был исключен из партии с формулировкой «за политическую близорукость и притупление бдительности». 10 ноября его арестовали, а постановлением «двойки» (Ежов и Вышинский) от 11 января 1938 года приговорили к высшей мере наказания. 18 января того же года Вольдемар Абель и еще 216 «членов контрреволюционной латвийской националистической организации» были расстреляны. 9 мая 1957 года все они были реабилитированы.

Кстати, третий из братьев Абелей – младший Готфрид – всю жизнь провел в родном городе. Окончил университет, работал на различных рижских предприятиях. Сложности большой политики обошли его стороной.

Но вернемся к Рудольфу Абелю. Позднее в своей автобиографии он напишет: «В марте 1938 года уволен из органов НКВД в связи с арестом моего брата Вольдемара». Настали тяжелые времена: в 38 лет – стрелок военизированной охраны с мизерной пенсией. А затем последовало предложение… вернуться в НКВД. 15 декабря 1941 года майор госбезопасности Рудольф Абель вновь встал в строй – и опять невидимый. Он направляется в 4-е управление НКВД под начало знаменитого генерала Павла Судоплатова. Основной задачей 4-го управления была организация разведывательно-диверсионной работы в тылу немецких войск.

В аттестации на Рудольфа Абеля, подписанной 16 марта 1945 года, много недосказанного, понятного лишь специалистам: «Обладает одной из специальных отраслей агентурной оперативной работы… На практической работе успешно выполнял порученные ему ответственные задания… С августа 1942 года по январь 1943 года находился на Кавказском фронте в составе опергруппы по обороне Главного Кавказского хребта. В период Отечественной войны неоднократно выезжал на выполнение специальных заданий… Выполнял спецзадания по подготовке и заброске нашей агентуры в тыл противника».

За успешное выполнение оперативных заданий Рудольф Иванович Абель был награжден орденами Красного Знамени и Отечественной войны, двумя орденами Красной Звезды, многими боевыми медалями, нагрудным знаком «Заслуженный работник НКВД».

27 сентября 1946 года полковник Абель был вновь уволен из органов госбезопасности, на этот раз – по возрасту.

Дружба с семейством Фишеров оставалась неизменной. В ноябре 1948 года Фишер выехал в командировку, которой суждено было продлиться 14 лет. Рудольф Иванович не дождался возвращения своего товарища. Скоропостижно скончался 17 декабря 1955 года. Похоронили его на Немецком кладбище в Москве.

Ему так и не суждено было узнать, что арестованный в США разведчик-нелегал Вильям Фишер выдал себя за Рудольфа Абеля. Что под его именем Вильям Генрихович морально выиграл процесс «Соединенные Штаты против Рудольфа Ивановича Абеля». Даже уйдя из жизни, сотрудник внешней разведки Рудольф Иванович Абель помогал и своему другу, и тому делу, которому отдал всего себя без остатка.

Николай Лысенков

Короткий, до обидного короткий путь в разведке прошел Николай Петрович Лысенков. Но он оставил о себе добрую память. До сих пор многие проведенные разведчиком операции являются образцами профессионального мастерства, на которых учатся молодые сотрудники внешней разведки.

Николай Петрович Лысенков

У него было много друзей. Все они тепло относились к Николаю Петровичу. Одни из них знали, что он разведчик, другие догадывались, а третьи просто видели в нем открытого, обаятельного человека.

Таким он и сохранился в памяти тех, кто знал его при жизни, таким запечатлелся он в сознании молодежи, которая вступила на трудный, но интересный и нужный Родине путь разведчика.

Николай Лысенков родился 9 декабря 1909 года в городе

Балаково Саратовской губернии в семье служащего. После окончания школы-десятилетки с педагогическим уклоном в 1927 году Лысенков некоторое время работал воспитателем в детском доме, а затем – учителем младших классов в школе.

В 1934 году окончил Московский государственный педагогический институт имени В. И. Ленина. До 1935 года работал заведующим учебной частью Балаковского педагогического техникума. В 1935 году вернулся в свой институт и поступил в аспирантуру по кафедре новой истории. Во время учебы в аспирантуре, которую он успешно окончил в 1937 году, Лысенков избирался секретарем комитета комсомола института. В совершенстве овладел немецким и французским языками.

В 1937 году Лысенков по партийной разнарядке был направлен на работу в органы государственной безопасности. Молодого чекиста отличали пытливый ум, трудолюбие, широкий диапазон интересов, большие способности и хорошее знание иностранных языков. И не случайно на него обратили внимание кадровики, подбиравшие кандидатов для внешней разведки. В 1939 году Лысенков был переведен на работу в одно из подразделений внешней разведки и после непродолжительной подготовки в том же году командирован в Латвию в качестве оперативного работника рижской резидентуры.

Время было напряженное, ощущалось приближение военной грозы, и разведке предстояло решать сложные задачи, которые выдвигала обстановка. Не менее напряженной была обстановка и в Латвии, где у власти находилось профашистски настроенное правительство Ульманиса.

Находясь в Риге, Лысенков зарекомендовал себя положительно. Он вел активную вербовочную работу, приобрел ряд важных и надежных источников информации. И не случайно уже в 1940 году последовал его перевод на работу в Финляндию, где обстановка была еще более сложной.

Целеустремленность и упорство, а также интересное прикрытие – корреспондент ТАСС – позволяли разведчику устанавливать интересные контакты и получать важную информацию.

В Финляндии Лысенков работал вплоть до ее вступления в войну на стороне фашистской Германии. В Центре его работа была оценена как «исключительно результативная».

Будучи сотрудником центрального аппарата внешней разведки в начальный, самый трагический период Великой Отечественной войны, Николай Лысенков рвался на фронт, подавая один за другим рапорта по команде. Но его по полной нагружали оперативной работой, связанной с руководством

загранаппаратами разведки. В 1943 году Лысенков был направлен на работу в резидентуру НКГБ в Иране, где вел активную разведывательную работу до 1945 года. Принимал непосредственное участие в мероприятиях по обеспечению безопасности участников Тегеранской конференции «Большой тройки» в ноябре – декабре 1943 года.

В иранской столице Лысенкову довелось работать с такими замечательными разведчиками, как Иван Иванович Агаянц, который в те годы был руководителем тегеранской резидентуры, и Павел Матвеевич Журавлев, являвшийся заместителем Агаянца, а после его отъезда – возглавивший резидентуру. Имея на связи полтора десятка источников, Николай Петрович широко использовал их для получения разведывательной информации и оказания выгодного для СССР влияния на правительственные круги Ирана.

За успешное выполнение разведывательных заданий в Иране Лысенков в ноябре 1944 года был награжден орденом.

В 1945–1950 годах Лысенков находился в служебной командировке во Франции в качестве заместителя, а затем – резидента внешней разведки. В Париже ярко раскрылся его талант разведчика. Хорошо изучив обстановку в послевоенной Франции, Лысенков умело строил работу с иностранцами и добился положительных результатов в оперативной деятельности. Его личная активная работа по созданию агентурных позиций в Париже служила наглядным примером для молодых разведчиков, и коллектив трудился весьма плодотворно. Именно благодаря усилиям резидента были созданы хорошие возможности для получения на регулярной основе ценной информации, включая документальную. Так, одному из сотрудников резидентуры удалось выполнить срочное задание Центра – добыть важный документ, касающийся «Плана Маршалла».

В 1950 году Лысенков возвратился в Москву и был назначен на должность заместителя начальника одного из ведущих управлений внешней разведки. Это было признанием его заслуг в оперативной деятельности и приобретенного опыта.

В послевоенные годы отношения Советского Союза с Соединенными Штатами Америки складывались очень непросто. В Центре было принято решение укрепить загранаппараты разведки в США. В 1952 году Лысенков был назначен руководителем нью-йоркской резидентуры. По прикрытию являлся заместителем Постоянного представителя СССР при ООН.

Для нового резидента США были во многом незнакомой

страной в разведывательном плане. Он начал упорно изучать обстановку в стране, совершенствовал знания английского языка. В Нью-Йорке он пользовался большим уважением не только со стороны сотрудников резидентуры, но и Постоянного представительства СССР при ООН. Даже Вышинский, который тогда возглавлял представительство и отличался, мягко говоря, своеобразным характером, проникся уважением к Николаю Петровичу.

В разгар холодной войны и разгула маккартизма в США Лысенков сумел перестроить работу резидентуры и добиться больших оперативных успехов. Он лично привлек к сотрудничеству с разведкой ряд лиц, которые в течение длительного периода передавали важную документальную информацию стратегического характера о планах и намерениях США в отношении нашей страны.

В 1955 году Лысенков возвратился в Москву. Его собирались назначить на высокую должность в центральном аппарате разведки, но, в связи с болезнью, он вынужден был отказаться. Лысенков вышел в запас, а 13 ноября 1956 года скончался, не дожив месяц до своего 47-летия.

За образцовое выполнение оперативных заданий и личный вклад в обеспечение государственной безопасности полковник Лысенков был награжден орденами Красной Звезды и «Знак Почета», а также многими медалями.

Имя Николая Петровича Лысенкова увековечено на Мемориальной доске Службы внешней разведки Российской Федерации.

Герой России Александр Феклисов

У одного из столиков в зале вашингтонского ресторана «Оксидентал» до недавнего времени висела табличка, на которой значилось: «В напряженный период Кубинского кризиса в октябре 1962 года за этим столом состоялась беседа таинственного русского “мистера Х” с корреспондентом телевизионной компании АВС Джоном Скали. На основе этой встречи угроза ядерной войны была предотвращена».

Этим таинственным русским являлся Александр Семенович Феклисов, резидент разведки КГБ в Вашингтоне. А за полтора десятка лет до этих событий он же принимал непосредственное участие в получении важнейшей информации по атомной тематике.

Александр Семенович Феклисов

Александр Феклисов родился 9 марта 1914 года в Москве в семье железнодорожника. В 1929 году окончил железнодорожную

школу-семилетку, затем – фабрично-заводское училище имени Ф. Э. Дзержинского. Работал помощником машиниста на паровозе. В 1939 году окончил радиофакультет Московского института инженеров связи и был направлен на работу в органы государственной безопасности. После окончания Школы особого назначения (ШОН) НКВД, готовившей кадры для внешней разведки, он был зачислен в ее американский отдел.

В первую свою загранкомандировку в Нью-Йорк Феклисов прибыл 27 февраля 1941 года. В генконсульстве СССР в Нью-Йорке он занимал по прикрытию должность стажера. В первые месяцы пребывания в США «Калистрат» (таким был оперативный псевдоним разведчика) знакомился с городом, совершенствовал знания языка, изучал агентурно-оперативную обстановку в стране. Только в апреле ему объявили, что, в соответствии с заданием Центра, ему предстоит решить задачу установления шифрованной двусторонней радиосвязи между резидентурой и Центром. Одновременно разведчику вменялось в обязанность заниматься переводом на русский язык поступавших в резидентуру от агентуры информационных материалов, подбирать места встреч с агентурой для других сотрудников резидентуры.

С началом Великой Отечественной войны «Калистрату» было поручено вести разработку ряда перспективных иностранцев, а также руководить ценной агентурой по линии научно-технической разведки. Оперработник успешно справился с поставленными задачами. Он активно работал по проблемам разработки американцами атомного оружия. От его источников были также получены и направлены в Центр ценные сведения в области военной авиации, ракетной техники, электроники, в том числе о новейших в то время сонарах, радарах, прицельных системах, зенитных радиовзрывателях, компьютерах. В сентябре 1946 года разведчик возвратился в Москву.

В августе 1947 года Феклисов выехал на работу в Англию в качестве заместителя руководителя лондонской резидентуры по линии научно-технической разведки. Одной из основных задач, стоявших перед его группой, являлось добывание достоверной секретной информации о ходе работ в США и Англии над созданием ядерного оружия. «Калистрат» принимал непосредственное участие в решении данной проблемы, поддерживая оперативную связь с проживавшим в Лондоне видным ученым-ядерщиком Клаусом Фуксом. И не случайно И. В. Курчатов в одном из писем руководству МГБ СССР подчеркивал: «Советская разведка оказала неоценимую помощь при создании советского ядерного оружия».

Испытание первой атомной бомбы в СССР вызвало потрясение во всем мире и шок у правящей элиты США. В правительственных кругах США и Англии пришли к выводу о том, что секреты атомного оружия были похищены советскими агентами, работавшими в американском центре ядерных исследований в Лос-Аламосе, где создавалась американская атомная бомба. ФБР приступило к тщательному расследованию. Активному изучению подверглись все лица, приезжавшие в Лос-Аламос, в том числе и Клаус Фукс. Британская контрразведка взяла Клауса Фукса в интенсивную разработку, а 3 февраля 1949 года он был арестован и позже приговорен к 14 годам тюремного заключения. Ученый вышел из английской тюрьмы в июне 1959 года. Он отказался от весьма престижных предложений заниматься научной работой на Западе и улетел в Восточный Берлин.

В связи с начавшимся судом над Клаусом Фуксом Центр принял решение о прекращении служебной командировки «Калистрата». В начале апреля 1950 года он возвратился в Москву.

С середины 1950 года по август 1960 года Феклисов занимал ряд руководящих должностей в центральном аппарате внешней разведки. Одновременно в период с июня 1953 по декабрь 1955 года он находился в Праге, являясь заместителем главного советника МВД – КГБ по разведке при МВД ЧССР. В 1959 году принимал непосредственное участие в организации и обеспечении безопасности визита Первого секретаря ЦК КПСС, председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева в США.

С 1960 по 1964 год Феклисов возглавлял резидентуру советской внешней разведки в Вашингтоне. Принимал непосредственное участие в разрешении Карибского ракетно-ядерного кризиса 1962 года, организовав неофициальный опосредованный контакт руководителей двух противоборствующих стран. В результате Советский Союз принял предложение США о демонтаже ракет на Кубе. Взамен США обязались вывести свои ракеты «Юпитер» с территории Турции, а также снять блокаду Кубы и не нападать на нее.

Возвратившись в Москву, Александр Семенович работал на руководящих должностях в ПГУ КГБ СССР. С 1969 года находился на преподавательской работе: являлся заместителем начальника Краснознаменного института КГБ (ныне – Академия внешней разведки) и одновременно начальником одного из его факультетов. Кандидат исторических наук. Много сил и энергии он отдавал воспитанию будущих разведчиков.

В 1974 году полковник Феклисов вышел в отставку по

возрасту. За заслуги в разведывательной работе он был награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Отечественной войны I степени, двумя орденами Красной Звезды, орденом «Знак Почета», многими медалями, а также нагрудными знаками «Почетный сотрудник госбезопасности» и «За службу в разведке».

Находясь в отставке, Феклисов принимал активное участие в воспитании молодого поколения сотрудников внешней разведки, занимался исследовательской и публицистической деятельностью. В 1994 году вышла его книга мемуаров «За океаном и на острове», а в 1999 году – «Признание разведчика». В них А. С. Феклисов рассказал в доступной форме о своей разведывательной деятельности за рубежом.

15 июня 1996 года Указом Президента Российской Федерации за выдающийся вклад в обеспечение безопасности нашей страны Александру Семеновичу Феклисову было присвоено звание Героя России.

Скончался Александр Семенович 26 октября 2007 года.

Начальник разведки Сергей Савченко

С 19 сентября 1949 года по 5 января 1953 года советскую внешнюю разведку органов государственной безопасности возглавлял опытный чекист генерал-лейтенант Сергей Романович Савченко, незаслуженно, как нам представляется, забытый историками отечественных спецслужб. Это был период активизации деятельности разведки в условиях серьезного противоборства и «холодной войны» между СССР и ведущими капиталистическими странами.

Сергей Романович Савченко родился 18 июня 1904 года в небольшом городке Скадовске Днепровского уезда Таврической губернии в крестьянской семье. Украинец. В 1914 году его отец поступил на государственную службу, работал приемщиком зерна.

Сергей Романович Савченко

В 1917 году Сергей окончил 4-классное земское училище, а в 1920 году – Скадовскую гимназию. В том же году он остался сиротой – его отец и мать умерли почти одновременно. С ноября 1920 года Савченко зарабатывал на жизнь переписчиком, ночным сторожем, конторщиком. Затем трудился приемщиком зерна в отделе продовольственного снабжения 6-й армии.

Осенью 1921 года семнадцатилетний юноша поступает на службу в органы ВЧК. С ноября 1921 года он является оперативным работником Особого отдела Николаевской губернской ЧК. В следующем году Савченко переводят на работу в органы охраны государственной границы, в которых ему суждено было прослужить 17 лет. Пограничную службу начинал регистратором и делопроизводителем в Особом отделе по охране границы Черного и Азовского морей Николаевской губернской ЧК. С апреля 1923 года являлся контролером, затем старшим контролером Скадовского пограничного пункта. С октября 1923 года – помощник уполномоченного Скадовского пограничного поста ГПУ, а с апреля 1924 года – помощник уполномоченного комендатуры 26-го пограничного отряда ОГПУ в городе Очакове.

С октября 1924 года Савченко – курсант Высшей пограничной школы (ВПШ) ОГПУ в Москве. После ее окончания служил на офицерских должностях в пограничных войсках. Прошел путь от уполномоченного комендатуры 25-го пограничного отряда ОГПУ (город Тирасполь) до начальника секретно-оперативной части 22-го пограничного отряда ОГПУ (город Волочиск). В марте 1930 года вступил в члены ВКП(б).

В апреле 1932 года Савченко окончил курсы усовершенствования при ВПШ ОГПУ и более года преподавал специальные дисциплины в 3-й пограничной школе ОГПУ в Москве. Затем снова служил на различных командных должностях в пограничных войсках. С июля 1938 года – начальник 24-го пограничного отряда НКВД (город Олевск).

20 мая 1939 года Савченко был назначен заместителем начальника Управления погранвойск НКВД УССР. После освобождения Западной Украины в ноябре 1939 года он становится начальником УНКВД по Станиславской области, однако вскоре возвращается на прежнюю должность в Управление погранвойск НКВД УССР.

С 1 апреля 1941 года Савченко – заместитель наркома госбезопасности УССР и одновременно начальник 1-го (разведывательного) управления НКГБ УССР. При этом с середины сентября 1941 года он фактически возглавлял Наркомат внутренних дел Украины, поскольку нарком В. Т. Сергиенко,

попав в окружение под Киевом, проявил растерянность и трусость и более трех месяцев скрывался в оккупированном Харькове, прежде чем вышел в расположение советских войск. Аппарат НКВД – НКГБ УССР в 1941–1943 годах работал в эвакуации, последовательно в городах: Харькове, Старобельске, Меловом, Сталинграде, Калаче, снова в Харькове и, наконец, в Киеве.

В мае 1943 года Сергей Романович Савченко становится наркомом (с марта 1946 года – министром) госбезопасности Украины. В марте 1944 года ему было присвоено специальное звание начальствующего состава органов НКГБ СССР – комиссар госбезопасности 3-го ранга (соответствовало званию генерал-лейтенанта в Красной Армии).

В качестве основной задачи, поставленной перед органами госбезопасности республики в тот период, стала борьба с националистическим подпольем, особо активно действовавшем на территории Западной Украины.

В июле 1945 года Савченко было присвоено звание генерал-лейтенанта. В августе 1949 года его переводят на руководящую работу в центральный аппарат советской внешней разведки.

Здесь следует подчеркнуть, что главная задача внешней разведки в послевоенные годы состояла в том, чтобы держать в поле зрения подготовку военного нападения на Советский Союз с применением ядерного оружия. А такие планы, как показывала полученная разведкой в те годы информация, активно разрабатывались военными кругами США и Англии. Для решения столь важных задач требовалось совершенствование разведки, ее структуры, организации управления ее деятельностью и методов ведения работы.

Как мы уже отмечали, 30 мая 1947 года Совет Министров СССР принял постановление о создании Комитета информации (КИ) при Совете Министров СССР, на который возлагались задачи политической, военной и научно-технической разведки. Однако уже в январе 1949 года правительство приняло решение о выведении из Комитета информации военной разведки и возвращении ее в Министерство обороны. В августе 1949 года Комитет информации был передан в ведение МИДа СССР. 19 сентября 1949 года первым заместителем председателя КИ, отвечавшим за текущую оперативную работу внешней разведки, был назначен Сергей Романович Савченко.

В ноябре 1951 года правительство приняло решение об объединении внешней разведки и внешней контрразведки под руководством Министерства государственной безопасности (МГБ) СССР и создании за границей единых резидентур. Комитет информации при МИДе СССР перестал существовать. Внешняя

разведка стала Первым главным управлением МГБ СССР, которое возглавил Савченко. Одновременно он стал заместителем министра госбезопасности и членом Коллегии МГБ СССР.

На период руководства Савченко советской внешней разведкой приходится приобретение ею нескольких наиболее ценных источников информации послевоенных лет.

Так, в конце 1950 года в Германии был привлечен к сотрудничеству западный немец журналист Хайнц Фельфе. На встрече с представителем Центра в августе 1951 года в Восточном Берлине перед ним была поставлена задача предпринять шаги по устройству на службу в организацию Гелена – разведывательную структуру, действовавшую на территории Германии с 1946 года и находившуюся под контролем США. Напомним, что в апреле 1956 года руководство ФРГ создало на базе организации Гелена самостоятельное ведомство – Федеральную разведывательную службу Германии (БНД).

Фельфе успешно справился с заданием. Уже в октябре 1951 года его зачислили в генеральное представительство организации Гелена в Карлсруэ. Материалы, которые стали поступать от источника, представляли большой интерес для советской разведки. Один из ветеранов советской внешней разведки, руководивший работой с источником с позиций Центра, вспоминал: «Фельфе был совершенно удивительным человеком как по своему жизненному пути, полному превратностей и метаморфоз, так и по эффективности результатов своей работы. Через его руки шли еженедельные политические обзоры, которые докладывались канцлеру ФРГ Конраду Аденауэру. Но чуть раньше они уже были в Центре и в Кремле. Полученная от Фельфе информация позволила советскому правительству заранее ознакомиться и подготовиться к тем вопросам и предложениям, с которыми в 1955 году Аденауэр прибыл в Москву с официальным визитом».

Весной 1951 года, будучи резидентом СИС в Сеуле, добровольно, по идейным соображениям установил связь с советской внешней разведкой кадровый сотрудник английской разведки Джордж Блейк. Он регулярно сообщал ценные сведения о спецслужбах Англии, в частности, об их структуре, функциях и кадровом составе. Только на территории Восточной Германии по данным Дж. Блейка было разоблачено и обезврежено более 200 агентов английской и американской разведок.

5 января 1953 года последовала очередная реорганизация внешней разведки. Она стала 1-м управлением Главного разведывательного управления (ГРУ) МГБ СССР. Савченко был освобожден от должности начальника внешней разведки, но до

марта продолжал оставаться на посту заместителя министра госбезопасности. 17 марта 1953 года Савченко был назначен первым заместителем начальника внешней разведки. В сентябре того же года он был переведен на должность начальника одного из управлений Министерства внутренних дел. В феврале 1955 года Сергей Романович был уволен в запас.

Заслуги генерал-лейтенанта Савченко в деле обеспечения государственной безопасности нашей страны были отмечены тремя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденами Кутузова II степени, Богдана Хмельницкого II степени, Красной Звезды, многими медалями, а также нагрудным знаком «Заслуженный работник НКВД».

Скончался Сергей Романович в Москве в 1966 году.

Арсений Тишков

Арсений Васильевич Тишков, видный советский разведчик, внесший значительный вклад не только в деятельность внешней разведки нашей страны, но и в воспитание и обучение нескольких поколений ее сотрудников, родился 23 августа 1909 года в городе Пензе. После окончания средней школы поступил в Московский институт советского права, который окончил в 1934 году по специальности «судебно-прокурорский работник». Некоторое время работал в Наркомате юстиции РСФСР. Свободно владел сербско-хорватским и английским языками.

Арсений Васильевич Тишков

Осенью 1934 года Тишков был призван на действительную военную службу. В конце 1935 года направлен на работу в органы государственной безопасности, в которых прослужил более 30 лет.

До 1941 года Тишков работал в различных подразделениях центрального аппарата контрразведки. С начала Великой Отечественной войны ему было поставлено персональное задание по контрразведывательному обеспечению формировавшейся на территории СССР польской армии под командованием генерала В. Андерса. Первоначально планировалось, что создаваемая в результате соглашения между польским эмигрантским правительством, находившимся в Лондоне, и правительством СССР польская армия будет задействована в совместной борьбе против фашизма на советско-германском фронте. Однако вскоре стало ясно, что основной целью генерала, действовавшего в интересах своего эмигрантского правительства и при активной поддержке англичан и американцев, было восстановление польского буржуазного государства без участия в его руководстве прогрессивных сил страны. Тишкову пришлось проделать большую работу по разоблачению замыслов генерала, предотвратить ряд недружественных действий с его стороны по отношению к СССР.

В апреле 1944 года Тишков был командирован в Югославию в качестве офицера по связи советского военного командования при Генеральном штабе Народно-освободительной армии. Однако основной задачей возглавляемого им небольшого аппарата советских чекистов была организация контрразведывательного обеспечения безопасности верховного главнокомандующего Народно-освободительной армией и партизанских отрядов Югославии и председателя Национального комитета освобождения страны Иосипа Броз Тито и его соратников. За образцовую работу Тишков был награжден советским и югославским орденами.

В Югославии Арсений Васильевич находился до 1946 года. После окончания войны он являлся помощником начальника советской военной миссии в этой стране.

В октябре 1946 года Тишкова направляют резидентом советской внешней разведки в Венгрию. В качестве прикрытия он являлся советником посольства.

Как уже отмечалось выше, 30 мая 1947 года Совет Министров СССР принял постановление о создании Комитета информации (КИ) при Совете Министров СССР, на который возлагались задачи политической, военной и научно-технической разведки. Единый орган разведки возглавил В. М. Молотов, бывший в то время заместителем Председателя Совета Министров СССР и одновременно министром иностранных дел. Его заместителем, который занимался участком внешней разведки, был назначен опытный чекист, в прошлом руководивший работой

разведывательных и контрразведывательных подразделений органов госбезопасности Петр Васильевич Федотов.

Для руководства разведаппаратами за рубежом в КИ был введен так называемый институт Главных резидентов, которыми, как правило, назначались послы или посланники.

С созданием Комитета информации Тишков был назначен Чрезвычайным и Полномочным Послом Советского Союза в Венгрии. Возглавляемая им резидентура добилась значительных успехов по всем направлениям разведывательной деятельности.

После возвращения в Москву в 1950 году Тишков был назначен заместителем начальника, а в 1951 году – начальником управления нелегальной разведки Комитета информации. В течение трех лет он руководил разведывательной работой в зарубежных странах с нелегальных позиций.

Затем перед Арсением Васильевичем была поставлена новая для него, но весьма ответственная и почетная задача: принять непосредственное участие в воспитании и обучении новых поколений советских разведчиков. В 1954 году он назначается заместителем, а в 1960 году – начальником Высшей разведывательной школы (ВРШ, или, как ее еще называли, Школа № 101) КГБ при СМ СССР, готовившей кадры для внешней разведки.

В 1965 году А. В. Тишкову было присвоено воинское звание генерал-майора.

Арсений Васильевич принимал активное участие в составлении учебных пособий для молодых разведчиков, читал лекции, выступал с научными статьями и докладами. Многие видные сотрудники внешней разведки 1970—1980-х годов прошли в свое время его школу.

В 1967 году Тишков вышел в отставку по выслуге лет.

За большие заслуги в деле обеспечения государственной безопасности генерал-майор Тишков был награжден орденом Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, двумя орденами «Знак Почета», многими медалями, югославским орденом «Партизанская звезда», медалями ряда иностранных государств, а также нагрудными знаками «Заслуженный работник НКВД» и «Почетный сотрудник госбезопасности».

Выйдя на заслуженный отдых, ветеран разведки принимал активное участие в общественной жизни Службы: часто встречался с молодыми сотрудниками, передавал им свой богатый оперативный опыт.

В 1974 году в московском издательстве «Молодая гвардия» вышла фундаментальная книга А. В. Тишкова «Дзержинский», выдержавшая впоследствии четыре переиздания. Он являлся

также автором ряда других публикаций.

Скончался Арсений Васильевич Тишков 19 сентября 1979 года.

Александр Панюшкин

Александр Семенович Панюшкин, по праву, считается одним из эффективных сотрудников и руководителей советской внешней разведки. В период Великой Отечественной войны он сыграл важную роль в получении достоверной информации об истинных планах и намерениях японских милитаристов в отношении нашей страны. В период «холодной войны», являясь главным резидентом советской внешней разведки в Соединенных Штатах Америки и одновременно Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в этой стране, он активно руководил деятельностью оперативных сотрудников резидентур (в тот период в США действовали три «легальные» резидентуры – в Вашингтоне, Нью-Йорке и Сан-Франциско) по получению документации, касающейся разработки американского ядерного оружия.

Александр Семенович Панюшкин

Александр Панюшкин родился 14 августа 1905 года в городе Самаре в рабочей семье. Учился в церковно-приходском училище, а после революции – в Единой трудовой советской средней школе.

В 1920 году 15-летний юноша ушел добровольцем в Красную Армию, воевал на фронтах Гражданской войны. В марте 1921 года красноармеец Панюшкин был направлен учиться на 18-е кавалерийские курсы, которые находились в его родном городе. Однако вскоре он заболел малярией и был вынужден демобилизоваться из армии. Трудился ремонтным рабочим 2-го участка службы пути Самаро-Златоустовской железной дороги.

Тем не менее стремление стать кавалеристом не покидает его, и в октябре 1924 года по путевке губкома комсомола Панюшкин поступает на учебу в Борисоглебско-Ленинградскую кавалерийскую школу РККА. Во время учебы в июне 1927 года вступил в члены ВКП(б).

После успешного окончания кавалерийской школы в сентябре 1927 года красный командир Панюшкин был направлен на службу в пограничные войска ОГПУ на Дальний Восток. Служил в 59-м Приморском кавалерийском пограничном отряде вначале в должности помощника начальника заставы, а затем – командиром сабельного дивизиона маневренной группы. В апреле 1933-го был переведен на работу в 58-й Гродековский погранотряд на должность коменданта Барабаш-Левадовского погранучастка Гродековского, ныне Пограничного района. Служба в пограничных войсках приучила Панюшкина к воинской дисциплине, собранности, требовательности.

В период службы в Гродековском погранотряде Панюшкин был привлечен к реализации операции «Фальшивомонетчики», которую проводил на Дальнем Востоке центральный аппарат ОГПУ. Он был переведен на оперативную работу и прикреплен к Владивостокскому оперсектору ГПУ. В ходе реализации операции Панюшкин выезжал в служебную командировку в Маньчжурию, где с успехом руководил переданной ему на связь агентурой.

В мае 1935 года молодой оперработник был зачислен слушателем на основной факультет Военной академии РККА имени М. В. Фрунзе. После окончания академии в августе 1938 года он направляется на работу в органы НКВД СССР. Назначается на должность помощника начальника отделения, а в декабре 1938 года становится начальником 3-го спецотдела НКВД СССР.

В июле 1939 года Панюшкина направляют в Китай в качестве уполномоченного Совнаркома СССР по реализации торгового соглашения с этой страной. В том же месяце он назначается Полномочным представителем СССР в Китае, одновременно являясь главным резидентом НКВД в этой стране, под началом которого действовало 12 резидентур внешней разведки.

Центр тяжести всей разведывательной работы в Китае в то время переместился во временную столицу Чунцин, где находилось китайское центральное гоминьдановское правительство. Задачи перед 34-летним резидентом и его подчиненными стояли значительные. Необходимо было постоянно отслеживать намерения японской военщины в отношении СССР и Китая, не просмотреть возможного нападения

Квантунской армии на советский Дальний Восток. Перед советскими представителями стояла также задача удержать центральное правительство Китая на позициях активного сопротивления японской агрессии.

Советским разведчикам под руководством Панюшкина удалось приобрести ценных источников информации в китайской разведке, ЦИКе Гоминьдана и других важных объектах проникновения. Сам резидент установил доверительные отношения с рядом лиц из окружения Чан Кайши, выступавших за укрепление дружбы с Советским Союзом.

При непосредственном участии Панюшкина советским военным советникам удалось убедить Чан Кайши и других китайских военачальников продолжать сопротивление наступлению японских войск, разработав оперативный план обороны города Чаньша. В этой операции, длившейся около 20 дней, японцы потеряли 30 тысяч солдат и офицеров, тогда как потери китайской армии были значительно меньше. Бои в районе Чаньша подняли боевой дух и настроение не только армейских кругов, но и широких народных масс Китая.

Историк Анатолий Горин, изучавший деятельность Панюшкина в Китае в тот период, в одной из своих работ отмечал:

«Главный резидент, он же Полпред Советского Союза А. С. Панюшкин, приложил много усилий для предотвращения конфронтации между Гоминьданом и компартией, а также недопущения гражданской войны в стране в 1940–1941 годах.

Руководимые им разведчики не только полно и своевременно информировали Центр об основных проблемах внешней и внутренней политики Китая, деятельности в стране представителей основных стран Запада и Японии, но и за полтора месяца до нападения Германии на СССР получили и направили в Москву оперативный план германского Верховного командования о главных направлениях продвижения немецких войск в войне против СССР, полученный агентурным путем у германского военного атташе. Главная задача резидентур внешней разведки на Дальнем Востоке в конце 1930-х начале 1940-х годов – не просмотреть возможности нападения Японии на Советский Союз – не снималась с повестки дня до середины 1943 года. Руководимые А. С. Панюшкиным резидентуры успешно справились с этой задачей. За работу в Китае А. С. Панюшкин был награжден орденом Ленина».

К этому следует добавить, что в период работы Панюшкина в Китае за достигнутые результаты в разведывательной деятельности государственных наград СССР были удостоены

практически все сотрудники чунцинской резидентуры.

По командировке в Китай Панюшкин характеризовался руководством разведки как самоотверженный, целеустремленный и деятельный работник, тонкий дипломат, хороший организатор и умелый руководитель, чуткий и внимательный товарищ.

А один из ветеранов разведки, работавший в самом начале своей оперативной деятельности под руководством Александра Семеновича в чунцинской резидентуре, позже вспоминал:

«Он был энергичным, обаятельным человеком, требовательным к себе и другим. Простота, скромность, принципиальность, чуткость и внимание к людям, особенно к молодым сотрудникам, снискали ему большое уважение коллектива советской колонии в Чунцине».

Возвратившись в Москву в сентябре 1944 года, Панюшкин был переведен на работу в аппарат ЦК ВКП(б) и назначен на должность 1-го заместителя заведующего отделом международной информации ЦК партии.

В мае 1947 года Александр Семенович возвратился на работу во внешнюю разведку и занял пост Главного секретаря Комитета информации при Совете Министров СССР, как тогда она называлась. В октябре того же года Панюшкин направляется Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в США и одновременно становится главным резидентом советской внешней разведки в этой стране. В 1948–1953 годах являлся также представителем СССР в Дальневосточной комиссии.

Предоставим вновь слово Анатолию Горину:

«Выбор кандидатуры А. С. Панюшкина не был случайным. В связи с предательством источника советской внешней разведки в США Элизабет Бентли и бегством в Канаде шифровальщика ГРУ Игоря Гузенко в Соединенных Штатах разворачивалась антисоветская кампания. Было необходимо не только принять меры по нейтрализации ущерба, нанесенного разведывательной деятельности в этой стране, но и не допустить разрыва дипломатических отношений между двумя странами, к чему призывали ультраправые элементы в США».

Резидент Панюшкин в этих сложных условиях предпринял энергичные меры к тому, чтобы свести к минимуму потери разведки, обеспечивая в то же время Центр необходимой разведывательной информацией. В этот же период он руководил операцией по получению документации, касающейся разработки атомной бомбы и ее усовершенствования.

В июле 1952 года Панюшкин возвратился в Москву и сразу же получил новое назначение на должность посла СССР в Китайской Народной Республике. На этот раз он не совмещал

дипломатическую должность с разведывательной работой. В Китае находился до мая 1953 года.

В июле 1953 года на Пленуме ЦК КПСС А. С. Панюшкин был избран кандидатом в члены ЦК КПСС и назначен на должность руководителя советской внешней разведки. Одновременно осенью того же года он был назначен по совместительству председателем комиссии ЦК по выездам за границу. В должности начальника внешней разведки находился до июня 1955 года.

Руководя внешней разведкой, генерал-майор Панюшкин обращал особое внимание подчиненных на аккуратность и добросовестность в работе над информационными документами. Лаконизм, четкость формулировок, максимальная достоверность фактов, ясность и краткость выводов – вот что ценил в документах Панюшкин. Ему нравилось, когда при подготовке документов тщательно взвешивались каждый вывод, каждая рекомендация, когда текст не нагромождался мелкими частностями, деталями, а главное внимание концентрировалось на ключевых проблемах, острых ситуациях.

Ветераны Службы отмечали, что стиль руководства Панюшкиным внешней разведкой оказывал самое благотворное влияние на организацию ее работы. «Мне довелось работать вместе с А. С. Панюшкиным три года, – вспоминал позже А. М. Сахаровский, будущий многолетний руководитель советской внешней разведки. – Это был обаятельный человек, опытный руководитель, прошедший большую школу партийно-политической работы. Как политический работник он хорошо знал, какая информация нужна директивным органам. При Александре Семеновиче мы начали перестройку информационной работы, у нас укрепились хорошие деловые и товарищеские отношения в коллективе внешней разведки. Все это положительно влияло на повышение результативности в работе».

23 июня 1955 года генерал-майор Панюшкина был освобожден от должности начальника внешней разведки и переведен на работу в ЦК КПСС. В июле 1959 года он был назначен заведующим отделом кадров дипломатических и внешнеэкономических органов ЦК КПСС. С 12 мая 1965 года по 14 марта 1973 года – заведующий отделом загранкадров ЦК КПСС.

В апреле 1973 года вышел на пенсию.

Заслуги Александра Семеновича Панюшкина были отмечены тремя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, многими медалями, а также нагрудным знаком «Почетный работник ВЧК – ГПУ».

Скончался А. С. Панюшкин 11 ноября 1974 года.

Вадим Кучин

Благодаря блестящему знанию немецкого языка и проблем Германии, молодой сотрудник советской внешней разведки Вадим Витольдович Кучин стал активным участником оперативных мероприятий разведки, связанных с подписанием Акта о безоговорочной капитуляции Германии в мае 1945 года. Ему также пришлось вплотную заниматься вопросами обеспечения безопасности советской делегации в Карлхорсте.

Вадим Кучин родился 19 февраля 1920 года в Оренбургской губернии.

После окончания в 1941 году Московского института философии, литературы и истории (МИФЛИ) Кучин был принят на работу во внешнюю разведку и направлен на учебу в специальную школу НКВД. Свободно владел немецким языком, являлся крупным специалистом по истории Германии.

Вадим Витольдович Кучин

В 1945 году в составе оперативной группы НКГБ СССР Кучин

был направлен на 1-й Белорусский фронт для подготовки работы разведки в Германии после войны. В мае 1945 года выполнял специальные задания Центра в период подписания Акта о безоговорочной капитуляции Германии.

После окончания войны Кучин работал в аппарате уполномоченного МГБ в Германии. Являлся руководителем подрезидентуры советской внешней разведки в Нюрнберге. Умело руководил работой ценной агентурой, лично участвовал в подготовке и проведении сложных разведывательных операций. Принимал непосредственное участие в работе Нюрнбергского трибунала над главными нацистскими преступниками. В качестве специалиста привлекался к подготовке документов обвинения.

В 1950–1959 годах Кучин работал в аппарате уполномоченного МГБ – КГБ в ГДР. В 1954 году принимал непосредственное участие в операции советской внешней разведки по выводу в ГДР президента Федерального ведомства по охране Конституции (контрразведки) ФРГ Отто Йона. Выдавая себя за немца, Кучин сумел убедить Отто Йона добровольно перейти в ГДР во время мероприятий в Западном Берлине, посвященных 10-й годовщине покушения на Гитлера 20 июля 1944 года. Это мероприятие имело большой международный резонанс и способствовало срыву планов США по присоединению ФРГ к Европейскому оборонительному союзу.

Из официальной справки:

Отто Йон родился в 1909 году в Магдебурге. В молодости входил в организацию «Молодые социалисты». В 1944 году участвовал в «заговоре генералов» против Гитлера. Спасаясь от репрессий, бежал в Португалию, где якобы сотрудничал с британской разведкой.

После войны при содействии англичан стал руководителем Федерального ведомства по охране Конституции (западногерманская контрразведка, БФФ). Правые партии возражали против этого назначения из-за левых взглядов Йона и его связей с англичанами. Канцлер Аденауэр ему также не доверял и собирался заменить другим человеком на посту президента БФФ.

В 1954 году школьный товарищ Отто предложил ему встретиться в Берлине с представителем советской разведки, на что Йон ответил согласием. Такая встреча состоялась 24 июня 1954 года во время мероприятий, посвященных 10-й годовщине покушения на Гитлера. Отто принял решение остаться в ГДР и 27 июля сделал

соответствующее публичное заявление. В течение года он работал в «Комитете единства» Германии, резко осуждал политику Запада, направленную на раскол страны.

Уход Отто Йона вызвал скандал в Бонне, и БФФ начало официальное расследование. Было установлено, что с 1938 года этот главный контрразведчик страны имел отношение к деятельности подпольной антифашисткой организации «Красная капелла» и, вероятно, был связан с советской разведкой.

В 1955 году Отто Йон добровольно вернулся в ФРГ, был приговорен боннской Фемидой к тюремному заключению и до 1960 года находился за решеткой. После выхода Йона на свободу западногерманские спецслужбы пытались организовать через него оперативную игру с советской разведкой, но их планам не суждено было сбыться.

С 1959 по 1962 год Кучин работал на руководящих должностях в центральном аппарате внешней разведки. С 1962 по 1968 год находился в служебной командировке в Берлине в качестве старшего офицера связи представительства КГБ в ГДР. Успешно справлялся с поставленными задачами, умело руководил работой ценной агентуры. Имел хорошие и устойчивые контакты с руководством разведки ГДР. Совместно с немецкими разведчиками лично участвовал в подготовке и проведении сложных разведывательных операций в отношении ФРГ.

По возвращении из служебной командировки Кукин работал на руководящих должностях в центральном аппарате разведки. Являлся автором ряда трудов по разведывательной тематике и по истории Германии.

За успешную работу по обеспечению государственной безопасности нашей страны полковник Кучин был награжден двумя орденами Красного Знамени, орденами Трудового Красного Знамени и Красной Звезды, многими медалями, нагрудным знаком «Почетный сотрудник госбезопасности», а также рядом иностранных орденов и медалей.

Скончался Вадим Витольдович Кучин в 1979 году. Его имя занесено на Мемориальную доску Службы внешней разведки Российской Федерации.

Разведчик и ученый Иосиф Григулевич

Выдающийся советский разведчик-нелегал, видный ученый и писатель Иосиф Ромуальдович Григулевич (Григулявичюс) родился 5 мая 1913 года в буржуазной Литве (город Вильно) в семье фармацевта. По национальности караим.

В 1924 году отец Иосифа потерял работу и эмигрировал в Аргентину. Мальчик остался с матерью в Вильно, оккупированном в то время Польшей. Окончил гимназию имени Витовта. Помимо родного с детства свободно владел литовским, русским и польским языками. В дальнейшем в совершенстве освоил итальянский, испанский, португальский, французский и английский.

Иосиф Ромуальдович Григулевич

В период учебы в гимназии он подружился с активистами компартии Западной Белоруссии и в 1926 году вступил в нелегальный Коммунистический союз молодежи. В 1930 году стал членом компартии Польши, а на другой год вошел в состав Литовского бюро ЦК КПЗБ. В феврале 1932 года был арестован польской полицией, приговорен к двум годам заключения условно, после чего выслан из Польши.

По решению Литовского коммунистического бюро Григулевич выехал во Францию. В начале октября 1933 года он поступил в парижскую Высшую школу социальных наук, стал членом коммунистической фракции Сорбонны, а также вошел в состав редколлегии журнала МОПР, выходившего в Париже на польском языке.

В августе 1934-го по предложению Коминтерна Григулевич был направлен на партийную работу в Аргентину, где проживал его отец. Трудился продавцом радиоаппаратуры, страховым агентом, журналистом. Активно сотрудничал с руководством компартии Аргентины. Одновременно был избран в исполком МОПР и членом редколлегии нелегального журнала «Сокорро рохо».

В начале сентября 1936 года ЦК КП Аргентины направил Григулевича в Испанию. Он служил адъютантом начальника штаба армии Мадридского фронта генерала Рохо. Затем работал переводчиком советского полпредства в Мадриде.

В марте 1937 года Григулевич начал сотрудничать с советской внешней разведкой. В мае того же года участвовал в подавлении Барселонского мятежа. Проявил себя как смелый и находчивый боевик в операциях по ликвидации агентуры «пятой колонны». В конце 1937 года из-за угрозы расшифровки был выведен в Советский Союз.

В 1940 году Григулевич был направлен в качестве разведчика-нелегала в Латинскую Америку, где вел активную разведывательную работу в ряде стран (Мексика, Аргентина, Уругвай, Чили, Бразилия).

Будучи человеком, обладающим способностью легко устанавливать контакты в любой социальной среде, он быстро завел полезные для разведки связи и создал в Латинской Америке несколько агентурных групп разных по своей оперативной направленности профилей, подбирая для работы на советскую разведку надежных и идейно близких нам людей. Чтобы иметь представление о размахе деятельности Григулевича, достаточно сказать, что в разное время у него на личной связи находилось до 50 помощников. А общая численность агентурной сети разведчика порой достигала 200 человек. Григулевич лично

участвовал в нападении группы боевиков во главе с Давидом Сикейросом на виллу Троцкого в Койоакане (Мексика) в ночь на 24 мая 1940 года.

Наиболее плодотворно агентурные группы Григулевича действовали в период Великой Отечественной войны. Наряду с добычей актуальной разведывательной информации и выводом агентуры в европейские страны, в задачу помощников Григулевича входила организация диверсий на кораблях, вывозивших из латиноамериканских стран необходимое для Германии стратегическое сырье. В общей сложности боевиками Григулевича было заложено более 150 мин. В результате действий этих групп было выведено из строя несколько транспортов и уничтожены значительные запасы сырья, направлявшиеся в германские порты.

После окончания войны Григулевич проживал нелегально в Мексике. Там он сблизился с представителями коста-риканского революционного движения, которые, находясь в эмиграции, готовили государственный переворот в своей стране.

В 1947 году вместе с женой Лаурой Иосиф Григулевич нелегально прибыл в Москву, где супруги прошли дополнительную подготовку.

Осенью 1949 года супруги были выведены на длительное оседание в Западную Европу. Разведчик-нелегал приступил к активному выполнению ответственных разведывательных заданий Центра в ряде европейских стран. Благодаря своим природным данным, личному обаянию, настойчивости и инициативе Григулевич надежно легализовался в Европе и обеспечил получение важной разведывательной информации. После смены власти в Коста-Рике он, используя связи в новом правительстве, смог создать для себя уникальное прикрытие: Григулевич был назначен Чрезвычайным посланником в ранге Полномочного министра Республики Коста-Рика в Италии. Одновременно он являлся посланником при Папском престоле в Ватикане и по совместительству – посланником в Югославии.

По линии советской внешней разведки Григулевич возглавлял нелегальную резидентуру в Италии.

Осенью 1953 года Григулевич по соображениям безопасности был отозван в Советский Союз. Он уволился из органов государственной безопасности и занялся научной деятельностью. Работал заведующим сектором Института этнографии АН СССР. Доктор наук (1965 год), член-корреспондент АН СССР (1979 год). Считался крупнейшим специалистом по Ватикану и латиноамериканским странам. Являлся главным редактором журнала «Общественные науки в СССР». Автор многочисленных

научных трудов и монографий. Под псевдонимом «Иосиф Лаврецкий» (девичья фамилия матери) издал в серии «ЖЗЛ» более 20 произведений, посвященных политическим и общественным деятелям стран Латинской Америки.

Награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды, Дружбы народов, многими медалями, а также рядом орденов и медалей иностранных государств.

Скончался Иосиф Ромуальдович Григулевич 2 июня 1988 года. Похоронен на Донском кладбище в Москве. Мало кто знал тогда об истинной деятельности этого замечательного человека. Потому в многочисленных некрологах, опубликованных в СССР и за рубежом, ничего не говорилось о том, что он принадлежит к той плеяде выдающихся бойцов «невидимого фронта», о которых слагали и сейчас слагают легенды, что он прожил разведчиком-нелегалом много разных жизней в тринадцати странах мира.

Александр Сахаровский

В своих мемуарах ветеран разведки генерал-лейтенант В. А. Кирпиченко писал: «Работа в качестве начальника разведки практически не оставляет времени для личной жизни, как бы ни были высоки организаторские таланты того или иного руководителя. Он должен быть в курсе всех более или менее значительных событий, происходящих в мире, и даже предвидеть эти события, чувствовать различные тенденции, давать им оценку и в необходимых случаях предлагать возможные решения возникающих политических проблем».

Александр Михайлович Сахаровский

Эти слова в полной мере относятся к Александру Михайловичу Сахаровскому – незаурядному человеку и

выдающемуся чекисту, проработавшему на посту начальника внешней разведки с середины 1950-х годов более 15 лет и руководившему ею в самый разгар «холодной войны».

Александр Сахаровский родился 3 сентября 1909 года в деревне Большое Ожогино Палкинского района Костромской губернии в крестьянской семье. Отец занимался отхожим промыслом в соседних селах, а позже нашел работу на одном из заводов Петербурга.

Трудовую деятельность Александр начал с семнадцати лет рабочим на Балтийском судостроительном заводе, затем – на Северной судостроительной верфи в Ленинграде. В октябре 1931 года он был призван в ряды Красной Армии и в том же году стал слушателем вечернего отделения Военно-политической академии. В октябре 1933 года по решению Политуправления РККА Сахаровский был направлен секретарем бюро ВЛКСМ 63-го отдельного строительного батальона в Советскую Гавань Дальневосточного края.

Демобилизовавшись из армии в декабре 1934 года, Сахаровский вернулся в Ленинград. Через год был избран секретарем комитета ВЛКСМ Канонерского судоремонтного завода, а позже переведен в Балтийское государственное морское пароходство, в парткоме которого работал инструктором по воспитанию молодежи. В 1938 году был избран секретарем парткома.

В феврале 1939 года по партийному набору Александр Сахаровский был направлен на работу в органы государственной безопасности. Являлся заместителем начальника отделения Водного разведотдела управления НКВД по Ленинградской области. В 1940 году он более семи месяцев находился в загранплавании в качестве помощника капитана пассажирского судна.

Накануне войны в Управлении НКВД по Ленинградской области был создан Первый (разведывательный) отдел, который возглавил Сахаровский. В период блокады Ленинграда отдел занимался подготовкой разведывательно-диверсионных групп для заброски в тылы противника и операциями по ликвидации немецких парашютистов и других диверсантов.

Левый берег Невы был передним рубежом обороны города. Оттуда организовывались выводы групп под Шлиссельбург, в тыл к немцам. При непосредственном участии Сахаровского было создано и переправлено более 40 разведывательно-диверсионных групп, нанесших оккупантам значительный ущерб в живой силе и технике. Сахаровский выполнял и другие задания, связанные с обороной Ленинграда и прорывом блокады города, взятого в

кольцо немецко-фашистскими захватчиками. В 1945 году Александр Михайлович руководил и лично участвовал в операциях по ликвидации действовавших на территории СССР резидентуры СД противника и группы вражеских разведчиков из «Абверкоманды-204».

В 1946 году Сахаровский получил назначение в Москву в центральный аппарат МГБ СССР. Являлся начальником отдела, заместителем начальника одного из управлений внешней разведки. В этот период он неоднократно выезжал для выполнения специальных заданий в Финляндию, а также в течение двух лет находился в командировке в Румынии в качестве советника при местных органах госбезопасности.

В характеристике на А. М. Сахаровского, составленной в тот период, в частности, указывалось: «Во время спецкомандировок за границу правильно решал поставленные перед ним задачи, умело руководил агентурой в деле оказания влияния на общественно-политические круги в нужном СССР направлении. Работая советником МГБ СССР при органах безопасности Румынии, тов. Сахаровский оказал значительную помощь в организации работы этих органов. При его непосредственном участии румынскими коллегами был вскрыт и ликвидирован ряд резидентур американской и английской разведок, а также сионистских и других подпольных организаций, активно действовавших на территории Румынской Народной Республики».

В июне 1955 года Сахаровский был назначен исполняющим обязанности начальника советской внешней разведки. В мае 1956 года он был утвержден в должности руководителя Первого главного управления КГБ при СМ СССР (внешняя разведка) и проработал на этом посту до середины 1971 года.

За время, в течение которого Сахаровский являлся руководителем большого коллектива чекистов, в жизни нашей страны, как и во внешнеполитической обстановке произошли существенные изменения. Значительно возрос объем задач разведки. География ее деятельности расширилась и стала охватывать весь мир.

Природный ум Александра Михайловича и его талант разведчика, опыт компетентного организатора, умение видеть главное, правильно расставить кадры способствовали решению сложнейших разведывательных задач. Именно при Сахаровском получили активное развитие такие линии работы разведки, как контрразведывательная, научно-техническая, нелегальная.

Ветераны Службы внешней разведки, знавшие Александра Михайловича по совместной работе в ПГУ, так характеризуют начальника разведки: «Сахаровского отличала внешняя и

внутренняя строгость. К людям он относился требовательно, но без мелочной придирчивости. О ветеранах, людях заслуженных, заботился и всячески их поддерживал. Работал Александр Михайлович допоздна, во все старался вникать сам. Говорил он просто, ясно, мысли выражал четко и лаконично, отчего слова его надолго запоминались».

В критических случаях Сахаровский делал все возможное, чтобы вернуть на родину попавших в беду боевых товарищей. Достаточно вспомнить упоминающихся в этой книге Вильяма Фишера (Рудольфа Абеля), Конона Молодого (Лонсдейла), а также ставших впоследствии Героями России супругов Морриса и Леонтину Коэн (Питера и Хелен Крогер).

В межведомственных коллизиях Сахаровский всегда вставал на защиту своих сотрудников. Не боялся брать на себя ответственность при принятии решений. Среди ветеранов внешней разведки хорошо известен, например, такой случай. В одной из ведущих натовских стран Европы работал опытный и сильный разведчик Д. По прикрытию он занимал скромную должность технического сотрудника советского посольства. А по линии разведки на него возлагались ответственные задачи по поддержанию связи с наиболее ценной агентурой. Как-то раз после прошедшего в Москве очередного съезда КПСС в посольство с дипломатической почтой поступили две упаковки. В одной из них содержались портреты вновь избранных членов Политбюро, а в другой – запасные детали к посольскому радиопередатчику. Причем упаковка с деталями в ходе транспортировки была повреждена, и Москва дала указание ее возвратить. В связи с тем, что дипкурьеры собирались в обратный путь, Д., принимавший участие в получении почты, быстренько написал сопроводительную записку («Возвращаем за ненадобностью…») и попросил своих коллег передать упаковку дипкурьерам, а сам отправился на оперативное мероприятие.

Через несколько дней посол распорядился вывесить в актовом зале портреты нового состава Политбюро, а их не нашли… Разразился скандал. Оказалось, что именно они были случайно возвращены в Москву «за ненадобностью». В соответствующие подразделения ЦК КПСС, МИД и КГБ ушла телеграмма, в которой посол требовал отозвать Д. из командировки. Реакция Сахаровского была незамедлительной. В ответной телеграмме начальника советской внешней разведки сообщалось, что Д. награжден орденом Ленина и что он (Сахаровский) надеется, что руководство посольства присоединится к поздравлениям в адрес сотрудника резидентуры по этому поводу. Инцидент был исчерпан, а Д. проработал в

стране еще несколько лет.

Много внимания руководитель внешнеполитической разведки уделял подготовке кадров, организации научно-исследовательской работы в ПГУ. Он хорошо знал лично многих сотрудников разведки, их способности и возможности, был выдержан и внимателен к подчиненным, не подавлял их с высоты своего положения, а побуждал к работе мысли, инициативе, умел создавать вокруг себя спокойную деловую обстановку. Был он человеком неподдельно скромным, доступным и исключительно порядочным. В редко выпадавшие часы отдыха любил заниматься охотой и рыбной ловлей.

Обратимся вновь к воспоминаниям В. А. Кирпиченко, который длительное время работал с Александром Михайловичем: «Был он высок ростом, статен, импозантен, и сотрудницы разведки, переводчицы, машинистки, секретари, встретившись с ним в коридоре, особенно в первые годы его начальствования, провожали его восхищенными взглядами: хорош собой был начальник разведки».

Когда Александр Михайлович покидал разведку, прощаясь с коллегами, он сказал: «Я оставил здесь все – здоровье, друзей и любимую работу!»

С середины 1971-го по январь 1975 года А. М. Сахаровский был старшим консультантом Группы консультантов при Председателе КГБ СССР. С 1 февраля 1975 года вышел в отставку.

Уйдя на заслуженный отдых, он до последних дней, преодолевая тяжелый недуг, не прерывал связей с коллективом разведки, отдавал все силы становлению молодого поколения разведчиков.

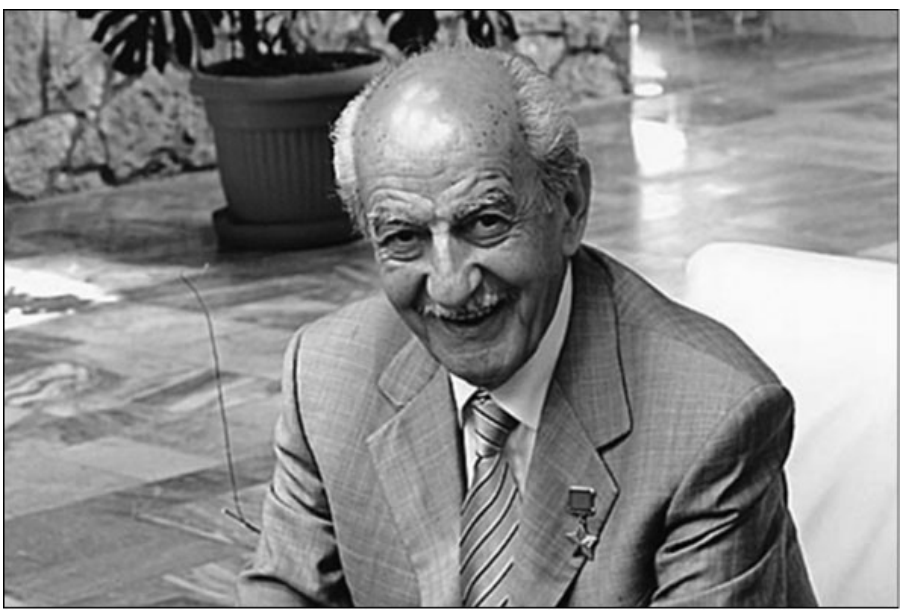
За заслуги перед Родиной почетный сотрудник госбезопасностигенерал-полковник Сахаровский был награжден тремя орденами Ленина, орденами Красного Знамени, Отечественной войны I степени, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, «Знак Почета», многими медалями. Его самоотверженный труд и с честью выполненный интернациональный долг были также отмечены 16 высокими наградами зарубежных государств.

Скончался Александр Михайлович Сахаровский 12 ноября 1983 года.

Герой Советского Союза Геворк Вартанян

20 декабря 2000 года, в день своего 80-летнего юбилея, Служба внешней разведки Российской Федерации раскрыла уникальную семейную пару разведчиков-нелегалов – Героя Советского Союза Геворка Андреевича Вартаняна и его супругу Гоар Левоновну. Их имена и подвиги долгие годы хранились в строжайшей тайне. Да и сейчас, в наши дни, большая часть их жизни и деятельности находится под грифом «совершенно секретно».

Разведка приоткрыла лишь первую страничку длившейся десятилетия работы нелегалов. И мы в нашем рассказе коснемся лишь нескольких эпизодов иранской деятельности разведчиков: во многом именно благодаря Геворку и его группе, именовавшейся в разведке «легкой кавалерией», удалось предотвратить покушение на Сталина, Черчилля и Рузвельта во время Тегеранской конференции в далеком 1943 году.



Геворк Андреевич Вартанян

Геворк Вартанян родился 17 февраля 1924 года в Ростове-на-Дону в семье иранского подданного, армянина по национальности, директора маслобойного завода, находившегося в станице Степной. Когда в 1930 году семья выехала в Иран, Геворку было всего шесть лет.

Его отец Андрей Вартанян был связан с советской внешней

разведкой и покинул СССР по ее заданию. Он прочно обосновался в Иране, став преуспевающим коммерсантом. Позиции отца – человека со связями и солидным положением в обществе, владельца кондитерской фабрики, известной на весь Иран своими сладостями, являлись для него надежным прикрытием. Используя это прикрытие, Андрей Васильевич вел активную разведывательную и агентурную работу: вербовки, поддержание связи с нелегалами, приобретение для них «железных» документов. Он почти никогда не пользовался финансовыми средствами Центра, обходился теми деньгами, которые зарабатывал сам. В грозные годы Великой Отечественной войны, когда над его Родиной нависла смертельная угроза, Андрей Вартанян собрал значительную сумму денег, которые были переданы в Центр для постройки боевого танка. Слова «Все для фронта, все для победы!» были для него не только призывом, но и смыслом жизни.

В 1953 году Андрей Вартанян вернулся из Тегерана в Ереван, проработав на разведку в соседнем Иране 23 года. Он был настоящим патриотом Советского Союза, и в таком же духе воспитывал своих детей. Именно под влиянием отца Геворк стал разведчиком. Он связал свою судьбу с советской разведкой в 16 лет, когда в феврале 1940 года добровольно установил прямой контакт с резидентурой НКВД в Тегеране, где проживал вместе с родителями.

Спустя многие годы Геворк Андреевич подчеркивал: «В разведку меня привлекла не перспектива стать популярным и известным, а возможность приложить свои силы и способности на одном из жизненно важных для страны направлений. Я очень люблю свою работу, и пусть меня простят представители других профессий, но я считаю, что Разведка (именно с большой буквы) – это не только романтика, но и, прежде всего, один из самых эффективных путей защиты Отечества. Это работа для подлинных патриотов, людей убежденных и самоотверженных. В такую работу нельзя не влюбиться».

Геворку пришлось начинать работать в разведке в период сложной обстановки в Иране. К началу Второй мировой войны в стране находилось около 20 тысяч немецких граждан: военные инструкторы, разведчики и агентура под видом торговцев, бизнесменов, инженеров. Через резидентуры своей разведки и их агентурную сеть, включая многочисленных агентов влияния, гитлеровцы воздействовали на политические круги Ирана, на командование вооруженных сил, жандармерию и полицию. И хотя 4 сентября 1939 года правительство Ирана заявило о своем нейтралитете, однако на деле оно открыто продолжало следовать

прогерманскому курсу.

В Тегеране действовала главная резидентура советской внешней разведки, которую возглавлял молодой, но достаточно опытный разведчик Иван Агаянц. Ей были подчинены периферийные резидентуры и разведпункты в различных иранских городах.

Перед советскими разведчиками в Иране руководством НКВД была поставлена приоритетная задача по «созданию агентурной сети в целях выявления сотрудников и агентов иностранных разведок, а также враждебных СССР организаций».

По поручению резидента Геворк подобрал семерых надежных ребят из своих сверстников и возглавил созданную из них спецгруппу по выявлению фашистской агентуры и немецких разведчиков в иранской столице и в других городах. Никакой оперативной подготовки у ребят не было, и сотрудникам резидентуры приходилось учить их на ходу: грамотно вести наружное наблюдение, выполнять другие специальные задания. В период формирования и обучения группы кто-то из сотрудников резидентуры в шутку назвал ее «легкой кавалерией». Это название прочно закрепилось за ней на добрый десяток лет.

Только за два года группа Вартаняна установила более 400 человек, так или иначе связанных с германскими спецслужбами.

В 1942 году Геворку пришлось выполнять специальное разведывательное задание.

В годы войны Великобритания была союзницей СССР по антигитлеровской коалиции. Однако это не мешало англичанам вести против СССР подрывную работу. Советской резидентуре стало известно, что англичане создали в Тегеране разведывательную школу. В нее набирали молодых людей со знанием русского языка. Готовили их для заброски с разведывательными заданиями на территорию советских республик Средней Азии и Закавказья.

По заданию Центра Вартанян внедрился в разведшколу. Он на регулярной основе снабжал резидентуру подробной информацией о самой разведшколе и о ее курсантах. Заброшенные на территорию СССР «выпускники» школы обезвреживались или перевербовывались и работали «под колпаком» советской контрразведки. Англичане заподозрили что-то неладное: школа работала на холостом ходу. В скором времени школа перестала существовать.

Вартанян прошел в английской разведшколе полный курс обучения. Полученная в ней от офицеров секретной службы Его Величества добротная оперативная подготовка – вербовочная

работа, тайниковые операции, шифровальное дело, поддержание двусторонней связи, выявление наружного наблюдения – очень пригодилась советскому разведчику впоследствии.

В период работы Тегеранской конференции лидеров «Большой тройки» в ноябре – декабре 1943 года группа Вартаняна принимала активное участие в обеспечении безопасности руководителей союзных государств. В частности, молодым разведчикам удалось получить информацию о прибывшей в иранскую столицу передовой группе немецких диверсантов и установить ее местонахождение. В результате планы гитлеровских спецслужб по уничтожению лидеров «Большой тройки» были сорваны.

В июне 1946 года в Тегеране Геворк и сотрудница его разведывательной группы красавица Гоар сыграли свадьбу и еще шесть лет работали в Иране. «Мне никто не навязывал, не утверждал “кандидатуру мужа”, – рассказывала позже Гоар Левоновна. – Замуж я выходила по большой любви. Правда, сочетались браком мы три раза. Дважды – за рубежом (так нужно было в соответствии с “легендой”). И даже венчались в церкви. И один раз – дома, уже по советским законам».

Группа «легкая кавалерия» продолжала успешно действовать до апреля 1949 года. В 1951 году молодые супруги были выведены в СССР и окончили факультет иностранных языков Ереванского университета.

Затем последовала многолетняя жизнь под прикрытием вымышленных имен и фамилий, работа разведчиков-нелегалов в экстремальных условиях и сложной обстановке в различных странах мира. Этапы разведывательной деятельности, о которой еще не пришло время рассказывать, да и вряд ли оно наступит в ближайшие 50—100 лет. Операции, блестяще проведенные Геворком Вартаняном, могли бы войти в учебные пособия спецслужб многих стран как образец того, каких успехов может достичь разведчик. Его очередная загранкомандировка длилась более 30 лет. И всегда рядом с ним была Гоар – женщина его судьбы, боевая подруга, прошедшая вместе с ним долгий путь в разведке.

О присвоении Геворку Андреевичу звания Героя Советского Союза и о награждении Гоар Левоновны орденом Красного Знамени им сообщили в 1984 году. Но супруги находились тогда еще вдалеке от Москвы, и потому документы об их награждении в целях конспирации были выписаны на другие фамилии. Только после их возвращения в Москву все встало на свои места, и разведчики получили заслуженные награды.

Из последней командировки Вартаняны вернулись осенью

1986 года. Через несколько месяцев Гоар Левоновна вышла на пенсию, а Геворк Андреевич продолжал служить до 1992 года.

После выхода в отставку полковник Вартанян принимал активное участие в воспитании молодого поколения разведчиков.

Скончался Геворк Андреевич 10 января 2012 года.

Конон Молодый, он же – Гордон Лонсдейл

23 марта 1961 года в Лондоне в знаменитом уголовном суде высшей инстанции Олд Бейли завершился судебный процесс по так называемому «портлендскому делу», основным из действующих лиц которого являлся канадский бизнесмен Гордон Лонсдейл. 25 лет тюрьмы – таков был приговор. Имя этого человека тогда не сходило с первых полос английских и американских газет. Но только спустя много лет стало известно, что под этим именем в Англии работал кадровый советский разведчик-нелегал полковник Конон Трофимович Молодый.

Конон Молодый родился 17 января 1922 года в Москве в семье научных работников. Его отец преподавал в Московском государственном университете и Московском энергетическом институте, а также заведовал сектором научной периодики в Госиздате. Скончался он от инсульта в 1929 году в возрасте 50 лет. Мать была профессором Центрального научно-исследовательского института протезирования, во время Великой Отечественной войны стала военным хирургом. Сам Конон позже часто шутил, что отец назвал его столь необычным именем в отместку за то, что родители нарекли его Трофимом.

Конон Трофимович Молодый

В 1932 году с разрешения советского правительства Конон выехал в США к сестре матери Анастасии Наумовой, которая проживала там с 1914 года, обосновавшись в городе Беркли (штат Калифорния). Учился в средней школе, где в совершенстве овладел английским языком. Много ездил по Калифорнии, бывал в других городах США, посещал Нью-Йорк. В Америке жила и другая сестра матери – бывшая балерина Пьянкова, которая тоже хотела, чтобы племянник пожил с ней. Когда Конону исполнилось 16 лет, встал вопрос о дальнейшем жизненном выборе. Тетки настаивали, чтобы он после окончания средней школы поступил в один из американских университетов и остался в США. Однако Молодый твердо решил вернуться на Родину. В 1938 году он возвратился в Москву и продолжил учебу в 36-й московской средней школе, которую окончил в 1940 году.

В октябре 1940 года Конон Молодый был призван в ряды Красной Армии. Весь период Великой Отечественной войны он находился в действующей армии, во фронтовой разведке.

Принимал непосредственное участие в боевых действиях против немецко-фашистских войск. В должности помощника начальника штаба отдельного разведывательного дивизиона лейтенант Молодый неоднократно ходил в тыл противника, брал «языков», добывал необходимые командованию сведения. В боях с фашистскими захватчиками ярко проявились такие качества Конона Молодого, как смелость и отвага. Его ратные подвиги в военное время были отмечены высокими государственными наградами: орденами Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды, медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги», а также почетным нагрудным знаком солдатской доблести «Отличный разведчик».

После демобилизации из армии в августе 1946 года Молодый поступил на юридический факультет Московского института внешней торговли. Изучал китайский язык. Учился он легко. Сокурсники как-то сразу единодушно признали в нем вожака.

Генерал-лейтенант Виталий Павлов, который в начале 1950-х годов был руководителем англо-американского отдела нелегальной службы советской внешней разведки и изучал Молодого в качестве кандидата на работу в органы государственной безопасности, в своих мемуарах писал:

«Тогда Конон Трофимович произвел сильное впечатление, надолго оставшееся в памяти. Он всегда стоял особняком, как, в известной мере, образец идеального разведчика. В молодые годы он успел пройти суровую школу Великой Отечественной войны. Характеризовался как отважный и смелый войсковой разведчик, неоднократно ходивший в тыл противника.

Когда он был еще студентом третьего курса института, на него обратила внимание советская разведка. Изучение его личных и деловых качеств в течение двух лет только подтвердило соответствие его кандидатуры высоким требованиям, которые предъявляет к разведчикам работа в нелегальных условиях. Парень вызывал большую симпатию своим оптимизмом, уверенностью. Он обладал явными выдающимися способностями к разведывательной деятельности».

Окончив институт в 1951 году, Молодый остался в нем преподавателем китайского языка. В качестве соавтора принимал участие в создании учебника китайского языка, по которому, кстати, до сих пор занимаются студенты языковых вузов. Помимо блестящего знания английского и китайского, он свободно говорил на французском и немецком языках.

В конце 1951 года Конон Молодый поступает на работу во внешнюю разведку органов госбезопасности и начинает готовиться к деятельности за рубежом с нелегальных позиций. Он

глубоко освоил теоретические основы разведывательной профессии и серьезно прочувствовал особенности предстоящей работы.

В 1954 году Молодый был нелегально выведен в Канаду, а затем с документами на имя канадского бизнесмена Гордона Лонсдейла переехал в Англию, где приступил к выполнению заданий Центра в качестве руководителя нелегальной резидентуры. В Лондоне он занялся бизнесом, создав фирму по продаже и обслуживанию игральных автоматов. Это стало удачным прикрытием для разведывательной деятельности и легализации средств, получаемых из Центра.

Вскоре к «Бену» (таким был оперативный псевдоним Конона Молодого) были направлены помощники – разведчики-нелегалы Моррис и Леонтина Коэн, ставшие позже известными всему миру как новозеландские граждане Питер и Хелен Крогер. Они поддерживали регулярную связь с Центром. В середине 1990-х годов супругам Коэн (Крогер) были посмертно присвоены высокие звания Героев России.

В течение пяти лет резидентура «Бена» успешно добывала в большом количестве весьма ценную секретную документальную информацию Адмиралтейства Великобритании и военно-морских сил НАТО, касающуюся, в частности, английских программ разработки вооружений, в том числе – ракетного оружия, получившую высокую оценку советских специалистов.

Ветеран внешней разведки генерал-майор Василий Дождалев, который лично поддерживал периодический контакт с «Беном» и работал с одним из его источников в Англии, в интервью газете «Московский комсомолец» отмечал: «Думаю, Москва знала о подводном флоте Великобритании не меньше, чем сама королева Елизавета».

А в архивных документах Службы внешней разведки России по этому поводу, в частности, указывается: «Это было одно из наиболее эффективных звеньев внешней разведки, которое успешно добывало секретную политическую, научно-техническую и военно-стратегическую информацию в важнейших учреждениях Англии и военных базах США, расположенных на ее территории».

Так что же случилось в 1961 году?

В результате предательства одного из руководящих сотрудников польской разведки Голеневского ЦРУ получило сведения о том, что СССР якобы располагает информацией с базы английских военно-морских сил в Портленде. ЦРУ проинформировало об этом английскую контрразведку. Последняя затратила на поиски советского агента, работавшего на базе, целый год. К концу 1959 года он был установлен и взят в

активную разработку. К середине 1960 года контрразведчики установили «Бена», а затем и супругов Крогеров.

5 января 1961 года, испугавшись разоблачения, Голеневский, который находился в то время в командировке в Берлине, бежал в США. Предупрежденные об этом англичане из опасения, что Москва сообщит об этом побеге своим разведчикам, поспешили с арестом Лонсдейла и Крогеров, произведя его 7 января.

Когда «Бена» арестовали, он держался подчеркнуто невозмутимо. На процессе он отлично контролировал себя, не позволял себе расслабиться ни на минуту, следил за своими жестами, выражением лица, чувствовал, как за ним внимательно наблюдает зал. В заключительном заявлении на суде он взял на себя всю вину, пытаясь освободить от обвинения в шпионаже супругов Крогеров.

Лондонская газета «Обсервер», оценивая поведение «Бена» на процессе, писала: «В нем было что-то настолько профессиональное, что возникало лишь чувство восхищения. И если хоть один человек был патриотом и жил ради своего долга, то это – он».

«Бен» был приговорен к 25 годам тюремного заключения. Во время ареста, следствия и судебного процесса он вел себя стойко и мужественно, не выдав противнику никаких секретов. За исключением двух источников, о которых стало известно британской контрразведке, резидентура «Бена» так и осталась не раскрытой англичанами.

«Бен» всегда был оптимистом, встречавшим любые невзгоды, большие и малые неприятности с легкой улыбкой и уверенностью, что все преодолеет. В тюрьме он занялся переводами английских книг на русский язык и перевел их около десятка – почти две тысячи страниц текста.

В 1964 году английские власти согласились обменять советского разведчика на сотрудника британских спецслужб Гревилла Винна, арестованного в Москве. После возвращения на Родину Молодый работал в центральном аппарате внешней разведки.

В одном из своих интервью советским журналистам Конон Молодый подчеркивал: «Я не воровал английские секреты, а методами и средствами, которые оказались в моем распоряжении, пытался бороться против военной угрозы моей стране».

За мужество и стойкость, проявленные при выполнении особых заданий, полковник Молодый был награжден орденами Красного Знамени и Трудового Красного Знамени, а также нагрудным знаком «Почетный сотрудник госбезопасности».

Работа разведчика-нелегала Молодого положена в основу

художественного фильма «Мертвый сезон», в котором он стал прототипом разведчика Ладейникова.

9 октября 1970 года Конон Трофимович Молодый скоропостижно скончался от инсульта. Было ему всего 48 лет. Похоронен разведчик-нелегал на Донском кладбище в Москве.

Имя Конона Молодого занесено на Мемориальную доску Службы внешней разведки Российской Федерации. В военное и мирное время полковник Молодый мужественно и честно служил своей Родине.

Виртуоз вербовки Борис Соломатин

«Этот человек причинял нам серьезные неприятности всюду, где бы он ни работал. Его считают, вероятно, одним из лучших оперативников, которые когда-либо служили в КГБ. Трудно оценить масштабы урона, который он нанес Соединенным Штатам. Американские спецслужбы будут помнить его всегда. И проклинать» – так писал о нем в конце 1980-х годов американский журнал «Вашингтон пост мэгэзин» со ссылкой на мнение руководителей американских спецслужб.

А на одном из совещаний Председатель КГБ СССР Юрий Владимирович Андропов назвал его «классиком разведки».

Имя этого человека – Борис Александрович Соломатин. В среде ветеранов-разведчиков за ним прочно закрепились прозвища: «легенда разведки», «боевой оперативник», «волкодав» (так на оперативном сленге разведчиков именуют особо умелых вербовщиков). И молодые и опытные сотрудники произносят его фамилию с искренним пиететом.

Борис Александрович Соломатин

За плечами Бориса Соломатина были фронтовые дороги, учеба в престижном вузе и без малого сорок лет службы во внешней разведке. Он возглавлял резидентуры в Дели и Вашингтоне, Нью-Йорке и Риме. В 44 года стал заместителем начальника внешней разведки, а позже длительное время являлся советником Председателя КГБ СССР.

Борис Соломатин родился 31 октября 1924 года в Одессе. Отец его был военнослужащим. Мать занималась домашним хозяйством. Их жизнь была типичной для большинства семей военных – с бесчисленными переездами из города в город, из гарнизона в гарнизон: Одесса, Ростов, Саратов, Киев, Тбилиси…

Среднюю школу Борис окончил в Тбилиси. Уже год шла Великая Отечественная война, и он добровольно поступил в Тбилисское артиллерийское училище. Так, с июня 1942 года для Бориса Соломатина началась самостоятельная жизнь.

Полный курс военного училища Соломатин прошел за шесть месяцев – фронту нужны были офицеры. Командиром взвода полковой артиллерии он участвовал в битве на Курской дуге, затем в составе 1-го и 2-го Белорусских фронтов освобождал Минск и Белосток, с боями прошел Восточную Пруссию. За участие в Восточно-Померанской операции получил свой первый боевой орден – Красной Звезды. Незадолго до окончания войны был переведен в разведотдел полка, где в должности помощника начальника полковой разведки и звании старшего лейтенанта встретил Победу.

В 1946 году Соломатин демобилизовался из армии и поступил в Московский институт международных отношений. Выбор, который определил его дальнейшую судьбу, был довольно случаен – знакомая товарища по службе преподавала в этом институте. Уже в те годы это было элитное высшее учебное заведение. Но в 1946 году костяк принятых студентов составили ребята в поношенных гимнастерках – вчерашние солдаты.

После получения в 1951 году диплома юриста-международника Борис Соломатин был приглашен на работу во внешнюю разведку и продолжил учебу в Высшей разведывательной школе.

С 1954 по 1958 год Соломатин находился в командировке в Индии в качестве сотрудника резидентуры. Это был первый опыт работы «в поле», который много дал для становления его как профессионального разведчика. В 1960 году Соломатина вновь направляют в Индию, на этот раз уже резидентом. Знание страны, оперативный опыт, приобретенный во время первой командировки, позволили ему добиться высоких профессиональных результатов.

После возвращения из Индии Соломатин некоторое время работал в Центре, в отделе, курировавшем Соединенные Штаты Америки. А в 1965 году был направлен в Вашингтон в качестве руководителя резидентуры внешней разведки. Именно в Вашингтоне резидент Соломатин и его сотрудники открыли очередную славную страницу в истории советской внешней разведки. Им довелось принимать непосредственное участие в важных оперативных мероприятиях.

В одном из интервью Борис Соломатин подчеркивал: «Я люблю рисковать, разумеется – рисковать разумно. И уверен: без риска не может быть действительно результативной разведки». Такая уверенность разведчика и резидента многого стоила и способствовала успешной оперативной работе.

В 1968 году, по возвращении из США, Борис Соломатин был назначен заместителем начальника внешней разведки. А уже в 1971 году его вновь направляют за океан – на этот раз резидентом КГБ в Нью-Йорк.

Об этом периоде своей работы сам Борис Александрович рассказывал следующее:

«В эти годы, особенно к концу 1974 – началу 1975 года, стало ясно, что разрядка во взаимоотношениях с США по целому ряду причин дает существенные сбои. В начале 1975 года я отправил в Центр телеграмму, в которой доложил, что следует готовиться к новому, менее приятному, этапу советско-американских отношений, попытался вскрыть причины происходившего и высказал предложения о том, что следовало бы сделать в сложившейся ситуации. Председатель КГБ Ю. В. Андропов согласился с моими доводами и на основании телеграммы направил записку лично Л. И. Брежневу. Однако записка вернулась с резолюцией: “Кто позволил пересматривать генеральную линию партии во внешней политике? ” Вскоре после этого я был отозван в Москву».

Спустя непродолжительное время после второго возвращения из Соединенных Штатов Соломатин был назначен руководителем резидентуры КГБ в Риме, где им была проведена важная разведывательная операция.

В 1980 году резидентурой под руководством Бориса Соломатина был привлечен к сотрудничеству с советской внешней разведкой на идейно-политической основе Гленн Майкл Соутер – военный фотограф, служивший в составе разведывательного подразделения ВМС США на штабном корабле 6-го американского флота. Одновременно он был личным фотографом командующего 6-м флотом адмирала Кроу и его доверенным представителем для контактов с общественностью и

журналистами (см. очерк «Михаил Орлов»).

Жизнь Бориса Соломатина в разведке, безусловно, не ограничилась только описанными выше эпизодами. Прежде всего он руководил большими коллективами оперативных сотрудников в Центре и за границей, нацеливал разведчиков на постоянный поиск источников секретной информации, которая способствовала бы обеспечению безопасности нашей страны.

В 1988 году генерал-майор Соломатин вышел в отставку. Его ратный труд был отмечен двумя орденами Красного Знамени, орденами Трудового Красного Знамени, Отечественной войны I степени, двумя орденами Красной Звезды, многими медалями, а также нагрудными знаками «Почетный сотрудник госбезопасности» и «За службу в разведке». Имя Бориса Соломатина было занесено на Доску почета Службы внешней разведки России, а после кончины – на Мемориальную доску Службы.

Отставной помощник директора ФБР по разведке Филипп Паркер как-то признался: «Соломатин был для нас сущим наказанием». А известный американский журналист и писатель Пит Эрли, автор многочисленных книг о деятельности советской и американской разведок, ставших бестселлерами в США, подарил Борису Александровичу экземпляр одной из своих книг с таким автографом: «Единственное, о чем я сожалею, это то, что Вы работали по другую сторону. Спасибо за то, что Вы человек чести».

А вот что о Борисе Александровиче говорили его коллеги по Службе.

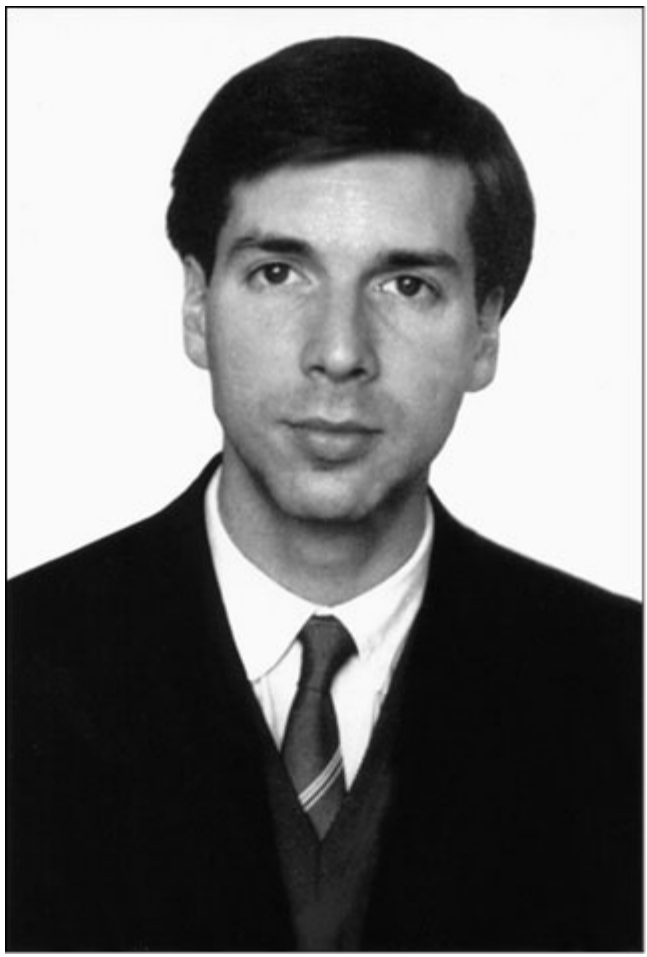
Полковник Михаил Любимов, ветеран внешней разведки, писатель: «Боб, как его звали сослуживцы между собой, всегда считался в разведке волком с мертвой хваткой, лично завербовавшим не одного ценного агента».

Генерал-лейтенант Владимир Зайцев, ветеран внешней разведки: «Борис Александрович Соломатин оставил заметный след в истории советской разведки. В самый разгар “холодной войны” он провел целый ряд уникальных операций, которые способствовали обеспечению безопасности нашей страны. Творчески, с вдохновением решал конкретные оперативные дела. В нашей среде за ним прочно закрепилось прозвище “живая легенда”».

21 декабря 2005 года Борис Александрович Соломатин скончался.

Михаил Орлов, он же Гленн Майкл Соутер

В конце 1986 года указом Президиума Верховного Совета СССР американцу Соутеру Гленну Майклу, советскому разведчику, выведенному в Москву из США в связи с угрозой провала, было предоставлено советское гражданство. При получении советского паспорта он был поименован Михаилом Евгеньевичем Орловым.



Гленн Майкл Соутер (Михаил Евгеньевич Орлов)

Гленн Майкл Соутер родился 30 января 1957 года в городе Хаммонд (штат Индиана, США) в семье среднего предпринимателя.

В 1975 году Соутер поступил в университет, но, проучившись полгода, учебу бросил. Полученное дома воспитание,

проявившийся еще в школе интерес к чтению, в том числе к русской классике, увлечение фотографией придали его жизненным поискам несколько романтическую окраску. Он захотел шире взглянуть на окружающий мир. Так пришло решение пойти служить во флот. Соутер поступил в школу военных фотографов, а по ее окончании получил назначение на 6-й американский флот, базирующийся в Средиземном море. Служил сначала на атомном авианосце «Нимиц», затем на штабных кораблях «Олбани» и «Пьюджет Саунд» в должности военного фотографа в составе разведывательного подразделения ВМС США. Был личным фотографом командующего в то время 6-м флотом адмирала Кроу и его доверенным представителем для контактов с общественностью и журналистами.

В 1980 году Соутер был привлечен к сотрудничеству с советской разведкой на идейно-политической основе резидентом КГБ в Риме Борисом Александровичем Соломатиным.

Критически оценивая военно-политическую доктрину США, Соутер был убежден в необходимости активных действий по предотвращению ядерной угрозы. Хотя у Соутера был невысокий флотский чин, всего лишь старшина, в силу своего служебного положения – служба в морской разведке на штабных кораблях – он знал значительно больше, чем иной старший офицер. Все основные приказы и распоряжения командующего 6-м флотом США попадали в Москву практически одновременно с теми, кому они были адресованы для исполнения. От Соутера было получено большое количество важной документальной информации военного и военно-стратегического характера, раскрывающей стратегические планы Соединенных Штатов в Средиземноморье, Ближневосточном и других регионах. В Центр направлялись сценарии учений с применением ядерного оружия, сведения о боевой подготовке и планах задействования ВМС США, а также о передислокации американских атомных подводных лодок и авианосных групп, мобилизационные планы и планы действий на случай войны, многие другие суперсекретные сведения.

В начале 1982 года истек срок контракта Соутера на службу в ВМС США. Он поступил на военный факультет университета «Олд Доминион» в городе Норфолк, что на Восточном побережье Атлантики (штат Вирджиния) и одновременно устроился на работу в фотолабораторию находящейся в том же городе крупной военно-морской базы США. В разведывательном центре базы, где стал работать Соутер, сосредотачивалась информация, добытая различными средствами – от космических до агентурных. В этом центре вырабатывались конкретные указания 6-му и 2-му американским флотам. Успешно пройдя спецпроверку, он

получил допуск к обработке материалов космической разведки, а также к списку целей на территории СССР, подлежащих ядерному поражению в случае военного конфликта. Этот список содержал около 150 тысяч различных советских объектов. Ценность этих сведений, которые он передал в Центр, трудно было переоценить.

В университете Соутер специализировался на изучении русского языка и литературы. По завершении учебы летом 1986 года он должен был пройти подготовку на офицерских курсах и получить назначение на должность офицера разведки ВМС США. Однако этим планам не суждено было осуществиться.

В июне 1986 года в связи с возникшей угрозой ареста Соутер был выведен в СССР. Он получил советское гражданство и сменил имя и фамилию, став Михаилом Евгеньевичем Орловым.

Касаясь причин, побудивших его пойти на сотрудничество с советской внешней разведкой, Орлов-Соутер подчеркивал:

«Во-первых, прослужив 10 лет в ВМС США, я со всей ответственностью заявляю, что американское правительство никогда ничего не сделает из искренних и честных побуждений для установления мира на земле до тех пор, пока не будет твердо уверено в своем военном превосходстве. Оно не заинтересовано в существовании баланса сил ни с СССР, ни с какой-то другой страной.

Второе политическое соображение, побудившее меня порвать с Америкой, заключается в том, что США пренебрежительно относятся к судьбе других народов…»

Адаптация Орлова-Соутера к новым жизненным условиям протекала непросто. Как человек деятельный, энергичный, он считал, что главной опорой его дальнейшей жизни должен стать осмысленный, общественно-полезный труд во имя тех идеалов, которые он в свое время выбрал, пойдя на сотрудничество с советской разведкой. Он с энтузиазмом включился в преподавательскую деятельность, увлеченно работал над выполнением специальных задании. Вскоре Орлов-Соутер был зачислен на действительную военную службу в органах государственной безопасности с присвоением звания майора. Творческая натура, гибкий и живой ум, исключительная работоспособность позволили ему многое сделать на порученных участках работы.

За заслуги перед своей второй Родиной майор Орлов был награжден орденом Дружбы народов.

Но даже активной жизненной позиции не всегда хватало, чтобы противостоять периодически возникавшим сильным депрессивным настроениям, которые во многом были связаны с колоссальными психологическими перегрузками и огромным

нервным напряжением, сопровождавшими последние годы работы Орлова-Соутера за рубежом.

22 июня 1989 года Михаил Евгеньевич Орловов-Соутер трагически ушел из жизни. Похоронен на Ново-Кунцевском кладбище в Москве. В некрологе о скоропостижной смерти советского разведчика подчеркивалось, что он свою жизнь целиком посвятил тому, чтобы отвести нависшую над человечеством угрозу ядерной катастрофы.

Приняв решение уйти из жизни, Орлов написал несколько предсмертных писем. В письме к сотрудникам внешней разведки, которые хорошо его знали, разведчик отмечал, что работа в советской разведке «помогла ему вырасти как личности». Как бы подчеркивая смысл своей жизни, он высказал просьбу быть похороненным в форме офицера госбезопасности. Последнее желание выдающегося советского разведчика, прожившего короткую, но яркую жизнь, было выполнено.

Джордж Блейк

14 июля 1990 года, накануне 70-летия внешней разведки, для награждения наиболее отличившихся сотрудников Первого главного управления КГБ СССР был учрежден нагрудный знак «За службу в разведке».

За истекшие годы более 500 сотрудников внешней разведки и ветеранов Службы получили эту высшую ведомственную награду. Следует подчеркнуть, что знак «За службу в разведке» № 1 был вручен выдающемуся советскому разведчику-интернационалисту полковнику Джорджу Блейку.

Джордж Блейк

Джордж Блейк родился 11 ноября 1922 года в Роттердаме в семье натурализованного в Голландии состоятельного еврея-

сефарда из Египта. Его отец получил в годы Первой мировой войны британское подданство, сражаясь в составе английской армии во Фландрии. В 1919 году он познакомился в Лондоне с молодой голландской аристократкой. Вскоре они обвенчались и переехали в Голландию. В 1936 году отец Джорджа умер от серьезного заболевания легких, вызванного отравлением газами в годы Первой мировой войны.

Перед Второй мировой войной Джордж окончил французский лицей, английскую школу и учился в колледже в Роттердаме. Помимо голландского и арабского языков он свободно владел французским, английским и немецким.

После нападения Германии на Голландию в мае 1940 года Блейк принимал активное участие в движении Сопротивления. В 1942 году перебрался в Англию, добровольцем ушел служить на британский флот и был зачислен курсантом в военно-морское училище, готовившее офицеров для подводного флота.

В середине 1944 года на 22-летнего выпускника военно-морского училища, владевшего несколькими иностранными языками, обратили внимание офицеры британской разведывательной службы. Блейк стал сотрудником «Сикрет интеллидженс сервис».

Вначале Блейк работал в голландской секции британской разведки, некоторое время являлся сотрудником резидентуры СИС в Гааге и занимался воссозданием ее агентурной сети в этой стране. В 1946 году возглавил подрезидентуру британской разведки на севере Германии. В августе 1947 года руководство СИС направило Блейка на специальные курсы русского языка при Кембриджском университете, имея в виду его использование в будущем в работе против СССР.

В октябре 1948 года Блейк был назначен руководителем резидентуры СИС в Сеуле. Кроме получения информации по Корее перед его резидентурой была поставлена задача по созданию британской агентурной сети на советском Дальнем Востоке, в особенности в районе Владивостока, в Приморье, Сибири, а также Маньчжурии.

Блейк всегда считал себя борцом за справедливость, в юношеские годы он даже собирался стать священником, ради этой идеи выбрал путь подпольщика-антифашиста. Начавшаяся в июне 1950 года война в Корее и подрывная политика США и Великобритании в данном регионе противоречили его взглядам. Весной 1951 года Блейк добровольно, по идейным соображениям установил связь с советской внешней разведкой. Он был убежден, что работа в советской разведке даст ему возможность вести борьбу за демократические идеалы.

По возвращении в Лондон в 1953 году разведчик был принят начальником СИС Синклером, который сообщил Блейку о его назначении заместителем начальника недавно созданного нового отдела британской разведки, имевшего кодовое название «Игрек». Этот отдел занимался техническими операциями с применением техники подслушивания. В частности, к тому времени сотрудники отдела прослушивали телефонные переговоры советских дипломатов и военнослужащих, работавших в советском региональном центре в Вене, а также в других странах Европы.

Решение руководства СИС о назначении Блейка на столь высокий пост во многом было продиктовано тем, что он владел русским языком, а основными объектами внедрения отделом «Игрек» оперативной техники, как мы видим, были советские представительства за границей.

Главным полем технических операций британской разведки против советских учреждений была избрана Австрия. В 1952 году англичане подсоединились к ряду линий связи воинских частей и учреждений в советской оккупационной зоне в Вене. Эта операция получила в английской разведке кодовое название «Серебро».

В качестве пункта подключения к советским линиям связи было избрано здание британской военной полиции, располагавшееся неподалеку от советской зоны. Специалисты СИС осуществили подкоп из подвала здания в виде туннеля, ведущего к линиям связи, и организовали в нем пост прослушивания с необходимой техникой. В венской резидентуре СИС над обработкой полученной информации трудилась целая бригада переводчиков.

Естественно, заступив на новый пост и ознакомившись с деятельностью своего отдела, Блейк немедленно сообщил в Москву все детали операции «Серебро». В Москве было принято решение о немедленной перестройке всей системы военной связи в советской оккупационной зоне. В 1953 году английская разведка была вынуждена свернуть операцию «Серебро» в связи с ее бесперспективностью.

Аналогичное оперативно-техническое мероприятие со стороны СИС было предпринято несколько позже и в отношении линий связи Группы советских войск в Германии. Однако планируемая операция оказалась значительно труднее австрийской. Для ее осуществления необходимо было прорыть туннель длиной около 550 метров, что было невозможно без финансовой помощи США. Эксперты ЦРУ, проинформированные по данному вопросу, сразу же поняли, какие перспективы открываются перед ними, и охотно согласились финансировать эту дорогостоящую операцию. Техническое оборудование для нее

обязалась поставить английская сторона.

О значимости этого технического разведывательного мероприятия говорит даже его кодовое название – «Золото».

В декабре 1953 года в Лондоне состоялось совершенно секретное совещание представителей американской и английской разведок, на котором присутствовал Блейк. На совещании обсуждались детали операции «Золото». Полученная информация имела чрезвычайно важный характер, поэтому Блейк срочно встретился со своим советским куратором и передал ему подробные сведения о готовящейся операции.

Так с самого начала совместная британско-американская оперативно-техническая операция попала под полный контроль советских спецслужб. Они активно использовали сложившуюся ситуацию для доведения до американских и английских «слушателей» направленной информации и дезинформации. В конечном счете операция «Золото» не принесла весомых дивидендов разведкам США и Великобритании.

В 1956 году советская разведка произвела эффектную операцию по «случайному» вскрытию туннеля. Связисты ГСВГ при проведении профилактических работ в Берлине якобы случайно обнаружили туннель. Разразился скандал. Советское правительство заявило решительный протест американским и британским властям. Но даже после провала операции «Золото» британские и американские спецслужбы были уверены, что все это произошло случайно.

В марте 1955 года Блейк был направлен на один из руководящих постов в резидентуру СИС в Западном Берлине, где в то время подрывную работу против нашей страны вело свыше ста оперативных сотрудников английской разведки. Вряд ли стоит говорить, что вся деятельность СИС в Германии также проходила под контролем советских спецслужб. Только в ГДР по наводкам Блейка было разоблачено и обезврежено свыше двухсот агентов спецслужб США и Англии.

Весной 1961 года в результате предательства одного из руководителей польской разведки, сообщившего ЦРУ известные ему косвенные сведения на работавших в Англии советских разведчиков, Блейк был арестован, подвергнут допросам и приговорен английским судом к 42 годам тюремного заключения. Спустя четыре года он осуществил побег из тюрьмы. С 1965 года проживает в Москве, является консультантом внешней разведки.

За большие заслуги в разведывательной деятельности полковник Джордж Блейк награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны I степени, «За личное мужество», многими медалями, а также нагрудными знаками «Почетный

сотрудник госбезопасности» и «За службу в разведке».

Николай Горшков

Уйдя на заслуженный отдых, он любил по вечерам прогуляться по любимому проспекту Мира. Прохожие редко обращали внимание на невысокого, элегантно одетого пожилого мужчину с тросточкой в руках. Да и интерес этот был чисто созерцательным. Кто бы из них мог подумать, что встретился с видным советским разведчиком, мастером вербовки, воспитателем нескольких поколений бойцов «невидимого фронта»? Именно таким остался в памяти коллег-чекистов этот человек – Николай Михайлович Горшков.

Николай Горшков родился 3 мая 1912 года в селе Воскресенское Нижегородской губернии в бедной крестьянской семье.

Николай Михайлович Горшков

После окончания сельской школы в 1929 году он активно

участвовал в ликвидации неграмотности на селе. В 1930 году поступил рабочим на радиотелефонный завод в Нижнем Новгороде. Являясь молодежным активистом, избирался членом заводского комитета комсомола.

В марте 1932 года по путевке комсомола Горшков был направлен на учебу в Казанский авиационный институт, который успешно окончил в 1938 году по специальности «инженер-механик по самолетостроению». В студенческие годы избирался секретарем комитета комсомола института, членом райкома ВЛКСМ.

После окончания института Горшков решением ЦК ВКП(б) был направлен на учебу в Центральную школу НКВД, а оттуда – в Школу особого назначения ГУГБ НКВД, готовившую кадры для внешней разведки. С весны 1939 года он – сотрудник 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР (внешней разведки).

В 1939 году молодой разведчик направляется под дипломатическим прикрытием на оперативную работу в Италию. За время работы в этой стране ему удалось привлечь к сотрудничеству с советской разведкой ряд ценных источников информации.

В сентябре 1939 года Италия вступила на стороне Германии во Вторую мировую войну. В этой связи информация, получаемая разведчиком по политическим и военным вопросам, становилась особенно актуальной.

В связи с нападением фашистской Германии на Советский Союз Италия разорвала дипломатические отношения с нашей страной, и Горшков вынужден был вернуться в Москву.

В годы Великой Отечественной войны Горшков работал в центральном аппарате внешней разведки, занимаясь подготовкой разведчиков-нелегалов, которых с помощью английской разведки переправляли за границу (в Германию и на территории оккупированных ею стран).

В 1943 году Горшков назначается резидентом НКВД в Алжире. Во время этой командировки он лично привлек к сотрудничеству с советской разведкой видного чиновника из окружения генерала де Голля француза Жоржа Пака, от которого в течение последующих 20 лет в Центр поступала исключительно важная политическая информация по Франции, а затем и по НАТО.

После освобождения Франции Жорж Пак возвратился в Париж и в октябре 1944 года восстановил оперативный контакт с парижской резидентурой. Некоторое время он работал начальником канцелярии военно-морского министра Франции. В 1949 году переводится на работу в секретариат премьер-

министра Франции Жоржа Бидо. С 1953 года занимал ряд важных постов в правительствах IV Республики. При этом следует подчеркнуть, что где бы он ни работал, он всегда оставался для советской разведки важным источником ценной политической и оперативной информации.

В октябре 1958 года Жорж Пак был назначен на пост руководителя справочной службы Генерального штаба французской армии, а с 1961 года являлся начальником канцелярии Института национальной обороны. В октябре 1962 года последовало новое назначение – он становится заместителем начальника отдела прессы и информации Североатлантического альянса (НАТО).

Новые широкие информационные возможности Жоржа Пака позволили советской разведке добывать в этот период документальную разведывательную информацию по многим политическим и военно-стратегическим проблемам как отдельных западных держав, так и НАТО в целом. За время сотрудничества с советской разведкой он передал нам большое количество ценнейших документальных материалов.

После ареста Жоржа Пака в августе 1963 года в результате предательства он был признан западной и прежде всего – французской прессой «крупнейшим советским источником, работавшим когда-либо на Москву во Франции», «французским Филби».

Для любого сотрудника внешней разведки только одного этого эпизода было бы достаточно, чтобы с гордостью сказать, что его оперативная жизнь удалась. А у Николая Михайловича таких эпизодов было много.

После освобождения Италии от фашистов в 1944 году Николай Горшков был направлен в эту страну в качестве резидента. Он был не только хорошим организатором, но и служил замечательным примером для подчиненных. Резидентура под его руководством добилась больших результатов по всем видам разведывательной деятельности.

Горшков лично приобрел ряд источников, от которых поступала важная политическая и научно-техническая информация, имевшая существенное оборонное и народнохозяйственное значение: документация по самолетостроению, образцы радиоуправляемых снарядов, материалы по атомным реакторам. Так, в начале 1947 года из Москвы в римскую резидентуру поступила ориентировка-задание относительно созданной английскими специалистами новинки военной техники – электронного артиллерийского зенитного снаряда, обладавшего очень высокой по тем временам степенью

поражения движущихся целей.

Перед резидентурой была поставлена задача – добыть техническую информацию об этом снаряде, получившем кодовое название «Бой», и по возможности – его образцы. Уже в сентябре 1947 года резидент доложил о выполнении задания и направил в Центр чертежи и соответствующую техническую документацию, а также образцы снарядов.

В документе главного конструктора ведущего советского оборонного НИИ того периода, в частности, подчеркивалось, что «получение образца в полной комплектации… в значительной степени способствовало сокращению сроков разработки аналогичной модели и затрат по ее производству».

Следует также подчеркнуть, что по заданию Центра римская резидентура при непосредственном участии Горшкова добыла и переправила в Москву полный комплект чертежей американского бомбардировщика Б-29, что значительно способствовало созданию в Советском Союзе в кратчайшие сроки средств доставки ядерного оружия.

В 1950 году Горшков возвратился в Москву и занял ответственный пост в центральном аппарате внешней разведки. Затем последовали новые командировки за рубеж. Он успешно работал резидентом КГБ в Швейцарской Конфедерации, находился на руководящей работе в представительстве КГБ при МВД ГДР в Берлине.

В 1964 году Николай Михайлович переходит на работу в Высшую разведывательную школу (больше известную как Школа № 101), преобразованную в 1969 году в Краснознаменный институт КГБ. До 1970 года он возглавлял в этом учебном заведении кафедру специальных дисциплин.

Как-то Уинстон Черчилль образно заметил, что «отличие государственного деятеля от политика состоит в том, что политик ориентируется на следующие выборы, а государственный деятель – на следующее поколение». Отталкиваясь от этого высказывания, можно с уверенностью сказать, что герой нашего очерка по государственному относился к своей работе по воспитанию молодого поколения разведчиков.

Сотрудники СВР первых выпусков созданного в 1969 году на базе Высшей разведывательной школы Краснознаменного института КГБ, всегда гордились тем, что судьба свела их в период учебы с этим замечательным человеком, блестящим оперативником, вдумчивым и умелым воспитателем.

С 1970 по 1973 год Горшков работал в Праге, в представительстве КГБ при МВД ЧССР. Вернувшись в СССР, он вновь преподавал в Краснознаменном институте внешней

разведки. Являлся автором целого ряда учебных пособий, монографий, статей, других научных исследований по разведывательным проблемам. В 1980 году вышел в отставку.

Успешная деятельность полковника Горшкова в разведке была отмечена орденами Красного Знамени и Трудового Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, многими медалями, а также нагрудным знаком «Почетный сотрудник госбезопасности». За большой вклад в дело обеспечения государственной безопасности его имя было занесено на Мемориальную доску Службы внешней разведки России.

Скончался Николай Михайлович 1 февраля 1995 года.

Атомный разведчик Анатолий Яцков

Десятого апреля 1945 года, незадолго до кончины президента США Франклина Рузвельта, военный министр вручил ему секретную записку, в которой говорилось: «Через четыре месяца мы, по всей вероятности, завершим работы над оружием, ужаснее которого не знало человечество». Хозяину Белого дома не надо было пояснять, о каком оружии идет речь: именно он стоял у истоков создания атомной бомбы в США. Через два дня Рузвельт умер. К присяге в качестве нового президента страны был приведен вице-президент Гарри Трумэн, который не был посвящен в тайны «Манхэттенского проекта» (кодовое название работ по созданию атомного оружия), и министру обороны США пришлось вводить его в курс дела. То, что не было известно Гарри Трумэну о «Манхэттенском проекте», в тонкостях знал скромный молодой стажер советского Генерального консульства в Нью-Йорке Анатолий Яковлев. Под этой фамилией в США в военные годы работал сотрудник советской внешней разведки Анатолий Антонович Яцков.

Анатолий Антонович Яцков

Анатолий Яцков родился 31 мая 1913 года в бессарабском городе Аккерман, который ныне называется Белгород-Днестровский. Через год его родители переехали в Центральную Россию, в Тамбовскую губернию. Здесь, в Большой Грибановке, Анатолий окончил среднюю школу, работал на местном сахарном заводе, затем перебрался в Москву. В столице он устроился чернорабочим, затем слесарничал и учился.

В 1937 году Яцков закончил Московский полиграфический институт и начал работать инженером-технологом на столичной картографической фабрике имени Дунаева. Одновременно активно занимался парашютным спортом.

В конце 1938 года Яцков по рекомендации ЦК ВКП(б) был направлен на работу в органы государственной безопасности и зачислен на учебу во французскую группу Школы особого назначения (ШОН) НКВД СССР. Началась его подготовка к разведывательной работе во Франции. Однако к окончанию учебы жизнь внесла коррективы в планы руководства разведки. В июне 1940 года Франция капитулировала перед фашистской Германией. Вопрос о выезде Яцкова в эту страну отпал. В кадрах сообщили, что ему предстоит командировка в США, дали три месяца на изучение английского языка, доучивать который разведчику предстояло уже в Нью-Йорке, куда он прибыл незадолго до начала Великой Отечественной войны.

В Нью-Йорке «Алексея» (таким стал оперативный псевдоним разведчика) определили на должность стажера Генерального консульства СССР. Он вел прием посетителей – в основном американских граждан, отбывавших в СССР по делам бизнеса, и… усиленно овладевал разговорным английским.

Постепенно у «Алексея» дела пошли на лад. Он разработал операцию по выходу на интересующие разведку объекты вербовочного проникновения. В ходе ее реализации «Алексей» познакомился с человеком, имевшим устойчивые контакты среди физиков-атомщиков. Американец с симпатией относился к Советскому Союзу, был непримиримым противником нацизма и постепенно согласился помогать СССР в борьбе против гитлеровской угрозы. Этот контакт представил большой интерес для Центра.

В 1942 году Центр санкционировал вербовку «Алексеем» американца, являвшегося специалистом в области радиоэлектроники. Источник оказался исключительно результативным. От него поступала важная информация по новым радиоприборам, используемым в авиации и противовоздушной обороне. Она неизменно получала высокую

оценку советских технических специалистов. В дальнейшем он передал «Алексею» готовые образцы авиационных приборов, общая стоимость которых составила более 150 тысяч долларов США. Сегодня эту сумму можно смело увеличить в двадцать раз.

Вскоре оперработнику была передана на связь агентурная группа «Волонтеры». Ее возглавлял завербованный еще в 1938 году в Испании Моррис Коэн («Луис»). Однако работать с ним в годы войны «Алексею» не удалось: в середине 1942 года Моррис был призван в американскую армию и направлен на европейский театр военных действий. Руководство группой «Волонтеры» взяла на себя жена «Луиса» – Леонтина Коэн (оперативный псевдоним «Лесли»).

К концу 1943 года в США в составе группы английских физиков, прибывших туда для работы над «Манхэттенским проектом», находился ценный источник советской внешней разведки – видный ученый-физик Клаус Фукс. Для поддержания связи с Клаусом Фуксом был выделен специальный курьер, находившийся на связи у «Алексея». Разведчик принимал непосредственное участие в ответственных операциях по организации связи с Фуксом и получению от источника особо секретной информации в области создания ядерного оружия.

Разумеется, Клаус Фукс был не единственным источником советской внешней разведки по атомной тематике. В 1944 году «Алексею» удалось завербовать молодого ученого из металлургической лаборатории Чикагского университета «Персея», приглашенного работать в ядерную лабораторию США в Лос-Аламосе. Поддерживать связь с иностранцем было поручено «Лесли».

Благодаря усилиям «Алексея» и его товарищей Советскому Союзу удалось преодолеть ядерную монополию США. Информация советской разведки позволила не только ускорить работы над собственным ядерным оружием, но и сэкономить значительные средства. Атомную бомбу создавали советские ученые, инженеры, рабочие. Роль разведки была значительно скромнее. Она привлекла внимание советского руководства к этой проблеме и добывала информацию, которая позволила нашей стране в кратчайшие сроки создать ядерный щит.

В конце 1945 года «Алексей» был назначен исполняющим обязанности резидента внешней разведки. В начале 1946 года ему был присвоен дипломатический ранг вице-консула. Осенью того же года Центром было принято решение о переводе «Алексея» во Францию, куда он выехал из Нью-Йорка в конце декабря. В январе 1947 года «Алексей» приступил к работе в парижской резидентуре под прикрытием 2-го секретаря посольства СССР. Перед ним была

поставлена задача по созданию агентурного аппарата для научно-технической разведки.

Весной 1949 года Анатолий Яцков возвратился в Москву после девятилетнего пребывания за рубежом. После успешного испытания первой советской атомной бомбы он был награжден орденом Красного Знамени и назначен заместителем начальника одного из отделов научно-технической разведки.

В 1955 году Ирак разорвал дипломатические отношения с Советским Союзом, обвинив его во вмешательстве во внутренние дела и поддержке коммунистической партии, которая якобы готовила военный переворот. Руководством разведки было принято решение направить Яцкова в Ирак под видом канадского бизнесмена. Разведчик успешно справился с поставленной перед ним задачей, проинформировав Центр о развитии внутренней обстановки в этой стране.

В последующие годы Анатолий Антонович занимал руководящие должности в научно-технической разведке, выезжал в долгосрочные командировки на оперативную работу в страны Западной и Восточной Европы. Затем занимался преподавательской деятельностью: возглавлял факультет в Краснознаменном институте КГБ СССР имени Ю. В. Андропова.

В 1985 году полковник Яцков вышел в отставку. Находясь на заслуженном отдыхе, он продолжал поддерживать тесную связь с коллективом, часто выступал перед молодыми сотрудниками разведки. В прессе нередко появлялись его статьи, воспоминания, рецензии.

За заслуги в разведывательной работе и большой вклад в дело обеспечения безопасности нашей страны А. А. Яцков был награжден орденами Октябрьской Революции, Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны II степени, двумя орденами Красной Звезды, многими медалями, а также нагрудными знаками «Почетный сотрудник госбезопасности» и «За службу в разведке».

26 марта 1993 года Анатолий Антонович скончался. Его имя было занесено на Мемориальную доску Службы внешней разведки Российской Федерации.

Указом Президента России от 15 июня 1996 года Анатолию Антоновичу Яцкову было посмертно присвоено звание Героя Российской Федерации.

Резидент в Израиле Владимир Вертипорох

Издавна принято считать, что профессиональный разведчик – это незаметный человек неброской внешности, не привлекающий постороннего внимания на улицах чужих городов, способный в них раствориться. Может быть, именно классическая непохожесть Владимира Ивановича Вертипороха – двухметрового богатыря истинно славянской внешности – на разведчика и позволила ему много лет в разных странах добывать и передавать в Центр ценнейшую информацию. Всего сорок шесть лет отпустила судьба этому замечательному человеку, за которые он многое успел, прошел путь от рабочего до генерала-чекиста.

Владимир Вертипорох родился 26 декабря 1914 года в городе Бердянске Таврической губернии в семье служащего, украинец. В 1930 году, не окончив среднюю школу, начал трудовую деятельность. Работал учеником слесаря, учился в ФЗУ. Одновременно продолжал готовиться к поступлению в вуз. Именно в эти годы складывался, сформированный рабочей средой, характер юноши – упорный, целеустремленный, настойчивый.

Владимир Иванович Вертипорох

В 1933 году Владимир успешно сдал вступительные экзамены в Московский химико-технологический институт. Пять лет напряженной учебы пролетели быстро, но после окончания института работать по специальности Владимиру не пришлось. Комсомольская организация рекомендовала способного и активного парня в органы государственной безопасности.

Так Владимир в 24 года стал чекистом. В ноябре 1938 года его направили на работу на исключительно сложный и ответственный участок – в Главное экономическое управление Наркомата внутренних дел СССР.

Первые свои шаги в НКВД Вертипорох делал вдали от Москвы – на Дальнем Востоке, куда он был направлен для обеспечения бесперебойности поставок рыбопродуктов. В 1939 году, например, при его непосредственном участии была ликвидирована угроза срыва рыбопоставок с Камчатки и берегов Охотского моря, в результате чего удалось спасти запасы ценного продовольствия на многие миллионы рублей. Позже принимал личное участие в разоблачении и нейтрализации деятельности на территории Дальнего Востока матерого японского разведчика, в вербовке

ценной агентуры.

В первые дни Великой Отечественной войны Вертипорох был направлен в составе спецотряда в Гомель, а затем – в Киев для организации подпольной борьбы против гитлеровских оккупантов. Используя свой опыт чекиста-разведчика, он готовил и забрасывал в тыл немецких войск разведывательные группы и агентуру.

Следующий этап деятельности Вертипороха был тесно связан с Ираном, где в то время происходили события исключительной важности. Он принимал непосредственное участие в разработке плана оперативных мероприятий, связанных с вводом в Иран 25 августа 1941 года советских войск. Именно успешное освоение молодым чекистом всего комплекса необходимых знаний по Ирану позволило руководству внешней разведки направить его в 1942 году в долгосрочную командировку в эту страну, где он возглавил резидентуру НКВД в Мешхеде.

Перед сотрудниками внешней разведки, работавшими в то время в Иране, была поставлена конкретная приоритетная задача: «выявлять агентуру иностранных разведок, враждебные СССР организации, предотвращать подрывную работу, направленную на срыв военно-хозяйственных мероприятий, проводимых СССР в Иране». И эта задача была успешно решена.

Возглавляя резидентуру, Владимир Иванович участвовал в разработке и осуществлении острых оперативных мероприятий против гитлеровской агентуры в стране, вел активную вербовочную работу. В значительной степени благодаря его личным усилиям и умело налаженной работе, резидентуре удалось получить ценную разведывательную информацию. За время нахождения в Иране Вертипорох в совершенстве овладел языком фарси.

В период работы Тегеранской конференции руководителей трех союзнических государств, состоявшейся в ноябре – декабре 1943 года, Вертипорох выполнял ответственную задачу по обеспечению безопасности ее участников.

После возвращения в СССР в 1947 году Вертипорох некоторое время работал в центральном аппарате внешней разведки. В 1948 году был направлен в Израиль в качестве резидента. Он успешно организовал работу резидентуры, которая создала эффективную агентурную сеть, способную решать задачи не только по Израилю и Ближневосточному региону, но и по США, куда было выведено несколько надежных агентов. За океаном они вели активную разведывательную работу в сложный для СССР период холодной войны.

Резидент лично привлек к сотрудничеству с советской

разведкой ряд ценных источников, которые передавали важную информацию. Деятельность Владимира Ивановича на посту резидента в Израиле была отмечена медалью «За боевые заслуги». В 1953 году Вертипорох возвратился в Москву и был назначен начальником одного из ведущих подразделений Центра.

Последнюю свою долгосрочную командировку Владимир Иванович также провел в сложных условиях – в Китае, руководство которого уже полным ходом готовилось к повороту от дружбы и всестороннего сотрудничества с Советским Союзом к вражде и конфронтации.

В 1957 году генерал-майор Вертипорох был назначен старшим советником КГБ при СМ СССР по вопросам безопасности при Министерстве общественной безопасности КНР. И вновь Владимиру Ивановичу не изменили выдержка и хладнокровие. Он тщательно изучал обстановку и делал для себя соответствующие выводы. Многие из его донесений в Москву отражали сложные процессы, проходившие в то время в маоистском Китае, и заставляли о многом серьезно задуматься.

Скончался Владимир Иванович при исполнении служебных обязанностей в Китае 15 февраля 1960 года от сердечного приступа. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

За конкретные результаты в работе генерал-майор Вертипорох был награжден орденами Ленина и Красной Звезды, многими медалями, а также нагрудным знаком «Почетный сотрудник госбезопасности».

Ветераны внешней разведки, работавшие вместе с Владимиром Ивановичем в Центре и за рубежом, так вспоминают о нем:

«Высокий, крупный, энергичный, он никогда не оставался незамеченным ни в коридорах Центра, ни в дипломатических гостиных зарубежных городов. Если попробовать кратко определить существо Владимира Ивановича, то, пожалуй, самое подходящее для этого слово – уверенность. Уверенность в своей правоте, уверенность в исключительной нужности и важности дела, которому он служил».

И сейчас талантливый разведчик Владимир Иванович Вертипорох занимает почетное место в истории отечественной внешней разведки.

Командир нелегалов Юрий Дроздов

Выход в 2000-м году книги Юрия Ивановича Дроздова «Записки начальника нелегальной разведки» приоткрыл завесу таинственности не только на работе рядового разведчика-нелегала, но и на деятельности всего этого подразделения, которым он руководил с 1979 по 1991 год.

Юрий Иванович 35 лет прослужил во внешней разведке, пройдя путь от оперативного уполномоченного до руководителя Управления. Причем все эти годы он продолжал оставаться активным оперативным работником. Он был и кузеном Абеля (Фишера), когда выручал его из американской тюрьмы, и нацистским бароном фон Хоэнштейном, инспектором Клейнертом…

Юрий Иванович Дроздов

Юрий Дроздов родился 19 сентября 1925 года в Минске в

семье профессионального военного, офицера царской и Красной Армии, перед Великой Отечественной войной – преподавателя военного училища в Харькове. Учился в Харьковской специальной артиллерийской школе, которая после нападения Германии на СССР была переведена в Актюбинск. Летом 1944 года окончил 1-е Ленинградское артиллерийское училище, располагавшееся в городе Энгельсе. Воевал на 1-м Белорусском фронте командиром взвода в противотанковой артиллерии. Участвовал в штурме Берлина.

Интересен путь Ю. И. Дроздова в нелегальную разведку. Но сперва остановимся на некоторых этапах жизненного пути разведчика в его собственном изложении:

«Родился я в 1925 году в Минске. Наш дом № 8 до сих пор стоит на Советской: второй подъезд, первая квартира направо, на первом этаже.

Мой отец русский, мать белоруска. Крепко засел в моей памяти дед по матери Кузьма Панкевич. После революции он служил сторожем на Лепельском кладбище. Его избушка в одну комнату почти вплотную примыкала к кладбищенской роще. Дед был молчалив, по-настоящему стар и прожил более 90 лет. Для меня он – как дед Талаш из «Дрыгвы» («Трясина») Якуба Коласа: простой, добрый, отзывчивый и несгибаемый человек.

Моя мать, Анастасия Кузьминична Дроздова (Панкевич) – дочь садовника помещичьего сада под Лепелем, что в Белоруссии. Она окончила гимназию, секретарские курсы, работала машинисткой на английской бумажной фабрике в Переславле-Залесском, а затем, после Гражданской войны, – в секретариате тогдашнего НКВД Белоруссии.

Отец, Иван Дмитриевич Дроздов, был офицером русской армии. В Гражданскую войну перешел к красным и воевал в дивизии Чапаева.

С матерью они познакомились во время похода Красной Армии на Варшаву. Там, в районе Лепеля, он находился в одной из воинских частей, где, кстати, служили Жуков и Рокоссовский.

Начало Великой Отечественной войны застало нашу семью в Харькове. Я к тому времени был уже курсантом специальной артиллерийской школы. С началом боевых действий курсантов этой школы направили на танкоремонтный завод помогать ремонтировать танки, прибывавшие с фронта. В 1944 году, после подготовки в 1-м Ленинградском артиллерийском училище, в неполные девятнадцать лет, младшим лейтенантом был направлен командиром взвода в одну из гвардейских дивизий 1-го Белорусского фронта. Войну закончил в Берлине и продолжал служить в Германии, затем в Прибалтийском военном округе,

дослужившись до звания капитана и должности помощника начальника штаба артиллерийского полка».

В 1952 году Ю. И. Дроздов поступил на учебу в Военный институт иностранных языков в Москве. С большим интересом изучал немецкий и английский языки, специальные дисциплины. После окончания института в 1956 году был переведен из кадров Советской Армии в Комитет государственной безопасности, а уже в августе 1957 года он вместе с семьей выехал в Берлин в аппарат Уполномоченного КГБ при СМ СССР при МГБ ГДР, который возглавлял в то время генерал Александр Михайлович Коротков. Принимал непосредственное участие в операции по обмену разведчика-нелегала В. Г. Фишера (Р. И. Абеля) на американского летчика Ф. Пауэрса.

Так началась новая жизнь кадрового офицера, разведчика-нелегала Дроздова. Рассказывать о его оперативном пути подробно нет необходимости – он описан во многих статьях и книгах, в том числе и самого Юрия Ивановича. Можно лишь отметить, что помимо непосредственно нелегальной работы и длительного руководства нелегальным подразделением в Центре ему довелось возглавлять «легальные» резидентуры внешней разведки в Китае и Нью-Йорке, а также руководить по линии КГБ штурмом дворца Амина в Кабуле (декабрь 1979 года).

В мае 1991 года Юрий Иванович вышел в отставку по возрасту.

Генерал-майор Дроздов был награжден орденами Октябрьской Революции, Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны I степени, многими медалями, а также нагрудными знаками «Почетный сотрудник госбезопасности» и «За службу в разведке».

Вадим Кирпиченко

Вадим Алексеевич Кирпиченко был одним из немногих людей в нашей стране, кто неоднократно встречался с семью (!) директорами Центрального разведывательного управления США. Будучи профессиональным разведчиком, он хорошо знал сильные и слабые стороны «рыцарей плаща и кинжала» из Лэнгли.

Вадим Кирпиченко родился 25 сентября 1922 года в Курске.

Вадим Алексеевич Кирпиченко

По окончании средней школы перед юношей встал вопрос о выборе дальнейшего пути. Время было суровое, в Европе уже полыхала Вторая мировая война. В 1940 году он добровольно вступил в Красную Армию. Служил в десантных войсках, воевал в составе 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии.

Старший сержант Кирпиченко освобождал Венгрию, Австрию, Чехословакию. Среди боевых наград – медаль «За отвагу» и орден Отечественной войны I степени. Демобилизовался в 1946 году.

В 1947 году Кирпиченко поступил на учебу в Московский институт востоковедения (отделение арабского языка), который окончил в 1952 году. На недавнего фронтовика, секретаря партийной организации института пристальное внимание обратили кадровики. Незадолго до окончания учебы ему предложили поступить на службу в разведку органов государственной безопасности. С 1 сентября 1952 года начались его занятия в специальной разведшколе № 101, которая в настоящее время является Академией внешней разведки.

После окончания разведывательной школы в 1953 году Кирпиченко был принят на работу в Восточный отдел внешней разведки, а на следующий год выехал в служебную командировку в Египет в качестве заместителя резидента. На древней земле фараонов ему предстояло провести более пяти лет. То, что относительно молодой оперработник был сразу назначен на столь ответственную, к тому же руководящую должность, объяснялось рядом причин. Главная из них – начавшаяся в то время реорганизация органов государственной безопасности, включая разведку. Перед каирской резидентурой стояла задача разобраться в том, что представлял собой новый режим Гамаль Абдель Насера. Необходимо было также регулярно информировать Центр о политике США, Англии и Франции в отношении Египта и об их действиях в арабском мире и Африке в целом.

Задачи, как видим, были всеобъемлющими и далеко не простыми. Однако молодой оперработник успешно справился с возложенной на него миссией. Об этом, в частности, свидетельствуют материалы экспозиции Зала истории внешней разведки, в которой оперативным делам Кирпиченко в Каире отведено видное место. Ему пришлось принимать непосредственное участие в налаживании контактов между советским руководством и новым египетским лидером.

В Москву по различным каналам поступала информация о том, что у Насера не сложились отношения с главами западных держав, отказывавшихся продавать ему оружие и финансировать сооружение высотной Асуанской плотины. В мае 1956 года в Каир прибыл секретарь ЦК КПСС Шепилов, который в настоятельной форме потребовал от посольства срочно организовать ему встречу с новым египетским лидером. Эту задачу удалось решить Кирпиченко, который задействовал свои связи среди участников организации «Свободные офицеры», приведшей Насера к власти.

Затем последовала тройственная агрессия Англии, Франции и Израиля против Египта, развязанная 29 октября 1956 года вслед за национализацией Суэцкого канала. Надо отметить, что эта агрессия не стала неожиданностью для каирской резидентуры, которая заблаговременно информировала Центр о возможном развитии событий. И в эти тревожные дни Кирпиченко активно работал, несмотря на ожесточенные бомбардировки израильской авиацией египетской столицы.

Секретная миссия в Египте обогатила оперативный багаж Кирпиченко, расширила его связи в дипломатических кругах. Достаточно сказать, что в апреле – мае 1958 года он сопровождал президента Гамаль Абдель Насера в его поездке в нашу страну, переводил его беседы с советским лидером Н. С. Хрущевым.

В 1960 году служебная командировка в Египет завершилась. Вадим Кирпиченко возвратился в Москву и стал работать в центральном аппарате разведки. Два года спустя последовало новое назначение, на этот раз – резидентом в Тунис. Здесь он пробыл до августа 1964 года. Перед Кирпиченко были поставлены задачи по поддержанию связей с Временным революционным правительством Алжира, руководившим национально-освободительной борьбой своего народа против французских колонизаторов. И снова – встречи, контакты, бессонные ночи, телеграммы в Центр.

В 1967 году Кирпиченко назначается руководителем африканского отдела внешней разведки. А в 1970 году вновь направляется в Египет, уже в качестве резидента. И на этот раз ему предстояло пережить еще одну арабо-израильскую войну. Вторая командировка в Египет была также весьма успешной. Основываясь на разведывательной информации, резидентуре удалось предупредить Москву о подготавливаемом Анваром Садатом разрыве дружеских связей с СССР, переориентации внешней политики Египта на США, о подготовке к войне с Израилем.

В те времена советские руководители не очень жаловали внешнюю разведку, особенно если ее информация не совпадала с мнением Кремля. О Садате же в Кремле сложилось мнение как о верном друге Советского Союза и продолжателе курса Насера. Над головой Кирпиченко, чья информация шла вразрез с этим мнением, сгустились тучи, и только дальнейшее развитие событий, полностью подтвердившее прогнозы резидентуры, разрядило эту атмосферу.

После завершения очередной командировки в Египет Кирпиченко в 1974 году был назначен руководителем управления нелегальной разведки. Одновременно он становится

заместителем начальника советской внешней разведки.

В 1979 году Вадим Кирпиченко назначается на должность первого заместителя начальника внешней разведки и на этом посту служит до 1991 года. Такое редкое для внешней разведки долголетие в столь важной должности объясняется в первую очередь его профессиональной компетентностью, богатым и разносторонним опытом оперативной работы, незаурядными способностями организовать деятельность коллектива в самых различных точках земного шара и в самой различной обстановке, включая кризисную.

В 1991 году в связи с преобразованием разведслужбы КГБ в Службу внешней разведки (СВР) России генерал-лейтенант Кирпиченко назначается руководителем Группы консультантов СВР. Он выступает с докладами и лекциями на международных конференциях и семинарах по истории разведки и ее деятельности в новых условиях, встречается с молодыми разведчиками, писателями, журналистами. Руководит творческими коллективами по созданию шеститомной монографии «Очерки истории российской внешней разведки» и серии телевизионных фильмов о работе внешней разведки в предвоенные и военные годы. Он автор многих статей и очерков по проблемам разведки, опубликованных в российских и зарубежных средствах массовой информации, трех книг мемуаров, переведенных на ряд иностранных языков.

В 1979 году судьба забросила генерал-лейтенанта Кирпиченко в Афганистан. Его пригласил к себе начальник разведки В. А. Крючков и сообщил, что в этой стране назревают важные события. Кому-то из руководителей главка необходимо было выехать в Кабул для тщательного изучения обстановки, уточнения наших возможностей и проведения подготовительной работы, связанной с возможным изменением ситуации в этой стране.

Кирпиченко вылетел в Кабул в начале декабря 1979 года. «Не думал, что когда-либо еще после демобилизации я вновь встречусь со своей дивизией, – рассказывал он. – Но это случилось 26 декабря 1979 года в Афганистане, куда я был направлен в качестве представителя КГБ для изучения обстановки накануне ввода в эту страну советских войск. Было принято решение взять штурмом дворец афганского диктатора Амина. На кабульском аэродроме высадилась воздушно-десантная дивизия. Я выехал туда вместе с командирами разведывательно-диверсионных групп «Каскад», которые прикомандировывались к дивизии. При встрече командир дивизии представился по всей форме:

– Командир 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии генерал-майор Рябченко.

Познакомившись с комдивом, я спросил у него, почему он не назвал свою дивизию полным титулом: «Краснознаменная, ордена Кутузова 2-й степени». Рябченко удивился:

– А вы-то откуда это знаете?

– В этой дивизии мне пришлось воевать и закончить военнуюслужбу».

Так, 33 года спустя, состоялась встреча разведчика с молодостью.

А вообще-то за долгие годы работы в разведке у Вадима Алексеевича подобных встреч было немало. Приходилось общаться с главами иностранных государств и правительств, с советскими руководителями, министрами, дипломатами. Каждая такая встреча оставляла след в памяти.

В 1997 году Вадим Алексеевич вышел в отставку. Но он, по-прежнему, оставался в строю. До своего последнего дня Кирпиченко являлся Главным консультантом Службы внешней разведки, передавал свой богатый жизненный и оперативный опыт новому поколению разведчиков.

За образцовое выполнение служебного долга генерал-лейтенант Кирпиченко был награжден орденами «За заслуги перед Отечеством» 4-й степени, Ленина, Октябрьской Революции, двумя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны I степени, Красной Звезды, «Знак Почета», многими медалями, 8 иностранными орденами, а также нагрудными знаками «Почетный сотрудник госбезопасности» и «За службу в разведке». За особые заслуги перед внешней разведкой его имя было занесено на Доску почета Службы внешней разведки Российской Федерации.

Выйдя в отставку, Вадим Алексеевич продолжал руководить авторским коллективом «Очерков истории российской внешней разведки». Он являлся лауреатом Премии СВР России в области литературы и искусства, почетным гражданином города Курска.

Генерал-лейтенант Вадим Алексеевич Кирпиченко скончался 3 декабря 2005 года.

Леонид Шебаршин

30 марта 2012 года выстрелом из наградного пистолета в висок покончил с собой один из последних начальников советской внешней разведки генерал-лейтенант Леонид Владимирович Шебаршин. Его смерть вызвала множество слухов в российском обществе, поскольку Леонид Шебаршин был одним из самых осведомленных высших руководителей КГБ.

Покинув пост «шефа» советской внешней разведки в сентябре далекого уже 1991 года, Л. В. Шебаршин посвятил себя литературному труду. Именно тогда он написал свою первую книгу «Рука Москвы», ставшую итогом длительного, вдумчивого размышления об особенностях профессии разведчика вообще и советского в частности, о сути разведки как таковой. Литературный дебют автора сразу привлек внимание широкого круга читателей. Книга, увидевшая свет в довольно суровый период истории нашего Отечества и отличавшаяся абсолютной правдивостью, а также авторской независимостью от каких-либо внешних факторов, оказалась не подвластна времени.

Леонид Владимирович Шебаршин

Примечательно, что сам автор незадолго до своего ухода из жизни признавался в кругу своих близких друзей, что он «верен всем тем характеристикам событий и людей, которые вошли в его первое произведение».

Напомним читателю в нескольких словах о жизненном и оперативном пути одного из последних руководителей советской внешней разведки органов государственной безопасности.

Леонид Владимирович родился 24 марта 1935 года в московском районе Марьина Роща в рабочей семье. После окончания с серебряной медалью средней школы в 1952 году поступил на индийское отделение Института востоковедения. В связи с закрытием института в 1954 году был переведен в Московский государственный институт международных отношений, который окончил в 1958 году. Был распределен в Министерство иностранных дел и направлен на работу в советское посольство в Пакистане в качестве переводчика. Свободно владел английским языком, урду, фарси, хинди.

Во внешней разведке с 1962 года. По линии разведки находился в трех длительных загранкомандировках, пройдя путь от оперативного работника до резидента.

С 1983 года – на руководящих должностях в центральном аппарате разведки. В апреле 1987 года становится заместителем начальника внешней разведки (по странам Ближнего и Среднего Востока и Африки).

6 февраля 1989 года генерал-лейтенант Шебаршин был назначен руководителем советской внешней разведки. Одновременно являлся заместителем Председателя КГБ СССР.

Леонид Владимирович стал, по сути дела, первым кадровым сотрудником советской разведки, прошедшим все ступени оперативного роста, начиная с младшего оперативного работника, который занял в ней столь высокий пост. На его долю выпало руководить разведкой в последние годы существования Советского государства.

Генерал-лейтенант Кирпиченко, являвшийся первым заместителем начальника внешней разведки, по этому поводу писал:

«Леонид Владимирович Шебаршин являлся первым и единственным профессионалом в роли начальника советской разведки. Пройдя путь к руководящему креслу через все служебные ступени, он был способен видеть то, чего не могли разглядеть его предшественники. Л. В. Шебаршин реально, в деталях знал разведывательную работу. Политические процессы за рубежом и в нашей стране он не воспринимал ни в каком другом цвете, кроме натурального, хотя работать ему пришлось в тяжелый и нервный период, которому больше всего подходит известное в нашей истории определение “смутное время”. Трагический распад Советского Союза пришелся на последние дни пребывания Л. В. Шебаршина на посту начальника разведки».

От себя добавим, что как опытный аналитик и оперативный сотрудник, почти три десятилетия проработавший в разведке на различных, в том числе руководящих должностях, Шебаршин не мог не видеть назревавшего процесса распада Советского государства и роли в этом западных спецслужб.

В этих непростых условиях каждый из работавших с ним руководящих сотрудников Службы делал все возможное, чтобы сохранить ее потенциал, понимая, что при любом исходе событий внешняя разведка должна оставаться необходимым атрибутом государственного аппарата, защищающим национальные интересы страны от внешних угроз.

С 22 по 23 августа 1991 года Л. В. Шебаршин временно исполнял обязанности Председателя КГБ СССР.

Генерал-лейтенант Шебаршин был награжден орденами Красного Знамени и Красной Звезды, многими медалями, а также нагрудными знаками «Почетный сотрудник госбезопасности» и «За службу в разведке».

22 сентября 1991 года вышел в отставку. С декабря 1991 года являлся президентом Российского национального агентства экономической безопасности.

В одном из интервью, отвечая на вопрос: «Зачем нам нужна разведка?», Леонид Владимирович, в частности, подчеркивал:

«Разведка – инструмент, с помощью которого человек проникает в то, что другой человек пытается скрыть. Возможно и более широкое толкование разведки – выяснение обстоятельств, которые благоприятствуют или препятствуют осуществлению того или иного действия, связанного с риском для замышляющего…

Разведка должна иметь четко определенные цели для того, чтобы работать эффективно. Постановка целей для разведки – прерогатива и обязанность высшего руководства страны. Эти цели вытекают из политических и экономических задач, стоящих перед государством. Чем энергичнее решаются эти задачи, тем результативнее работает разведывательная служба.

В этих условиях складывается четкий механизм обратной связи, поступающая информация побуждает творцов политики к действиям, эти действия, в свою очередь, требуют дополнительных данных. Разведка находится под постоянным контролем государственного руководства, с нее строго спрашивают за ошибки и упущения, но высоко оценивают успехи…

Десятилетиями мы следили за маневрами внешних сил, противников и партнеров, выявляли их тайные замыслы, подсказывали направления ответных ходов, вступали в острейшие схватки, несли потери. И всегда, в самых тяжелых обстоятельствах присутствовала мысль – за нами Отечество, мощное, неколебимое государствуо, за нами великий народ. Мы даже верили словам “бастион мира и прогресса”, а иногда “… мира и социализма”. Противник не осмелился брать бастионы штурмом. Он добивается своего измором и изменой.

Борьба за Отечество продолжается на новых рубежах. Она неизмеримо ближе к сердцу России. Доля вины за все происходящее лежит и на нас. Так нужно ли сегодня наше дело? Нужно. Необходимо».

Свои книги Леонид Шебаршин писал всю жизнь. В них нашли место дневниковые записи, зарисовки из путевых блокнотов о Пакистане, Индии, Иране, Афганистане, повествование о взаимодействии советской разведки с аналогичными службами

бывших «братских» стран: ГДР, Болгарии, Кубы.

С подлинной болью воспринял Леонид Шебаршин августовские события 1991 года, изменившие в его сознании представление о многих ценностях, которым он поклонялся с детства, и вызвавшие «крупнейшую геополитическую катастрофу XX века» – развал Советского Союза. И неудивительно, что в своих произведениях с позиций высокого профессионала своего дела он рассказывал о противостоянии советской разведки и западных спецслужб, а также о роли последних в крахе СССР и установлении новой политической системы в России.

Близкий друг Л. В. Шебаршина и его коллега по работе во внешней разведке генерал Николай Леонов подчеркивал:

«Уход из жизни Леонида Шебаршина вызван внезапно обрушившимся на него тяжелым нарушением кровообращения, вызвавшим полную потерю зрения и паралич нижних конечностей. Но этот обвал был подготовлен хронической, неизлечимой болезнью, не покидавшей Леонида Владимировича никогда. Эта болезнь называется ностальгией по утраченному великому прошлому нашего государства и горечью за его нынешнее бедственное положение.

До конца своих дней он оставался настоящим государственником, пламенным патриотом России».

Герой Российской Федерации Алексей Козлов

Алексей Михайлович Козлов родился в 1934 году в селе Опарино Опаринского района Кировской области. С полутора лет жил в Вологде, воспитывался у бабушки с дедом, так как у отца с матерью помимо него было еще трое детей. Мать Алексея работала бухгалтером в колхозе. Отец являлся директором МТС.

В 1941 году отец Алексея добровольно ушел в армию. Во время Великой Отечественной войны он был комиссаром танкового батальона в 5-й гвардейской армии, участвовал в битве на Курской дуге.

Алексей Михайлович Козлов

В 1953 году Алексей окончил с серебряной медалью

вологодскую среднюю школу и поступил в Московский государственный институт международных отношений. С первых дней учебы он поразил педагогов блестящим знанием немецкого языка, любовь к которому ему привил его школьный учитель. За институтские годы Алексей усовершенствовал немецкий язык «до родного» и освоил датский. На последнем курсе находился на языковой практике в Дании. В дальнейшем мог также свободно говорить на английском, французском и итальянском языках.

В 1959 году Козлову предложили работать во внешней разведке органов госбезопасности и стать разведчиком-нелегалом. После интенсивной подготовки он уже в конце 1962 года выехал на боевую работу за границу. Разведчику пришлось работать в ряде стран Западной Европы, Ближнего Востока и Африки. В первой половине 1970-х годов он начал работать по кризисным точкам: обосновавшись в одной из западноевропейских стран, выезжал для сбора информации в страны, с которыми СССР не имел дипломатических отношений или где возникали кризисные ситуации. Позже Алексей Михайлович отмечал, что за время нелегальной работы за рубежом ему довелось побывать в 86 странах на различных континентах. Неоднократно посещал он ЮАР, выполняя исключительно важные задания Центра.

В официальной справке, касающейся работы А. М. Козлова за рубежом и опубликованной писательницей Марией Арбатовой в книге «Испытание смертью, или Железный филателист», в частности, указывается: «Алексей Михайлович Козлов – советский разведчик, обнаруживший документальные подтверждения проведения ЮАР испытания собственной атомной бомбы в 1976 году совместно с Израилем и разработку обогащенного промышленного урана в оккупированной Намибии. Эти данные дали возможность СССР склонить США и ряд государств Западной Европы к усилению режима международных санкций против ЮАР. Результатом работы Алексея Козлова стало объявление эмбарго ЮАР всеми странами, что привело к смене правительства и отказу от ядерного оружия.

Благодаря работе Алексея Козлова, ЮАР стала первым государством, добровольно отказавшимся от ядерного оружия».

В 1980 году в результате предательства сотрудника советской внешней разведки Олега Гордиевского, уже тогда работавшего на западные спецслужбы, а в 1985 году сбежавшего в Лондон, Алексей Козлов был арестован в Йоханнесбурге. Ему сразу же сообщили, что он обвиняется в терроризме, а значит, не имеет права на адвоката, на связь с внешним миром и на получение любой информации.

Месяц Козлов провел во внутренней тюрьме контрразведки ЮАР в Претории, подвергаясь постоянным пыткам. Его пытали и днем, и ночью: били, не давали спать, каждый час выводя на проверку, оказывали мощное психологическое давление. В камере под потолком постоянно работал динамик, из которого доносились крики и стоны людей. Небольшого роста тщедушный следователь, важно восседавший за письменным столом на фоне огромного портрета Гитлера, прикрепленного к стене, в ходе ежедневных допросов требовал от разведчика «признаться во всем». Козлов стоял на своем: он немец и не понимает, в чем его обвиняют.

Затем последовали шесть месяцев пребывания в камере смертников в центральной тюрьме Претории. Каждую неделю по пятницам в пять утра в тюрьме проводились казни. Выводили на казнь и Козлова. «Обычно меня, вместе с двумя другими осужденными, ставили с петлями на шее над люками, – рассказывал автору Алексей Михайлович. – Неожиданно два люка опускались, и мои “соседи” падали вниз. А там находился тюремный врач, который делал повешенным контрольный укол в сердце. Я же стоял с веревкой на шее наверху и все это видел. Но и мой люк мог опуститься в любой момент. Затем меня отводили в камеру, а через некоторое время по коридору мимо моей двери, в которой зияла приличная дыра на месте оторванной заслонки смотрового глазка, проносили трупы казненных. И так повторялось несколько раз. Кормили в камере смертников так плохо и так мало, что еда по ночам снилась. Правда, как говорится, – с паршивой овцы хоть шерсти клок. Перед казнью осужденным выдавали приличный кусок курицы-гриль. Получал эту курицу перед предполагаемой казнью и я. Но апартеид – он и в тюрьме апартеид: чернокожему осужденному давали ровно половину порции белого. Все это время я был полностью изолирован от внешнего мира».

Прошло полгода, и охранники привели арестованного в кабинет начальника тюрьмы. За большим приставным столом сидели хозяин кабинета и двое мужчин в хорошо пошитых цивильных костюмах. На столе лежала какая-то газета. Незнакомцы представились сотрудниками ЦРУ и предложили Козлову приподнять газету. Под ней оказалась фотография разведчика. На оборотной стороне имелась надпись по-русски: «А. М. Козлов».

– Да, я советский офицер, сотрудник разведки. Но больше вы от меня ничего не услышите, – спокойно, но твердо заявил разведчик, повертев фотографию в руках.

1 декабря 1981 года Козлова перевели из камеры смертников

в одиночную камеру штрафного отделения тюрьмы. Она была такой же крохотной и такой же грязной, но в ней было зарешеченное окно, через которое светило солнце. И мимо двери камеры по пятницам больше не волокли трупы казненных.

В тот же день начальник тюрьмы сообщил арестанту, что накануне премьер-министр ЮАР Питер Виллем Бота официально объявил по местному телевидению и по радио, что в центральной тюрьме Претории находится под арестом советский разведчик Козлов. Это была хорошая новость – значит, в Центре узнают, что он жив. Действительно, в Центре сразу же об этом узнали и начали подготовку операции по вызволению разведчика. Козлову также установили ежедневные двадцатиминутные прогулки по внутреннему тюремному двору и… разрешили курить. Какое-либо общение с другими заключенными категорически запрещалось. Тем не менее по тюремному «сарафанному» радио быстро распространилась новость о переводе русского арестанта в штрафное отделение, и обитатели камер, мимо которых его выводили на прогулку, всячески поддерживали его криком и даже сообщали некоторые новости с воли.

В 1982 году Алексей Михайлович Козлов был обменян на одиннадцать человек – десять западных немцев, отбывавших наказание за шпионскую деятельность в тюрьмах ГДР, и одного генерала армии ЮАР, захваченного кубинцами в Анголе.

После четырех лет пребывания в Центре Козлов вновь выехал на боевую работу за границу, которая продолжалась десять лет. В Москву возвратился в 1997 году. До последних дней замечательный разведчик-профессионал активно встречался с молодыми сотрудниками внешней разведки, передавая им свой богатый жизненный и оперативный опыт.

В июне 1999 года Указом Президента России А. М. Козлову было присвоено почетное звание «Заслуженный сотрудник органов внешней разведки Российской Федерации».

За мужество и героизм, проявленные при выполнении специальных заданий полковнику Козлову Алексею Михайловичу в 2000 году было присвоено звание Героя Российской Федерации. Он был награжден орденами «За заслуги перед Отечеством» IV степени и Красной Звезды, многими боевыми медалями, а также нагрудными знаками «Почетный сотрудник госбезопасности» и «За службу в разведке».

Скончался Алексей Михайлович Козлов 2 ноября 2015 года.

Моррис Коэн

В галерее разведывательной славы нашей страны, ставшей для него второй родиной, Моррису Коэну принадлежит видное место. В военные и послевоенные годы он участвовал в добывании для Советского Союза информации о разработках атомной бомбы в США, а затем – о программах создания вооружений в Великобритании. Убежденный интернационалист, Коэн внес значительный вклад в установление ядерного паритета и делал все возможное, чтобы «холодная война» не переросла в «горячую».

Моррис Коэн

Моррис Коэн родился 2 июля 1910 года в Нью-Йорке в семье выходцев из России. Его отец был родом из-под Киева, а мать

родилась в Вильно. Еще в начале XX века семья Коэнов эмигрировала в США и поселилась в Нью-Йорке, в районе Ист-Сайда.

Учась в колледже, Моррис прославился как отличный игрок в регби. Семья была небогатой, и полученная юношей спортивная стипендия позволила ему поступить в Колумбийский университет, который он окончил в 1935 году. Работал преподавателем истории в средней школе. В 1936 году Моррис вступил в компартию США и начал активную деятельность в ее нью-йоркском территориальном отделении.

На массовом митинге в поддержку республиканской Испании, проходившем в мае 1937 года в Нью-Йорке, Моррис познакомился с молодой и красивой девушкой Лоной Петке. А двумя месяцами позже он уже был в Испании. Гражданская война в этой стране не оставила его равнодушным, и он отправился туда добровольцем.

Вначале Коэн был пулеметчиком, а затем – политическим комиссаром батальона Маккензи Панино в интернациональной бригаде имени Авраама Линкольна.

В октябре 1937 года в сражении при Фуэнтес-де-Эбро он был ранен в обе ноги и попал в госпиталь. После выздоровления Моррис Коэн продолжил участвовать в боевых действиях.

Отважный американец, ненавидевший фашизм, попал в Испании в поле зрения советской внешней разведки. В июле 1938 года Коэн дал согласие оказывать помощь советской внешней разведке в борьбе против нацистской угрозы. В ноябре того же года по решению Центра он выехал из Испании в США для работы в качестве связника нью-йоркской резидентуры советской внешней разведки.

По возвращении в Нью-Йорк Моррис сразу же позвонил Лоне… 4 июля 1941 года, в День независимости США, состоялась их свадьба. Лона догадывалась о связях мужа с советской разведкой и без колебаний согласилась помогать ему в его тайной деятельности.

Из воспоминаний ветерана разведки Юрия Соколова, работавшего в те далекие годы с Моррисом и Леонтиной в Нью-Йорке в ходе своей первой загранкомандировки и затем долгое время дружившего с ними:

«Моррис и Лона были неразделимы и как любящие супруги, и как друзья, и как соратники в разведывательной работе. Почти всегда, когда мы говорим о Моррисе, фактически имеем в виду обоих».

В 1942 году Моррис был мобилизован в американскую армию и направлен в Европу. Участвовал в боевых действиях против фашистов, в высадке союзных войск в Нормандии. Дошел до

Эльбы и закончил войну в чине капрала, имел боевые награды.

А Лона в военные годы продолжала активно сотрудничать с советской разведкой.

В ноябре 1945 года Моррис Коэн демобилизовался из армии и возвратился в США. В декабре того же года с ним была восстановлена связь. Начался новый этап в работе разведчиков. Коэны обеспечивали конспиративную связь с рядом ценных источников нью-йоркской резидентуры, причастных к разработке американского ядерного оружия.

Из воспоминаний Юрия Соколова:

«В работе Моррис отличался высочайшей надежностью. Кроме блестящих аналитических способностей он обладал спокойным характером и завидной выдержкой. Я никогда не видел его сердитым или раздраженным. Любую напряженность он мог снять своей доброй улыбкой, убедительностью доводов.

Для меня Моррис был и как старший брат, и как добрый советчик. Я постоянно чувствовал с его стороны и понимание, и поддержку в новой, непривычной для меня на первых порах обстановке. В то же время Моррис внимательно прислушивался к моим советам и рекомендациям, понимая, что они диктуются деловыми соображениями и заботой о его безопасности».

В начале 1949 года Коэны были включены в состав резидентуры разведчика-нелегала Вильяма Фишера, ставшего впоследствии известным всему миру под именем полковника Рудольфа Абеля, и проработали с ним почти два года. В конце 1950 года они были выведены из США в Советский Союз. Более трех лет находились Коэны в Москве.

В 1954 году руководством внешней разведки было принято решение направить супругов Коэн в Англию в качестве связников-радистов нелегальной резидентуры, которую возглавил другой знаменитый советский разведчик-нелегал Конон Трофимович Молодый, работавший в этой стране под видом канадского бизнесмена Гордона Лонсдейла.

В Англию Коэны прибыли с паспортами на имя новозеландских бизнесменов Питера и Хелен Крогеров. Супруги приобрели небольшой дом в двух километрах от базы ВВС Нортхолт под Лондоном, где оборудовали радиоточку для связи с Москвой, и вскоре начали регулярно передавать в Центр сведения особой важности. С 1955 по 1960 год резидентура Лонсдейла успешно добывала и передавала в Москву в большом количестве весьма ценную секретную документальную информацию Адмиралтейства Великобритании и военно-морских сил НАТО, касавшуюся, в частности, английских программ разработки вооружений, в том числе – ракетного оружия,

получившую высокую оценку советских специалистов.

Однако в связи с предательством резидентура Лонсдейла была раскрыта. 7 января 1961 года разведчики были арестованы.

На судебном процессе в Лондоне в знаменитом уголовном суде высшей инстанции Олд Бейли, который начался 13 марта 1961 года, Лонсдейл взял все на себя, утверждая, что Крогеры ничего не знали о его разведывательной деятельности. Несмотря на то, что суду не удалось доказать причастность Крогеров к работе на советскую разведку, 22 марта Питер и Хелен были приговорены к 20 годам тюремного заключения. А днем позже, 23 марта, Гордон Лонсдейл был приговорен к 25 годам тюремного заключения.

Во время ареста, следствия и судебного процесса Крогеры вели себя стойко и мужественно и не выдали противнику никаких секретов.

В августе 1969 года британские власти согласились обменять Крогеров на арестованного в Москве агента английских спецслужб Джеральда Брука и двух его соотечественников, отбывавших наказание в СССР за контрабанду наркотиков (советский разведчик Конон Молодый – Гордон Лонсдейл был обменян в 1964 году на арестованного ранее в Москве сотрудника британских спецслужб Гревилла Винна).

Ее Величество Королева Великобритании Елизавета II подписала 23 сентября 1969 года соответствующий указ.

На другой день после подписания указа, 24 октября 1969 года, супруги были освобождены из английских тюрем, а уже 25 октября прибыли в Москву. В начале 1970 года они были приняты в советское гражданство.

Условия конспирации до сих пор не позволяют рассказать о многих операциях, в которых участвовал Моррис Коэн, находясь на разведывательной работе в США и Англии. Однако о качестве его работы свидетельствует такой факт: за конкретные результаты он был награжден орденами Красного Знамени и Дружбы народов, медалями, а также нагрудным знаком «За службу в разведке». А 20 июля 1995 года последовал указ о присвоении Моррису Коэну звания Героев России.

До последних дней жизни Коэн продолжал трудиться в нелегальной разведке. Он выполнял специальные задания, выезжал в различные европейские страны для организации встреч с разведчиками-нелегалами, принимал участие в подготовке молодых сотрудников.

23 июня 1995 года Морриса Коэна не стало. В день его похорон одна из российских центральных газет писала: «Он любил Россию страстно и оптимистично».

Воин-интернационалист Александр Голубев

В целях поощрения военнослужащих органов внешней разведки Российской Федерации за их профессиональные заслуги и многолетний добросовестный труд Президент Российской Федерации издал 28 мая 1997 года Указ об установлении почетного звания «Заслуженный сотрудник органов внешней разведки Российской Федерации». Этим же Указом утверждены положение о почетном звании «Заслуженный сотрудник органов внешней разведки Российской Федерации» и описание нагрудного знака к почетному званию.

В положении о почетном звании «Заслуженный сотрудник органов внешней разведки Российской Федерации» говорится: почетное звание «Заслуженный сотрудник органов внешней разведки Российской Федерации» присваивается военнослужащим органов внешней разведки Российской Федерации за особые заслуги в деле защиты безопасности страны от внешних угроз.

Александр Титович Голубев

Удостоенным этого почетного звания вручается нагрудный знак и удостоверение (орденская книжка), подписанное Президентом Российской Федерации. Таким образом, почетное звание «Заслуженный сотрудник органов внешней разведки Российской Федерации», являясь государственной наградой, стало одновременно высшей формой профессионального отличия для сотрудников Службы внешней разведки России.

В июне 1999 года Президентом Российской Федерации был подписан Указ о присвоении почетного звания «Заслуженный сотрудник органов внешней разведки Российской Федерации» первым четверым наиболее отличившимся сотрудникам СВР России. Одним из первых этого высокого звания был удостоен генерал-лейтенант Александр Титович Голубев.

Александр Голубев родился 9 февраля 1936 года в крестьянской семье в белорусской деревне Похомлевичи, что в Липельском районе Витебской области. В послевоенные годы он в стужу и жару, в снег и дождь за несколько километров ходил в

школу, а в свободное от занятий время помогал семье на пашне и в огороде.

Отец Александра Голубева – белорус, уроженец деревни Похомлевичи, беспартийный, имел среднее образование, занимался сельскохозяйственным трудом. В начале Великой Отечественной войны ушел на фронт и погиб в августе 1944 года. Мать после гибели мужа одна воспитывала двух сыновей. Скончалась в 1989 году.

После окончания средней школы в 1955 году Александр был призван в армию и проходил действительную военную службу на кораблях Балтийского флота. Отслужив срочную службу, он по просьбе матери поехал в Северную Осетию, чтобы помочь проживавшей там ее одинокой сестре. Устроился учеником фрезеровщика на завод автотракторного электрооборудования в городе Орджоникидзе. Активно занимался общественной работой. Был избран членом горкома ВЛКСМ.

Люди с активной жизненной позицией нужны были в местных органах государственной безопасности, куда Голубев и был принят на работу в 1959 году. В том же году он поступил на учебу в Ленинградский институт иностранных языков Комитета государственной безопасности. После его расформирования в 1960 году продолжил учебу в Москве на факультете иностранных языков Высшей Краснознаменной школы КГБ им. Ф. Э. Дзержинского. Изучал персидский и английский языки.

Окончив Высшую школу в 1964 году, Голубев работал оперуполномоченным, затем старшим оперуполномоченным Управления КГБ при Совете Министров Северо-Осетинской АССР. Выполнял специальные задания в Ираке, Кувейте и Иране. В 1967 году был награжден медалью «За трудовое отличие». В 1971 году повышен в должности до начальника отделения.

В середине 1971 года Александр Голубев был переведен в Москву и направлен на работу во внешнюю разведку. Вскоре выехал в долгосрочную зарубежную командировку. Являлся оперативным работником резидентуры КГБ СССР в стране со сложной оперативной обстановкой.

В 1975–1981 годах – на руководящих должностях в контрразведывательном подразделении центрального аппарата внешней разведки. Выполнял интернациональный долг в Афганистане, являясь руководителем боевой группы, принимавшей непосредственное участие в штурме дворца Амина.

Из воспоминаний одного из членов группы Голубева:

«…И вот, наконец, наступил этот день – 27 декабря 1979 года. Уже с вечера мы знали, что сегодня будет операция. А потом был бой… Во дворе лежали убитые, с трудом передвигались раненые.

…Началась эвакуация. Грузовик был полностью загружен. Ближе к кабине на металлическом полу лежали убитые и тяжело раненные. Остальные сидели, привалившись к бортам, друг к другу. Нас с Сашей подсадили, закрыли за нами борт. Машина тронулась. В это время вдруг откуда-то появился наш Титыч. Он увидел меня и Сашу, сидящих у заднего борта, и закричал:

– Саша! Валера! Ребята! Что с вами?

А мы с Сашкой, не сговариваясь, закричали:

– Титыч! Забери нас! Оставь нас здесь!

– Ребята, нельзя! Надо в госпиталь… Все будет хорошо, я с вами.

Дорога пошла под уклон, водитель прибавил скорости, и Александр Титович отстал. Откуда-то сбоку вырулила БМП и резко затормозила. Титыч залез в открывшийся люк, БМП яростно газанула, качнулась и пошла вслед за нами. Через некоторое время бронемашина нас обогнала и пошла впереди…»

Так завоевывался авторитет руководителя одного из подразделений внешней разведки. Его и сейчас в разведке почти все зовут почтительно «Титыч».

С 1981 по 1987 год Голубев являлся резидентом внешней разведки в одной из восточных стран.

После возвращения из долгосрочной загранкомандировки Голубев был назначен начальником отдела контрразведывательного подразделения Службы. В 1989–1991 годах возглавлял самостоятельный отдел внешней разведки. В декабре 1990 года ему было присвоено воинское звание генерал-майора.

5 мая 1991 года был создан Российский республиканский комитет государственной безопасности во главе с Виктором Иваненко, бывшим заместителем начальника Инспекторского управления КГБ СССР. На другой день, 6 мая, протокол о создании КГБ РСФСР подписали Председатель Верховного Совета РСФСР Б. Ельцин и Председатель КГБ СССР В. Крючков. Начальником Управления внешней разведки КГБ РСФСР был назначен генерал-майор Голубев.

Дальнейшая профессиональная судьба Александра Титовича оказалась тесно связана с реорганизацией советской внешней разведки на рубеже 90-х годов ушедшего столетия: распад Советского Союза, смена экономического и идеологического курса. Распад СССР повлек за собой и распад его спецслужб. Каждое из молодых независимых государств пожелало иметь собственные разведку и контрразведку. Для советской разведки настало сложное время: на практике она была, а государства практически уже не было. Нужно было в переходный период

иметь российскую разведку, входившую в состав российской спецслужбы. И такая спецслужба Указом Президента России от 26 ноября 1991 года была создана: Агентство федеральной безопасности (АФБ) России. В его рамках вопросами внешней разведки должно было заниматься Главное управление разведки АФБ. И руководить этим подразделением российской разведки в такой критической ситуации назначили белоруса Александра Титовича Голубева.

В этом качестве в декабре 1991 года он выступал с докладом на конференции «Разведка и демократия» в Софии. Представителей западных спецслужб в то время очень интересовал вопрос, как будут складываться взаимоотношения разведок вновь образовавшихся на бывшей территории СССР стран. И Голубев отвечал твердо и убежденно: «Работать друг против друга мы не будем».

После распада Советского Союза Голубев возглавил самостоятельный отдел Службы внешней разведки Российской Федерации. В 1993–1997 годах он являлся начальником одного из Управлений СВР России. В декабре 1993 года ему было присвоено воинское звание генерал-лейтенанта. С июня 1997 года до выхода в отставку в октябре 2001 года он являлся старшим консультантом Группы консультантов СВР России.

Сегодня разведслужбы стран СНГ связывают тесные партнерские отношения, закрепленные алма-атинским соглашением 1992 года и рядом двухсторонних договоров о сотрудничестве. И большой вклад в налаживание тесных контактов между разведками стран СНГ, между их ветеранскими организациями, а также общественными организациями ветеранов афганской войны вносит Александр Титович Голубев.

За особые заслуги в деле обеспечения безопасности нашей страны генерал-лейтенант Голубев награжден орденами «За военные заслуги», Почета, Красного Знамени, Красной Звезды, «Знак Почета», многими медалями, орденами и медалями ряда зарубежных государств, а также нагрудными знаками «Почетный сотрудник госбезопасности» и «За службу в разведке». Указом Президента России от 28 июня 1999 года ему было присвоено почетное звание «Заслуженный сотрудник органов внешней разведки Российской Федерации».

На протяжении 15 лет А. Т. Голубев являлся председателем Совета ветеранов СВР. Деятельность Совета ветеранов СВР по воспитанию молодых сотрудников и оказанию содействия руководству Службы в решении служебных и социально-бытовых вопросов неизменно получала высокую оценку в общественных объединениях ветеранов России. Активная общественная работа

генерал-лейтенанта Голубева была отмечена Почетным дипломом Президента Российской Федерации.

В настоящее время А. Т. Голубев является почетным председателем Совета ветеранов СВР. Он продолжает активно работать в Управлении кадров Службы, возглавляя группу по военно-патриотическому воспитанию сотрудников. Ветеран представляет СВР во многих общественных комитетах и комиссиях России.

Приказом Директора СВР от 7 мая 2002 года имя Александра Титовича Голубева занесено на Доску почета Службы «за особые заслуги перед внешней разведкой России и значительный вклад в дело обеспечения безопасности Родины».

«Женский фактор» в разведке

О роли в разведке «женского фактора» споры не утихают на протяжении многих лет. Большинство обывателей, далеких от этого вида деятельности, считает, что разведка – не женское дело, что эта профессия – чисто мужская, требующая мужества, самообладания, готовности пойти на риск, принести себя в жертву ради достижения поставленной цели.

Разными путями женщины приходят в разведку. Но выбор их в качестве оперативных работников или агентов, конечно же, не бывает случайным. Особенно тщательно осуществляется отбор женщин на нелегальную работу. Ведь офицеру нелегальной разведки мало хорошо владеть иностранными языками и основами разведывательного искусства. Он должен уметь вжиться в роль, быть своего рода артистом, чтобы сегодня, например, выдавать себя за аристократа, а завтра – за священника. Стоит ли говорить о том, что большинство женщин владеет искусством перевоплощения лучше, чем мужчины?

Замечательная советская разведчица-нелегал, более двадцати лет проработавшая в особых условиях за границей, Галина Ивановна Федорова рассказывала в этой связи:

«Некоторые полагают, что разведка – не самая подходящая деятельность для женщины. В противоположность “сильному полу” она более чувствительна, хрупка, легко ранима, теснее привязана к семье, домашнему очагу, сильнее предрасположена к ностальгии. Самой природой ей предназначено быть матерью, поэтому отсутствие детей или длительная разлука с ними переживаются ею особенно тяжело. Все это так, но те же “маленькие слабости” женщины дают ей мощные рычаги воздействия в сфере человеческих взаимоотношений».

Почему приветствуется служба женщин в разведке? Специалисты сходятся на том, что женщина более наблюдательна, у нее сильнее развита интуиция, она любит «копаться» в подробностях, а в них, как известно, «кроется сам дьявол». Женщины усидчивее, терпеливее, методичнее, нежели мужчины. А если к этим качествам добавить и их внешние данные, то любой скептик будет вынужден признать, что женщины по праву занимают достойное место в рядах разведслужб любой страны, являясь их украшением. Порой женщинам-разведчицам поручается проведение операций, связанных, в частности, с организацией встреч с агентурой в тех районах, где появление мужчин, исходя из местных условий, крайне нежелательно.

На вопрос, какими главными качествами должна, по ее мнению, обладать разведчица, одна из ветеранов внешней разведки Зинаида Николаевна Батраева ответила: «Отличной физической подготовкой, способностями к изучению иностранных языков и умением общаться с людьми».

И сегодня даже, к сожалению, довольно редкие публикации в средствах массовой информации, посвященные деятельности женщин-разведчиц, убедительно свидетельствуют о том, что и в этой специфической сфере человеческой деятельности представительницы «прекрасного пола» ни в чем не уступают мужчинам, а кое в чем и превосходят их. Как учит история разведывательных служб мира, женщина великолепно справляется со своей ролью, являясь достойным и грозным противником мужчины в том, что касается проникновения в чужие тайны.

И в заключение приведем выдержки из лекций одного из ведущих в свое время американских контрразведчиков Чарльза Росселя, прочитанных им зимой 1924 года в Нью-Йорке на сборах офицеров разведки армии США. С той поры прошло более 90 лет, но его советы актуальны для сотрудников спецслужб любой страны и по сей день.

Совет контрразведчикам:

«Женщины-разведчики являются самым опасным противником, причем их всего труднее изобличить. При встрече с подобными женщинами вы не должны позволять симпатии или антипатии влиять на ваше решение. Такая слабость может иметь для вас роковые последствия».

Совет разведчикам:

«Избегайте женщин. С помощью женщин было поймано много хороших разведчиков. Не доверяйте женщинам, когда вы работаете на территории противника. Имея дело с женщинами, никогда не забывайте играть взятую на себя роль…»

Основное правило поведения разведчика:

«Остерегайтесь женщин! История знает много случаев, когда женщины способствовали поимке разведчиков-мужчин. Вы должны обращать внимание на женщину только в том случае, когда подозреваете, что она является агентом службы разведки или контрразведки противника, и то лишь при уверенности, что вполне владеете собой».

Вспомним некоторых выдающихся сотрудниц советской внешней разведки, внесших значительный вклад в ее деятельность.

Зоя Воскресенская-Рыбкина

Зоя Воскресенская… У людей послевоенного поколения это имя вызывает трепетные школьные ассоциации: «программные» книги о Володе Ульянове и его семье, повести и рассказы о советских детях – пионерах и октябрятах.

Почти до последних дней своей жизни Зоя Ивановна была известна у нас в стране только как детский и юношеский писатель – лауреат Государственной и ряда литературных премий, лауреат премии Ленинского комсомола, автор книг, переведенных на многие языки, как теперь говорят – ближнего и дальнего зарубежья. Ее книги были изданы немыслимым тиражом: 21 миллион 642 тысячи экземпляров. И лишь самые близкие люди и коллеги по работе знали, что Зоя Ивановна, прежде чем стать знаменитым писателем, двадцать пять лет прослужила в советской внешней разведке. Ее боевыми товарищами были Василий Зарубин, Павел Фитин, Георгий Мордвинов, Павел Журавлев, Павел Судоплатов и многие другие разведчики, имена которых давно уже стали легендой не только в нашей, но и в большинстве иностранных секретных служб.

Зоя Ивановна Воскресенская-Рыбкина

Зоя Воскресенская родилась 28 апреля 1907 года на станции Узловая Бочаровского уезда Тульской губернии в семье железнодорожного служащего, помощника начальника станции. Детство провела в городе Алексине. В октябре 1920 года отец Зои скончался. Она была вынуждена зарабатывать, чтобы помочь матери содержать многочисленную семью.

В 1921 году, в четырнадцать лет, Зоя начинает работать библиотекарем в 42-м батальоне войск ВЧК Смоленской губернии. Затем она служила в штабе Частей особого назначения (ЧОН) Смоленской губернии, была политруком-воспитателем в колонии малолетних преступников в селе Старожище под Смоленском, находилась на комсомольской работе. В конце 1928 года Воскресенская переехала из Смоленска в Москву, а в августе 1929 года была направлена комсомолом на работу в Иностранный отдел ОГПУ.

В начале 1930 года Воскресенская была командирована на разведывательную работу в Харбин. Занимая скромную должность секретаря советского нефтяного синдиката

«Союзнефть» в Харбине, Зоя Ивановна в течение двух лет успешно выполняла ответственные задания Центра во время острейшей борьбы на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД).

Позже в облике знатной баронессы, роскошно одетая Воскресенская появлялась на улицах Риги, в городах и поместьях старой Латвии. Затем судьба разведчицы перебросила Зою Ивановну в Центральную Европу – в Германию и Австрию, а через некоторое время на север – в Финляндию и Швецию. В последних двух странах она провела большую часть своей закордонной разведывательной жизни.

На работу в Финляндию Воскресенская выехала в 1935 году в качестве заместителя резидента. К этому времени она уже имела значительный опыт разведывательной работы, быстро познакомилась со страной и вошла в дела резидентуры. В начале 1936 года на должность резидента внешней разведки в Финляндии прибыл Борис Аркадьевич Рыбкин – к тому времени весьма именитый разведчик. Поначалу у нового резидента и его заместителя взаимоотношения не сложились. Но уже через полгода они запросили Центр разрешить им пожениться. Москва дала добро. Так Зоя Воскресенская стала Рыбкиной. В Финляндии она осуществляла связь с нелегальными сотрудниками советской внешней разведки и с агентурой, собирала информацию, в том числе о планах Германии в отношении этой страны. Для решения разведывательных задач неоднократно выезжала в Швецию, а также в Норвегию, где координировала работу нелегальной разведывательной группы. А ее муж Борис Аркадьевич по личному указанию Сталина установил секретные контакты и вел весьма деликатные переговоры с высшим руководством Финляндии. Военный конфликт с Финляндией вынудил супругов Рыбкиных покинуть Хельсинки.

После возвращения в Москву в 1939 году Воскресенская-Рыбкина занялась аналитической работой, став одним из основных аналитиков в разведке (специальное аналитическое подразделение в разведке было создано лишь в 1943 году). К ней стекались разведданные от знаменитой «Красной капеллы» – группы антифашистов, действовавшей в гитлеровской Германии. Именно Зоя Ивановна подготовила известную аналитическую записку для И. В. Сталина, в которой утверждалось, что нападения Гитлера на Советский Союз можно ожидать в любой момент.

С первых дней Великой Отечественной войны Воскресенская-Рыбкина являлась сотрудницей Особой группы, возглавляемой заместителем начальника внешней разведки генералом П. А. Судоплатовым. Особая группа занималась подбором,

организацией, обучением и переброской в тыл врага диверсионных и разведывательных отрядов. Воскресенская-Рыбкина, в частности, стала одним из создателей первого партизанского отряда.

Она была также причастна к созданию и заброске в тыл противника одной из первых разведывательных групп, которая, кстати, работала под необычным, церковным прикрытием. Разведгруппа оперативно выполняла задания Центра. Разведчики налаживали связи с населением, выявляли пособников оккупантов, собирали материалы о численности и расположении немецких штабов, складов и баз с военным имуществом, вели учет прибывающих пополнений. Собранные сведения немедленно передавались в Центр через заброшенную к ним радистку-шифровальщицу. Результаты работы разведгруппы были более чем убедительными. Кроме переданных в Центр шифрованных радиодонесений, разведчики выявили 2 резидентуры и более тридцати агентов, оставленных гестапо в тылу советских войск, составили подробное описание мест тайных складов гитлеровского оружия.

Каждый из сотрудников Особой группы тоже готовился к тому, чтобы в любой момент направиться за линию фронта. Готовилась к этому и Зоя Ивановна, разучивая роль сторожихи на переезде у маленькой железнодорожной станции, находившейся в тылу у немцев. Однако судьба распорядилась по-другому.

Муж Зои Ивановны – Борис Рыбкин – проходил в это время подготовку для разведывательной работы в Швеции. Он должен был туда выехать советником посольства и резидентом. Руководством разведки было принято решение направить вместе с ним и Зою Ивановну. Так, в конце 1941 года супруги оказались в Стокгольме.

Официально Воскресенская-Рыбкина значилась пресс-атташе советского посольства, которое возглавляла знаменитая Александра Коллонтай. По линии разведки она являлась заместителем резидента. Сбор разведывательной информации, активная вербовочная работа, поддержание контактов с участниками антифашистского сопротивления в ряде европейских стран – таков неполный круг оперативных вопросов, которыми пришлось заниматься разведчице в Швеции. Не будет преувеличением, если мы скажем, что во многом благодаря усилиям разведчиков Рыбкиных Швеция до конца войны так и осталась нейтральной, а Финляндия до срока вышла из гитлеровской коалиции.

В марте 1944 года супруги Рыбкины возвратились в Москву. Борис Аркадьевич курировал заброску нелегальной агентуры и

разведывательно-диверсионных групп в оккупированные немцами страны Восточной Европы. Зоя Ивановна занималась аналитической работой.

После окончания войны Зоя Ивановна Воскресенская-Рыбкина работала начальником немецкого отдела внешней разведки.

27 ноября 1947 года муж Зои Ивановны, начальник одного из ведущих оперативных отделов внешней разведки полковник Борис Аркадьевич Рыбкин, погиб под Прагой при исполнении служебных обязанностей.

Весной 1953 года, когда полковнику Воскресенской-Рыбкиной до пенсии оставалось немногим более года, умер Сталин. В конце августа 1953 года арестовали начальника Четвертого управления НКВД генерал-лейтенанта Судоплатова, с которым Воскресенская-Рыбкина долгое время работала в разведке и который был ее непосредственным начальником в Особой группе в первые месяцы войны. На отчетно-выборном партийном собрании, где ее выдвигали в партком управления внешней разведки, Зоя Ивановна выступила в защиту своего товарища и сказала о нем добрые слова.

На следующий день после выступления на собрании Воскресенской-Рыбкиной объявили, что она увольняется «по сокращению штатов». До пенсии, как мы уже отмечали, Зое Ивановне оставалось проработать около года. Ее направили в распоряжение ГУЛАГа. Полковнику Воскресенской-Рыбкиной предложили поехать в Воркутинский лагерь для особо опасных преступников на должность начальника спецотделения, которую занимал старший лейтенант, ожидавший замены. Она дала согласие.

В 1955 году Зоя Ивановна вышла в отставку и занялась литературной деятельностью.

Ратный и писательский труд Зои Ивановны Воскресенской-Рыбкиной был отмечен высокими наградами Родины: орденами Ленина, Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны, двумя орденами Красной Звезды, многими медалями. В апреле 1940 года она была награждена нагрудным знаком «Заслуженный работник НКВД».

8 января 1992 года Зоя Ивановна скончалась.

Полковник Африка

Свои донесения в Центр Африка де Лас Эрас подписывала оперативным псевдонимом «Патрия», что в переводе с испанского означает Родина. Этот псевдоним был выбран ею не случайно. Для нее, испанки по происхождению, Советский Союз стал второй родиной.

Более 45 лет эта мужественная, самоотверженная женщина отдала работе в советских органах государственной безопасности. Большую часть из них она находилась за кордоном, на самом ответственном и опасном направлении внешней разведки – на работе в нелегальных условиях.

Африка де Лас Эрас

Африка де Лас Эрас Гавилан родилась 26 апреля 1909 года в городе Сеуте (Испанское Марокко). В свое время отец Африки –

опальный испанский офицер – был отправлен в ссылку в Марокко за свои оппозиционные настроения по отношению к существовавшему в Испании режиму. Необычное имя – Африка – отец дал дочери в благодарность к африканскому континенту, приютившему его с семьей. Не последнюю роль в этом сыграло и то, что в Сеуте находился католический собор святой Африки.

До 1923 года Африка училась в Мадриде в колледже «Святое Сердце Иисуса», затем продолжила образование в монастырской школе в городе Мелилья. Отрочество оборвалось внезапно, со скоропостижной смертью отца. В середине 1933 года она переезжает в Испанию, работает в Мадриде на текстильной фабрике, вступает в ряды коммунистической партии и вскоре принимает участие в подготовке восстания горняков в провинции Астурия. Выполняет самые опасные поручения: распределяет оружие и осуществляет связь между различными отрядами восставших. После подавления восстания более года находится на нелегальном положении, в глубоком подполье.

С началом гражданской войны в Испании в 1936 году Африка ушла на фронт и сражалась на стороне республиканцев, была делегатом компартии Испании в правительстве Народного фронта.

В 1937 году в Испании Африка начала сотрудничать с советской внешней разведкой, выполняла ее специальные задания в различных странах. До сих пор операции, в которых она принимала участие, носят гриф секретности. Можно лишь констатировать, что информация, которую Африка передавала в Москву, являлась исключительно важной.

В 1938 году Африка была нелегально выведена в Советский Союз и получила советское гражданство. В мае 1942 года она с отличием окончила курсы радистов и была направлена в формировавшийся разведывательно-диверсионный отряд «Победители» под командованием Дмитрия Медведева, который действовал с сентября 1942 по апрель 1944 года в Сарненских лесах под Ровно. Не раз приходилось Африке участвовать в боевых операциях отряда, проявлять смелость и отвагу при выполнении заданий командования. За ней прочно закрепилась репутация одной из лучших радисток отряда.

За выполнение боевых задач и активное участие в партизанском движении в годы войны Африка была награждена орденами Отечественной войны II степени и Красной Звезды, а также медалями «За отвагу» и «Партизану Отечественной войны» I степени.

Летом 1944 года Африка возвратилась в Москву, где ей было сделано предложение о переходе на работу в нелегальное

подразделение внешней разведки. Она дала на это свое твердое согласие. После интенсивной специальной подготовки Африка вновь, теперь уже в мирное время, оказалась на активной боевой работе.

В январе первого послевоенного года Африка на автомашине была переброшена из Берлина в Париж, где вскоре сумела надежно обосноваться. В 1947 году Центр принял решение направить ее на разведывательную работу в западное полушарие – в одну из стран Латинской Америки. А уже в декабре 1948 года она выехала в страну назначения, в которой ей суждено было осесть на долгие 20 лет. Все это время разведчица успешно выполняла ответственные задания по сбору и передаче в Центр ценной разведывательной информации. Ей удалось первой в данном регионе установить и поддерживать постоянную двустороннюю радиосвязь с Центром.

За достигнутые результаты в работе, проявленные при этом инициативу и настойчивость Африка была награждена вторым орденом Красной Звезды и второй медалью «За отвагу».

В мае 1956 года Африка, находившаяся уже более восьми лет на боевой работе в Латинской Америке, получила из Центра радиограмму, в которой сообщалось, что к ней в качестве резидента направляют «итальянского товарища».

Итальянец Джованни Антонио Бертони был опытным разведчиком. В начале Великой Отечественной войны он выполнял задания в тылу у немцев. Затем находился на нелегальной работе в Италии и Мексике. В 1956 году возглавил нелегальную резидентуру, в которой трудилась Африка.

В начале июня 1956 года произошла встреча разведчиков-нелегалов. Вскоре, согласно выработанной в Москве оперативной легенде-биографии, они стали мужем и женой.

Сама Африка ничего из ряда вон выходящего в этом решении Центра не видела, поскольку интересы дела всегда стояли у нее на первом месте. Не задумываясь, она согласилась с поступившим от руководства предложением и заключила брак с незнакомым ранее человеком.

Хотя Африка и Бертони создали семейную пару по воле Москвы, чтобы способствовать выполнению поставленных перед ними важных разведывательных задач, их брачный союз оказался счастливым. Разведчики-нелегалы прожили вместе в полном согласии дружной семьей восемь лет.

За годы совместной работы разведчиков-нелегалов эффективность разведывательной деятельности резидентуры существенно повысилась.

1 сентября 1964 года полковник Джованни Бертони

скоропостижно скончался. Африка глубоко переживала смерть мужа, бывшего ей другом, руководителем, боевым товарищем. И все же потеря не сломила разведчицу. Похоронив мужа на чужбине, она продолжала активно работать еще три года. Осенью 1967 года Африка де Лас Эрас покинула страну, где проработала почти 20 лет.

Знаменитый советский разведчик Джордж Блейк как-то подчеркнул, что сотрудник разведки – это человек, который ставит интересы своей страны выше личных. Эти слова можно полностью отнести к Африке де Лас Эрас и Джованни Бертони. Интересы вновь обретенной родины стали основой их деятельности в советской разведке. Они выполняли ответственные задания Центра, и ни разу не усомнились в необходимости и важности своей работы.

С возвращением в Москву работа в нелегальной разведке для Африки не закончилась. Еще трижды ей пришлось выезжать в загранкомандировки для выполнения важных заданий, которые Центр не мог поручить никому другому.

С 1971 года Африка активно участвовала в воспитании молодого поколения разведчиков-нелегалов, передавая им свой поистине бесценный опыт.

В марте 1976 года Указом Президиума Верховного Совета СССР за особые заслуги перед Родиной полковник Африка де Лас Эрас была награждена орденом Ленина, а в мае 1985 года в связи с 40-летием Победы – орденом Отечественной войны I степени. Вышла в отставку только в 1985 году. Было ей… 76 лет. Однако связи с разведкой не теряла до последнего дня.

Скончалась Африка 8 марта 1988 года. В этот день руководители разведки должны были вручить ей нагрудный знак «Почетный сотрудник госбезопасности».

Леонтина Коэн

15 июня 1996 года Указом Президента Российской Федерации за успешное выполнение специальных заданий по обеспечению государственной безопасности в условиях, сопряженных с риском для жизни, проявленные при этом героизм и мужество звание Героя России было посмертно присвоено замечательной советской разведчице-нелегалу Леонтине Коэн.

Несколько ранее, 20 июля 1995 года, такого же высокого звания был посмертно удостоен другой легендарный советский разведчик-нелегал Моррис Коэн – муж и боевой товарищ Леонтины.

Леонтина Коэн

Леонтина Тереза Коэн (в девичестве – Петке) родилась в Массачусетсе (США) 11 января 1913 года в семье польских эмигрантов. До 13 лет училась в школе, а затем была вынуждена бросить учебу и начать зарабатывать на жизнь. Работала

домработницей, официанткой, продавщицей, трудилась на фабрике кожаных изделий, на кондитерской фабрике. С 15 лет Лона, как ее звали друзья и близкие, стала принимать участие в работе прогрессивных групп и организаций, являлась профсоюзной активисткой, а в 1936 году вступила в ряды компартии США.

Со своим будущим мужем Моррисом Коэном Лона познакомилась там, где по логике и должна была познакомиться – на антифашистском митинге. Смелый молодой человек, боец интербригады в Испании покорил сердце Лоны. 4 июля 1941 года состоялась их свадьба. Лона догадывалась о связях мужа с советской разведкой и без колебаний согласилась помогать ему в его тайной деятельности.

Из характеристики на Леонтину Коэн, направленной нью-йоркской резидентурой в Центр в ноябре 1941 года:

«В процессе ознакомительной беседы с женой “Луиса” (оперативный псевдоним Морриса Коэна) у оперработника сложилось о ней благоприятное впечатление… Ей в полной мере присущи качества, необходимые для закордонного источника, – она красива, смела, умна, обладает удивительным свойством располагать к себе собеседника…».

Из воспоминаний Морриса Коэна:

«Я тогда долго не мог решиться, привлекать или не привлекать Лону к сотрудничеству с советской разведкой. Я, конечно, понимал, что играть в прятки не имело смысла. А тем более мне к тому времени уже сообщили о принятом в Москве решении, согласно которому я и Лона могли вместе выполнять задания Центра. Я прекрасно понимал, что хорошая супружеская пара – это наилучший вариант для ведения совместной разведывательной работы».

Супружеская пара разведчиков поддерживала связь между нью-йоркской резидентурой и ее источниками. Импульсивная эмоциональность Леонтины, ее любовь к риску, достойно уравновешивались холодной рассудительностью, осторожностью Морриса.

В 1942 году Моррис был мобилизован в американскую армию и направлен в Европу. А Лона в военные годы продолжала активно сотрудничать с советской разведкой, проводя рискованные операции по сбору информации по «Манхэттенскому проекту» – разработке в лабораториях ядерного центра в Лос-Аламосе первой в мире американской атомной бомбы. И когда 16 июля 1945 года над пустыней Нью-Мехико поднялся гриб атомного взрыва, основные данные, касающиеся устройства бомбы и материалов, примененных в ее конструкции, уже

находились в распоряжении советских ученых. Особая роль в этом принадлежала Леонтине Коэн.

…Лос-Аламос являлся закрытым городком со строжайшим режимом секретности. Проживали там только научные работники да больные, лечившие легкие. И еще те, кто непосредственно создавал атомную бомбу. Сотрудникам ядерного центра разрешалось покидать городок лишь раз в месяц, в одно из воскресений. Как в таких условиях получить материалы, подготовленные источником для передачи в Москву? Решить эту задачу было поручено Лоне.

Она выехала на курорт Альбукерк, расположенный неподалеку от Лос-Аламоса. Для обеспечения личной безопасности запаслась свидетельством нью-йоркского врача, удостоверяющим необходимость прохождения курса лечения легких в этой курортной зоне. Поселилась на окраине городка, сняла комнату и начала готовиться к разведывательной операции.

Встреча с источником информации была назначена на воскресенье у храма в центре Альбукерка. И здесь Лоне пришлось поволноваться: источник пришел только на четвертое воскресенье. Ждать целый месяц, находясь вблизи засекреченного объекта! А произошла банальная история – источник перепутал дату встречи. Наконец встреча состоялась. Обмен паролями, получение ценнейших секретных документов, и можно трогаться в обратный путь. Однако судьба приготовила для Лоны еще одно испытание.

На вокзале в Альбукерке, уже при посадке в поезд, сотрудники ФБР неожиданно организовали тщательную проверку пассажиров и их багажа. Лона не растерялась. Сымитировав насморк, она достала коробку с бумажными салфетками, в которой были спрятаны полученные от источника документы, и вытащила из нее салфетку. И когда ее вещи начали осматривать, сунула эту коробку прямо в руки одному из проверяющих, а сама начала рыться в сумочке в поисках билета. Билет «нашелся», когда поезд уже готов был тронуться. Лону в спешке подсадили в вагон, и проверяющий машинально, на ходу возвратил ей «забытую» коробку, так и не проверив ее. Через некоторое время ценнейшие документы были уже в Центре.

В ноябре 1945 года Моррис Коэн демобилизовался из армии и возвратился в США. Начался новый этап в работе разведчиков. Супруги Коэны продолжали обеспечивать конспиративную связь с рядом ценных источников нью-йоркской резидентуры, причастных к разработке американского ядерного оружия.

Обстановка в США тем временем становилась для работы разведчиков все более неблагоприятной. Особенно после подъема

волны маккартизма, закрытия советского генерального консульства в Нью-Йорке в 1948 году и ухудшения отношений между США и СССР. Все это заставило нью-йоркскую резидентуру значительно повысить уровень средств обеспечения безопасности связи и ужесточить требования к их соблюдению. Центр принял решение о передаче Коэнов на связь нелегалу.

В начале 1949 года Коэны были включены в состав резидентуры разведчика-нелегала Вильяма Фишера, ставшего впоследствии известным всему миру под именем полковника Рудольфа Абеля, и проработали с ним почти два года. В конце 1950 года они были выведены из США в Советский Союз. Более трех лет находились Коэны в Москве. Здесь Леонтина прошла дополнительную специальную подготовку для работы радистом-шифровальщиком.

В 1954 году руководством внешней разведки было принято решение направить супругов Коэн в Англию в качестве связников-радистов нелегальной резидентуры Конона Трофимовича Молодого, работавшего в этой стране по документам на имя канадского бизнесмена Гордона Лонсдейла.

В Англию Коэны прибыли с паспортами на имя новозеландских бизнесменов Питера и Хелен Крогеров. С 1955 по 1960 год резидентура Лонсдейла успешно добывала и передавала в Москву в большом количестве весьма ценную секретную документальную информацию Адмиралтейства Великобритании и военно-морских сил НАТО, касавшуюся, в частности, английских программ разработки вооружений, в том числе – ракетного оружия, получившую высокую оценку советских специалистов.

Однако в связи с предательством резидентура Лонсдейла в конце 1960 года была раскрыта. 7 января 1961 года разведчики были арестованы.

Следует подчеркнуть, что супругам всегда было присуще такое важное качество, как беспредельная верность делу, которому они посвятили свою жизнь. МИ-5 (английская служба безопасности – контрразведка) неоднократно предлагала, особенно в первое время их заключения, предоставить им свободу, а также возможность вести спокойную и обеспеченную жизнь в одной из стран Британского Содружества в обмен на согласие сотрудничать и сообщить информацию о своей работе и работе других лиц на советскую разведку. И каждый раз Питер и Хелен решительно отвергали подобные предложения и даже вообще отказывались встречаться с представителями МИ-5.

В августе 1969 года британские власти согласились обменять Крогеров на арестованного в Москве агента английских

спецслужб Джеральда Брука и двух его соотечественников, отбывавших наказание в СССР за контрабанду наркотиков. 24 октября 1969 года супруги были освобождены из английских тюрем, а уже 25 октября прибыли в Москву. В начале 1970 года они были приняты в советское гражданство.

Леонтина Коэн за конкретные результаты в работе была награждена орденами Красного Знамени и Дружбы народов, медалями, а также нагрудным знаком «За службу в разведке». А позже последовал и указ о присвоении ей звания Героя России, с которого мы начали рассказ об этой замечательной разведчице.

До последних дней жизни Леонтина продолжала трудиться в нелегальной разведке: выполняла специальные задания, выезжала в различные страны для организации встреч с разведчиками-нелегалами, принимала участие в подготовке молодых сотрудников.

23 декабря 1992 года Леонтины Коэн не стало.

Елена Чебурашкина

Студентка московского института иностранных языков красавица Лена Чебурашкина была страстно влюблена в Италию и мечтала посвятить ей всю свою жизнь. Она усиленно постигала итальянский язык, чтобы в подлиннике читать произведения великих Петрарки и Данте. Но в послевоенные годы эта страна продолжала оставаться для Советского Союза противником, хотя и побежденным. Неожиданно для Лены ее почти несбыточная мечта стала реальностью.

Выдержка из личного дела оперработника:

«Чебурашкина Елена Николаевна, сотрудник МИД СССР, она же – оперативный работник внешней разведки КГБ СССР «Надежда».

Год рождения – 1927.

Образование: институт иностранных языков и высшие курсы КГБ СССР. Свободно владеет итальянским, французским и английским языками.

Воинское звание – подполковник.

Более 15 лет выполняла задания особой государственной важности в Италии».

Елена Николаевна Чебурашкина

Елена родилась 15 апреля 1927 года в семье бывшего чекиста. Ее отец – Николай Игнатьевич Чебурашкин – был большевиком с дореволюционным стажем, вступившим в партию в шестнадцать лет. Принимал активное участие в революционном движении в Москве: во время московского восстания его отряд брал городскую почту. Уже в девятнадцать лет являлся сотрудником по особым поручениям при Ф. Э. Дзержинском. Проработав в органах госбезопасности с десяток лет, он попросился на учебу и был направлен в Промакадемию. После завершения учебы находился на руководящих должностях в советской промышленности.

Окончив среднюю школу, Елена поступила в Московский институт иностранных языков. Училась она блестяще, в совершенстве овладела тремя иностранными языками. В 1949 году, получив диплом с отличием, намеревалась продолжить обучение в аспирантуре. Однако ее пригласили на Лубянку и сказали, что очень нуждаются в ее знаниях. Так Елена попала в разведку.

Молодую сотрудницу определили в информационное подразделение внешней разведки. Она занималась переводами и обработкой важных документов, которые поступали в Центр от ценных источников, и готовила их для доклада руководству страны.

Через несколько лет обширные знания Елены и уже накопленный опыт потребовались в другом месте. В 1955 году Чебурашкину перевели в «географическое» подразделение разведки, и она стала готовиться к командировке в Италию.

В начале 1956 года «Надежда» (оперативный псевдоним разведчицы) оказалась в Вечном городе. В резидентуре она была единственной женщиной-оперработником. Резидент внешней разведки сразу же ей сказал: «Ты нам очень нужна. Будешь заниматься оперативной работой, встречаться с нашими помощниками-женщинами».

Первое указание резидента было вполне конкретным: изучить досконально город. В этой связи посещение достопримечательностей Рима стало для «Надежды» оперативной обязанностью. Все свободное от работы в посольстве время она с наслаждением бродила по городу, стала завсегдатаем музеев и выставок. Изучая живописные римские кварталы, она подыскивала наиболее удобные места для проведения тайниковых операций или встреч с источниками. Вскоре «Надежда» уже знала итальянскую столицу гораздо лучше, чем Москву.

Но для того чтобы заниматься политической разведкой, одних только знаний города, литературы и искусства страны пребывания разведчику недостаточно. И «Надежда» углубленно изучала различные политические документы, выступления итальянских руководителей, смотрела кинохронику довоенного и военного периодов, пытаясь понять, почему Италия во время войны оказалась самым верным союзником фашистской Германии, каковы национальные особенности ее внешней политики, в чем причины ее активного партнерства с США в рамках НАТО.

Приезд разведчицы на Апеннинский полуостров совпал с началом «холодной войны». В 1949 году Италия одной из первых объявила о готовности вступить в Организацию Североатлантического договора (НАТО). Ее территория превратилась в один из ключевых плацдармов для развертывания американской военной мощи в Западной Европе. Именно Италии в Пентагоне отводилась основная роль при реализации широкомасштабных планов нанесения превентивных ядерных ударов по Советскому Союзу.

Следует напомнить, что еще 4 сентября 1945 года Объединенный разведывательный комитет США в своем меморандуме № 329 поставил целью «отобрать приблизительно 20 наиболее важных целей, пригодных для стратегической атомной бомбардировки в СССР и на контролируемой им территории». А в меморандуме Объединенного комитета начальников штабов США № 1518, датированном 9 октября 1945 года, указывалось, что основой превентивной ядерной войны против СССР должно стать уничтожение его военно-стратегического потенциала.

После создания 4 апреля 1949 года военного союза НАТО составленный в том же году план «Дропшот» предусматривал уничтожение уже 100 наших городов. Затем последовали и другие «перспективные» планы.

«Нас Италия интересовала прежде всего, как страна – член НАТО, – рассказывала Елена Николаевна. – Основной задачей нашей разведки было попытаться снизить постоянно нараставшее распространение влияния США в этом регионе, особенно на Апеннинах. Безусловно, мы были заинтересованы в получении достоверной информации и о внутриполитической обстановке в стране, о перспективах развития отношений с Советским Союзом. Ведь в то время между нашими странами стали активно расширяться политические и, особенно, экономические связи».

Спустя некоторое время после приезда в Италию «Надежда» приступила к работе с одним из наиболее ценных источников римской резидентуры.

Вскоре «Надежду» уже можно было принять за настоящую итальянку. У нее, как у атташе по культуре посольства, появилась масса знакомых среди итальянцев. Разведчица становится постоянной клиенткой самых престижных магазинов итальянской столицы, совершает частые выходы на театральные постановки и модные дефиле.

«В силу своей работы, – подчеркивала Елена Николаевна, – мне необходимо было должным образом одеваться, не отличаться от местных женщин. Итальянцы прекрасно разбираются, во что вы одеты: купили ли вы, например, платье в дешевом магазине или в престижном бутике. Кроме того, я была единственной женщиной-дипломатом в советском посольстве. Поэтому и там не должна была пренебрегать своим внешним видом. Необходимо было иметь соответствующие туалеты для приемов, походов в театры, визитов в гости к иностранцам, а также для повседневной оперативной работы в городе».

«Надежда» работала в политической группе резидентуры, занималась, в основном, информационными вопросами:

обработка политической и другой поступавшей информации, инструктаж оперативных сотрудников к предстоящим встречам в городе, постановка задач в информационном плане, исходя из потребностей Центра и возможностей того или иного источника информации. Предоставим снова слово разведчице:

«Перед резидентурой была поставлена задача по сбору информации относительно дислокации на Апеннинском полуострове военных баз США и НАТО и их нацеленности на нашу страну. Мы получили сведения о том, что на побережье Италии разворачивается строительство нескольких военных баз. Из Центра поступило указание перепроверить и, по возможности, конкретизировать эту информацию, собрав наиболее полные сведения об этих базах. В этой связи резидентура разработала план по привлечению к сотрудничеству местной сотрудницы посольства одной из ведущих стран НАТО, от которой предполагалось получить необходимые данные. Через некоторое время план был полностью реализован: мы получили доступ к тщательно охраняемым секретным военным сведениям. Поставленное Центром задание было успешно выполнено».

Это задание имело непосредственное отношение к предстоявшему визиту Н. С. Хрущева в Соединенные Штаты Америки. На вопрос Госсекретаря США Дж. Фостера Даллеса о планах реформирования советских вооруженных сил, Никита Сергеевич ответил, что ему известно о размещении американских военных баз, в частности, в Италии и о деятельности 6-го флота США, штаб-квартира которого располагается неподалеку от Неаполя. Позже, в ходе встречи с глазу на глаз, он заявил помрачневшему Даллесу, что в ответ Советский Союз намерен увеличить количество своих ядерных ракет в Восточной Европе.

До сих пор Елена Николаевна хорошо помнит и другого источника ценной информации, с которым ей пришлось долгое время работать:

«Она проработала на советскую разведку более 15 лет. Скромная машинистка закрытого военно-технического учреждения, созданного американцами в Италии, передавала на встречах копии важных документов. Нередко это были копирки, которые она подкладывала под основной лист, печатая секретные документы. Потом, как выяснилось только одни эти копирки позволили ученым советской оборонной промышленности сэкономить многие сотни тысяч долларов».

Елена Николаевна Чебурашкина находилась в Италии в трех долгосрочных командировках, проработав там «под крышей» посольства в общей сложности более 15 лет, что даже для разведчика-мужчины выглядит солидным сроком. После

возвращения из своей последней командировки она продолжила службу в одном из самых закрытых подразделений внешней разведки. Ну, а всего она проработала в разведке 40 лет.

Сослуживцы-мужчины относились к ней с большим уважением и даже с некоторым трепетом. «Елена Чебурашкина – человек стальной воли, железной дисциплины и невероятного самоконтроля», – подчеркивал один из ее бывших руководителей, Другой коллега разведчицы, проработавший с ней многие годы, отмечал: «Елена Николаевна – удивительная женщина. Она обладает энциклопедическими знаниями, особым складом ума, умением воспринять проблему во всей ее совокупности и вычленить главное. Из массы заданий она всегда выделит то, которое наиболее приоритетно для данного момента и успешно его решит».

Разведчица и сегодня является одним из лучших специалистов по Италии. К ней часто обращаются за помощью и консультациями и молодые, и уже опытные сотрудники. В уютную квартирку на Фрунзенской набережной часто звонят и приходят коллеги-«итальянцы», с которыми она работала долгие годы в «поле» и в центральном аппарате. Она и по сей день остается сильным и волевым человеком, в жизни которого была чистая и искренняя любовь – любовь к Италии.